

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

и

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія *и* Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

Печатать позволяется

съ тѣмъ; чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги. Москва, 24 Августа, 1828.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ IX и X.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ,

Отрывокъ, составленный изъ

воз. „Воззванія Царя Іоанна Василіевича къ приглашеннымъ изъ городовъ людямъ и ко всему собравшемуся предъ Лобнымъ мѣстомъ народу“ . . . Изданное въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. II. № 37.

ик. Исторіи о Казанскомъ Царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія по двумъ старинымъ спискамъ (въ Санктпетербургѣ . . . . 1791 года).

кур. Исторіи Князя Великаго Московскаго . . . сочиненной Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ, рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Общества Отечественной Словесности при Казанскомъ Университетѣ.

лв. Лѣтописца Рускаго . . . изданнаго Н. Л. (Николаемъ Львовымъ) въ Санктпетербургѣ . . . 1792 года.

ник. Руской лѣтописи по Никонову списку . . . (въ Санктпетербургѣ . . . 1791 года).

совр. Софійскаго Временника (Москва . . . 1821).

царк. Царственной книги . . . (въ Санктпетербургѣ . . . 1769 года).

—— съ древняго на нынѣшнее нарѣчіе переведенный и объясненный примѣчаніями, въ коихъ употреблены:

арк. Атласъ Россійской Имперіи, состоящій изъ 52 картъ, изданный во градѣ Св. Петра въ лѣто 1796 е.

зяв. Землеописаніе Россійской Имперіи . . . Евдокима Зябловскаго (въ Санктпетербургѣ . . . 1810 года).

игг. Исторія Государства Россійскаго . . . изданія . . Слёниныхъ.

кан. (Рукописный чертежъ, изображающій) „расположеніе древняго города Казани, каковое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году, когда показаннымъ здѣсь образомъ обступлена Россійскимъ войскомъ и 2 го Октября тогожь года взята была, изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилѣжнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ, еще находимыхъ, малыхъ, покрытыхъ остатковъ собрано и при особливомъ краткомъ, но точномъ описаніи" (которое утратилось) „всего того, что во время осады и взятья дѣйствительно происходило, на свѣтъ выдано отъ Ю". (Юрія) „Ф." (Фонъ) „Каница" (бывшаго, въ старину, Директоромъ Казанской Гимназіи).

фукс. Краткая Исторія города Казани (изданная Господиномъ Ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета, Карломъ Ѳедоровичемъ Фуксомъ). Казань 1817 года.

Г. значитъ годъ, или годовое число, л-листъ, см-смотри, прим-примѣчаніе, N-нумеръ, гл-глава, к-карта, стр-страница, об-на оборотѣ, т. ж.-тамъ же.

Римскій цыфирь, поставленный при сокращеніи, означающемъ заглавіе книги, показываетъ часть или томъ, а Арабскій, листъ или страницу.

1549. (а) Въ Октябрѣ (1) Казанцы, предводительствуемые Аракъ Богатыремъ, пришли опустошать мѣста Галицкія; но Захарій Петровичь Яковлевъ, Намѣстникъ Костромскій, догнавъ непріятелей у рѣки Езовки, на Гусевомъ полѣ (2), истребилъ ихъ на голову, въ томъ числѣ и Арака, кромѣ значительнаго количества плѣнныхъ, коихъ отослалъ къ Государю. Зимою, Генваря 19, явились въ Москву послы (Короля Польскаго) Сигисмунда Августа (3) и предлагали (Царю) Іоанну (Василіевичу) о вѣчномъ мирѣ; но поелику оный не состоялся, то за-

---

(а) царк. ник. лв. подъ 7057 г. воз. 45, 46.

(1) Лѣтописи слѣдуютъ Индиктіонному лѣтосчисленію, начиная годъ съ 1 Сентября.

(2) царк. 150: „на Езовкѣ рѣчкѣ на полѣ на Гусевѣ" (все сіе намъ не извѣстно)... „и многихъ живыхъ ко Государю прислалъ и съ вестію Захарія ко Государю прислалъ Бѣляницу Зузина."

(3) царк. т. ж.: „Панъ Станиславъ Петровичь Кишка, Воевода Витебскій; да Панъ Янъ Юрьевъ сынъ Комаексской" (лв. IV, 207: „Комаевской") „Державца Ожской и Переломской, да Писарь Глѣбъ Есмановъ."

„отъ крови сей: ожидайте воздаянія.“ Потомъ, кланявшись всѣмъ и на всѣ стороны, продолжалъ говорить народу: „Люди Божіе „и Богомъ намъ дарованные! упрашиваю васъ „о вѣрѣ къ Нему и о любви къ намъ. Моя „юность, неопытность, безпомощность, и „неправды, противозаконныя безсудства, „лихоимство, сребролюбіе Бояръ и чинов„никовъ моихъ, причиною, что не можно „вознаградить нынѣ вашихъ обидъ, нало„говъ и разореній. Молю васъ забудьте враж„ды и притѣсненія свои, развѣ только есть „важное дѣло (9); но и въ немъ и въ дру„гихъ новыхъ дѣлахъ я, по мѣрѣ силъ мо„ихъ, буду судіею и оборонителемъ вашимъ; „стану истреблять несправедливости и воз„вращать похищенное.“ Того же дня Царь произвелъ Алексѣя Адашева въ Окольничіе (10)

---

(9) Т. ж.: „развѣ елико чево большего дѣла не вмѣсно.“

(10) Т. ж.: „и въ тои день пожаловалъ в околничие Алексѣя Адашева“; но въ послужномъ спискѣ старинныхъ чиновниковъ въ Россіи (Древней Россійской Вивліоѳики XX. 40, подъ 7063=1555 г.): „Окольничіе“ (пожалованы) . . . „Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ“; *Окольничій*, не описка ли вмѣсто *Ложничій*? Кур. 35. об: „Алексей Адашевъ Ложничей ево“ (Царя). Думаемъ еще, что Кур. 5. об: „*тогда*, убо глаголю, пріиде къ нему“ (Царю) „единъ мужъ Пресвитеръ чиномъ, имянемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новагорода Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзе заклинающе его страшнымъ Божіимъ имянемъ, еще къ тому и чудеса и аки бы явленіе отъ Бога повѣдающе ему, не вѣмъ аще истинны, бо пакъ ужасновеніе пущающе буйства его ради, для дѣтскихъ его неистовыхъ нравовъ, умыслилъ бы собѣ сіе, яко многажды и отцы повелѣваютъ

и сказалъ ему: „Алексѣй! изъ бѣдныхъ и „молодыхъ людей взятъ ты мною. Я слы„шалъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и для по„мощи души моей взыскалъ тебя выше мѣ„ры. Хотя на сіе и нѣтъ желанія твоего; „но я хочу даже и еще другихъ таковыхъ, „чтобъ утолили печаль мою и призрили на„родъ, Богомъ мнѣ порученный. Бери про„шенія у бѣдныхъ и обидимыхъ; разсмат„ривая, пекись о нихъ (11). Не страшись

слугамъ дѣтей ужасати, мечтательными страхи, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ, сице и ее мню блаженный малую узду присовокупляетъ благожизненія, еюже великое зло цѣлити умыслилъ"; л. 16: „съ нимъ соединяется во общеніе единъ благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, имянемъ Алексѣй Адашевъ; Цареви же той Алексѣй, въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ"; об: „что-же сіи мужіе два творятъ полезное землѣ оной опустошенной уже воистинну и зѣло бѣднѣ сокрушенной? приклониже уши и слушай со прилежаніемъ, се творятъ, сіе дѣлаютъ: главную доброту начинаютъ, утверждаютъ Царя и яко то Царя юнаго и во сладострастіяхъ и въ самовольствѣ, безъ отца воспитаннаго и презлите прелютаго и крови уже напившися всякіе, не токмо всѣхъ животныхъ, но и человѣческія, паче же и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ овыхъ отдѣляютъ отъ него, яже быша зѣло люты, овыхъ же уздаютъ и воздерживаютъ страхомъ Бога живаго. И чтоже еще посемъ придаютъ? наказуютъ опаснѣ благочестію." л. 7: „и присовокупляетъ" (Сильвестръ) „себѣ въ помощь Архіерея" (Митрополита) „онаго великаго града" (Москвы) „и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, Пресвитеромъ почтенныхъ, и возбуждаютъ Царя къ покаянію."

(11) воз. 46: „и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ."

„сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ на „себя почести и насильственно губящихъ „нищету; не вѣрь и ложнымъ словамъ бѣд„наго, оклеветывающаго напрасно бога„тыхъ, желающаго притворными слезами „оправдаться и внушить ложь (12); но ис„пытуй внимательно и, ужасаясь суда Бо„жія, доноси намъ истину.“ Избравъ судей безпристрастныхъ, Іоаннъ повторилъ имъ туже рѣчь (13) и началъ самъ, разъискивая, судить праведно.

1550. (а) Тогда вздумалъ онъ идти противу Утамышгирѣя и, разсудивъ на Совѣтѣ (14), послалъ Князей собирать войско: Димитрія Ѳеодоровича Бѣльскаго и Владиміра Ивановича Воротынскаго, Воеводъ Большаго полку, въ Суздаль; Передоваго полку: Петра Ивановича Шуйскаго въ Шую, Ва-

---

(12) Т. ж.: „хотящихъ ложными слезами неправедно оболгати и правымъ быти.“

(13) Т. ж.: „и глагола имъ ту рѣчь съ прещеніемъ.“ Здѣсь кстати замѣтить, что Кур. 8. об.: „и абіе за помощію Божею“ (послѣ Царскаго покаянія) „сопротивъ сопостатовъ возмогоша воинство Христіанское,“ то есть случился вторичный походъ противу Казанцевъ (см. ниже подъ 1550 г.); а какъ первые дни сего похода, Ноября 24 въ Воскресенье и Декабря 3 во вторникъ (см. ниже и царк. 155), были въ 1549 г.; слѣдственно и покаяніе случилось тогдаже. Не Августа ли 25 числа, въ день Рожденія Государя, когда послѣднему исполнилось 19 лѣтъ?

(а) царк. ник. лв. подъ 7058 г.

(14) царк. 153. 154: „Совѣтъ сотворяетъ со отцемъ своимъ Макаріемъ Митрополитомъ и съ братомъ своимъ со Княземъ Юрьемъ Васильевичемъ и со Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ Бояры.“

силія Өеодоровича Лопатина въ Муромъ; Правой руки: Александра Борисовича Горбатаго и Угличскаго Дворецкаго Василія Симеоновича Серебрянаго, въ Кострому; Лѣвой руки: Князя Михайла Ивановича Воротынскаго и Бориса Ивановича Салтыкова, въ Ярославль; Сторожеваго полку: Князей, Юрія Михайловича Булгакова и Юрія же Ивановича Кашина, въ Юрьевъ; а самъ, оставивъ брата своего (двоюроднаго) Владиміра Андреевича правителемъ Москвы, уѣхалъ Ноября 24 и прибылъ во Владиміръ 3 Декабря. Оттуда Государь послалъ Окольничаго Андрея Александровича Квашнина за Митрополитомъ, который, съ Епископомъ Крутицкимъ Саввою и Соборомъ своимъ, пріѣхавъ къ Іоанну, благословилъ его идти противу клятвопреступныхъ Казанцевъ (15). Черезъ нѣсколько дней, Декабря 20, Государь послалъ Боярина Василія Михайловича Юрьева и Окольничаго Өеодора Михайловича Нагова со снарядомъ (съ пушками) въ Нижній; приказалъ Хану (Касимовскому) Шейхалію, Султану (служивому) Едигеру и Воеводамъ, набирающимъ людей въ городахъ, прибыть въ Генварѣ туда же; и отправился Генваря 7 самъ въ означенный городъ (16), а изъ онаго пустился къ Каза-

(15) царк. 155: „благословилъ на земское дѣло на клятвопреступниковъ Казанцовъ.“

(16) царк. 156. 157 (ник. VII. 68): „а въ Нижній Градъ пришелъ Царь и Великій Князь Генваря 18 въ четвертокъ“; неправда: означенное число было тогда въ субботу. лв. IV. 215: „Генваря 23 въ чет-

ни и осадилъ ее. Расположившись у озера Кабана, онъ приказалъ встать противу города: Шейкалію, Большему и Передовому полкамъ, на Арскомъ полѣ (17); Султану Едигеру, Правой и Лѣвой рукѣ, также Сторожевому полку и осадному снаряду (18) на устьѣ Булака; другимъ орудіямъ у Поганаго озера (19); велѣлъ изготовить туры и дѣлать приступы. Множество людей побили съ обѣихъ сторонъ (20); но Казани не взяли. Настали сильные вѣтры, большіе дожди и чрезвычайная мокрота; не возможно было ни приступать, ни стрѣлять; малыя рѣчки испортило, и нѣкоторыя изъ нихъ прошли. Видя такое неудобство, Царь, Февраля 25, отступилъ (21) и взъѣхалъ съ 30

вертокъ," правильнѣе; но Ник. и Царк.: „а изъ Нижнева Новагорода пошелъ Царь и Великій Князь Генваря 23 въ четвертокъ."

(17) Мѣсто, называемое Арскимъ полемъ, къ сѣверовостоку отъ Казани, и озеро Кабанъ, существуютъ тамъ еще и нынѣ.

(18) ник. VII, 69: „и наряду болшему."

(19) Тинистая рѣка Булакъ, протекая изъ Кабана Казанью, падаетъ въ рѣку Казанку. ник. VII, 69: „а другому наряду велѣлъ стати противъ города" (крѣпости) „у Поганаго озера." Имя сего истребилось: нынѣ два озера, посреди Казани, называются Банное (ближе ко крѣпости) и Черное.

(20) царк. 158: „а множество много людей на обѣ страны побито. А въ городѣ изъ пушекъ" (осаждающіе) „убили Царевича Меньшицына" (младшей Ханши) „сына, да Крымца Челбака Князя."

(21) царк. т. ж.: „теплоты ради наряду будетъ большаго вести не льзя назадъ съ нарядомъ велѣлъ передъ собою итти и Большому полку и Лѣвой рукѣ и Сторожевому полку."

только воинами на круглую гору у рѣки Свіяги. Мѣсто сіе ему понравилось; онъ призвалъ Шейхалія, Воеводъ своихъ и Казанскихъ Князей, при немъ случившихся, на Совѣтъ: гдѣ бы воздвигнуть крѣпость для угнѣтенія Казанцевъ? Всѣ одобрили упомянутое мѣсто. Возвратившись Марта 23 домой, Государь сочеталъ двоюроднаго брата своего, Князя Владиміра Андреевича, бракомъ съ Евдокіею Александровною Нагою Мая 18; издалъ Іюня 1 Судебникъ (22) и, получивъ извѣстіе о желаніи Крымскаго Хана разорять Украйну Россійскую, ѣздилъ въ Коломну и Рязань, откуда возвратился Августа 23 въ Москву.

1551. (а) Зимою Декабря 26 Уразлый, Отай, Тейлякъ и другіе Мурзы Нагайскіе устремились грабить Мещерскую область и Старую Рязань; но Воеводы послѣдней, Князья Петръ Михайловичь Щеняшевъ и Александръ Воротынскій, также Князь Димитрій Ивановичь Пунковъ Воевода Зарайскій, Князь Константинъ Ивановичь Курляшевъ, Симеонъ Шереметевъ и Стефанъ Сидоровъ, Воеводы Елатомскіе, побили не-

---

(22) Въ Судебникѣ (изданномъ Г. Строевымъ) 37: „лѣта зни, Іуніа въ Царь и Великии Князь Иванъ Васильевичь всее Русии съ своею братьею и зъ бояры сей Судебникъ уложилъ, какъ судити Бояромъ и Окольничимъ и Дворецкимъ и Казначѣемъ и Дьякомъ и всякымъ приказнымъ людемъ, и по городомъ Намѣстникомъ и по волостямъ волостелемъ и ихъ Тиуномъ и всякымъ Судьямъ."

(а) ник. лв. царк. подъ 7059 г.

пріятелей во многихъ мѣстахъ. Первые взяли Тейляка и, сошедшись съ послѣдними, гнали Нагайцевъ до Шацка (23), гдѣ сіи разбѣжались по степямъ и многіе отъ стужи погибли; достальныхъ же, истребляя, преслѣдовали Царскіе Казаки до Волги такъ, что Уразлый и Отай возвратились домой только съ 50 человѣками. Государь возблагодарилъ Бога, пожаловалъ Воеводъ съ Боярскими дѣтьми и сдѣлалъ пиръ въ Набережной Палатѣ. Вскорѣ Утамышгирѣй и Юсупъ Князь Нагайскій (24) прислали къ Царю — первый Девлетъ Жерая, второй Келдеура — съ просительными Граматами о мирѣ. Но Іоаннъ съ сими же гонцами отвѣчалъ письменно, что если Ханъ Казанскій пришлетъ лучшихъ людей, а именно Князя Муралѣя, Улановъ и Князей, трехъ или четырехъ человѣкъ, просить о мирѣ, то имъ объявлено будетъ намѣреніе Царское.

Посовѣтовавшись еще съ перешедшимъ въ Россійскую службу Княземъ Казанскимъ Костровымъ и его товарищами, съ Шейхаліемъ, братьями своими и Боярами о сооруженіи крѣпости при устьѣ Свіяги (25),

---

(23) лв. IV, 221 (ник. VII, 71): „до Шатскихъ воротъ.“

(24) ик. 95: „и побѣжа Царь Сафагирей“ (въ 1546 г.) „ис Казани въ Нагаи за Яикъ и присвойся тамо Заяицкому Князю Исупу дщерь у него вземъ вжену красну вельми и мудру . . .“ слѣдственно Юсупъ былъ дѣдъ Утамышгирѣя.

(25) царк. 162: „на Свіягѣ на устіѣ на Круглой горѣ, промежъ Щучія озера и Свіяги рѣки.“

вздумалъ Государь послать туда какъ значительное конное и судовое войско, такъ и запасы для собственнаго продовольствія на случай пріѣзда (26); а дьяка Ивана Григоріева сына Выродкова съ дѣтьми Боярскими послалъ къ Волгѣ, въ Угличскій уѣздъ, готовить деревянные срубы на церквы и стѣны градскія (27), дабы съ войскомъ отправить оные на низъ, что и случилось. Въ Апрѣлѣ двигнулъ Царь, къ назначенному для постройки мѣсту, судовое ополченіе, начальствуемое Ханомъ Шейхаліемъ (28) и состоящее изъ многихъ Дворянъ, дѣтей Боярскихъ, также 500 человѣкъ (служивыхъ) Казанцевъ съ Князьями

(26) царк. т. ж.: „да запасы свои Царскіе посылати великіе, да и въ передъ къ его приходомъ готовъ тотъ запасъ."

(27) царк. 164: „въ Углѣцкой уѣздъ въ Ушатыхъ вотчину, церквей и города" (крѣпости) „рубити и въ Судѣхъ съ Воеводами на низъ везти, еже и бысть," то есть изготовивъ срубы.

(28) царк. т. ж.: „а Воеводъ въ Большемъ полку Государь со Царемъ" (то есть съ Шигалѣемъ по лѣтописямъ, а по фукс. 27 правильнѣе съ Шейхаліемъ) „отпустилъ Воевода и Бояринъ Князь Юрья Михайловичь Булгаковъ, да Бояринъ и Дворецкой Данила Романовичь Юрьевъ; въ Передовомъ полку: Князь Петръ Андреевичь Булгаковъ, да Околничей Иванъ Өедоровичь Карповъ; въ Правой рукѣ Воеводы: Бояринъ и Конюшій Иванъ Петровичь Өедоровъ, да Князь Давыдъ Өедоровичь Палецкой; въ Лѣвой рукѣ Воеводы: Бояринъ Григорей Васильевичь Морозовъ, да Князь Андрей Васильевичь Нагаевъ; а въ Сторожевомъ полку Воеводы: Бояринъ Иванъ Ивановичь Хабаровъ, да Околничей Долматъ Өедоровичь Карповъ."

ихъ Костровымъ, Чапкуномъ и Бурнашемъ (29); предварительно же отпустилъ туда Князя Симеона Ивановича Микулинскаго съ другими (30); сухимъ путемъ изъ Мещеры (31) приказалъ слѣдовать Князю Димитрію Ивановичу Хилкову; поручилъ Князю Петру Серебряному съ дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами и Казаками ударить изъ Нижняго незапно на Казанское предмѣстіе, а Бахтеяру Зюзину прибыть съ Вятки на Каму; и велѣлъ значительному числу Казаковъ встать на Камскихъ, Волжскихъ и Вятскихъ перевозахъ, дабы воины изъ Казани и въ нее не ѣздили; сверхъ того отправилъ пѣшихъ Казаковъ, Севергу и Елгу, съ 2,500 рядовыхъ сухимъ путемъ, дабы они, пришедши къ Волгѣ, сдѣлали суда, разоряли Казанскія мѣста вверхъ по сей рѣкѣ и присоединились къ Воеводамъ.

Выѣхавъ 16 Мая изъ Нижняго, Серебряной прибылъ въ праздникъ Троицы къ Круглой горѣ при устьѣ Свіяги и слушалъ вечерню тамъ, гдѣ нынѣ городъ; а рано въ Духовъ день 18 Мая — хотя многіе изъ воиновъ, отъ бывшей по Волгѣ густой мглы, заплутались —

(29) царк. 164. 165: „много бо ихъ тогда бяше у Государя."

(30) царк. 165: „да Окольничего Воеводу Володимера Васильевича Морозова, да Окольничего и Воеводу Ѳедора Григорьевича Адашева, да Воеводу Князя Петра Семеновича Серебренаго, да Воеводу же Князя Ѳедора Борисовича Ромодановскаго."

(31) царк. 166: „а изъ Мещеры послалъ Государь..." лв. IV. 63: „въ Мещерѣ на рѣкѣ на Мокшѣ", Тамбовской и Пензенской Губерніи, см. Арх. к. 37. 38.

ударилъ съ оставшимися неожиданно на Казанское предмѣстіе, множество людей истребилъ, плѣнилъ и значительное количество Россійскихъ плѣнниковъ освободилъ. Погубивъ одних. Князей и знатныхъ Мурзъ болѣе ста, упомянутый полководецъ возвратился къ устью Свіяги, гдѣ сталъ дожидаться Хана и Воеводъ. Въ заговѣнье, Мая 24 го, Шейхалій съ товарищами явился на Свіягѣ. Они выступили изъ судовъ, вырубили лѣсъ того мѣста, гдѣ надлежало строиться крѣпости, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ и въ четыре недѣли соорудили оную (32). Увидѣвъ сіе, жители нагорной стороны Волги начали пріѣзжать къ Шейхалію и просить, чтобы Государь утолилъ гнѣвъ свой, велѣлъ причислить ихъ къ городу Свіяжску и избавить отъ разоренія. Ханъ и воеводы послали — онъ Дворецкаго Шабаса Шамова, а они Ивана Өеодорова Шишкина — съ донесеніемъ къ Царю. Послѣ того явились люди отъ всей горной стороны ходатайствовать у Шейхалія, чтобы позволилъ имъ ѣхать съ просьбою къ Государю. Россійскіе Военачальники отправили туда изъ нихъ Магмета Бузубова и Ахкубека Тугаева съ товарищами,

(32) Царк. 170: „городъ же, которой сверху привезенъ" (см. выше N. 27) „на половину тое горы" (Круглой, см. выше N. 25) „сталъ, а другую половину воеводы и дѣти боярскіе своими людьми тотчасъ здѣлали; велико бо бяше мѣсто." Дѣти боярскіе, или Дворяне, составляли лучшую конницу въ войскѣ Россійскомъ.

присоединивъ къ нимъ Григорія Симеонова сына Плещѣева. Магметъ и прочіе отъ лица Князей, Мурзъ, Сотниковъ, десятниковъ, Чувашъ, Черемисъ и Казаковъ (33), просили у Іоанна тоже, что и у Шейхалія, умоляя облегчить имъ ясаки и снабдить ихъ жалованною граматою, коею могли бы они руководствоватьса на будущее время (34). Государь уважилъ прошеніе горнаго народа, уступилъ имъ ясаки на три года и далъ желаемую грамату съ золотою печатью. Одаривъ пословъ горныхъ шубами и деньгами, онъ велѣлъ Стряпчему Игнатію Вешнякову вручить Шейхалію и Воеводамъ въ награду золотыя (35), также сказать означенному Хану, чтобы, приведши весь горный народъ къ присягѣ, послалъ оный къ Казани и притомъ дѣтей Боярскихъ съ Казанскими Князьями наблюдать: вѣрно ли горные будутъ исполнять долгъ свой. Взявъ требуемую

---

(33) царк. 171: „ото всее горнія стороны" (нагорной по Волгѣ) „отъ Князей и Мурзъ и Сотныхъ Князей и десятныхъ и Чувашей и Черемисы и Казаковъ." Послѣднее изъ сихъ названій означаетъ, думаемъ, Татаръ простолюдиновъ.

(34) царк. т. ж.: „и далъ бы имъ жалованную свою грамоту, какъ имъ впередъ быти." Ясакъ, слово Арабское, значитъ подать, платимую шкурами.

(35) царк. 172: „и послалъ Царь Государь ко Царю Шигалею и къ Воеводамъ съ своимъ жалованіемъ съ золотыми" (деньгами, лучше сказать медалями, даваемыми за службу, см. Архангелогородскаго лѣтописца стр. 146 и Дѣяній Петра Великаго I, 202. 203) „Стряпчаго" (такъ назывались Камердинеры Государевы, см. совр. II, 334) „Игнатія Вешнякова."

клятву, чтобы имъ правдиво служить Царю, Свіяжска не оставлять, всякіе оброки по Указу Государеву платить, какъ прежде, и плѣнныхъ Россіянъ у себя не имѣть (36), Шейхалій отправилъ Петра Турова и Алексѣя Ершева съ новоподдавшимися, которымъ сказалъ: „Вы клялись Царю; оправдайте же свою присягу, воюйте его недруга,“ и велѣлъ, сообразно ихъ прошенію (37), чтобы стоящіе на перевозахъ Казаки доставили имъ переправу черезъ Волгу. Такимъ образомъ, въ Іюнѣ, горные подошли съ Арскаго поля къ Казани. Жители ея и Крымцы встрѣтили непріятелей и послѣдовала жестокая битва съ обоестороннею потерею. Наконецъ, когда Татары вывезли орудія изъ города и начали стрѣлять въ приступающихъ, то Чуваши и Черемисы, оробѣвъ, побѣжали. Сто человѣкъ изъ нихъ было убито, пятьдесятъ взято въ плѣнъ. Шейхалій, Князь Юрій

---

(36) царк. 172. 173: „и дани и оброки чернымъ людемъ всякія платить, какъ ихъ Государь пожалуетъ и какъ прежнимъ“ (Казанскимъ) „Царемъ платили; а полону имъ Рускаго никакъ у себя не держать, весь освобождати.“

(37) царк. 173: „а били“ (горные люди) „челомъ, чтобы ихъ велѣли перевести, понеже бо невозможно было во все лѣто переѣхати съ горніе на луговую“ (то есть съ правой на лѣвую) „сторону. И велѣлъ ихъ Царь“ (Шейхалій) „и Воеводы перевести Потарлошою“ (лв. IV, 235: „подъ Тарлотою,“ ник. VII. 79: „по Тарлолотью“) „да на каменномъ перевозѣ, тѣмъ Казакамъ, кои по тѣмъ перевозомъ стояли.“ Сіи перевозы намъ неизвѣстны.

(Булгаковъ) Голицынъ и Даніилъ Романовичь (Юрьевъ) ходили тогда на Гостиный островъ и стояли за Волгою на Терень-Узякѣ (38). Они велѣли перевозить явившихся къ нимъ горныхъ опять за рѣку и получили отъ Турова съ Ершевымъ донесеніе, что новоподдавшіеся служили усердно. По возвращеніи въ Свіяжскъ Ханъ и Воеводы отправили ихъ представиться Государю и получить отъ него награду за службу. Во все лѣто горные, ѣздивъ для сего въ Москву, по 500 и 600 человѣкъ, были тамъ угощаемы за столомъ Царскимъ. Князей, Мурзъ и Сотенныхъ Казаковъ дарилъ Іоаннъ шубами бархатными съ золотомъ; Чувашъ и Черемисъ (знатныхъ) камчатными и атласными; простолюдиновъ однорядками, сукнами, бѣлечьими шубами (39); а всѣхъ доспѣхами, лошадьми и деньгами. Чувствуя такое къ себѣ благоволеніе Царя, новоподдавшіеся служили ему вѣрно, переправлялись черезъ Волгу и ловили Языковъ (40);

---

(38) царк. 173. 174: „Князь Юрьи Голицынъ" (лв. IV, 236 и ник. II. 79: „Голицынъ") „и Данило Романовичь съ товарищи ходили въ тѣ поры на Гостинъ островъ и за Волгою стояли на Терень-Узякѣ." Послѣдній, уповательно, есть Тергузъ (см: ниже N. 163); слѣдственно Гостиный островъ долженъ быть тотъ, который существуетъ еще и теперь близь устья рѣки Казанки.

(39) царк. 174: „а молодымъ" (то есть рядовымъ) „однорядки" (кафтаны изъ иностраннаго однорядного сукна) „и сукна и шубы бѣльи."

(40) царк. 174: „и языковъ" (то есть плѣнниковъ, отъ коихъ бы развѣдать о непріятелѣ) „добывати

стѣсненные же вездѣ Казанцы, увидѣвъ приверженность горныхъ къ Государю, поссорились съ Крымцами и не ожидали себѣ помощи ни откуда: ибо дороги были къ нимъ войсками Царскими пресѣчены (41). Чуваши Арскіе даже вооружились прошиву Крымцевъ, пришли на дворъ Ушамышгирѣевъ и говорили имъ: „Для чего не просите вы Государя (42)?" Но Крымцы, Кощакъ Уланъ (43) съ щоварищами побили Чуваш. Тогда многіе Князья и Мурзы перешли въ службу Царя (44), который отпустилъ ихъ и велѣлъ поселить въ Свіяжскѣ. Крым-

---

а Государево жалованіе къ нимъ" (горнымъ) „не оскудѣваешъ, но паче Государь прибавливаешъ многое множество роздаваше, паче же своихъ воиновъ жалуючи."

(41) царк. 175: „понеже бо люди Великаго Князя, Волгою отъ Василя города и по Каму; а Камою вверхъ по Вяткѣ, и Вяткою вверхъ по всѣмъ перевозомъ, дѣти Боярскіе и стрѣльцы" (пѣхота съ пищалями или ружьями) „и казаки" (вооруженные луками) „крѣпко стоятъ."

(42) царк. т. ж.: „и приходили Чуваша Арская съ боемъ на Крымцовъ: о чемъ де не біете челомъ Государю, пришли на Царевъ дворъ." Здѣсь именемъ Государя означается Царь Россійскій.

(43) ик. 132: „того же Царевича" (Султана) „Улана Кощака, не токмо вси Казанския люди вѣдяху, отъ своея ему жены прелюбы творящу со Царицею" (см. выше N. 5) „послѣ Царя своего; но и на Москвѣ словяше рѣчь та и во многихъ ордахъ. . . ." Уланъ не значитъ ли вельможа отъ Татарскаго слова *Улу* — большой?

(44) царк. 176: „и пріѣхали ко Государю служить многіе Князи и Мурзы, видѣвъ Государево великое жалованіе а свое изнеможеніе."

скіе Татары, предугадывая, что будутъ Казанцами выданы Царю, собравшись, ограбили все возможное и въ числѣ 300 человѣкъ Улановъ, Князей, Азеевъ и Мурзъ, кромѣ имъ подчиненныхъ людей, покинули женъ съ дѣтьми и бѣжали къ Камѣ; нашедши же тутъ Боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ Россійскихъ, пустились вверхъ берегомъ оной рѣки; достигли Вятки — гдѣ не уповали найти непріятельской стражи, и сдѣлавъ плоты, устремились перевозиться. Но караулившіе тамъ скрытно, Бахтеяръ Зюзинъ съ Вятчанами и Казаки Ѳедоръ Павловъ съ Севергою, поразили ихъ на голову. Уронъ Крымцевъ состоялъ, кромѣ убитыхъ и потонувшихъ, еще въ плѣненныхъ, Кощакъ Уланѣ и другихъ вельможахъ (45), всего въ 46 человѣкахъ, кои посланы были къ Государю и по Указу его казнены смертію.

Между тѣмъ Казанцы начали посылать къ военному начальству Россійскому (въ Свіяжскъ) и просить, чтобъ Царь утолилъ гнѣвъ свой, избавилъ ихъ землю отъ разоренія, взялъ Утамышгирѣя съ матерью его Сююнбекою (46) къ себѣ и возвелъ Шейка-

(45) царк. т. ж.; „а живыхъ изымали Кощака Улана, Борболъ Сунъ Улана, Торчи Князь Богатыря" (военачальника) „Ишіахъ Умета Мурзу, Сулешева брата Крымскаго и иныхъ Улановъ и Князей."

(46) царк. 177: „а Утемишъ бы Гирѣя Царя Государь къ себѣ взялъ и съ матерью Сююнбекъ" (цк. 129: „Сумвѣрна." . . . „Сумнѣкъ") „Царицею" . . . См. выше N. 5.

лія къ нимъ на престолъ. Сей Ханъ, поговоривъ съ Кулшерифъ Моллою (Первосвященникомъ Казани) и Тюменскимъ Княземъ Енбарсомъ Растовымъ, послами Казанскими, приказалъ имъ отправить прошеніе къ Государю — какъ соизволитъ онъ — и заключилъ съ ними перемиріе на 20 дней (47). Мурза Енбарсъ, сынъ Растова, со стороны Казанской, а сынъ Боярскій Яковъ Губинъ — везшій обстоятельное донесеніе о дѣлахъ — съ Шейхаліевой посланы были въ Москву. Іоаннъ, выслушавъ просьбу, врученную Енбарсомъ отъ лица всего народа (48), въ коей сверхъ упомянутаго выше Казанцы обѣщали выдать женъ и дѣтей Крымскихъ, находящихся у нихъ, и освободить плѣнныхъ Россіянъ, согласился; велѣлъ представить часть плѣнниковъ къ устью Казанки и отдать Боярамъ, а достальныхъ уволить, когда Шейхалій вступитъ на престолъ, и никого изъ Русскихъ въ неволѣ не удерживать; съ симъ отпустилъ Енбарса; къ Шей-

---

(47) царк. т. ж.: „а срокъ имъ учинили не воевати двадцать дней."

(48) царк. 177, 178: „Куда Гуль Уланъ въ головахъ, да Муралей Князь и вся земля Казанская: Моллы „(лв. IV. 241: „Моллы" — Попы) „и Шеиты" (лв.: „и Сеиты"—вѣроучители) „и Шихы и Шихзады и Молзады и Малы" (лв.: „Имамы," другой родъ духовныхъ) „Азіи, Афизы, Князи и Уланы и Мурзы и Ички дворные и задворные" (дворяне ?), „Казаки и Чуваша и Черемиса и Мордва и Тарханы" (владѣльцы Чувашскіе и вѣроятно Черемисскіе) „и Можары" (уповательно, владѣльцы Мордовскіе) „и вся земля Казанская тебѣ Государю челомъ біютъ."

халію же, Боярамъ и Воеводамъ послалъ Алексѣя Адашева объявишь приказаніе, дающее между прочимъ знашь, что Государь награждаешъ упомянущаго Хана Казанью, присовокупляя къ ней всю Луговую и Арскую область; но горная сторона, какъ завоеванная мечемъ (49), остается причисленною къ Свіяжску. Изъясненное 6 Августа, касательно горной стороны Адашевымъ, не понравилось Хану. При всемъ томъ Бояре сказали ему, что перемѣнить сего не можно и Государь не уступитъ Богомъ ему дарованнаго. И такъ, сообразно повелѣнію Царскому, Шейхалій и Воеводы послали въ Казань увѣдомить, что Государь благосклоненъ къ ея жителямъ и они бы, явившись въ Свіяжскъ, дали клятву; почему Молла Косымъ, Князь Бибарсъ и другіе Князья, Мурзы, Шеихи, предстали, 9 го Августа, къ Шейхалію. Но когда онъ изложилъ имъ жалованную рѣчь Іоаннову, которую слѣдовало подтвердить клятвенно, то многіе отказались, привыкнувъ лукавствовать. Ханъ велѣлъ однакожъ Казанцамъ идти съ Боярами въ шатры послѣднихъ и выполнять Указъ Государевъ: ибо въ противномъ случаѣ Іоаннъ осенью придетъ со всѣмъ своимъ войскомъ (50).

---

(49) царк. 179: „а горняя сторона къ Свіяжскому городу, понеже Государь Божіимъ милосердіемъ да саблею взялъ до ихъ“ (Казанцевъ) „челобитья.“

(50) царк. 180: „Государевъ бо бѣ наказъ таковъ: не учинятъ на Государевѣ воли и Государь дѣлати не велѣлъ; а хочетъ на ту осень ратію со всѣми людьми.“ . . .

По многихъ переговорахъ (51) утвердились на томъ, чтобы Казанцамъ доставить Хана Утамышгирѣя, мать его и дѣтей Крымцевъ, въ Свіяжскъ и, освободивъ, привести всѣхъ плѣнниковъ Россійскихъ къ устью Казанки; еслиже Государь узнаетъ объ оставшихся своихъ въ невольничествѣ, то вступится (52); наконецъ: чтобы Шейхалію съ Боярами ѣхать на означенное устье, утвердить тамъ рѣшительно договоръ и всему народу Казанскому встрѣтить Хана. Черезъ два дни, 11го Августа, Утамышгирѣй и Сююнбека, встрѣченные посланнымъ отъ Шейхалія и Воеводъ, Княземъ Петромъ Симеоновичемъ Серебрянымъ и дѣтьми Боярскими на упомянутомъ устьѣ (53), привезены были съ Крымцами двумя сыновьями Кощака и сыномъ

---

(51). царк. т. ж.: „и съ Бояры Казанцы много говорили, какъ бы имъ что лукаво здѣлати. Бояреж по Божію милосердію Государевымъ наказомъ твердо дѣлали, ни во единомъ ихъ лукавствѣ не поступили.“

(52) царк. т, ж.: „а свѣдаетъ опослѣ Государь, только полонъ будетъ въ бусурманствѣ въ неволѣ, и Государю стояти, сколько милосердый Богъ поможетъ.“

(53) царк. 180. 181: „тогожъ мѣсяца въ 11 день прислали къ Царю“ (Шейхалію) „и Бояромъ изъ Казани Кудугулъ Уланъ и Муралей Князь съ товарищи, Ангилдей“ (лв. IV, 245: „Ангильдеи“) „Абыза“ (попа третей степени) „что Царя Утамишъ - Гирѣя везутъ Государю и Царицу Сююнбеку; и Царь бы Шигалей и Бояре велѣли встрѣтить. И Царь и Воеводы послали Царя Утемишъ - Гирѣя и Царицу стрѣтитъ, Воеводу Князя Петра Семеновича Серебренаго, а съ нимъ дѣтей Боярскихъ, и встрѣтилъ ихъ на Казанскомъ устьѣ.“

Акмагметъ, Улановъ, вечеромъ въ Свіяжскъ и назавтріе отпустили ихъ Волгою въ Москву. Князь Петръ Серебряный, многіе дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Князь Костровъ и Алемердень Азей сопровождали Утамышгирѣя и Сююнбеку (54).

На третій день, 13го Авг., Шейхалій и Воеводы Россійскіе, пріѣхавъ къ устью Казанки, расположились отъ Волги до Бежболды (55) и вверхъ на двѣ версты, а за Казанкою внизъ до Царева луга (56). Ханъ послалъ Князей, Дворецкаго Шабаса и Конюшаго Битикея, съ обозомъ своимъ въ городъ и поручилъ распорядить себѣ домашнія потребности (57). Къ нему явились, 14го Ав., многіе городскіе вельможи (58), предъ которыми Бояре велѣ-

---

(54) царк. 181: „и привезли Царя Казанскаго и Царицу къ Государю на Москву, Сентября въ 5 день въ субботу, далъ Богъ здрава.“

(55) царк. 182: „отъ Волги и до Бежболды,“ такъ называется и нынѣ маленькая деревенька, расположенная на лѣвомъ берегу Казанки, вмѣстѣ съ Казанскою Морскою слободою. Бишъ балта по Татарски значитъ пять топоровъ.

(56) ник. VII, 85: „а за Казань“ (рѣку) „внизъ до Царева лугу.“ Онъ намъ неизвѣстенъ; но есть Царево озеро у Казани близь рѣчки Ички, см. кан. Вѣроятно лугъ, гдѣ оно находится, звали Царевымъ или Ханскимъ.

(57) царк. 182: „и велѣлъ устроивать дворъ свой.“

(58) царк. т. ж.: „пріѣхали ко Царю и Бояромъ Кулшерифъ Молна“ (Молла, см. ниже N. 158) „Има-Атетсеитъ“ (ник. VII. 86: „и Махметъ Сеитъ“) „Майсыръ“ (ник. „Мансырь“) „Сеитовъ сынъ и всѣ съ нимъ Шихи и Шихъзады“ (лв. IV. 248: „Шихъзоды“) „Имамы и Молозады и Азіи и Дербыши“

ли прочитать клятвенную грамату, означающую договоръ съ Казанцами. Но сіи начали спорить о горной сторонѣ и утверждали, что имъ уступить ее, то есть раздѣлить землю, невозможно. Бояре настаивали и выполнили повелѣніе Государево (59): Шейхалій и весь народъ Казанскій обязались присягою не вступаться въ горную сторону и половину Волги; рыболовамъ же имѣть промыселъ на своей сторонѣ (60). Шертную (клятвенную) грамату скрѣпилъ Ханъ печатями, а вельможи Казанскіе рукоприкладствомъ. Они (по приведеніи въ назначенное мѣсто) многихъ, находившихся у нихъ плѣнныхъ Россіянъ, клялись освободить всѣхъ до одного и въ противномъ случаѣ подвергали себя смертной казни. Жители Казани утвердили клятвенно постановленіе вельможъ не вдругъ, но въ три дни, собираясь человѣкъ по двѣсти и по триста. Бояре Князь Юрій Михайловичь Голицынъ, Иванъ Ивановичь Хабаровъ и Дьякъ Иванъ Григорьевъ Выродковъ, возвели 16 го Ав. Шейхалія на престолъ. Съ Ханомъ отправилось въ Казань и остановилось во дворцѣ: триста Князей, Мурзъ и Казаковъ

(лв. „Дервыши," Магометанскіе монахи) „да Кудай Гулъ Уланъ а съ нимъ Уланы всѣ, да Муралѣй Князь, а съ нимъ многіе Князья и Мурзы." По этому судя, съ Кулшерифомъ были все духовные чиновники.

(59) царк. 183: „по Государеву наказу Бояре его потому и сдѣлали, какъ приказалъ."

(60) царк. т. ж.: „а ловцемъ ловити по своимъ половинамъ."

Городецкихъ (Касимовскихъ), двѣсти Стрѣльцовъ и два Сотника Царскія. На другой день Голицынъ, Хабаровъ и Выродковъ, пріѣхавъ къ Шейхалію, говорили, чтобъ онъ, сообразно данной Казанцами присягѣ, велѣлъ освободить всѣхъ плѣнныхъ Россіянъ въ городѣ, почему разосланные Ханомъ приставы собрали оныхъ 2700 человѣкъ ко дворцу. Отдавъ ихъ Боярамъ, Шейхалій взялся уволить остальныхъ; а Бояре послали Даніила Θеодорова сына Адашева и Стрѣлецкаго голову Ивана Черемисинова донести о томъ Государю (61), что его весьма обрадовало. Шестьдесятъ тысячь (62) плѣнниковъ Россійскихъ, вышедшихъ изъ Казанской и нагорной стороны, были приписаны къ Свіяжску; иныхъ пустили Волгою вверхъ; нѣкоторыхъ въ прежнія жительства (63). Шейхалій поручилъ Голицыну отвезти шертныя грамоты къ Царю; для пріема же плѣнныхъ и для другихъ дѣлъ (64) остались у Хана Бояринъ Иванъ Ивановичь Хабаровъ съ Дьякомъ Выродковымъ. Голицынъ, Дані-

---

(61) царк. 184: „и пріѣхали“ (Адашевъ съ Черемисиновымъ) „тогожо“ (Августа) „мѣсяца 28.“

(62) Такъ по царк. 185 и ник. VII, 87; но лв. IV, 251 „6000.“

(63) лв. IV. 251: „которымъ“ (6000, см. выше N. 62) „кормъ Государевъ давали и вверхъ Волгою спровадили, опричь тѣхъ, которой полонъ по своимъ мѣстамъ изъ Казанской земли пошелъ Вятской и Пермской, Вологодской къ своимъ мѣстамъ, Муромской и Мещерской, Галицкой и Костромской по всѣмъ своимъ мѣстамъ, кому куды ближе туды и пошли.“

(64) царк. 186: „и иныхъ для управныхъ дѣлъ.“

наѣ Романовичъ и ихъ послѣдователи (65) отправились по Волгѣ къ Мурому; а въ Свіяжскѣ остался Князь Симеонъ Микулинскій и тѣ, кои назначены годовать съ нимъ (66).

Тогда же явился въ Москву Ишимъ, посланникъ изъ Астрахани, и ходатайствовалъ именемъ Хана своего Емгурчія, чтобы Царь, принявъ сего и съ подданными въ службу, жаловалъ такъ, какъ Шейхалія и другихъ служащихъ (Россійскому Двору) Хановъ. 1552. (а) Въ Сентябрѣ возвратился Голицынъ (Булгаковъ) и донесъ, что Шейхалій проситъ о придачѣ себѣ ясаковъ съ горной стороны; о чемъ, равно и о прочихъ дѣлахъ, поручитъ объясниться главному посольству (67). Ханъ Казанскій, дѣйствительно, далъ чрезъ гонца Мурзу Кулая сына Растова и Муралѣя Мурзу Ясаула Городецкаго (68) Государю знать, что отправляетъ къ нему большихъ пословъ (69);

---

(65) царк. т. ж.: „со всѣми товарищи и съ тѣми людьми, кои съ ними были посланы."

(66) царк. т. ж.: „съ товарищи и съ тѣми людьми, коимъ съ нимъ годовати."

(а) ник. лв. царк. совр. подъ 7060 г.

(67) царк. 187: „а о томъ хочетъ послати бити челомъ пословъ своихъ большихъ и о иныхъ дѣлѣхъ."

(68) царк. т. ж.: „да Муралѣя Мурзу Ясаулъ Городецкой." Сей чинъ, равный Капитанскому, извѣстенъ еще и теперь у казаковъ.

(69) А именно царк. 187: „большаго Карача" (см. ниже N. 225) „Казанскаго Ширина Муралѣя Князя Булатова сына, да Дворецкаго своего Шабаса Князя Шамова, да Абдулу Большаго Бакшея" (чиновника тѣлохранителей) „Казанскаго."

Хабаровъ же и Выродковъ прислали сына Боярскаго съ донесеніемъ, въ коемъ увѣдомляли Іоанна, что Казанцы не соблюдаютъ точной шертной грамашы и Шейхалій шерпитъ сіе, опасаясь бунта (70). По увольненіи Кулая и Муралѣя домой, Іоаннъ велѣлъ Микулинскому дать Приставовъ большому Шейхаліеву посольству, отъ Свіяжска до Москвы, и снабжать оное припасами вездѣ; отпустивъ же Ишима съ посломъ своимъ Севастіаномъ, которому поручено было взять подданническую клятву отъ Емгурчія и его народа, отправилъ Боярина Князя Димитрія Өедоровича Палецкаго и Дьяка Ивана Клобукова съ дарами къ Шейхалію и женѣ его, бывшей вдовѣ Сафагирѣевой (71), состоящими изъ платья, посуды, денегъ; а ко Князьямъ Городецкимъ (Касимовскимъ) и Казанскимъ съ такими же вещами, только посуду замѣнилъ сукнами; сверхъ того приказалъ объявить Хану и жителямъ Казани свое благоволеніе за службу и чтобы, по шертнымъ грамашамъ освободили всѣхъ плѣнныхъ Россіянъ: ибо неволя ихъ не потерпится. Палецкій имѣлъ еще отъ Царя порученіе внушить Шейхалію о соблюденіи вѣрности, сообразно данной имъ клятвѣ, о плѣнникахъ, и чтобы укрѣпилъ себѣ и Царю Казань такъ, какъ Городецъ (72). Ха-

---

(70) царк. 187: „а Царь Шигалей и въ томъ терпитъ для волненія.“

(71) царк. 188: „которую“ (Шейхалій) „въ Казани взялъ Сафакирѣевскую Царицу.“

(72) царк. т. ж.: „а укрѣпилъ бы Казань крѣпко Государю, да и собѣ, какъ Касимовъ Городокъ.“

барову, замѣненному Палецкимъ, приказалъ Государь ѣхать домой.

Въ Октябрѣ явились въ Москву послы Казанскіе Муралѣй, Шабасъ и Абдула; ходатайствовали объ уступкѣ нагорной стороны, или по крайней мѣрѣ сколькихъ нибудь податей изъ нея ихъ отечеству; и просили о клятвенномъ подтвержденіи заключеннаго договора (73). Выслушавъ сіе, Іоаннъ повелѣлъ Боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, Алексѣю Адашеву и Дьяку Ивану Михайлову отвѣчать имъ, что не уступитъ Казани ни одной деньги съ нагорной стороны; что поелику Казанцы, присягнувъ освободить весь плѣнъ Россійскій, имѣютъ онаго еще много, то и Царь дастъ тогда клятву, когда они исполнятъ обѣщанное. Посламъ назначили жить въ Москвѣ до исполненія, на что сіи рѣшившись, просили написать къ Хану о плѣнныхъ. Но возвратившіеся Хабаровъ и Выродовъ донесли, что послѣднихъ въ Казани освобождаютъ мало; куютъ ихъ, прячутъ въ ямахъ и самъ Шейхалій, кажется, потворствуетъ Казанцамъ: ибо, по силѣ шертныхъ грамотъ, не казнитъ скрывателей, отговариваясь, будто опасается мятежа; что Ханъ увѣдомился о перепискѣ Казанскихъ вельможъ съ Нагайцами, развѣдываетъ

---

(73) Царк. 189: „и пожаловалъ бы Государь велѣлъ правду учинити Царю“ (дать присягу Хану) „и землѣ Казанской, на томъ, на чемъ земля Государю правду дала.“

о ней и не оставитъ Государя безъ увѣдомленія.

Чрезъ нѣсколько времени, Ноября 4, прискакали къ Царю, изъ Казани, отъ Шейхалія Мурза Уразымъ, а отъ Палецкаго сынъ Боярскій Димитрій Волоховъ, и донесли о сношеніи Бибарса и многихъ Князей Казанскихъ съ Нагайскою Ордою, противу Хана (74). Они хотѣли умертвить его и Палецкаго; но Ханъ, узнавшій о томъ, перехвативъ письма, зазвалъ умышленниковъ къ себѣ на пиръ и велѣлъ ихъ убить. Нѣкоторыхъ зарѣзали въ самой комнатѣ пира вельможи, преданные Шейхалію; многихъ, по Ханскому велѣнію, умертвили стрѣльцы Россійскіе на дворѣ; иныхъ въ домахъ, собственно имъ принадлежащихъ (75). Бибарсъ, Кадышъ Богатырь, Карамышъ Уланъ, всего 70 человѣкъ, лишились жизни; другіе разбѣжались къ Царю и къ Нагайцамъ. Шейхалій съ Палецкимъ извѣстили Царя, что Муралѣй и Костровъ суть участники заговора и чтобы онъ не отпускалъ ихъ въ Казань: тамъ они не надобны. Сіи оба, услышавъ о гибели крамолы своей, просили Іоанна сами послать за женами ихъ: ибо немилость Ханская препятствуетъ имъ ѣхать домой. Послѣ того къ Шейхалію Царь отправилъ Алексѣя Адашева, которому и

(74) царк. 190. 191: „что Князи Казанскіе, Бибарсъ съ братіею, и многіе Князи Казанскіе, ссылаются на Царя“ (Хана) „въ Нагаи.“

(75) царк. 191: „а иныхъ велѣлъ стрѣльцомъ по подворіемъ побить.“

Палецкому приказалъ внушать неослабно Хану, чтобы утвердилъ Россійской Державѣ Казань, точно какъ Касимовъ, и Царскими воинами обуздалъ лукавыхъ Казанцевъ, многажды изгонявшихъ, даже стремившихся убить его нынѣ и умертвившихъ Джаналія, брата Шейхаліева (76). „Мнѣ „не льзя жить въ Казани", отвѣчалъ Шейхалій — „я досадилъ ея жителямъ, взяв„шись испросить нагорную сторону у Ца„ря. Если онъ пожалуетъ мнѣ ее, то най„дусь въ состояніи быть тамъ; и пока не „умру, оный городъ соблюдетъ вѣрность „къ Царю; а безъ меня кому о семъ забо„титься (77)?" Но Палецкій отказалъ (78). „И такъ слѣдуетъ мнѣ бѣжать къ Госуда„рю," возразилъ Ханъ. „Укрѣпи сперва го„родъ Россіянами," сказали Палецкій и Адашевъ. Начался продолжительный споръ. Шейхалій не согласился на предложеніе и говорилъ: „Я Мусульманинъ; не хочу воо„ружаться противу моихъ единовѣрцевъ; „не хочу измѣнить и Царю Государю свое„му; ѣду къ нему, не имѣя пристанища ин-

---

(76) Объ изгнаніяхъ Шейхалія, см. лѣтописи подъ 1521 и 1546 г.; объ убіеніи брата его Джаналія (такъ фукс. 27, въ лѣтописяхъ „Еналѣя") подъ 1536 г. Сіи оба были рода Астраханскихъ, а Сафа-гирей Крымскихъ Хановъ. То и другое поколѣніе добивалось Казанскаго престола: одно посредствомъ Россіянъ, а другое посредствомъ Крымцевъ.

(77) царк. 192: „а послѣ меня кому вѣдати."

(78) царк. т. ж.: „и Князь Дмитрій по Государеву наказу Царю" (Хану) „то отмолвилъ . . ." прочую рѣчь Палецкаго мы выпускаемъ.

„дѣ; если же Казанцы взбунтуются про„тивъ меня, то я злыхъ погублю еще и „явлюсь предъ Государемъ." Послѣ переговоровъ Ханъ отпустилъ назадъ Адашева и Палецкаго, который оставилъ Ивана Черемисинова со стрѣльцами въ Казани, для охраненія Ханской особы и увѣдомленія Государя. На Свіягѣ сказали Палецкому жители тамошніе, Чапкунъ и Бурнашъ съ товарищами: „носится слухъ, что весною всѣ „Казанцы хотятъ измѣнить Царю. Да оза„ботится онъ тѣмъ внимательнѣе: ибо они „не любятъ Шейхалія. Утверждаемъ сооб„разно клятвѣ нашей, что Казанцы точно „измѣнятъ, и мы не удержимъ даже гор„ныхъ жителей (79)."

Узнавъ о семъ отъ возвратившагося Палецкаго, Іоаннъ послалъ Симеона Ярцова остеречь Хана (80); а въ Январѣ Князья Муралѣй, Костровъ и Азій Алемердеѣъ (заочно) дали знать Царю, что хотя объяснить ему лично и боятся Шейхалія, но имѣютъ приказъ отъ народа своего просить о сведеніи упомянутаго владѣтеля съ престола и о пожалованіи Намѣстника въ Казань на такихъ же правахъ, какъ въ Свіяжскѣ; иначе Казанцы измѣнятъ и выберутъ себѣ Хана изъ другихъ мѣстъ. Бояриау Ивану Василіевичу Шереметеву и Дьяку Ивану Михайлову поручено было

(79) лв. IV, 266: „а и горныхъ не угонимъ."
(80) царк. 193: „и Царь и Великій Князь послалъ ко Царю Шигалѣю Семена Ярцова, а велѣлъ Царю говорить, чтобы жилъ брежно отъ Казанцевъ."

спросить Муралѣя съ товарищами: за что не любятъ Хана? Какимъ образомъ Государю свести его и опредѣлить къ нимъ Намѣстника? Кто во всемъ томъ удостовѣритъ (81)? „Шейхалій грабитъ и убиваетъ подданныхъ" — отвѣчали вопрошенные — „беретъ ихъ женъ и дочерей насильно. Если Государь выведетъ его и пошлетъ „кого нибудь изъ насъ трехъ сотъ Улановъ, Князей, Мурзъ и Казаковъ, здѣсь „находящихся, къ жителямъ Казанскимъ; „то, по выѣздѣ Хана, они всѣ присягнутъ, „пустятъ Намѣстниковъ Россійскихъ въ городъ, сдадутъ оный и всѣ распоряженія „Царя выполнятъ по его волѣ (82); а въ „случаѣ неповиновенія Казанцевъ, да при-

---

(81) царк. 194: „и чему въ томъ вѣрити?"

(82) Мы здѣсь сократили подлинныя слова царк. 194 (лв. IV, 267 и ник. VII. 96): „а кому велитъ въ городѣ и на посадѣ жити; а инымъ по селомъ всѣмъ жити а вѣдати на Царя Великого Князя Намѣстникомъ Царевы доходы всѣ; и которые Князи побиты бездѣтны, и тѣмъ Государь пожалуетъ кого похочетъ, и всѣ люди въ его воли, кого чѣмъ пожалуетъ." Кромѣ сихъ лѣтописей о жестокости Шейхалія ик. гл. XLIV: „и мало" (Шейхалій) „на котораго Казанца окомъ ярымъ" (въ другомъ спискѣ т. ж.: „погляну") „или перстомъ показа, они же" (стрѣльцы) „вскорѣ того, вскочивъ оружиемъ своимъ разсѣцаху на кусы и Казанцамъ чести не творяху и саны отъемля ихъ и своя-Князи во власти ихъ поставляюще" . . „и уби ихъ по изведеніи Царицы" (Сююнбеки) „числомъ ѱ великихъ вельможъ, Улановеи Князей и Мурзъ, похищая имѣніе ихъ себѣ; людей же обычныхъ к". . .

„кажетъ Государь умертвитъ всѣхъ насъ. „Буде же Ханъ не захочетъ оставить Казани добровольно, то Царю стоитъ только взять у него Стрѣльцовъ и онъ удалится самъ." Въ Февралѣ, Іоаннъ отправилъ Алексѣя Адашева вывести Шейхалія изъ нея и къ жителямъ тамошнимъ соотечественника ихъ Тереулдувана. Съ послѣднимъ Муралѣй и Костровъ писали къ согражданамъ о своемъ ходатайствѣ; Государь же приказалъ Адашеву говорить настоятельно Шейхалію, чтобы безъ дальнихъ хлопотъ (83) пустилъ Россіянъ въ городъ: ибо Князья Казанскіе желаютъ Царскаго Намѣстника къ себѣ и что Царь наградитъ Хана всѣмъ, чего сей захочетъ.

„Не измѣню Мусульманству" (84) — отвѣчалъ Шейхалій, отрекшійся согласиться на предложеніе Адашева — „мнѣ не „можно уже болѣе жить въ Казани: граждане ея отправили къ Нагайцамъ просить „себѣ Хана; пускаюсь въ Свіяжскъ, или подданные убьютъ меня." Онъ съ Князьями и Мурзами, Казанскими и Городецкими, также со всѣми 500 стрѣльцами Россійскими, выѣхалъ, Марта 16, дѣйствительно на озеро ловить рыбу, и сказалъ вельможамъ Казанскимъ: „вы, хотѣвъ меня убить, просили Царя, чтобъ я былъ выведенъ отъ „васъ, за дѣлаемое мною вамъ зло, (85) и

---

(83) царк. 195: „безъ убытковъ безъ великихъ."
(84) царк. т. ж.: „что ему" (Шейхалію) „никакъ бусурманскаго Юрта не порушить."
(85) царк. 196: „а язъ надъ вами лихо дѣлаю."

„чтобъ онъ прислалъ Намѣстника въ Ка„зань: по волѣ Государевой ѣду изъ города, „но везу и васъ съ собою къ Царю. Тамъ „мы разберемся." Шейхалій, встрѣченный полководцами Россійскими на Волгѣ, прибылъ съ 84 Казанскими вельможами въ Свіяжскъ. Того же дня Князь Микулинскій отправилъ двухъ Казаковъ въ Казань отвезти письма Іоанновы такого содержанія: что сообразно прошенію Князей ея, Государь вывелъ Хана Шейхалія и опредѣляетъ Микулинскаго къ нимъ въ Намѣстники; чтобы они, явившись, присягнули въ Свіяжскѣ; и тогда Князь Микулинскій, исполняя повелѣніе Царское, пріѣдетъ къ нимъ въ городъ. Неукоснительно дали, черезъ Афиза, изъ Казани, знать Микулинскому и его товарищамъ, что народъ повинуется во всемъ, и просили выслать къ нимъ Чапкуна и Бурнаша, кому бы они могли довѣрить себя и сдаться. Назавтріе Микулинскій отправилъ обоихъ упомянутыхъ вельможъ съ Черемисиновымъ въ Казань, дабы жители тамъ утвердили присягою все, что въ Свіяжскѣ обязались ею соблюдать Чапкунъ и Бурнашъ. Въ тотъ же день Черемисиновъ донесъ Боярамъ о готовности Казанцевъ выполнить требуемое и о поѣздкѣ Кудагулъ Улана со знатнѣйшими гражданами въ Свіяжскъ. Они, прибывъ туда съ Черемисиновымъ и его товарищами, на другой день клялись повиноваться волѣ Царской и приняли отъ Бояръ клятву также благодѣтельствовать добронамѣреннымъ Казан-

цамъ, какъ обывателямъ другихъ городовъ Россійскихъ. По внушеніямъ Шейхалія, Бояре предложили вельможамъ Татарскимъ доставить меньшую его Ханшу въ Свіяжскъ, чтобы не находилась она въ Казани при въѣздѣ Микулинскаго. Послѣдній отрядилъ Черемисинова, толмача Ѳеодора Палецкаго съ Князьями Чапкуномъ, Кулалѣемъ и съ дѣтьми Боярскими (86) въ Казань привести тамъ достальныхъ людей къ присягѣ; наблюдать, дабы народъ, скрывая злоумышленіе, не сдѣлалъ вреда вступающимъ Россіянамъ, и раздать имъ очищенные Князьями дворы. Ночью прислалъ Черемисиновъ донести Боярамъ, что злоумышленія никакого не примѣтно, Ханшу отпускаютъ, дворецъ опоражниваютъ и сельскіе жители, присягнувъ, разъѣзжаются домой. „Отправьте легкій обозъ вашъ со съѣстными „припасами и человѣкъ сто Казаковъ: они „во дворцѣ на все пригодятся.“ Бояре отпустили обозъ съ 70 казаками и 72 пищалями.

Наконецъ Князья, Микулинскій и Петръ Серебряный (87), съ товарищами двинулись

(86) царк. 198: „да дѣтей Боярскихъ, Леонтія Елизарова, Лучанина Епишева, Нехорошево, Ачкасова, осьми человѣкъ“ (съ Черемисиновымъ, толмачемъ Ѳетькою Палецкимъ, Чапкуномъ и Кулалѣемъ?) „смотрити того: Русскіе люди въ городъ поѣдутъ, каково бы дурна“ (имъ Казанцы) „не учинили.“

(87) ик. 166: „а на мѣсто его“ (Шейхалія) „повелѣ“ (Царь) „быти Князь Петру Шуйскому с пятью воеводами и с половиною воинства.“

къ Казани; имъ предшествовалъ Бояринъ Иванъ Василіевичь Шереметевъ, а послѣдовалъ Князь Θеодоръ Ромадановскій съ выведенными Шейхаліемъ вельможами. На Волгѣ у Ирыхова острова (88), Князь Шамся, Ханъ Килдей и еще многіе Казанцы встрѣтили ласково Бояръ, просили ихъ ѣхать въ городъ и называли себя подвластными холопами Царя (89); на Волгѣ же съѣхались Бояре съ Ханшею и отпустили ее въ Свіяжскъ къ Шейхалію. Между тѣмъ пересылались, къ нимъ изъ Казани и отъ нихъ туда, дѣти Боярскіе, донося, что весь народъ радуется изволенію Государеву и Черемисиновъ приводитъ еще нѣкоторыхъ къ присягѣ. Воеводы Россійскіе, достигши Бежболды, послали Князей Исмама, Кебяка и Мурзу Аликея, брата Чуры Нарыкова, въ Казань, обнадѣявшись на поручительство за нихъ всѣхъ тамошнихъ вельможъ (90). Но сіи посланные измѣнили, заперли ворота градскія и сказали ложно гражданамъ, что слышали отъ Касимовскихъ Татаръ и даже отъ самаго Шейхалія, будто произойдетъ всеобщее убій-

---

(88) лв. IV, 273: „у Ирыхова" (ник. VII, 99: „у Ирохова" царк. 198: „у Крохова") „острова." Думаемъ, что сей островъ есть тотъ, который находится теперь близъ деревни Морквашъ, верстахъ въ 10 ниже Свіяжска.

(89) царк. 199: „а они всѣ холопи Государевы въ его волѣ."

(90) царк. т. ж.: „а Бояре ихъ не берегли потому, что всѣ ихъ Князи выручили, да Государю измѣнили."

ство (91). На Булакѣ у города, Черемисиновъ и Князь Кулалей, выѣхавшіе къ Боярамъ, говорили имъ: „до сего часа мы противности не видали; когда же явилися „отъ васъ вельможи и стали произносити „злостныя слова, то народъ возмутился. „Всѣ Князья прибыли съ нами къ вамъ изъ „города; остался тамъ одинъ Чапкунъ, а „прочіе вооружаются. Приближившись къ „Царевымъ воротамъ (92) и нашедши оныя запертыми, а людей бѣгущими въ городъ, Воеводы встрѣчены были Кудагулъ Уланомъ, Лиманомъ и другими Князьями, которые сказали имъ: „не заботьтесь: дурные люди взбунтовали народъ; подождите, „доколѣ уговорятъ его.“ Бояре отправили Кудагула и Князя Бурнаша представить Казанцамъ: для чего они измѣнили данной присягѣ? ибо Россіяне, помня ее, не сдѣлали никакого вреда жителямъ предмѣстія. „Боятся убіенія“ — отвѣчали Микулинскому оба упомянутые Татарскіе вельможи — „и насъ не слушаютъ.“ По многихъ пересылкахъ и переговорахъ, Воеводы, у-

(91) царк. т. ж.: „да сказали всѣмъ людемъ, что до полна вѣдаютъ, всѣмъ быти побитымъ; а слышали сказываютъ отъ Городѣтцкихъ Татаръ; иные говорятъ и отъ самаго Царя Шигалѣя.“

(92) царк. 200: „и пріѣхали Бояре къ Царевымъ воротамъ.“ Старая деревянная крѣпость въ Казани давно уже не существуетъ; слѣдственно и нѣтъ способа достовѣрно показать, гдѣ они находились; но въ кан. означены сіи ворота между Крымскими и Нагайскими, см. ниже No 181, 208, и названы Варламскими; не близь Варламіевской ли церкви?

смотрѣвъ, что пользы нѣтъ, велѣли задержать Кудагуль Улана и Князей: Лимана съ сыномъ, Шамсу, Чуру, Богодана Арскаго, Жанкилдея съ другими Князьями и Казанцами (93); стояли у воротъ весь день, ночевали въ предмѣстіи и промедлили до полдень, ссылаясь; но измѣнникъ Чапкунъ и граждане не выпустили даже обоза Воеводскаго и провожавшихъ оный людей изъ города (94). Исполняя данную клятву, Воеводы пощадили, отъ огня и разоренія, предмѣстіе; выступили обратно въ Свіяжскъ; и 12го ч. тамъ посадили всѣхъ задержанныхъ вельможъ въ темницу; Казанцы же послали въ Нагайскую область просить себѣ Хана и стали, дѣлая набѣги въ горную сторону, отводить жителей ея отъ подданства Россіи; но сіи разбили одну шайку непріятельскую, плѣнили двухъ Князей, Шахчурусъ Шамаемъ Мурзою, и

(93) Царк. 201: „да которыхъ царь" (Шейхалій) „вывелъ, тѣхъ всѣхъ уже переимали, опричь тѣхъ, кои измѣнили, утекли въ городъ: Исламъ, Кебякъ, Аликей."

(94) ик. гл. XLIX: „тѣхъ же воеводцкихъ юношъ" (пріѣхавшихъ съ обозомъ, числомъ будто 3000 человѣкъ. См. ик. 169) „въ Казань пустивши и яше всѣхъ, и понуждаху ихъ прежде ласканіемъ отврещися вѣры христіянския, яко да в чести велицей будутъ. Воини же возопиша единымъ гласомъ вся: не даждь намъ Господи отлучитися отъ вѣры Християнския и попрати Святое Крещеніе васъ ради нечестивыхъ и поганыхъ человѣкъ! Казанцыжъ разгневашеся на нихъ и различными муками мучиша ихъ: овехъ огнемъ сожгоша, овехъ въ котлехъ свариша, у иныхъ кожу зглавы и до ногъ здираху и наругающеся немилостиви."

привели ихъ къ Воеводамъ, которые, наградивъ побѣдителей, казнили измѣнниковъ.

По общему мнѣнію Шейхалія и Бояръ, первый остался съ женою весновать въ Свіяжскѣ; а Шереметевъ и всѣ присланные изъ послѣднихъ отправились въ Москву. Пріѣхавъ туда 24 го ч., донесли они подробно Государю объ измѣнѣ Казанской. Онъ началъ брать мѣры къ наказанію предателей; велѣлъ Боярину и Дворецкому Даніилу Романовичу (Юрьеву) съ дѣтьми Боярскими и Казаками ѣхать на судахъ въ Свіяжскъ (95) и отпустить Окольничаго Владиміра Морозова съ Шейхаліемъ въ Касимовъ, куда назначилъ удалиться сему Хану. Въ Апрѣлѣ, Іоаннъ призвалъ братьевъ своихъ, Георгія Василіевича и Владиміра Андреевича, Бояръ и Воеводъ, на совѣтъ о походѣ къ Казани. Мнѣнія были различны: иные совѣтовали Царю послать и не идти лично: ибо Россія имѣла много враговъ, на примѣръ Крымцевъ и Нагайцевъ; но онъ, рѣшившись твердо, разсудилъ отправить водою (пѣшее) ополченіе, осадныя пушки (96), запасы дворцовые и воинскіе (97); самъ же вознамѣрился слѣдовать сухопутно, приказавъ воинамъ новаго рода и другихъ отдаленныхъ мѣстъ собираться въ Коломнѣ и Каширѣ, Московскимъ же въ Муромѣ. Князьямъ, Александру Борисовичу Горбатому и

---

(95) царк. 202: „въ судѣхъ слѣдомъ" (то есть со льдомъ, когда онъ пройдетъ) „вмѣстѣ."

(96) царк. 204: „да и нарядъ большей."

(97) Т. ж.: „да и запасы свои царскіе и всего войска."

Петру Ивановичу Шуйскому, назначилъ Государь плыть съ ополченіемъ на судахъ и ожидать себя на Свіягѣ; Боярина Михаила Яковлевича Морозова отпустилъ съ орудіями; отправилъ множество съѣстныхъ припасовъ для войска и таковые же съ Ключниками для собственной потребности; Боярина Князя Михаила Василіевича Глинскаго и Окольничаго Ивана Ивановича Умнаго (Колычева), предводительствующихъ дѣтьми Боярскими, Казаками и стрѣльцами, послалъ на Каму, куда приказалъ также явиться изъ Вятской области Пауку (98) Заболоцкому съ тамошними и Устюжскими волостелями (99), а съ Вятчанами Григорію Сукину. Глинскій имѣлъ порученіе разставить людей (100) на всѣхъ перевозахъ Камы и Вятки; Свіяжскіе Воеводы долженствовали сдѣлать тоже по Волжскимъ перевозамъ, дабы ратники не могли ходить ни въ Казань, ни изъ оной.

Тогда прискакалъ къ Іоанну, отъ Микулинскаго и прочихъ Свіяжскихъ Воеводъ, Михаилъ Шипиловъ съ донесеніемъ, въ коемъ писали, что Дворецкій къ нимъ доѣхалъ;

---

(98) царк. 205: „а съ Вятки велѣлъ итти на Каму Пауку Заболоцкому." Сей Паукъ назывался Павломъ Петровичемъ (см. лв. V, 222, ник. VII, 310), когда получилъ чинъ Воеводы.

(99) царк. т. ж.: „съ Устюжскими Волостеми" (ник. VII, 104: „волостели", лв. IV, 283: „властители") и Вятскими; а съ Вятчаны велѣлъ итти Григорью Сукину." Волостели - начальники волостей.

(100) царк. 205: „дѣтей Боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ и Вятчанъ."

что Шейхалія отпустили вверхъ; что горные люди волнуются, многіе пересылаются съ Казанцами, оказываютъ великое непослушаніе и мало надежды подаютъ на свое усердіе; что народъ, обитающій по берегамъ Цывиля, къ Свіягѣ не ѣздитъ; что язвою и цынгою многіе воины Россійскіе умерли, мрутъ еще и лежатъ въ болѣзни. Государь послалъ ко Князьямъ, Горбатому и Шуйскому, въ Нижній, приказывая имъ съ людьми, кои собрались, идти поспѣшно къ Свіяжску; Боярамъ же: Морозову ждати орудій, а Симеону Константиновичу (101); соединивъ остальныхъ дѣтей Боярскихъ, провожать оныя. Тою же весною пріѣхалъ къ Царю сынъ Боярскій Иванъ Кочергинъ, изъ Свіяжска, съ донесеніемъ, въ коемъ Князь Горбатый писалъ, что болѣзни и смертность въ войскѣ не уменьшаются; что горные люди, предавшись Казани, подступали къ Свіяжску и отогнали много скота Россійскаго (102); что изъ посланныхъ за ними Казаковъ, Алексѣя Кобызева съ товарищами, 70 человѣкъ непріятели убили и пищалями овладѣли; что Казанцы умерщвили

(101) царк. 206: „А Боярину Семену Констянтиновичу велѣлъ дожидаться съ достальными дѣтьми Боярскими, да итти вмѣстѣ съ нарядомъ.“ Прозванія Симеонова не означено и въ ник. VII, 104, 105; но онъ долженъ быть Заболоцкій, см. ниже стр. 29.

(102) царк. т. ж.: „и приходили къ Свіяжскому городу на стада Воеводскіе и дѣтей Боярскихъ, которые приплыли со Княземъ Александромъ и годовыхъ“ (тутъ годовавшихъ) „дѣтей Боярскихъ на заливы, да стада многіе поотгонили.“

также 30 человѣкъ Казаковъ, ѣхавшихъ на судахъ отъ Камы къ Свіягѣ за съѣстнымъ припасомъ, взяли огнестрѣльный снарядъ (103) и начальника ихъ, Севергу, плѣнивъ, лишили жизни въ Казани; что бѣжавшіе оттуда плѣнники донесли Воеводамъ о казни тамъ 180 человѣкъ, посланныхъ съ Боярскимъ обозомъ (104); что съ Камы Нижегородецъ, сынъ Боярскій Константинъ Доможировъ, и два Казака привезли письма, въ коихъ увѣдомляетъ Глинскій о благополучномъ присоединеніи къ нему Заболоцкаго и Сукина, также представили Янгуру богатыря, приходившаго съ малымъ числомъ людей на берегъ (Камской) развѣдывать и плѣненнаго Казаками, побившими его товарищей. Онъ сказывалъ, что изъ Нагайской орды, по требованію Казанцевъ, ѣдетъ на престолъ ихъ Султанъ Ядигеръ (105) Магметъ, сынъ Касыма, Хана Астраханскаго, съ 500 человѣкъ. Казанцы, видя, что въ настоящемъ мѣстѣ перебраться ему не льзя,

---

(103) царк. 207: „и пищали поймали."

(104) царк. т. ж.: . . „дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и людей Боярскихъ, которыхъ затворили на миру въ городѣ у Бояръ у Князя Семена Ивановича Пункова" (Микулинскій назывался еще и Пунковымъ, см. Родословца гл. 10) „съ товарищи побили всѣхъ, а всѣхъ въ городѣ затворили 180 человѣкъ" (не 3000, какъ выше N. 94) „и иные многіе" (кто?) „изъ нихъ" (кого?) „утекли на Свіягу и рухлядь Воеводскую по себѣ раздѣлили."

(105) ник. VII, 106: „Царевичь Едигерь" (царк. 207: „Едагеръ" Фукс. 28: „Ядигеръ") „Магметъ. . ."

ибо войска Царскія разсѣяны по всей Камѣ, искали съ нимъ перевоза (106).

Получивъ еще донесеніе отъ Воеводъ о прибытіи въ Казань и воцареніи тамъ Ядигеръ Магмета, переправившагося съ немногими людьми, тайно, за Каму, сверхъ того о ночномъ нападеніи Казанцевъ на стражу Глинскаго, изъ коей убили они 4 сына Боярскихъ (107) и 17 стрѣльцовъ, опечаленный весьма Іоаннъ совершаетъ водосвятительное молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ (108) и, вмѣстѣ съ Митрополитомъ, отправляетъ, Мая 21, ученаго Архангельскаго Протопопа Тимоѳея въ Нижній для сопутствованія ополченію (109). Макарій послалъ съ Тимоѳеемъ святую воду и поученіе жителямъ Свіяжска (110). Нако-

---

(106) царк. 207: „и тутъ" (гдѣ?) „перевестися Царю" (Хану) „не льзя, Великаго Князя люди по всей Камѣ и Казанцы" (въ которомъ числѣ, думаемъ, былъ и Янгура) „повели его мѣстъ искати, гдѣ его перевезти."

(107) царк. 208: „4 сыновъ Боярскихъ Нижегородцевъ," (лв. IV, 286, ник. VII, 106: „Нижегородцовъ") „двy Мирославскихъ, да Бабоедова, да Колгыцкого," ник. „Колбицкого."

(108) Надъ мощами святыхъ отецъ, перенесши оные изъ Благовѣщенской церкви въ Успенскій Соборъ. Подробности сего обряда, нами выпущенныя, см. въ царк. 208, 209, ник.: VII, 106, 107.

(109) царк. 210: „и посылаютъ его" (Тимоѳея) „въ Нижній Новгородъ и велятъ ѣхати вмѣстѣ съ Бояры Великаго Князя и нарядомъ Царскомъ."

(110) царк. 210 - 217: „посланіе учительно Преосвященнаго Макарія, Митрополита всея Руссіи, во Свіяжскій градъ," Оно издано еще въ ник. VII,

нецъ Государь рѣшился выступить и далъ начальство: въ Большомъ полку Боярину и Воеводѣ Князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, Слугѣ (111) и Воеводѣ Князю Михайлу Ивановичу Воротынскому; въ Передовомъ полку Боярину и Воеводѣ Князю Ивану Ивановичу Пронскому съ Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Хилковымъ; въ Правой рукѣ Боярину и Воеводѣ Князю Петру Михайловичу Щеняшеву съ Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ (112); въ Лѣвой рукѣ Воеводѣ Князю Димитрію Ивановичу Микулинскому и Димитрію Михайловичу Плещѣеву — изъ сихъ Мстиславскій съ прочими долженъ былъ соединять людей въ Коломнѣ, а начальники Правой руки въ Каширѣ —; въ Сторожевомъ полку Боярину и Воеводѣ Князю Василію Симеоновичу Серебряному съ Симеономъ Василіевичемъ Шереметевымъ, приказавъ имъ набирать

108 - 114, лв. IV, 289 - 301, и по тогдашнему времени довольно краснорѣчиво.

(111) Званіе Слуги означало служащаго, зависимаго, владѣтеля (вассалла) и начало, кажется, употребляемо быть съ тѣхъ поръ, какъ удѣльные Князья стали принимать службу Великихъ Князей. Не одинъ Воротынскій имѣлъ оное. Русскаго Времянника II, 216 (подъ 1508 г.): „и встрѣчу къ нимъ" (Князьямъ Глинскимъ) „посылаетъ" (Великій Князь Василій) „слугу своего Князя Василья Ивановича Шемячича."

(112) кур. 15 об.: „мнѣ же тогда со другимъ моимъ товарищемъ правый рогъ, а по ихъ правая рука, поручена была устрояти, аще мя и во младыхъ лѣтахъ сущу, еще мнѣ тогда было лѣтъ двадесять и четыре отъ рожденія."

войско Московскихъ городовъ въ Муромѣ; у себя въ полку назначилъ дворовыхъ (придворныхъ) Воеводъ и Бояръ: Князя Владиміра Ивановича Воротынскаго и Ивана Василіевича Шереметева; а Шейхалія, призвавъ въ Москву, одарилъ многими селами въ Мещерѣ и позволилъ ему жениться на невѣсткѣ его Сююнбекѣ, вдовѣ Сафагиреевой (113). Въ то же время пріѣхалъ къ Царю, изъ Астрахани, сынъ Хана Ахкубека Султанъ Койбула, котораго Государь наградилъ городомъ Юрьевымъ и допустилъ сочетаться бракомъ съ племянницею Шейхаліевою, дочерью Джаналія.

Совѣтъ изъ обоихъ братьевъ Царскихъ, Бояръ и Шейхалія, былъ опять составленъ, для разсужденія о Казани. Ханъ отговаривалъ сперва Царю идти въ походъ, до зимы, ибо Россія имѣетъ другихъ непріятелей; Казанская же область находится въ крѣпкихъ мѣстахъ, лѣсахъ, озерахъ и топяхъ, гдѣ зимою воевать удобнѣе. Но когда Іоаннъ отвѣчалъ ему, что судовое войско, орудія, припасы уже отпущены, и присовокупилъ: „непріятели укрѣплены лѣсами и водами, а я уповаю на Бога, творящаго дурную дорогу хорошею и неприступныя мѣста проходимыми,“ то Шейхалій

(113) царк. 218: „а прежъ Сафакирея была она за Шигалеевымъ братомъ за Еналеемъ Царемъ.“ кур. 46: „полку же Царскому великому, въ которомъ было вещe, нежели двадесять тысячей воиновъ избранныхъ,“ вотъ число тѣлохранительной стражи, или Царскаго полку.

одобрилъ рѣчь Царскую, сказавъ: „Вы, Государи, правы предъ ними: они измѣнники. Богъ тебѣ помощникъ.“ Присудили отправиться Царю въ Коломну, оттуда въ Муромъ, а Саканское городище (114) и черезъ степь въ Свіяжскъ. Шейхалія отпустилъ Государь на судахъ, приказавъ везти на нихъ же съѣстные припасы и военные снаряды всего ополченія къ Мурому и Свіяжску.

Простившись съ Царицею, помолившись въ Успенскомъ Соборѣ и взявъ благословеніе отъ Митрополита, Іоаннъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, Іюня 16, кушать въ село Коломенское, а оттуда ночевать въ (село) Островъ; но дорогою встрѣтился съ посланнымъ изъ Путивля, отъ Айдара Волжина, станичникомъ (115), Иваномъ Стрѣльникомъ, который донесъ, что множество Крымцевъ, съ самимъ ли Ханомъ или Султаномъ, приближается къ Украинѣ Россійской и перешло уже Сѣверный Донецъ. По сему Царь, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, долженствовавшаго возвратиться изъ Острова, пріѣхалъ 19го въ Коломну. Самъ Волжинъ, явившійся туда, увѣдомилъ, что Крымцевъ ожидаютъ

(114) Ник. VII, 115: „да на Саканское“ (Царк. 219: „Сакапское“) „городище.“ Намъ оно неизвѣстно; однако есть деревня Саканы, отъ Мурома верстахъ въ 70, по дорогѣ къ Арзамасу.

(115) Царк. 224: „отъ Адара“ (ниже „Айдаръ“) „отъ Волжина“ (вѣроятно начальника Путивльскаго) „станичникъ“ .. караульный на станицѣ или притинѣ.

въ Рязани и Коломнѣ и что они проходятъ другія украины. Приказавъ Шейхалію быть у себя, и отпустивъ его на судахъ въ Касимовъ, — ибо сей разумный Ханъ, имѣя толстое тѣло, не могъ скоро ѣздить, не оказывалъ храбрости на войнѣ и щедрости къ подчиненнымъ (116), — Іоаннъ рѣшился на битву съ Крымцами (117); распорядилъ: Большому полку стоять у Колычева, Передовому у Ростиславля, а Лѣвой рукѣ у Голутвина (118); и получилъ новое извѣстіе (119) о стремленіи непріятелей къ Рязани. Онъ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и малымъ числомъ Бояръ, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, ѣдетъ къ Окѣ, осматриваетъ мѣста для расположенія войскъ, повелѣваетъ всѣмъ полкамъ готовиться къ бою и Полководцамъ сдѣлать

---

(116) Царк. 225: „понеже Царь веліе тѣло имяше" (лѣт. IV, 313: „пребезмѣрно толстъ") „и немогій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь" (то есть Ханъ) „преизлишне, но не храбръ сый на ратехъ и дружинѣ своей не подашливъ."

(117) Царк. 224: „Государь умыслилъ съ нимъ" (Ханомъ Крымскимъ) „дѣлати прямое дѣло."

(118) Ростиславль нынѣ погостъ Рощиславъ, Рязанской Губерніи Зарайскаго уѣзда (см. писемъ Г. Калайдовича объ Археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской Губерніи стр. 66); Голутвинъ Богоявленскій мужескій монастырь въ пяти верстахъ отъ Коломны (см. Новый . . . Географическій Словарь Россійскаго Государства); Колычево, село Московской Губерніи, Серпуховскаго уѣзда, см. Арх. к. 18.

(119) Царк. 225: „пріѣхалъ станичникъ Васька Александровъ; а сказывалъ, что многіе люди ближаютъ ко Рязани."

смотръ ратникомъ; ободряетъ Воеводъ и дѣтей Боярскихъ; а они, обнадеженные его словами, восклицаютъ: „Государь! мы готовы вкусить смерть за тебя и вѣру Христіянскую."

Послѣ отправленія къ Митрополиту и Царицѣ письма Іоаннова о нашествіи Крымцевъ, прискакавшій 21 го гонецъ изъ Тулы увѣдомилъ Царя, что непріятели — упоѵательно Султанъ не со многими людьми — приближились къ сему городу. Государь поручилъ тотчасъ Князьямъ, Щенятеву и Курбскому, отъ Коширы, Пронскому и Хилкову, отъ Ростиславля; а Михайлу Ивановичу Воротынскому, отъ Колычева, двинуться къ Тулѣ; самъ же поутру хотѣлъ слѣдовать туда съ войскомъ многочисленнымъ. Уже разставляли часовыхъ ночью (120), когда пріѣхалъ еще Тульскій Городчикъ (121) и донесъ, что приходили Крымцы только въ числѣ 7000, грабили и возвратились назадъ. Но Іоаннъ велѣлъ отряженнымъ Воеводамъ идти поспѣшно, посылая впередъ для развѣдыванія: велико ли число непріятелей и можно ли застать ихъ? себя же увѣдомлять безпрестанно. Въ четвергъ 23,

(120) Такъ перевели мы Царк. 228 (ник. VI. 123, лв. IV. 318): „и часы отдаютъ нощные противъ среды." Іюня 21 число было тогда во вторникъ.

(121) Царк. т. ж.: „пригонилъ съ Тулы городчикъ," Боярскій сынъ (думаемъ), приписанный къ городу, а не къ столицѣ или ко двору Царскому: ибо были дѣти Боярскіе дворовые и городовые. См. Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ I, No 192.

сидя за столомъ, получилъ онъ изъ Тулы, отъ Князя Григорія Ивановича Темкина, извѣстіе, что Крымскій Ханъ приступаетъ къ означенному городу, имѣя много огнестрѣльныхъ орудій и Янычаръ Турецкихъ и что Крымскіе Татары грабятъ; всталъ не дообѣдавъ; приказалъ Епископу Ѳеодосію служить наскоро молебенъ съ вечернею (122); отпустилъ Воеводъ полку своего, для устроенія онаго, за городъ; и приказалъ Мстиславскому съ Воеводами Лѣвой руки немедленно переѣзжать Оку. Отслушавъ вечерню, Государь пустился прямо къ Тулѣ, черезъ Коширу; благоустроенные полки его не помѣстились на поляхъ Коломенскихъ (123); близъ Каширы предсталъ къ нему еще гонецъ Темкина, Григорій Сукотинъ, и донесъ, что вчерашняго дня (Крымскій) Ханъ Девлетгирей, на всеобщемъ приступѣ, разя Тулу изъ пушекъ огненными ядрами и стрѣлами, зажегъ ее во многихъ мѣстахъ; что малое число воиновъ, находившихся у

(122) царк. 228: „прилучибося во утріи Рождество Ивана Предтечи: обычай бо имяше Царь благочестивый никогдаже погрѣшити закономъ уставнаго правила.“

(123) царк. 229. 230: „но и поля Коломенскіе ихъ не вмѣщаху“ . . . „и дивишись всѣмъ величеству полкомъ и урядству Царскому“ . . . „не всѣ бо люди совокуплены тутъ, многіе люди были въ Свіяжскомъ городѣ для Казани, дворянъ и дѣтей Боярскихъ, такоже просто реку и въ Муромѣ всѣ Московскіе городы; а со Государемъ на Коломнѣ Бояре его и жильцы“ (дѣти Боярскіе, живущіе въ Москвѣ) „выборомъ дѣти Боярскіе, а въ полкахъ Новгородцкіе люди.“

ознаменнаго Князя — ибо прочіе уѣхали къ Государю — отбило осаждающихъ. Въ четвергъ по утру начался опять приступъ; но въ городѣ разнесся слухъ о походѣ Царя, и увидѣли со стѣнъ большую пыль, ополченіемъ Россійскимъ производимую. „Боже милостивый! помоги намъ!" — вскричали осажденные — „Царь приближается;" устремились всѣ, даже отроки и женщины (124) противу враговъ; убили шурина Ханскаго Камбирдѣя со множествомъ Татаръ у крѣпости; овладѣли всѣмъ ихъ огнестрѣльнымъ снарядомъ; и Девлетъ-Гирей обратился въ постыдное бѣгство. Тогда, у города, встрѣтились Темкину Воеводы: Князь Михаилъ Репнинъ съ Прони и Ѳеодоръ Салтыковъ изъ Михайлова.

Желая преслѣдовать Хана, на другое утро, Царь остановился ночевать у Коширы. Рано въ пятницу 24го, пріѣхалъ къ нему отъ Воеводъ гонецъ Бѣбегъ Глѣбовъ (125) съ донесеніемъ, что Ханъ удалился за три часа до ихъ прибытія и много Крымцевъ было еще на грабежѣ; что Воеводы истребили и плѣнили значительное ихъ число и отняли добычу. У рѣчки Шивороны (126)

(124) царк. 232: „и жены воспріяше мужескую храбрость и младые дѣти."

(125) Такъ ник. VII. 126, царк. 232 и лв. IV. 324. Имени сего нѣтъ въ Мѣсяцословѣ, но подобныхъ находится много.

(126) Рѣчка Шиворона Тульской Губерніи, Богородицкаго уѣзда, падаетъ въ Упу, см. Арх. к. 31. Кур. 10 об: „войскамъ Татарскаго аки Третина, або вяще, остала была въ загонѣ и шли ко граду" (Ту-

разбитые нагнали Девлетгирея, который приказалъ зарѣзать множество верблюдовъ, оставилъ иныхъ живыхъ съ тѣлегами и пустился бѣжать. Когда сихъ верблюдовъ и языковъ Крымскихъ представили Іоанну, то послѣдніе въ допросахъ объявили, что Ханъ, услышавъ о походѣ Царя со всѣмъ войскомъ къ Казани, устремился на Россію и, узнавъ отъ станичниковъ, взятыхъ близъ Рязани, что Государь ждетъ его въ Коломнѣ, хотѣлъ идти назадъ; но вельможи присовѣтовали ему осадить Тулу, находящуюся за крѣпкими мѣстами и лѣсами далеко отъ Коломны. По возвращеніи опять въ сей городъ, Іоаннъ послалъ Ивана Петрова сына Яковлева возвѣстить Царицѣ, Митрополиту и брату своему Георгію, а Өеодора Черемисинова Свіяжскимъ Воеводамъ, о побѣдѣ надъ Ханомъ, давая знать послѣднимъ, что отправляется къ Казани. Языки, верблюды и орудія, взятые у Крымцевъ, отпущены были съ Симеономъ Яковлевымъ въ Москву. Полководцы, возвратившіеся, 1 Іюля, изъ Тульскаго похода въ Коломну, донесли Государю о быстромъ отступленіи Девлет-

---

лѣ) „надѣющеся Царя ихъ стояща. Егда же разсмотриша и увѣдаша о насъ, ополчишася противу насъ. Мыжъ абіе сразившеся съ ними и пребывала битва аки на полдвѣ годины“ (часа) „потомъ помогъ Богъ намъ Христіаномъ надъ босурманомъ и толико избихомъ ихъ зѣло, мало ихъ едва вѣсть во Орду возвратилось. На той но битвѣ и самъ азъ тяжкія раны на тѣлеси отнесохъ, яко на главѣ такъ и на другихъ составахъ.“

Гирея, удалявшагося верстъ по 60 или 70 въ сутки и оставлявшаго много людей; о чемъ сказывали многіе очевидцы, его преслѣдованіе.

Наградивъ Воеводъ за службу, Царь желалъ разсуждать съ Владиміромъ Андреевичемъ, Боярами и Военачальниками: какими путями слѣдовать до Казани? и опредѣлилъ раздѣлиться надвое, для помѣщенія людей: самому идти черезъ Владиміръ и Муромъ, а Воеводъ отправить черезъ Рязань и Мещеру; соединяться же всѣмъ за Алатыремъ (127). Но въ войскѣ случилось несогласіе: дѣти Боярскіе Новогородцы докучали Царю просьбами, что, будучи съ весны на службѣ (128), не могутъ они идти въ столь дальній путь и стоять тамъ долго. Іоаннъ, оскорбившись такими неумѣстными рѣчами, велѣлъ сдѣлать списокъ о людяхъ, желающихъ участвовать въ походѣ, опредѣлилъ дать кормленія (129) у Казани; а неимѣющимъ возможности къ походу назначилъ остаться въ Коломнѣ; и приказалъ спросить о нуждахъ всѣхъ воиновъ, дабы и впередъ знать ихъ недостатокъ. Хотя многіе безпомѣстные и испомѣщенные (130), не

(127) Рѣка Алатырь, протекая южными мѣстами Нижегородской Губерніи, соединяется въ Симбирской Губерніи съ Сурою. См. Зяб. IV, 121.

(128) Царк. 235: „на службѣ отъ весны, а инымъ за Царемъ ходящимъ и на бояхъ бывшихъ."

(129) Царк. т. ж.: „Государь хощетъ жаловати и подъ Казанію перекормити", то есть дать кормленія. См. ниже N. 241.

(130) Царк. т. ж.: „и многіе безпомѣстные, а иные и помѣстные многіе ...." то есть дѣти Боярскіе.

желающіе идти, обнимая опять до увидѣнія, что Царь не ищетъ мірской славы, и печется только о Христіанствѣ, отвѣчали и поодиначкѣ и вмѣстѣ: „Готовы ѣхать Государь; онъ попечитель нашъ и здѣсь и „тамъ; да поступитъ съ нами, какъ Богъ „внушитъ ему.“

(Окончаніе въ слѣд. Нумерѣ.)

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ПОРТРЕТЪ.

Онъ прямо, величаво ходитъ
И часто въ думу погруженъ;
Съ роднаго неба глазъ не сводитъ,
Какъ будто въ небо онъ влюбленъ.

*

Когда уснетъ съ своей мечтою,
Такъ не добудишься его;
Какъ разыграется душою,
Себя забудетъ самого...

*

Онъ любитъ пламенно науки,
Онъ любитъ искренно друзей,
И слышитъ въ нихъ живые звуки
Души чувствительной своей.

*

Друзья со взоромъ безпристрастнымъ
Находятъ въ немъ одинъ порокъ:
Онъ слишкомъ увлеченъ прекраснымъ
И побѣдить его не могъ.

*

Средь шумнаго веселій круга
Ему все снится красота:
Она души его подруга,
Его любимая мечта.

*

ВЕНЕРА и ЭРОТЪ.

Венера.

Послушай, сынъ мой! каждый богъ
Избѣгнуть стрѣлъ твоихъ не могъ —
И мощный Дій и Посидонъ,
Богиня Рея, Аполлонъ
И я — твоя родная мать.
Одну Минерву ты сражать
Не въ силахъ — будто на нее
И нѣтъ огня — и все твое
Искусство слабо — и рука
На грудь богини не мѣтка.

Эротъ.

Родная! страшны въ ней и взглядъ
И весь воинственный нарядъ.
Робѣю предъ ея лицемъ;
Лишь потрясетъ она копьемъ,
Когда стрѣлу я навожу,
Вдругъ трепетъ въ сердцѣ, весь дрожу,
Слабѣетъ напряженный лукъ —
И стрѣлы падаютъ изъ рукъ.

Венера.

Но ты Арея, бога силъ,
Обезоружилъ, побѣдилъ?

Эротъ.

Онъ самъ же полюбилъ меня;
Но; ахъ! Минервой презрѣнъ я.

Когда онъ ней не вдалекѣ
Лечу съ свѣшильникомъ въ рукѣ,
Она зовешъ: „Клянусь ощцемъ,
Я поражу шебя копьемъ,
Иль въ безднахъ ада пошоплю,
Или руками истреблю!“
Ужасенъ взглядъ ея очей;
Пришомъ же на груди у ней
Лежишъ пресшрашное лицо;
На мѣсто волосовъ въ кольцо
Свилися змѣи — грозенъ видъ,
Какъ взглянешь, онъ окаменишъ;
Бѣгу его. . . . .

Венера.

Ну пусшь она
Своей Горгоною сшрашна,
Хошя съ перунами небесъ
Тебѣ не сшрашенъ самъ Зевесъ,
Почшожъ шы Музъ всегда робѣлъ?
Онѣ швоихъ не знаюшъ сшрѣлъ,
Хошя ихъ знаешъ Аполлонъ:
У нихъ ни копьевъ, ни Горгонъ!

Эрашъ.

Я ихъ сшыжусь: онѣ скромны,
Всегда въ мечшы погружены,
Всегда поюшъ — ихъ пѣснь мила;
Не напрягаешся сшрѣла
На дѣвъ прекрасныхъ и младыхъ:
О, я заслушиваюсь ихъ!

Венера.

Пускай за скромность ихъ хранишь:
За чтожь Діану ты щадишь?

Эротъ.

Не мнѣ ее стрѣлой нагнать;
Она не перестаетъ скакать
По высямъ горъ, въ глуши лѣсовъ.

Венера.

Къ чему?

Эротъ.

А серна, вепрь и лань!
Ея забава — съ ними брань.
Но братъ ея, хоть самъ стрѣлокъ
Искусный, стрѣлъ моихъ не могъ
Избѣгнуть. . . .

Венера.

Знаю, мой Эротъ;
Онъ много ранъ въ груди несетъ.

СПЯЩІЙ и БОДРСТВУЮЩІЙ.

„Дай мнѣ покой, я сплю"... — Мнѣ такъ не спится! —
„Неправда,"
— Бредишь ты, другъ! — „Я любилъ!" — А! ты во
снѣ говоришь. —

„Чтожъ у тебя на яву?" — Да проснися... сокровище... видишь?
„Видишь?.. Да можно ли, другъ, видѣть глазами его?"

(Изъ Гёте.)

НОВЫЙ ВЛАДЫКА.

Царственный странникъ пришелъ на хладномъ почить изголовьѣ.
Вей, Церера, вѣнки, — спящаго ими обвей!
Смолкнули вѣрные псы; усопшаго воронъ пробудитъ,
Бодро народы спѣшатъ новую встрѣтить судьбу.

(Изъ Гёте.)

ПѢСНИ.

Нѣтъ, мой другъ, небесныхъ пѣсенъ
Не сковать намъ въ узы словъ;
Нашъ языкъ для вольныхъ тѣсенъ:
Рвутся въ небо изъ оковъ.
Міръ невѣрный быстротеченъ,
Но онѣ живутъ одни:
Каждый звукъ да будетъ вѣченъ,
Какъ любовь твоя ко мнѣ.

(Изъ Гёте.)

СОНЪ МИНУТНАГО СЧАСТІЯ.

Какъ памятно мнѣ странничество наше
Въ тотъ монастырь! весна ... и неба высь

Подобилась огромной, синей чашѣ,
Изъ коей благъ на насъ струи лились
Въ дыханіи веселаго зефира!
И стройно чувствъ во мнѣ играла лира;
Какъ мотыльки, любви моей мечты
Вокругъ тебя рѣзвились . . . дѣва, ты
Сердечнаго властительница міра,
Ты шла со мной . . . я близостью твоей
Былъ упоенъ, томимъ и очарованъ —
Рвался къ тебѣ, — порывъ души моей
Былъ тягостнымъ приличіемъ окованъ!

Мнѣ памятенъ тотъ пышный мавзолей,
На коемъ ты усталая сидѣла,
И взорами мечтательныхъ очей
На небеса привѣтныя глядѣла;
И каждый взоръ, я это могъ понять,
Моленье былъ за страждущую мать,
И небомъ мнѣ глаза твои казались:
Какъ Ангелы, такъ мысли увивались —
И я мечталъ: ты райскихъ странъ жилецъ,
Ко мнѣ боговъ посланникъ благотворныхъ
И неземной смиренія вѣнецъ
Въ твоихъ звѣздился кудряхъ чёрныхъ!

Баронъ Розенъ.

ПРОЗА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ІУДЫ.

Повѣсть, соч. Крузе.

Въ трегпье воскресенье послѣ Пятидесятницы 17. года, Магистръ Олай Хемницъ, священникъ церкви Святыя Троицы въ городѣ А***, совершивъ литургію и сказавъ благочестивымъ слушателямъ трогательное поученіе о погибшей овцѣ и потерянной драхмѣ, возвращался домой изъ храма. Дорогой показалось ему, что кто-то идетъ по слѣдамъ его; онъ оборотился, и увидѣлъ неизвѣстнаго человѣка, которой видомъ своимъ внушалъ ему страхъ невольный. Незнакомецъ былъ среднихъ лѣтъ, высокъ и плотенъ; черты лица имѣлъ рѣзкія; густая рыжая борода обвивала лице его, и волосы такого же цвѣта были видны изъ подъ низкой, но широкой шляпы; одеждою своею походилъ онъ на моряка. Хемницъ отворотился отъ страшнаго незнакомца и ускорилъ шаги свои, самъ стыдясь своего страха, котораго не могъ объяснить себѣ; но едва достигъ онъ своихъ покоевъ и скинулъ съ себя свое пасторское платье, какъ вдругъ постучались у двери, — онъ отворилъ, и вошелъ незнакомецъ.

Вошедши, остановился онъ у двери, надвинулъ шляпу на голову и не говорилъ ни слова. Хемницъ, держась одною рукою за стулъ, холодно взглянулъ на незнаком-

ца и спросилъ его твердымъ голосомъ: „Кто вы и за чѣмъ пришли ко мнѣ?“

— Мое имя Михаилъ Гавенрейтеръ, — отвѣчалъ пришлецъ, не открывая глазъ. — Я та погибшая овца, та потерянная драхма, о которой нынѣ вы говорили. —

По симъ словамъ, равно и по голосу, коимъ они были сказаны, Магистръ заключилъ, что онъ видитъ передъ собою кающагося грѣшника. Покоривъ чувство страха, которое при первомъ взглядѣ на него имъ овладѣло, пасторъ обратился къ нему съ кроткими словами сострадательнаго участія и пригласилъ его сѣсть.

— Нѣтъ, почтенный отецъ! — возразилъ неизвѣстный, — не сидя, а стоя, хочу я открыть предъ вами свое сердце, если вы благоволите выслушать мою исповѣдь: вы умѣли найти ключь къ моимъ сокровеннымъ тайнамъ. Хотите ли спасти меня? хотите ли избавить грѣшника отъ муки вѣчной? —

„Нѣтъ, самъ я не могу, — но укажу путь къ Тому, Кто можетъ.“

— Такъ и я думаю. Но если открою вамъ такое дѣло, отъ коего содрогнется душа ваша, дѣло, за которое законы назначаютъ смертную казнь, — сохраните ли вы въ душѣ своей мою тайну? —

Сіи слова вселили новый трепетъ въ цѣлителя душъ немощныхъ. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на пришельца, отступилъ

назадъ и спросилъ его съ испытующимъ взоромъ: „Но развѣ вы такой великій грѣшникъ?"

— Великій или малый, не всё ли равно для того, кто ищетъ спасенія? Если такъ, то прощайте. — Онъ хотѣлъ уйти, но Хемницъ остановилъ его за руку и, заставивъ его сѣсть на стулъ, сказалъ: „Ни за что въ свѣтѣ не отпущу тебя; останься здѣсь, прими помощь. Правда, что Вышній Судія не разбираетъ, великъ или малъ грѣшникъ, приходящій къ Нему съ раскаяніемъ. Но помни, что ничего скрывать не надо. Скрывая отъ меня, ты скрываешь и отъ Него, и Онъ не проститъ тебя."

— Ничего не скрою. Меня мучатъ дикія, необузданныя страсти; съ малыхъ лѣтъ еще я былъ рабомъ грѣха. — Если есть на землѣ люди, которые творятъ зло по какой-то необходимости, — я изъ числа ихъ. Я осужденъ на воровство. —

„На воровство?" воскликнулъ изумленный Хемницъ. — Да, — отвѣчалъ иноземецъ. — Я воровалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ себя помнить. Еще въ ребячествѣ у меня были потаенныя мѣста, куда я пряталъ все, что мнѣ въ глаза попадалось. Разъ меня поймали на дѣлѣ и наказали жестоко. Но я не унялся; самъ себѣ говорилъ: это грѣхъ! и какою-то невольною силой влеклись мои руки къ чужому добру. Я воръ отъ природы. Мнѣ разсказывали, что мать моя, когда носила меня въ утробѣ

своей, каждое утро для какихъ-то своихъ удовольствій тайно брала деньги у моего отца во время сна его: страсть моей матери не прошла мнѣ даромъ; вся жизнь моя служитъ тому печальнымъ свидѣтельствомъ. Меня отдали въ школу; но замѣтивъ мой порокъ, отовсюду меня выгоняли. Къ этой ненавистной склонности присоединилось и другое странное свойство: съ малыхъ же лѣтъ я сдѣлался лунатикомъ. Въ каждое новолуніе я съ открытыми глазами, но ничего не видя, вставалъ съ постели, и ночью принимался за то, что мнѣ днемъ не удавалось. Однажды во время обѣдни я вошелъ въ церковь; священникъ раздавалъ дары Божіи; богатые сосуды привлекли мое жадное вниманіе. Я не могъ отвратить отъ нихъ взоровъ, не смотря на всѣ усилія. „Выдь изъ церкви," говорилъ я самому себѣ. Въ ту же минуту какая-то невидимая рука притянула меня къ алтарю; необоримой силою прикованы были мои очи къ блестящему металлу. Я противъ воли подошелъ къ самому престолу; прислужникъ церковный оттолкнулъ меня. Но буйная страсть еще болѣе усиливается отъ препятствія: такъ было и со мною. Золотой сосудъ безпрестанно представлялся моимъ взорамъ. Часто бродилъ я около церкви и выжидалъ случая; но какъ нарочно его не было. Нѣсколько дней терзали меня ужаснѣйшія ощущенія. Разъ ночью встаю я во снѣ, одѣваюсь, отворяю маленькое окно чердака, гдѣ я спалъ, выхожу на

кровлю, по водяному желобу спускаюсь внизъ на улицу, и иду прямо къ церкви. Не смотря на глубокій мракъ, всѣ предметы я различалъ ясно, но не зрѣніемъ, а какъ будто во снѣ. Еще теперь помню живо все, что со мною въ эту ночь случилось. Дошедъ до церкви, я нѣсколько разъ обошелъ ее кругомъ и высмотрѣлъ всѣ мѣста. Покачавъ головою, хотѣлъ ужь идти назадъ, не кончивъ дѣла, какъ вдругъ довольно высоко на стѣнѣ замѣтилъ маленькое окно, которое, вѣроятно, было отворено во время службы для очищенія воздуха. Противъ него стояла высокая и толстая липа. Я на нее вскарабкался по вѣтвямъ до окошка и оттуда благополучно спустился въ церковь.

„Я стоялъ передъ алтарем и простиралъ свои руки къ большой серебряной кружкѣ, къ тяжелой чашѣ и къ золотой тарелкѣ; но въ то же время мнѣ пришло на мысль, что я всего не могъ взять съ собою, а мнѣ все хотѣлось имѣть. Наконецъ я рѣшился сначала унести чашу и сосудъ, и, спрятавъ ихъ, возвратиться за третьей вещью. Золотую тарелку я скрылъ на груди, чашу привязалъ подвязками къ тѣлу — и отправился назадъ. Все было успѣшно; до времени я скрылъ свою добычу въ постели и пошелъ въ другой разъ. Скоро очутился я у алтаря и пробовалъ въ рукѣ серебряную кружку. Крышка можетъ стучать," подумалъ я, „и старался ногтями, а потомъ зу-

бами, вынуть гвоздь, ее прикрѣплявшій. Крышку я спряталъ за нагрудникомъ, и, кружку привязавши къ тѣлу, сталъ спускаться внизъ. Но судьба хотѣла мнѣ противиться: часовой на ту пору, какъ слѣзалъ я съ липы, шелъ подъ нею и закричалъ: два часа. Его страшный окликъ пробудилъ меня отъ сна, и я вдругъ упалъ съ дерева на мостовую и отъ боли закричалъ во весь голосъ. Часовой поспѣшилъ ко мнѣ, спросилъ кто я, откуда, за чѣмъ? и проч.; но я лежалъ почти безъ чувства и не могъ произнести ни слова. Меня принесли въ полицію, и только на другой день изумленные жители города узнали мое преступленіе. Я принужденъ былъ открыть всѣ потаенныя мѣста, куда пряталъ краденое прежде, и съ какимъ удивленіемъ обыватели находили вновь свои вещи подъ поломъ, въ землѣ, за древними стѣнами, въ дуплахъ и въ другихъ мѣстахъ. Я выздоровѣлъ; меня наказали публично на площади и отправили съ однимъ Индѣйскимъ купцомъ на корабль. И такъ я сдѣлался морякомъ."

Онъ умолкъ; Пасторъ Хемницъ испустилъ глубокой вздохъ, какъ будто тяжелое бремя отлегло отъ его сердца, сложилъ руки и сказалъ: — „Слава Богу, слава Отцу нашему!" —

„Да!" продолжалъ Гавенрейтеръ. „Я также благодарю Бога, Который направилъ туда судьбу мою: на пустомъ морѣ, подъ строгимъ надзоромъ, я не могъ найти ни-

щи для своей пагубной склонности. Стихія, меня носившая, согласна была съ моей дикою природою. Я былъ удалъ, живъ, смѣлъ: товарищи меня за то любили. Я и на кораблѣ продолжалъ свои ночныя странствія; не разъ сонный во время сильнаго штурма взбирался на мачту и выглядывалъ, нѣтъ ли гдѣ земли. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что, когда выступали мы на землю, я не всегда давалъ рукамъ покой; судьба виновата: она мнѣ спускала, а я тѣмъ больше поваживался; нечего разсказывать вамъ мѣста, гдѣ воровалъ я; для того я долженъ бы былъ перечесть вамъ всѣ, въ которыхъ былъ.“

— Несчастный! — воскликнулъ Хемницъ съ чувствомъ искренняго сострадамія. — Но развѣ ты не старался побороть этой страсти? —

„Старался, но всѣ усилія были тщетны. Между тѣмъ я успѣвалъ въ службѣ и сдѣланъ былъ главнымъ кормчимъ. Однажды мы пристали къ городу Альборгу, это въ сѣверной Ютландіи. Тамъ находится большое собраніе для купцовъ и моряковъ. Я, какъ иностранецъ, пришелъ туда и втѣснился въ веселую компанію. Отъ моего вниманія не ускользнули богатые золотые часы съ репетиціею у одного купца. Какъ взвидѣлъ ихъ, такъ и зашевелился у меня демонъ въ сердцѣ. Дай достану ихъ. Все было тщетно: отойду отъ купца, — и какъ нарочно опять сойдусь съ нимъ. Наконецъ

я такъ успѣлъ превозмочь себя, что вышелъ изъ этого дома. Наступила ночь, я думалъ про себя: теперь всѣ расходятся по домамъ, нечего бояться искушенія. Опять туда — и лишь только вошелъ въ комнату и окинулъ ее глазами, какъ вдругъ вижу, — этотъ самый купецъ сидитъ одинъ поодаль за столомъ. Демонъ превозмогъ всѣ мои силы; я подсѣлъ къ нему, пустился съ нимъ въ разговоры; онъ съ удовольствіемъ слушалъ мои разсказы о морскихъ путешествіяхъ. Становилось поздно; онъ собрался домой, я за нимъ.

„Намъ надо было проходить большой мостъ; я спросилъ моего спутника, которой часъ. Онъ вынулъ часы; темнота не позволила видѣть, и потому онъ прибѣгнулъ къ репетиціи; звонъ не успѣлъ прекратиться, какъ я вырвалъ ихъ у него изъ рукъ и сказалъ: „Часы мои, хоть бы то жизни стоило.“ Я спряталъ ихъ и бросился бѣгомъ черезъ площадь; онъ, закричавъ караулъ, пустился за мной. Часовые за нимъ; они едва меня не нагнали, какъ вдругъ случись переулокъ, я къ него. Но и тутъ не было спасенія: за мной гнались по двумъ улицамъ. Я задыхался отъ усталости и чувствовалъ, что не уйти мнѣ отъ погони. Болѣе сотни человѣкъ бѣжало за мною. Я очутился на улицѣ, которая вела прямо къ рѣкѣ, а на рѣкѣ была мѣльница. Думать было некогда, я бросился въ воду и ухватился изо всей силы за жерновъ, который

въ то время былъ въ покоѣ. Я на шагъ былъ отъ смерти. Преслѣдователи мои сбились съ толку; они спрашивали: „гдѣ онъ? не здѣсь ли исчезъ?“ Нѣкоторые искали по берегу; другіе доходили по водѣ почти до самаго того мѣста, гдѣ я скрывался. Но я уже рѣшился скорѣе утонуть, чѣмъ даться въ руки, и въ сію-то страшную минуту я произнесъ обѣтъ, что, если выду живъ изъ этой напасти, то даю клятву никогда не оставлять корабля и не выходить на землю, куда бы ни пріѣхалъ. Не успѣлъ я сказать обѣта, какъ вдругъ ближайшій ко мнѣ человѣкъ закричалъ: „Самъ чортъ тутъ не усидитъ. Нѣтъ, онъ вѣрно черезъ мостъ ушелъ.“ Черезъ двѣ минуты никого уже не было; я отправился на корабль и долго мучился послѣ этого лихорадкой.“

— Явное присутствіе Божіе, — воскликнулъ Хемницъ, сложивъ руки. — Что же? сдержалъ ли ты слово? —

„Да, нѣсколько времени, но съ большимъ усиліемъ. Когда же я самъ сдѣлался начальникомъ корабля и завелъ свой корабль, это обстоятельство сильно подавило, хотя не совсѣмъ истребило мою склонность. Я по необходимости обязанъ былъ выходить на землю, куда призывали меня занятія. Много законныхъ способовъ открылось мнѣ къ пріобрѣтенію собственности; но чѣмъ болѣе пріобрѣталъ я, тѣмъ сильнѣе страсть возрастала въ моемъ сердцѣ. Короче: я снова впалъ въ тотъ же грѣхъ.“

Едва лишь кончилъ онъ сіи слова, какъ Георгъ, маленькій сынъ Хемница, весело вбѣжалъ въ комнату; но едва увидѣлъ онъ иноземца, какъ съ крикомъ бросился къ отцу и скрылъ свою голову въ его одежду.

Хемницъ поднялъ сына обѣими руками, поцѣловалъ его и сказалъ: — Что съ тобою, Георгъ? чего ты испугался? —

„Да вонъ-кого, папинька," отвѣчалъ мальчикъ, со страхомъ посматривая на Гавенрейтера, а руками крѣпко ухвативъ отца своего. „Послушайте меня, папинька: вышлите его вонъ. Посмотрите, какъ волосы у него обрызганы кровью."

Отецъ сдѣлалъ сыну выговоръ и отвелъ его въ ближнюю комнату. — Какой вздоръ приходитъ дѣтямъ въ голову! — сказалъ онъ, возвратившись назадъ. — Молодое воображеніе, Богъ знаетъ, какъ обманываетъ ихъ взоры: твои рыжіе волосы показались ему кровью! —

„Кровью!" воскликнулъ Гавенрейтеръ. „Ахъ! младенецъ говоритъ правду."

Съ ужасомъ отступилъ Хемницъ отъ преступника. — Что ты говоришь? Скажи мнѣ откровенно: подумалъ ли ты о томъ, что сказалъ сей часъ? —

Гавенрейтеръ размышлялъ съ минуту въ молчаніи. „Я ничего не скрою. Повѣсть моя не длинна. Однажды я находился въ Антверпенской гавани, откуда долженъ былъ съ грузомъ отправиться въ Норвегію. Разъ явился ко мнѣ пассажиръ, о которомъ, можетъ быть, вы слыхивали;

Иванъ Баптистъ Тавернье, этотъ славный путешественникъ, который еще въ молодости объѣхалъ половину Европы, а потомъ, въ продолженіе сорока лѣтъ, странствовалъ по Турціи, по Восточной Индіи и Персіи. Тогда ему было ужь 80 лѣтъ, но онъ все не могъ усидѣть на мѣстѣ. Ему хотѣлось на сѣверъ; мы скоро согласились въ цѣнѣ. Онъ былъ ювелиръ и до возможнаго совершенства довелъ свое художество. Имъ пріобрѣлъ онъ несмѣтное богатство; у него не было ни дѣтей, ни родни, и потому все оно состояло или въ векселяхъ, или въ драгоцѣнныхъ камняхъ, которыми онъ во время своихъ путешествій велъ значительную торговлю.“

— Я слыхалъ объ этомъ Тавернье, — сказалъ Хемницъ. — Онъ, говорятъ, умеръ въ Москвѣ. —

„Москва или Москій!“ продолжалъ Гавенрейтеръ. „Въ одномъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, а въ которомъ — вы отъ меня всего вѣрнѣе узнаете. Путь отъ Антверпена до береговъ Норвегіи довольно пространенъ, и было время произрасти сѣмени преступленія и принести плодъ. Еще тогда, какъ матросы ставили на корабль сундуки ювелира, я думалъ про себя: какое богатство! а потомъ: что, еслибъ быть также, какъ онъ, богатымъ! и наконецъ: что, если бы пріобрѣсти его богатство! Такъ скоро и далеко шагаетъ порокъ въ сердцѣ человѣческомъ. Сначала я хотѣлъ прогнать сіи мысли, и когда мы пустились въ путь и я

принялся за дѣла свои, онѣ, казалось, меня совсѣмъ оставили; но когда корабль плылъ спокойно, онѣ, неотступныя, съ новою силою ко мнѣ возвращались. Я даже самъ не зналъ, какъ сильно овладѣли онѣ моей душою, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ Таверньe, однажды утромъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее. Ночью вдругъ ему послышалось, что кто-то шевелился въ каютѣ; слышными шагами ходилъ взадъ и впередъ; тихо стучалъ въ сундуки; потомъ остановился надъ его постелью и тихо удалился. Я по разсказу узналъ, что это я самъ бродилъ по каютѣ сонный, и увѣрился, что злая страсть сильно овладѣла мною. Чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ болѣе сатана искушалъ меня, и все подъ разными образами; мнѣ приходило въ умъ: что, если старикъ захвораетъ и умретъ на морѣ? весьма возможно, что онъ завѣщаетъ мнѣ что нибудь. Въ другой разъ я думалъ: онъ по лѣтамъ своимъ очень крѣпокъ и надеженъ; но бываютъ примѣры, особенно на морѣ, гдѣ одна доска отдѣляетъ жизнь отъ смерти: вскружилась голова, оступился, и все кончено. Правда, это было бы очень грустно; но вѣдь ни одна душа въ мірѣ объ немъ бы не пожалѣла. Путешествіе было очень счастливо; мы достигли той страны, гдѣ ужасный Москейскій водоворотъ крутитъ свои всепожирающія волны. Мы находились на этомъ самомъ опасномъ для пловцовъ мѣстѣ, какъ вдругъ Таверньe, который, стоя подлѣ меня, наблюдалъ необыкновенное зрѣлище, упалъ въ воду. . . .“

— О Царь небесный! — воскликнулъ Жехницъ; — и не льзя было спасти его? —

„Не возможно. . . Онъ упалъ; черезъ минуту онъ выплылъ изъ волнъ своею бѣловласой головою, бросилъ на меня взоръ сожалѣнія и закричалъ громко: Гавенрейтеръ! и еще разъ: Гавенрейтеръ! Водоворотъ одолѣлъ его; тысячи волнъ кружились за нимъ, и предъ глазами моими, какъ будто жорновъ, увлекали его въ бездну."

— Онъ упалъ, вы говорите? — спросилъ Жехницъ.

„Да. Весьма естественно, что при видѣ водоворота у него закружилась голова; но мнѣ кажется, еслибъ я не стоялъ подлѣ него, онъ бы не упалъ."

—Какъ? — возразилъ изумленный Пасторъ. — Но вы его не касались, Гавенрейтеръ? Вы смирно стояли подлѣ него? не такъ ли? Вы молчите? Ради Бога скажите скорѣе, что вы не тронули его пальцомъ. —

„Да не пальцемъ я тронулъ его, но цѣлою рукою. Такъ, я толкнулъ его, и вотъ почему мои волосы, какъ у Іуды, обрызганы кровью."

—Боже правосудный! — пролепеталъ благочестивый Пасторъ въ трепетѣ ужаса, — и рука Господня васъ не поразила? —

„Нѣтъ, поразила!" продолжалъ Гавенрейтеръ. „Въ тотъ же день мой корабль разбился; я не спасъ ни полушки, кромѣ этой бѣдной жизни, которая и того не стоитъ. Рука Господня поразила меня и теперь еще

тяжелѣетъ надо мною. Часто во время моихъ ночныхъ странствій я слышу, что ювелиръ зоветъ меня по имени, и я въ судорогахъ пробуждаюсь." Онъ умолкъ.

Долго безмолвствовалъ Хемницъ, погрузившись въ глубокое размышленіе. Наконецъ онъ сказалъ: — Кончена ли твоя исповѣдь, Михаилъ Гавенрейтеръ? —

„Другимъ грѣхамъ я не подверженъ," отвѣчалъ онъ; „всѣ страсти другихъ моряковъ, женщины, вино, игра, меня не искушали; я даже былъ холоденъ къ тѣмъ красавицамъ, которыя другимъ кружили головы. Ни вина, никакого горячаго напитка я не люблю; игра меня ужасаетъ. Одинъ только бѣсъ овладѣлъ мною, и я еще послѣднимъ примѣромъ заключу мою исповѣдь. Когда я вошелъ сюда, у васъ на письменномъ столикѣ лежалъ червонецъ; я укралъ его въ то время, какъ вы своего сына вывели въ ту комнату; вотъ онъ." Онъ вынулъ изъ кармана монету и положилъ ее на столъ.

— Страшный человѣкъ! — воскликнулъ Хемницъ, ты согрѣшаешь, исповѣдуясь въ грѣхахъ своихъ! Глубоко ты палъ въ бездну порока. —

„Но я ужь сказалъ вамъ," отвѣчалъ Гавенрейтеръ, „что̀ хочу я, того не дѣлаю, а чего не хочу, то и дѣлаю; не смотря на то, я совершенно сознаюсь въ моемъ порокѣ и въ семъ-то сознаніи вопрошаю васъ: возможно ли для меня спасеніе?"

Онъ всталъ. Хемницъ молчалъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ размышленіи.

—Въ бесѣдѣ съ Богомъ я размыслю о твоемъ намѣреніи, — сказалъ Хемницъ, — въ теплой, искренней молитвѣ повѣдаю Ему скорбь твою. Приходи завтра ко мнѣ въ этотъ же часъ. . . Нѣтъ, постой, я лучше придумалъ. Не оставляй своего корабля, будь на немъ, слышишь ли? Если ты хотя разъ покажешься на улицѣ, то я прерываю навсегда сношенія съ тобою и объявляю тебя погибшимъ человѣкомъ. Обѣщаешь ли исполнить сіе условіе? —

„Обѣщаю," отвѣчалъ Гавенрейтеръ.

—Во всѣ дни, — продолжалъ пасторъ — я, какъ врачь души твоей, буду навѣщать тебя. Завтра ты меня увидишь. Ступай сей часъ же къ своему кораблю самою прямою дорогою. —

Грѣшникъ поклонился и вышелъ. Хемницъ не спалъ всю ночь и думалъ. Но онъ заблудился въ лабиринтѣ своихъ размышленій, прибѣгнулъ къ молитвѣ, и тогда только свѣтъ озарилъ его душу, и онъ узналъ, что̀ ему дѣлать. Ясно увидѣлъ онъ, какъ здѣсь строгость законовъ мало властна надъ преступникомъ. Онъ долженъ былъ, по его мнѣнію, научиться познавать Искупителя; если же познаетъ, то и возлюбитъ Его, а если возлюбитъ, то не возможетъ дѣйствовать противу сей любви. Онъ вознамѣрился послѣдовать сему истинно христіанскому правилу и каждый часъ, свободный отъ обязанности, посвятить избавленію несчастнаго. Его собственнымъ назначеніемъ

было служить несчастію, и ему-то предалъ онъ себя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ лишился супруги, скончавшейся пр рожденіи Георга.

Сынъ его на другое утро вошелъ къ нему съ листомъ въ рукѣ. „Что у тебя, другъ мой?" спросилъ отецъ.

— Портретъ того рыжаго, что былъ вчера у васъ, — отвѣчалъ мальчикъ и показалъ отцу голову Гавенрейтера, нарисованную краснымъ карандашомъ. Онъ по привычкѣ съ ранняго утра до поздняго вечера занимался рисованьемъ и живописью: всѣ дивились, съ какою легкостью и вѣрностью дѣтская рука его накидывала черты самыя сильныя. Особенно же онъ обнаруживалъ рѣдкое дарованіе въ изображеніи извѣстныхъ человѣческихъ лицъ, чѣмъ-либо замѣчательныхъ: съ одного взгляда онѣ врѣзывались въ его умъ. Пасторъ весьма былъ изумленъ разительнымъ сходствомъ сего рисунка съ головою Гавенрейтера.

„За чѣмъ ты срисовалъ его?" — спросилъ отецъ.

— За чѣмъ? — отвѣчалъ мальчикъ. — За тѣмъ, что я уже нарисовалъ головы всѣхъ Апостоловъ, кромѣ Іуды. Я долго искалъ такого образца, и насилу могъ найти. Не правда ли, что какъ посмотришь на это лицо, — такъ невольно скажешь: это Іуда? —

„Іуда? — Что это значитъ, другъ мой?" спросилъ отецъ.

— А вотъ что: ему не надо и кошелька; чтобъ узнать, какая душа въ этомъ человѣкѣ: это настоящій каменщикъ. —

„Не твори никому обиды, сынъ мой!“ сказалъ отецъ важнымъ тономъ и поднявши перстъ. „Творецъ людей не положилъ печати святости или грѣха на тваряхъ своихъ.“

— Не положилъ! — Нѣтъ, батюшка, трудно повѣрить. На примѣръ, когда я думаю объ изображеніи Христа въ бесѣдѣ Апостоловъ, то черты твои невольно носятся передъ моими глазами, и ты, можетъ быть, того и не знаешь, а я ужь ими пользовался. —

Отецъ съ безмолвнымъ умиленіемъ прижалъ сына къ сердцу.

Хемницъ посѣтилъ Гавенрейтера. Не желая перейти границъ повѣствованія, мы умолчимъ о частыхъ взаимныхъ бесѣдахъ пастора съ кающимся грѣшникомъ; скажемъ только, что Хемницъ послѣ многихъ усилій наконецъ увѣрился, что онъ съ чистою совѣстью можетъ увѣрить кающагося въ очищеніи души его отъ грѣховъ и въ ея возрожденіи. Бывали конечно минуты, когда грѣшникъ отчаявался въ милосердіи Божіемъ и почиталъ себя навѣки обреченнымъ грѣху; но тѣмъ болѣе это внушало страхъ священнику: онъ боялся, чтобъ преступникъ, видя, какъ еще далека отъ него благодать церкви, отъ отчаянія снова не погрязъ въ порокахъ. Къ тому жъ большая половина лѣта уже прошла; Гавенрейтеръ объяснялъ пастору, что онъ дол-

жетъ непрерывно ъхать; и неотступно молилъ его, да позволитъ онъ ему доступъ къ Вечери Господней: Магистръ наконецъ изъявилъ согласіе, и въ туже минуту снялъ съ кающагося обѣтъ — никогда не выходить на землю: это причинило неописанную радость Гавенрейтеру.

Въ одиннадцатое воскресенье послѣ Пятидесятницы грѣшникъ снова вошелъ въ церковь Св. Троицы. Кемницъ снова принялъ его покаяніе, показалъ ему всю крайность его преступленій, но вмѣстѣ и неограниченное милосердіе Божіе, и объявилъ ему съ важностію учителя церкви, что если услышитъ онъ опять, что Гавенрейтеръ преступною рукою посягаетъ на чужую собственность, — то по долгу совѣсти предастъ его, какъ погибшаго клятвопреступника, мщенію правосудія.

Эти слова произвели страшную тревогу въ Гавенрейтерѣ: онъ, сидя на стулѣ, двигался во всѣ стороны; изрѣдка поднималъ глаза на исповѣдника, который стоялъ предъ нимъ съ лицомъ преображеннымъ, и тотчасъ снова опускалъ ихъ къ землѣ — и наконецъ, казалось, предался тихому благоговѣнію, когда пасторъ изрекъ ему отпущеніе грѣховъ.

Когда же послѣ поученія Гавенрейтеръ вмѣстѣ съ прихожанами приближился къ пастору для вкушенія святаго тѣла Христова, сей послѣдній замѣтилъ такую перемѣну въ чертахъ причастника, что душа его смутилась какимъ-то невольнымъ чув-

сшвомъ страха. Такъ записалъ онъ самъ въ дневникѣ своемъ: „Гавенрейтеръ въ сію минуту не походилъ самъ на себя; мнѣ невольно пришло на мысль мѣсто въ Іоаннѣ, 15, 27. Казалось, онъ говорилъ мнѣ своимъ взоромъ: еслибъ я не сдѣлалъ глупости; еслибъ не измѣнилъ себѣ въ часъ боязни; то моя рука была бы свободнѣе. Я едва не пролилъ святаго сосуда: такъ дрожали всѣ мои члены. Дай Боже, чтобы страхъ мой былъ слѣдствіемъ одной минутной слабости, которая часто, среди самыхъ священныхъ занятій, обнаруживается неизъяснимымъ образомъ.“

На слѣдующее утро весь городъ былъ приведенъ въ изумленіе неслыханнымъ и ужаснымъ воровствомъ: церковь Св. Троицы была вся обкрадена чьими-то нечестивыми руками. Все, что ни было драгоцѣннаго въ святыхъ стѣнахъ храма: всѣ золотые сосуды, золотое распятіе и тяжелые серебряные подсвѣчники, украшавшіе алтарь, даже большая въ золотѣ оправленная Библія, на немъ лежавшая, — все было расхищено. Кружка и сундуки церковные были всѣ разломаны и опустошены: вездѣ остались ужасные слѣды рукъ нечестивыхъ.

Молва о семъ злодѣйствѣ, какъ молнія, пронеслась по городу. Не хотѣли вѣрить неслыханному, прежде нежели не убѣдятся собственными глазами. Правымъ негодованіемъ кипѣли всѣ сердца, и самыя строгія мѣры были приняты для открытія святотатцевъ.

Позднѣе, но въ то же самое утро, разнеслась другая вѣсть, преисполнившая всѣ души внутреннею скорбію. Магистръ Олай Хемницъ, благочестивый и всѣми любимый проповѣдникъ, рано поутру былъ найденъ убитымъ въ своей постелѣ. Та же молва говорила, что онъ погибъ насиліемъ; но такъ какъ не нашли сему другихъ признаковъ, кромѣ двухъ синихъ пятенъ на шеѣ, то могли подумать, что онѣ были слѣдствіемъ какого нибудь внутренняго поврежденія, причинившаго смерть: посему последняя молва скоро прекратилась. Къ тому же, по точномъ изслѣдованіи вкладныхъ приходскихъ суммъ, находившихся въ рукахъ у Магистра для благихъ употребленій, ко всеобщему изумленію, оказались большіе недочеты. Нѣкоторые друзья покойнаго вывели изъ этаго новое доказательство въ его насильственной смерти; другіежъ, напротивъ, сообразивъ то, что не осталось никакихъ явныхъ слѣдовъ насилія и многіе примѣры тому, что люди хорошіе часто не умѣютъ свести своихъ счетовъ, заключили, что покойный, не смотря на свое простосердечіе и щедрость, не совсѣмъ наблюдалъ правила любви Христіанской. Но чтобы не осталось ни одного пятна на памяти сего почтеннаго мужа, нѣкоторые прихожане сложились и покрыли недочетъ въ суммахъ.

Но лишь только все это въ тишинѣ и порядкѣ устроили, какъ вдругъ новое обстоятельство обратило на себя всеобщее

вниманіе. Георгъ, отъ котораго, пока можно было, скрывали смерть отца, вышелъ изъ терпѣнія и ворвался въ спальню. Когда увидѣлъ онъ возлюбленнаго отца въ бѣлой одеждѣ лежавшаго на полу, — онъ поблѣднѣлъ какъ мертвый, остановился, положилъ руку на чело, какъ будто припоминая что-то забытое, и отъ избытка скорби палъ ницъ на прахъ родителя. „О!" воскликнулъ онъ въ слезахъ, „теперь я знаю! теперь я вспомнилъ: это онъ, онъ былъ у тебя. Ты спишь, батюшка, но спишь вѣчнымъ сномъ. Ужъ для меня въ жизни не будетъ пріятнаго утра: не буду ходить къ тебѣ по утрамъ, чтобъ цѣловать твою руку. Нѣтъ," продолжалъ онъ, касаясь его сжатыхъ вѣждъ, „нѣтъ, онѣ погасли, онѣ ужъ мнѣ не улыбаются. Крѣпко закрылъ ихъ Іуда."

Всѣ предстоявшіе были изумлены его непонятными словами и думали, что отъ горести онъ помѣшался; но Георгъ, даже при судьяхъ, настоятельно увѣрялъ, что Іуда съ кровавыми волосами былъ ночью у отца его и закрылъ ему глаза; когда же стали его разспрашивать о подробнѣйшихъ обстоятельствахъ, онъ отвѣчалъ: „Вы знаете, что въ заднюю дверь черезъ мою комнату можно войти въ батюшкину."

— Такъ что же? — спросили его.

„Я спалъ спокойно," продолжалъ Георгъ, „и вдругъ приснилось мнѣ, что Ангелъ подходитъ къ моей постели и тихонько зоветъ меня по имени: я открылъ глаза, и

увидѣлъ, что онъ крадется въ комнату отца моего. Отъ ужаса я закрылся, пока опять не уснулъ; а когда проснулся, почти все забылъ.“

— Да ктожъ проходилъ черезъ комнату? — спросили его.

„Да, Іуда!“ отвѣчалъ мальчикъ. Слушатели качали головой; онъ въ эту минуту вспомнилъ про свой рисунокъ, досталъ его и, положивши на столъ передъ ними, сказалъ: „вотъ онъ.“

Но это никого не вразумило. Какъ ни твердо настаивалъ мальчикъ въ своихъ доказательствахъ, всѣ почитали это дѣло баснею, игрою фантазіи, которая, обыкновенно, сильнѣе прочихъ способностей дѣйствуетъ въ дѣтяхъ.

Когда же тѣло Пастора положили въ гробъ, сынъ, отдавая послѣднее лобзаніе отцу, говорилъ сквозь рыданія: „Я буду помнить черты сіи; но черты убійцы также у меня врѣзались, и при гробѣ твоемъ даю клятву искать его до тѣхъ поръ, пока найду!“

— Ребяческая глупость! — думали про себя предстоявшіе; гробъ закрыли крѣпкою крышкой, и прахъ усопшаго съ приличнымъ торжествомъ былъ преданъ землѣ.

Всѣ мѣры, принятыя къ открытію татей церковныхъ, были тщетны. Но поелику все еще надѣялись, что похищенныя вещи могутъ обличить вора, то не только въ этой странѣ, а и по всѣмъ окружнымъ разослали точное описаніе покражи, прі-

общивши къ шому, что нашедшій хошя одну вещь получишъ въ награду все, чего она стоишъ. Хошя сіе послѣднее обѣщаніе было для многихъ привлекашельно; но всѣ усилія осшавались напрасны. Годы прошли безъ успѣха.

Георгъ между шѣмъ продолжалъ заниматься своимъ любимымъ искусствомъ въ школѣ извѣсшныхъ масшеровъ, оказалъ большіе успѣхи и развилъ свой прекрасный шаланшъ, богашый блесшящими надеждами. Всѣмъ сердцемъ, всею душою предался онъ своему искусству. Рана, нанесенная ему судьбою въ самой нѣжной юносши, казалось, заживала понемногу: по крайней мѣрѣ онъ на нее не жаловался. Друзья покойнаго родишеля его съ радосшью помогали его сшараніямъ, и онъ гордился шѣмъ, чшо совершалъ ихъ ожиданія. Одно изъ его неодолимыхъ желаній было пушешесшвовашь; не льзя описашь шого восшорга, съ какимъ онъ узналъ, чшо Академія, въ кошорой онъ образовался, за блесшящія его надежды позволяешъ ему пушешесшвовашъ на счешъ ея въ продолженіе шрехъ лѣшъ.

Конечно въ этой радосши преимущесшвенно участвовала его любовь къ искусству; но къ шому присоединялась и шайная надежда гдѣ нибудь въ Европѣ найши оригиналъ его Іуды. Посему-шо въ своемъ сшрансшвіи онъ посѣщалъ не однѣ масшерскія художниковъ, собранія любишелей искусства, но и присшани, биржи, госшинницы. Онъ досшигъ одной цѣли своего пуше-

шествія; но всѣ усилія его къ достиженію другой были тщетны. Послѣ трехъ лѣтъ онъ возвратился въ свое отечество, — и хотя наслаждался торжествомъ художника, хотя всѣ говорили объ немъ, что его изображенія не только живутъ, но выражаютъ движенія душевныя; но, не смотря на то, тайная грусть о несбывшейся надеждѣ найти предметъ своего мщенія терзала его безпрерывно.

Протекло 18 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ церковь Св. Троицы въ А*** была расхищена, и не открыли ни слѣда преступника. Уже давно и забыли объ этой потерѣ и замѣнили утраченное такимъ великолѣпіемъ, которое далеко превосходило все прежнее. Самая церковь была улучшена и украшена. Одного только недоставало: запрестольнаго образа искусной руки живописца. Сей трудъ поручали молодому Хемницу, по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ, и онъ принялся за дѣло съ любовію, достойною священнаго предмета.

Когда онъ началъ думать о томъ, какой предметъ избрать ему изъ Священной Исторіи, воспоминанія изъ самой ранней юности невольно проглянули въ душѣ его, воспоминанія торжественныя, небесныя, которыя сильнѣй и сильнѣй увлекали его и открыли ему жизнь возвышенную, не здѣшнюю. Онъ тоже ощутилъ, что ощущаютъ возторженныя души, когда имъ кажется, что онѣ, какъ малыя дѣти, подходятъ къ небесному міру и прикасаются къ лирамъ Ан-

геловъ: въ подобную минушу вдохновенія онъ изобрѣлъ предметъ для своей картины, *Тайную Вечерю*. Онъ обратился къ головамъ Апостоловъ, еще имъ въ дѣтствѣ написаннымъ, какъ къ безцѣннымъ остаткамъ исчезнувшаго міра. Ему представилось, что онъ будто въ далекихъ временахъ видѣлъ живыми всѣхъ этихъ мужей, — не въ томъ внѣшнемъ мірѣ, гдѣ солнце всходитъ и заходитъ, а въ томъ внутреннемъ, гдѣ оно никогда не сходитъ съ тверди; ему даже казалось, что онъ еще рѣзвымъ дитятей сиживалъ у нихъ на колѣнахъ, игралъ ихъ бѣлыми брадами, касался ихъ безвласаго чела, слышалъ ихъ пророческія вѣщанія о лучшей жизни и христіанскія пѣсни о вѣчной любови. Чѣмъ глубже проникалъ онъ въ сей міръ мечтаній, тѣмъ болѣе стиралъ прахъ забвенія съ своей высокой картины, тѣмъ свѣтозарнѣе являлось ему искусство, тѣмъ тверже рѣшался онъ совершить въ годахъ мужества то, что въ его дѣтствѣ носилось предъ его душою. Онъ изготовилъ краски и бодро принялся за работу.

„Но какъ изображу я Тебя,“ говорилъ Георгъ Хемницъ, когда по истеченіи времени одиннадцать главъ Апостольскихъ, какъ живыя, предстояли на картинѣ, „Тебя, Господа и Искупителя, Коему ни одинъ живый образъ не отвѣтствуетъ въ мірѣ, и откровеніе Коего въ жизни я постигаю только по одной силѣ слова, вѣщавшаго о Тебѣ устами Апостоловъ?“

Тогда пришли ему на память тѣ слова, которыя онъ еще въ дѣтствѣ сказалъ

отцу: „Когда размышляю я, какъ изобразить Христа посреди моихъ Апостоловъ, черты твои невольно носятся въ душѣ моей.“ И яснѣе, живѣе, нежели когда-либо, носились передъ нимъ черты почтеннаго Пастора, точно такъ какъ онъ видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ въ славѣ преображенія: тотъ же блаженный взоръ, вѣчно смотрящійся въ зерцало любви небесной; тѣ же ланиты, покрытыя послѣднею блѣдностью страданія; тѣ же уста, которыя отверзались только для благословенія и молитвы. „Если Ты, Царь небесный,“ говорилъ онъ съ собою, „если Ты, неизобразимый, удостоилъ его сана Твоего намѣстника, то не прогнѣваешься, если я Тебѣ дамъ черты, на землѣ для меня драгоцѣннѣйшія.“

И когда онъ схватилъ кисть, чтобы перенести на полотно свѣтлое изображеніе его родителя, — казалось, какая-то незримая сила водила его рукою и такъ вѣрно, что онъ самъ изумился, какъ то самое выраженіе лица человѣческаго, котораго не въ силахъ живописать ни одна рука смертная, выступало на полотно до тѣхъ поръ, пока явилось и цѣлое въ томъ самомъ видѣ, какъ оно жило въ душѣ его.

Одного только недоставало изображенія предателя; художникъ ни минуты не былъ въ нерѣшимости. Въ какихъ чертахъ лучше и приличнѣе могъ онъ представить его, если не въ тѣхъ, которыя еще съ юныхъ лѣтъ такъ ужасно врѣзались въ его памяти. Красный рисунокъ былъ перене-

сенъ на картину; изображеніе имѣло такое страшное сходство съ оригиналомъ, что всякой видѣвшій сей послѣдній съ перваго взгляда говорилъ: настоящій Михаилъ Гавенрейтеръ.

Художникъ, знавшій о томъ, что образъ его, поставленный въ соборной церкви, будетъ въ виду у всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ городъ, вѣроятно, питалъ надежду этимъ средствомъ открыть злодѣя. Но и тутъ все было безъ успѣха: давно уже запрестольный образъ служилъ украшеніемъ храму, и никто изъ наблюдателей, плѣнявшихся картиною, не обращалъ особеннаго вниманія на лицо Іуды.

Прихожане засвидѣтельствовали благодарность живописцу и назначили ему значительную сумму; но онъ отказывался отъ оной. „Сей трудъ,“ говорилъ онъ, „я не изъ денегъ предпринялъ.“ Не смотря на то, они настаивали, и онъ просилъ употребить сіи деньги на выкупку изъ Турецкаго плѣна какого нибудь Христіанскаго плѣнника; ибо „дѣло любви,“ по словамъ его, „одною любовію награждено быть можетъ.“

Сіе безкорыстіе привело всѣхъ въ удивленіе, и ревностно принялись за исполненіе его желанія. Положено было выкупить такого невольника, который всѣхъ долѣе въ цѣпяхъ томился. Старанія не остались безъ успѣха, и въ одинъ свѣтлый осенній день на купеческомъ кораблѣ былъ

привезенъ искупленный Христіанскій невольникъ.

Онъ былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, который въ свое время, вѣроятно, имѣлъ высокій, мужественный образъ; но тяжкія муки продолжительнаго плѣна его преклонили къ землѣ. Волосъ его былъ сѣдъ, глаза — томны, поступь — нетвердая, а кожа грубыми морщинами висѣла на сильныхъ мускулахъ.

Его представили тому человѣку, которому онъ одолженъ былъ своимъ избавленіемъ. Георгъ, тронувшись его бѣдственнымъ положеніемъ, отдалъ его въ богадѣльню, гдѣ страдалецъ, благодаря попеченіямъ надзирающихъ, скоро возвратилъ свои силы; спина его выпрямилась и томные глаза заблистали огнемъ мужества. Поступь его стала тверда, и когда весна оживила все твореніе, въ страдальцѣ не осталось слѣда прежнихъ страданій, кромѣ сѣдыхъ волосъ, которые впрочемъ были признакомъ возраста.

Онъ часто навѣщалъ своего благодѣтеля, молодаго живописца, и разсказывалъ ему о своихъ страданіяхъ. Однажды въ лѣтній знойный день, когда Георгъ, закрывъ ставни отъ палящихъ лучей солнца, легъ въ постель, въ спальню его вошелъ освобожденный и, по обычаю своему, прошелъ черезъ нее въ мастерскую живописца. Лишь только Георгъ въ слабомъ сумракѣ увидѣлъ его образъ, проходящій по комнатѣ, — какъ будто завѣса спала съ глазъ

его. Такъ, точно такъ тотъ ужасный убійца ночью прокрался черезъ его спальню въ комнату отца его: все въ немъ схоже, кромѣ огненныхъ волосъ: его ростъ, его станъ, поступь; такъ, это онъ самый.

Онъ вскочилъ съ постели и прямо за нимъ.

„Прежде ты былъ Турецкій плѣнный, теперь мой!" воскликнулъ онъ; „отдайся мнѣ волей. Ты убилъ моего отца."

Незнакомецъ стоялъ какъ будто пораженный молніей, измѣрялъ Георга своими маленькими, дико блуждающими взорами, и сказалъ: „Не во снѣ ли вы, сударь?"

Не говоря ни слова, живописецъ внѣ себя бросился на него и хотѣлъ его повергнуть на землю.

„А, такъ вы не въ шутку!" воскликнулъ старикъ и отбросилъ противника къ печкѣ съ такою исполинскою силою, что онъ съ окровавленною головою палъ на землю; самъ поспѣшилъ онъ вонъ изъ комнаты. Онъ ужъ сошелъ съ лѣстницы, уже былъ на улицѣ, какъ Георгъ, собравшійся съ силами, настигъ его, схватилъ крѣпко и закричалъ во весь голосъ: „держите его, вяжите, онъ — убійца!"

Не прошло минуты, какъ толпа людей окружила обоихъ. Живописецъ повторилъ слова свои; незнакомца схватили и отвели въ городскую тюрьму.

Сначала подумали, что онъ посягнулъ на жизнь Георга, увидѣвъ голову его въ крови. Но представьте себѣ, какъ изуми-

лись всѣ, когда онъ передъ лицемъ судей представилъ жалобу, въ которой рѣшительно объявлялъ, что выкупленный имъ Турецкій невольникъ за двадцать лѣтъ предъ симъ убилъ отца его, Магистра Олая Хемница, Пастора въ церкви Св. Троицы.

Въ слѣдствіе сего подозрѣваемый въ убійствѣ былъ выведенъ изъ городской тюрьмы и заключенъ въ башнѣ, гдѣ обыкновенно содержали важныхъ преступниковъ до изреченія имъ приговора.

Дѣло пошло судебнымъ порядкомъ; но судьи принуждены были отложить его, ибо Георгъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ страдалъ отъ болѣзни, причиненной ему раною. Это медленіе еще болѣе возбуждало любопытство жителей города: съ нетерпѣніемъ ждали минуты, въ которую Георгу надлежало представить предъ лице суда доказательства своего обвиненія.

Наступилъ желанный день; обвиненный, блѣдный, со впалыми глазами, удрученный тяжестью оковъ, въ томъ же видѣ, какъ явился онъ изъ Турціи, съ тихимъ смиреніемъ невиннаго мученика, явился въ судилище и возбудилъ состраданіе не въ одномъ сердцѣ. Предсталъ и живописецъ, и столь же рѣшительно повторялъ свое обвиненіе; но не могъ подтвердить никакимъ законнымъ доводомъ, а ссылался на сходство обвиняемаго съ тѣмъ образомъ, который отъ той памятной, ужасной ночи его дѣтства остался въ его памяти. Всѣ изу-

мились, какъ можетъ человѣкъ съ такимъ умомъ впадать въ такія заблужденія и доказывать дѣло пустыми мечтами своей юности.

Судьи покачали головой; оставили его, думая, что онъ еще страждетъ отъ слѣдствій своей болѣзни, и стали допрашивать мнимаго преступника.

„Твое имя?"

— Михаилъ Гавенрейтеръ. —

„Промыслъ."

— Морякъ. —

„Бывалъ ли когда нибудь въ здѣшнемъ городѣ?"

— Былъ разъ, лѣтомъ 17** года. —

Пораженные симъ отвѣтомъ, судьи продолжали: „Зналъ ли ты въ то время еще жившаго Магистра Олая Хемница, Пастора церкви Святыя Троицы?"

— Точно такъ. Онъ посѣщалъ меня и я его. —

„Какія у тебя съ нимъ были сношенія?"

— Я съ нимъ занимался дѣломъ, которое касалось спасенія души моей. —

„Видалъ ли ты въ то время своего обвинителя?"

— Я помню, что покойный Магистръ имѣлъ сына, который при первомъ моемъ посѣщеніи вбѣжалъ въ комнату и ужасно испугался моихъ рыжихъ волосъ, уже посѣдѣвшихъ отъ времени. —

„Былъ ли ты въ домѣ Магистра ночью въ одиннадцатое Воскресенье послѣ Св. Троицы?"

„Нѣтъ; въ ту же ночь я ужь былъ на пути въ Средиземномъ морѣ, гдѣ и схватилъ меня Турецкій корсаръ.“

Обвиняемый съ такимъ чистосердечіемъ и увѣренностью отвѣчалъ на всѣ вопросы, ему предлагаемые, что совершенно уничтожилъ всѣ сомнѣнія, сначала произведенныя въ судьяхъ его честными отвѣтами. Георгъ, видѣвшій, что общее мнѣніе было противъ него, еще разъ молилъ неотступно, чтобы судъ далъ ему срочное время изслѣдовать основательнѣе, и что онъ надѣется до истеченія сего срока найти доводы, которые вѣрно будутъ приняты въ уваженіе. Судьи, нѣсколько подумавъ, согласились на его желаніе, и ему дано было сроку четыре недѣли.

Юный живописецъ во все это время находился въ величайшей тревогѣ: его плачевное состояніе во всѣхъ возбуждало участіе. Многіе искренно сожалѣли о томъ, какъ онъ съ такимъ умомъ пустился въ какую-то мечтательность. Его помѣшательство казалось для нихъ тѣмъ ужаснѣе, что его жертвою могъ быть человѣкъ, по ихъ мнѣнію, безвинный.

Но живописцу предстояла борьба, которой никто не только не зналъ, но и не предчувствовалъ. Онъ почти нашелъ уже доказательство. Въ какомъ-то отчаяніи онъ просилъ назначить срокъ, ибо думалъ, что въ драгоцѣнныхъ бумагахъ, оставшихся послѣ отца его, найдетъ доводы несомнительные. Между прочимъ тутъ находился

выше помянутый дневникъ его родителя, котораго онъ изъ какого-то святаго благоговѣнія къ памяти отца не открывалъ, потому что онъ достался ему запечатанный. Онъ очень хорошо помнилъ наружность книги и часто видалъ, какъ отецъ его вписывалъ въ нее что нибудь, потомъ снова запечатывалъ, и открывалъ не прежде какъ черезъ нѣсколько дней. Книга и сіе обстоятельство прежде совсѣмъ было исчезли изъ его памяти; но когда онъ достигъ уже зрѣлаго возраста, то одинъ изъ друзей отца его вручилъ ему запечатанную книгу, какъ драгоцѣнное наслѣдіе. Сей другъ, который при первомъ слухѣ о смерти пастора поспѣшилъ къ нему въ домъ и зналъ важность сихъ листовъ, коимъ покойный ввѣрялъ самыя тайныя помышленія, спряталъ ихъ къ себѣ, боясь, чтобъ не употребили ихъ во зло люди недоброжелательные. Когда же сынъ пришелъ въ возрастъ зрѣлый, то честный другъ немедленно отдалъ ему въ цѣлости сохраненное и законно ему принадлежавшее наслѣдіе отцовское. Не довѣряя самому себѣ, изъ уваженія къ тайнамъ отца своего, сынъ хранилъ свое сокровище такъ, какъ получилъ его. Но въ теперешнихъ обстоятельствахъ казалось ему, что въ нихъ онъ долженъ найти ту нить, которая выведетъ его изъ того лабиринта, куда завлекли его желаніе мщенія, любовь сыновняя и неосторожность. Онъ сломилъ печать. Сначала онъ убѣжденъ былъ совершенно въ успѣхѣ. Онъ на-

шелъ въ ней описаніе всей исповѣди Гавенрейшера и содержаніе ихъ бесѣдъ, которыми пастырь душъ старался привести злодѣя къ сознанію истины. Что въ особенности его объяло ужасомъ, — были значительныя слова, которыя отецъ его, какъ будто предчувствовавшій ужасное преступленіе, написалъ по причащеніи Гавенрейшера.

Ему казалось ясно, что онъ, представивъ дневникъ отца своего судьямъ, совершенно обличитъ передъ ними то чудовище, которое они по видимому защищали; но онъ обманулся. Хотя внутренняя совѣсть его убѣждала, что руководствуетъ имъ одно правосудіе, хотя онъ считалъ себя въ полномъ правѣ воспользоваться такимъ документомъ; но ему было невозможно: ибо на первомъ листѣ дневника усопшій отецъ написалъ внизу слѣдующія слова:

„Если Богу угодно будетъ такъ скоро
„призвать меня къ себѣ, что не останет-
„ся у меня времени уничтожить сію кни-
„гу, содержащую многія тайны, относя-
„щіяся до моей святой обязанности, — то
„я прошу того человѣка, въ чьи руки по-
„падутъ сіи листы, не дѣлать изъ оныхъ
„никакого общественнаго употребленія, и
„смѣю надѣяться, что сія моя воля, изъ
„любви, будетъ исполнена. . . .“

Сими словами былъ связанъ языкъ его, и борьба, волновавшая грудь его, происходила не отъ нерѣшимости употребить или нѣтъ сію книгу; но отъ того, что

воля высшая ясно говорила: Господу предоставь мщеніе. Дѣйствительно, Небо, полагая Фиа его молчаніе, не смотря на всю справедливость его дѣла, не ясно ли тѣмъ выражало свою волю? Но онъ, какъ человѣкъ, чувствовалъ невозможность простить убійцу отца: онъ искалъ убѣжища отъ мятежной борьбы, и ему даже приходило на мысль отдать на волю Неба казнь преступника; но какъ измѣнить чувству чести человѣческой? притомъ же, обличая преступника, не исполнялъ ли онъ тѣмъ святой долгъ въ отношеніи къ обществу и законамъ? По всему казалось, что отецъ требуетъ сего прощенія, сей побѣды надъ самимъ собою.

Между тѣмъ срокъ прошелъ, и Хемницъ, въ душѣ, можетъ быть, не менѣе самого преступника терзаемый, вторично явился къ суду и снова ничего не могъ сказать въ доказательство своей правды, кромѣ прежняго неяснаго обвиненія. Однако онъ не отказался отъ него. Небо не могло требовать отъ него лжи: посему-то онъ съ твердостію повторилъ прежнее. Ему казалось, что само Небо долженствовало открыть уста; его душа желала чуда; но все вокругъ него было нѣмо; невольный вздохъ вырвался изъ стѣсненной груди его, и онъ къ землѣ опустилъ взоры.

Тогда всеобщее мнѣніе явно противъ него возстало; говорили: лучше бы было оставить несчастнаго въ плѣну Турецкомъ, нежели выкупить его для плѣна еще болѣе

послѣдняго; онъ долженъ же признать ничтожность своихъ мечтаній и взять назадъ обвиненіе, ничѣмъ недоказанное.

Гавенрейтеръ стоялъ передъ собраніемъ съ видомъ страдающей невинности; всѣ теперь еще болѣе ему сострадали, чѣмъ прежде. Когдажъ спросили его: Останется ли онъ доволенъ, если живописецъ просто откажется отъ своего обвиненія? — онъ смиренно отвѣчалъ, какъ будто движимый чувствомъ благодарности: „я желаю одного честнаго объясненія."

Бурнымъ гнѣвомъ вспылала душа живописца: онъ хотѣлъ его уличить въ словахъ, но удержался, и послѣ краткаго молчанія сказалъ спокойно, медленно и твердо: „Честнаго объясненія! Пожалуй: ты убійца; еслибъ я прежде этого не сказалъ, то, можетъ быть, не сказалъ бы теперь; но я не отпираюсь. Богъ да рѣшитъ между нами!"

Послѣ этихъ словъ онъ думалъ выдти изъ судейской залы; но Гавенрейтеръ, въ сильномъ движеніи, выпрямивъ согбенную спину и зазвучавъ цѣпями, воскликнулъ: Поелику обвинитель отказываетъ мнѣ въ возвращеніи чести, не отнимаемой у меня законами, — то я въ силу сихъ законовъ требую, чтобъ мой обвинитель былъ вмѣсто меня заключенъ въ оковы и наказанъ, какъ человѣкъ, посягающій на честь людей невинныхъ.

Это неожиданное требованіе произвело въ судьяхъ непріятное впечатлѣніе. Въ

толпѣ зрителей послышался даже ропотъ, который не знали за что принять: за знакъ ли одобренія, или напротивъ. Холодомъ обвяло сердце живописца; но ко всеобщему удивленію, онъ, обратясь съ почтеніемъ къ судьямъ, сказалъ: „Рѣшайте; я отдаюсь на вашъ приговоръ."

Но судьи, уважая благословенную память покойнаго Хемница и любя искуснаго художника, завлеченнаго въ крайность изъ любви сыновней, не могли удовлетворить требованію неправо обвиненнаго. Однако Гавенрейтера освободили, и даже были люди, которые проводили его изъ суда до дома съ торжественными кликами, какъ оправданную жертву клеветы; а другіе дали ему денегъ, какъ бы въ награду за невинное заключеніе.

Гавенрейтеръ, возвратившъ свободу, скоро возвратилъ и силы и веселость. Даже было странно видѣть этаго крѣпкаго мужа между престарѣлыми, слабыми жителями богадѣльни, гдѣ онъ содержался на счетъ общества. Положеніе Георга было совсѣмъ иное. Тревога души его болѣе и болѣе усиливалась. Онъ примѣтно изсыхалъ и наконецъ сталъ подобенъ тѣни. Тщетно прибѣгалъ онъ къ своему искусству: съ принужденіемъ набрасывалъ онъ нѣсколько чертъ и бросалъ свою кисть, и краски сохли на палитрѣ. Жители города не преминули вывести отсюда непріятныя заключенія.

Между тѣмъ начальники богадѣльни замѣчали, что Гавенрейтеръ не на своемъ

мѣстѣ; да и самъ онъ часто говорилъ, что онъ жаждетъ океана. Члены богадѣльни просили начальство избавить ихъ отъ неугомоннаго товарища, который не давалъ имъ покоя и всѣми способами надоѣдалъ имъ: у инаго бралъ табакъ, у другаго булавки, у третьяго сѣрныя спички и проч., единственно изъ охоты дразнить ихъ. Посему они весьма обрадовались, услышавъ, что ему дано мѣсто кормчаго на какомъ-то купеческомъ кораблѣ. Эта богадѣльня, въ которую былъ принятъ Гавенрейтеръ, причислена была къ церкви Св. Троицы: членамъ оной, смотря по силамъ каждаго, въ обязанность вмѣнилось, два раза въ годъ совершать обрядъ христіанскій причащенія; этотъ день наступилъ передъ самымъ отъѣздомъ Гавенрейтера. Онъ не поколебался идти въ церковь вмѣстѣ съ другими, „ибо,“ говорилъ онъ, „я такой же Христіанинъ какъ и вы.“ Онъ вступилъ во храмъ, по видимому исполненный благоговѣнія, взялъ прощеніе грѣховъ и приближался къ алтарю принять святые дары.

Онъ преклоняетъ колѣна; священникъ подаетъ ему преображенный хлѣбъ; онъ подъемлетъ взоръ, и этотъ взоръ падаетъ прямо на запрестольной образъ. Гавенрейтеръ узнаетъ Хемница — и... ужасъ! онъ видитъ самаго себя въ чертахъ самыхъ ясныхъ, такъ какъ онъ былъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Онъ узнаетъ въ своемъ образѣ Іуду Искаріотскаго на Тайной Вечери.

Мѣра злобы исполнилась; исполнилась мѣра долготерпѣнія небеснаго. Онъ принялъ преображенный хлѣбъ, но не могъ его проглотить. Потъ адской боязни выступилъ изъ чела его; онъ не могъ удержаться на колѣнахъ, схватился за перилы, стоявшія передъ алтаремъ, упалъ на землю, и безъ чувствъ его вынесли изъ церкви. Онъ отдохнулъ и даже былъ въ состояніи въ ту же самую ночь стоять на стражѣ того корабля, на который онъ вступилъ. Но возсіявшее утро освѣтило ужасное зрѣлище: Михаилъ Гавенрейтеръ, мертвый, съ искаженными чертами, висѣлъ на мачтѣ корабля, и его открытые глаза неподвижно прикованы были въ недалекой башнѣ храма Св. Троицы.

Въ семъ-то положеніи видѣлъ его живописецъ, который, услышавъ эту вѣсть, немедленно съ трепетнымъ сердцемъ поспѣшилъ на зрѣлище. Судьи, услышавъ сіе, качали головою, не знавши, что подумать. Георгъ сталъ выздоравливать съ того времени. Дневникъ отца его, который онъ безпрестанно перелистывалъ, не находя въ немъ покоя, и зналъ почти наизусть, сталъ ему еще дороже чѣмъ прежде; онъ съ возрожденною душою схватилъ кисть, въ восторгѣ обмакнулъ ее въ краски и воскликнулъ: „Ты мнѣ вдвое милѣе: съ твоею помощію я отмстилъ за отца."

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ГЕОГРАФІИ ВООБЩЕ, О ЦѢЛИ, РАСПОЛОЖЕНІИ И РАЗДѢЛЕНІИ СЕГО СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

(Изъ Мальтъ-Брюна.)

Въ слѣдующихъ Историческихъ бесѣдахъ мы предполагаемъ изложить древнюю и новую Географію съ тѣмъ, чтобы всправить въ умѣ внимательнаго читателя живое изображеніе цѣлой земли, съ достопримѣчательными на ней мѣстами и народами, въ ней обитавшими, как еще обитающими. Такое дѣло кажется необъятнымъ, когда разсматриваемъ, сколько разнообразныхъ подробностей должно соединить на картинѣ малаго пространства; самое намѣреніе кажется дерзкимъ, когда размышляемъ о свойствѣ предметовъ, предлежащихъ нашему изслѣдованію, кои, будучи оставлены у новѣйшихъ народовъ перу болѣе ученому, нежели изящному, считаются неспособными для блистательныхъ произведеній словесности, или для глубокихъ философскихъ размышленій.

Не смотря на то, недовѣріе, внушаемое въ насъ разсматриваніемъ толикихъ трудностей, уступало внутреннему убѣжденію, которымъ въ наукѣ Географической видѣли мы менѣе то, чѣмъ она была, нежели то, чѣмъ могла и должна быть. Мы спрашивали самихъ себя: Географія не сестра ли и подруга Исторіи? Если одна владычествуетъ надъ всѣми вѣ-

ками, другія не обнимаютъ ли всѣ мѣста? Если одна имѣетъ власть воскрешать прешедшія поколѣнія, другая не въ состояніи ли дать неподвижный образъ зыблющимся картинамъ Исторіи, приводя на мысль сей вѣчный театръ кратковременныхъ несчастій нашихъ, сіе обширное поприще, усѣянное остатками столькихъ Государствъ, и сію неизмѣняемую природу, всегда готовую вознаграждать своими благодѣяніями опустошеніе нашихъ раздоровъ? И сіе описаніе земнаго шара не существенно ли соединено съ изученіемъ человѣка, нравовъ и учрежденій? Не служитъ ли для всѣхъ политическихъ наукъ драгоцѣннымъ пособіемъ? для разныхъ отраслей Естественной Исторіи дополненіемъ необходимымъ? для самой словесности великимъ сокровищемъ ощущеній и образовъ?

Такъ, мы увлеклись надеждою воздвигнуть Географіи памятникъ, который бы по достоинству могъ стоять на ряду съ тѣми, коими гордится Исторія. Безъ сомнѣнія, надлежало бы еще имѣть нѣсколько лѣтъ досуга, чтобы дать подобному творенію желаемое совершенство. Если мы издаемъ его въ теперешнемъ видѣ, то настоятельныя отъ насъ требованія, на счетъ *Географіи*, послужатъ намъ извиненіемъ. Предлагаемый публикѣ опытъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, надѣемся, удовлетворитъ желанію особъ, сѣтующихъ на совершенный недостатокъ руководства для изученія Географіи, безъ опа-

сенія навсегда получишь отвращеніе отъ оной.

Смѣемъ думать, что сіе сочиненіе можетъ служить руководствомъ всѣмъ наставникамъ, ревнующимъ съ пользою преподавать Географію; что оно можетъ быть употребляемо и воспитанниками высшихъ училищъ, и что его не отвергнутъ свѣтскіе люди, желающіе заниматься Географіею без учителя.

Но всего болѣе: да заслужитъ сіе сочиненіе похвалу истинныхъ Философовъ, кои во всѣхъ наукахъ цѣнятъ и любятъ менѣе существенныя выгоды результатовъ, нежели благородное наслажденіе въ самомъ ученіи.

Вотъ расположеніе сего сочиненія. Мы начинаемъ историческою картиною успѣховъ Географіи. Открываемъ еще въ колыбели сію науку. Первоначально Моисей и Гомеръ представляютъ намъ полушарія отъ двухъ древнихъ народовъ. Вскорѣ, по наблюденію звѣздъ, Финикіянинъ преплываетъ Средиземное море и открываетъ Океанъ. Геродотъ повѣствуетъ Грекамъ все, что самъ видѣлъ, или зналъ по слуху. — Обширная система Карѳагенскихъ седеній и отважное путешествіе Марсельскаго Пиѳеаса приводятъ въ извѣстность Западъ и заставляютъ догадываться о Сѣверѣ. Слава Александра Великаго разливаетъ яркій свѣтъ на восточныя страны. Римляне наслѣдуютъ большую часть открытій, сдѣланныхъ образованными народами древности: Ератосѳены, Страбоны, Плиніи, Пто-

логіи стараются согласовать сіи матеріалы, еще несовершенные и неполные. Тутъ великое народопреселеніе разрушаетъ все зданіе древней Географіи: Греки и Римляне, погибая, узнаютъ уже, что пространство міра далеко превосходитъ всѣ ихъ о немъ системы представленія. Мало по малу хаосъ приводится въ порядокъ, и съ новою Европою рождаются начала Географіи новой. Возбуждается духъ къ путешествіямъ: тщетно водилъ онъ Аравитянъ и Скандинавовъ, однихъ къ Молукскимъ островамъ, другихъ въ Америку: тогда смѣлыя сіи странствованія не приносили успѣховъ для науки. Болѣе ученые и не менѣе отважные Италіянцы и Португальцы преплываютъ безопасно великое море. Со всѣхъ сторонъ падаютъ преграды, воздвигнутыя предразсудками и стѣснявшія горизонтъ Географіи. Колумбъ даруетъ новый міръ. Моремъ и сушею устремляются всѣ народы на поприще открытій, и ихъ соединенными усиліями весь обширный земный шаръ, исключая нѣкоторыя темныя мѣста, открывается взорамъ науки.

Означивъ сіи эпохи Географіи, изложимъ мы всеобщую теорію оной, изслѣдуемъ ея математическія, физическія и политическія начала. Будемъ заимствовать у Астрономіи необходимыя знанія о видѣ, величинѣ и движеніи нашей планеты; у Геометріи свѣдѣнія, необходимыя для искусства представлять, въ предѣлахъ небольшаго чертежа, точный видъ земель и мо-

рей; скажемъ, какъ опредѣляется разстояніе мѣстъ и сравниваются различными мѣры, употребляемыя у разныхъ народовъ.

Переходя наконецъ къ физической картинѣ шара, будемъ созерцать великія черты природы: горы, возвышающіяся на поверхности земли, моря ее препоясующія, рѣки и долины ее браздящія; низойдемъ въ пещеры и рудники; склонимся на краю жерла огнедышущей горы; однимъ словомъ, изучимъ зданіе земнаго шара. Получивши понятіе о движеніи атмосферы и законахъ температуры, мы распредѣлимъ, въ свойственныхъ климатахъ, животныя, растѣнія, наконецъ всѣ существа, которыхъ питаютъ неисчерпаемыя нѣдра земныя. Окончимъ разсужденіемъ о человѣкѣ въ его естественномъ и политическомъ состояніи; раздѣлимъ роды людей по различающимъ ихъ тѣлеснымъ признакамъ, по ихъ языкамъ, по вѣрамъ, которыя ихъ утѣшаютъ или ихъ связуютъ, по законамъ, кои означаютъ стремленіе ихъ къ образованію, или глубокое невѣжество.

Какимъ переворотамъ подверженъ былъ шаръ земный? Вопросъ не менѣе важный для Исторіи человѣчества, какъ и для Божественной; но вопросъ ли это физической Географіи? При настоящемъ состояніи наукъ можетъ ли оный съ пользою быть изслѣдованъ? Мы не возмемся рѣшить его; но представимъ размышленію читателя всѣ факты, изъ коихъ воображеніе геологовъ

слагаетъ столь блестящія и столь ничтожныя системы.

Сіе историческое введеніе, сія философическая теорія Географіи наполнитъ два тома нашего сочиненія. Другіе посвящены будутъ постепенному описанію всѣхъ частей свѣта. Здѣсь имѣли мы нужду въ долговременномъ размышленіи прежде, нежели успѣли найти и принять методъ, соединяющій въ себѣ болѣе основательности и удовольствія. Прямой географическій порядокъ, по видимому, уничтожаетъ всѣ связи политическія и нравственныя различныхъ картинъ, которыя долженствовали мы представить; точной порядокъ политической препятствовалъ бы описанію горъ, морей, рѣкъ, климатовъ. Согласимъ ли, нѣкоторымъ образомъ, сіи два метода? Не одну стезю избрать надобно; должно разнообразить средства, смотря по встрѣчающимся препятствіямъ. Изобразимъ въ особенныхъ введеніяхъ общія черты, принадлежащія цѣлой части свѣта; поставимъ, на пр., картину Альповъ въ началѣ описанія Европы, и — Кордильерскихъ горъ, въ началѣ главы, опредѣленной для Америки полуденной. Многіе народы, раздѣленные въ состояніи политическомъ, не общія ли имѣютъ происхожденіе, языкъ, Исторію? Соединимъ ихъ подъ одну точку зрѣнія; постараемся повсюду изобразить округленныя массы и однимъ взоромъ удобно обнимаемыя; соберемъ въ естественныя купы малыя владѣнія, и раздѣ-

лимъ области великихъ Государствъ по направленію горъ и рѣкъ; наконецъ, сравненія раздѣленій, какъ препятствующія рѣчи, отнесемъ въ Синоптическія и Аналитическія таблицы.

Кромѣ общаго расположенія, надлежало еще найти особенный методъ для описанія каждой страны. Разсмотрѣвъ всѣ мнимыя раздѣленія предметовъ Географіи Специальной, мы точно узнали, что слишкомъ строгое наблюденіе отвлеченныхъ методовъ придаетъ Географическимъ книгамъ столько сухости. Для сего ничтожнаго призрака науки Географія, живое изображеніе вселенной, кажется только холодною и жалкою анатоміею. Юноши боятся ея, ученые пренебрегаютъ, свѣтскіе люди презираютъ. И такъ мы долгомъ поставили слѣдовать общимъ правиламъ искусства словесности, и, разнообразя по свойству предметовъ не только тонъ, но даже порядокъ описанія, старались найти для изображенія каждой страны особенную раму, приличную соотвѣтственному величію предметовъ. Представляетъ ли страна зрѣлище веселаго земледѣлія, — мы тщательно исчисляемъ ея произведенія. Если она не обработана, — въ большемъ величіи представляемъ характеръ, впечатлѣнный ей природою. Здѣсь, въ примѣрномъ путешествіи, исчисляемъ безъ сухости внутренніе города; тамъ, безопасные мореплаватели, преплываемъ отъ одной пристани къ другой и съ острова на островъ. Играетъ ли

нація большую ролю въ образованномъ свѣтѣ, — мы показываемъ ея силы, вспомогательныя средства, выгоды. Идетъ ли дѣло о народѣ необразованномъ, — мы стараемся, сколько возможно, изобразить его нравы и его образъ жизни.

Выборъ городовъ и достопримѣчательныхъ мѣстъ, нами описываемыхъ, опредѣляется иногда важностію политическою, иногда историческою извѣстностью. Не рѣдко станемъ позволять себѣ изслѣдованіе мимоходомъ критическихъ мѣстъ Географіи, разрѣшать сомнѣнія, исправлять ошибки; не откажемъ себѣ въ удовольствіи разсѣвать въ топографическомъ описаніи историческія черты или нравоучительные анекдоты, служащіе къ удержанію въ памяти именъ, самыхъ трудныхъ для изученія. Для чего не срывать цвѣтовъ, представляющихся взорамъ? — Для чего землеописанію не походить на самую землю, на которой, въ самыхъ безплодныхъ пустыняхъ, встрѣчаемъ иногда свѣтлый источникъ и прохладную тѣнь?

Пятнадцать лѣтъ чтенія и упражненія въ Географіи показали намъ, что сіе свободное и одушевленное шествіе открываетъ вѣрнѣйшій доступъ къ святилищу наукъ Историческихъ, нежели строгіе и отвлеченные методы, употребительные въ наукахъ точныхъ. Мы хотѣли написать книгу, а не оглавленіе.

Принимая сіе расположеніе въ нашей Всеобщей Географіи, мы ни мало не дума-

емъ отрицать достоинство другихъ различныхъ методовъ. Пусть новый *Варений*, въ чистой *Математической Географіи*, воспользуется всѣми пособіями высшей Геометріи; пусть другой *Бергманъ*, языкомъ Химіи и Естественной Исторіи, изслѣдуетъ начала новой *Физической Географіи*; пусть естествоиспытатели подраздѣляютъ даже Физическую Географію на многія особенныя науки, напр. на Географію растѣній, минералогическую и др.; пусть ученики и послѣдователи *Бишинга* съ неутомимымъ терпѣніемъ собираютъ *географическіе* и *топографическіе* матеріалы, имѣющіе въ виду частное описаніе страны, округа, города; пусть въ огромныхъ числительныхъ столбцахъ представляютъ подробности той отрасли *Политической Географіи*, которую Нѣмцы назвали *Статистикою*; пусть другіе ученые углубляются въ прочія части, напр. въ сравнительную критику древнихъ географовъ, или исторію путешествій и открытій. Нѣтъ ничего полезнѣе для науки и достойнѣе уваженія ученаго свѣта, какъ подобные труды, посвященные отдѣльному предмету; всего справедливѣе, каждой изъ сихъ отраслей науки давать формы самыя точныя, самыя строгія, самыя ученыя, какія только ихъ особенное свойство предполагать можетъ. Надѣемся показать нѣкоторую ревность къ собиранію, предъявленію и похвалѣ подобныхъ сочиненій въ періодическомъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Лѣтописи Путешествій*, *Геогра-*

фіи и Исторіи (*Annales des voyages, de la Geographie et de l'Histoire*). Но всеобщая Географія, не впадая въ самыя величайшія подробности, не можетъ обнять разныхъ отраслей Географической науки; она должна ограничиться собираніемъ цвѣтовъ и плода сихъ ученыхъ изслѣдованій и многотрудныхъ изысканій.

Есть еще точка зрѣнія, которую, кажется, необходимо замѣтить читателямъ сего сочиненія. Начала Математической и Физической Географіи неисчерпаемы, но различны степени знаній человѣческихъ. Народы проходятъ, Царства и грады разрушаются, исчезаютъ, не оставляя и слѣдовъ существованія. Теперь можно вообразить себѣ рядъ Географій, изъ коихъ каждая, хотя весьма отлична отъ предыдущей или послѣдующей, впрочемъ истинна, точна и полна для того года или вѣка, къ коему принадлежитъ. Употребленіе освятило, въ нѣкоторомъ отношеніи, тройное раздѣленіе науки: подъ *Географіею древнею* разумѣютъ все предшествовавшее 500 году по Р. Х., или великому народопреселенію; *Географія среднихъ временъ* простирается до открытія Америки; все остальное входитъ въ область *Географіи новой*. Но если бы требовалось соблюсти всю ученую точность, то надлежало бы исчислить столько же Географій, сколько было достопримѣчательныхъ націй и вѣковъ. Сіи Географіи могутъ быть разсматриваемы, каждая от-

дѣльно, какъ наука особенная; но онѣ, въ сравненіи съ Географіею нашего вѣка, суть не что иное какъ ложныя и неполныя системы: однакожъ любопытно и важно, даже для обыкновенныхъ любителей, имѣть понятіе о медленномъ и иногда обратномъ ходѣ науки, коль скоро становится она извѣстною съ нѣкоторою степенью достовѣрности. Мы разсмотримъ съ главныхъ сторонъ сію исторію открытій и системъ Географическихъ прежде, нежели приступимъ къ изложенію Географіи новой: но подробно говорить будемъ только о сей послѣдней, и она составляетъ главный предметъ сего сочиненія.

Точные предѣлы, въ кои мы предполагали заключить Географію, не дѣлая ее сухою и ничтожною номенклатурою, не позволяютъ ей смѣшиваться съ другими науками. Умы просвѣщенные, безъ сомнѣнія, любятъ соединять подъ одну точку зрѣнія результаты наукъ, весьма различныхъ по ихъ ходу и свойству ихъ предметовъ. Безъ сомнѣнія, Географія, подобно Исторіи, занимающаяся тѣмъ, что имѣло вліяніе на судьбу народовъ и Государствъ, не должна быть порицаема; должно напротивъ согласиться, что она оказываетъ услугу другимъ наукамъ, вспоминая ихъ открытія, дабы озарить ихъ новымъ свѣтомъ. Пусть, напр. *Политическая Экономія* взвѣшиваетъ силы Государства! пусть въ каждомъ Кантонѣ исчисляетъ она отношеніе между поверхностію земли и числомъ обитателей!

слѣдопыія сихъ многотрудныхъ измѣненій, часто по свойству своему могутъ быть любопытны для Исторіи; часто также, поставленные и расположенные въ обширныхъ картахъ Политической Географіи, сіи сухія истины украшаются блескомъ и занимательностію, обязанными тѣмъ сосѣдству великихъ географическихъ наблюденій, съ ними соединенныхъ. Сей родъ мѣновой торговли одушевляетъ всю республику наукъ и словесности. Но различныя страны сей области имѣютъ свой языкъ, свои постановленія, свои выгоды особенныя; такіе предметы не должно смѣшивать. Всякое изслѣдованіе политическое, религіозное и нравственное; всякое изысканіе историческое, хронологическое и археологическое, не прямо относящееся къ географическимъ перемѣнамъ; исчисленіе высотей Геометріи; приведеніе или свидѣтельство, пополненное предложеній химическихъ и физическихъ; всѣ подробности Естественной Исторіи, выражаемыя только языкомъ естествоиспытателей и не составляющія существенной черты въ физической картинѣ страны — все это почитаемъ мы совершенно чуждымъ хорошей всеобщей Географіи, хотя многіе изъ сихъ предметовъ прилично могутъ входить въ частное обозрѣніе Математической, Физической и Политической Географіи.

Географическая наука довольно обширна и безъ сихъ постороннихъ принадлежностей; она представляетъ многія трудности, много

тернія. Если прочесть, сравнить, разсмотрѣть разсказы путешественниковъ всѣхъ народовъ, часто лживые и неудовлетворительные, если разобрать безчисленное множество путевыхъ записокъ, астрономическихъ наблюденій, разсужденій, описаній и замѣчаній, оффиціальныхъ извѣстій, объявленій, исчисленій, составленныхъ частными людьми; если, съ помощію великихъ трудовъ, найдемъ какое-либо географическое объясненіе — потерянное въ памяти Божественной Исторіи — въ медицинской, минералогической и ботанической топографіи, часто даже въ коммерческихъ альманахахъ и политическихъ журналахъ; — и тогда еще не истощились бы всѣ источники Географіи: надлежало бы открывать хранящіеся въ Государственныхъ архивахъ, или погребенные въ частныхъ текахъ — все, столь краснорѣчиво говорящее, въ великой книгѣ природы, и еще не нашедшее внимательнаго наблюдателя.

Но поелику историческія знанія вообще, и географическія науки въ особенности, заимствованы изъ столькихъ различныхъ источниковъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, то можно ли обойтись безъ показанія, откуда именно оныя заимствованы? Самая честность требуетъ, людямъ знающимъ дать средства къ разсужденію: на достовѣрныхъ ли свидѣтеляхъ мы утверждались? Литтературная справедливость требуетъ ознакомить читателей съ именами часто неизвѣстными нашихъ руководите-

лей и наставниковъ. Отвѣтъ на сіи вопросы казался намъ ни сколько незатруднительнымъ; въ слѣдствіе чего мы означаемъ, въ низу каждой страницы, главныя мѣста, на коихъ основываются наши разсужденія. Но сіи свидѣтельства не имѣютъ ничего общаго съ цитатами, за кои порицаютъ новѣйшихъ ученыхъ и кои мы строго себѣ воспретили. Тѣ, которые берутъ сію книгу въ намѣреніи научиться, а не судить насъ, могутъ и должны читать въ порядкѣ и не останавливаться на сомнѣніяхъ.

ЯЗЫКЪ, ПЛЕМЕНА, НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ, КЛАССЫ НАРОДА ВЪ МОНГОЛІИ.

Монголія на всемъ ея пространствѣ отъ Сунгари-Улы до предѣловъ Казачьихъ и Киргизскихъ, отъ великой стѣны къ сѣверу до границы Россійской, населена однимъ Монгольскимъ племенемъ, раздѣленнымъ на множество поколѣній. Сей народъ говоритъ однимъ языкомъ, который даже мало разнится и мѣстными нарѣчіями, если неодинаковый выговоръ словъ не считать разностію (*). Таковая единообразность и не-

(*) Чувствительнѣйшая разность состоитъ въ произношеніи буквъ: к, ц и ъ. Южные Монголы к выговариваютъ какъ х, ц какъ ч, а ъ какъ ь; на примѣръ, они говорятъ: *Хухунорь*, *Чагань*, *Тэмуцзинь*; напротивъ Халхасцы произносятъ сіи слова: *Кукуноръ*, *Цаганъ*, *Тэмугжинъ*.

неизмѣняемость языка здѣсь ни мало не удивительны, потому что при великихъ военныхъ переворотахъ часто многочисленныя поколѣнія переходили съ Юга на Сѣверъ или съ Сѣвера на Югъ, съ предѣловъ восточныхъ на край западный, и тамъ навсегда оставались.

Нынѣ многіе ученые въ Европѣ занимаются изслѣдованіемъ происхожденія народовъ, населявшихъ, по ихъ мнѣнію, и населяющихъ Монголію; но они, не зная основательно ни народа, ни его исторіи, принимаютъ при семъ изслѣдованіи ошибочное положеніе, по которому необходимо должно судить о всемъ по однѣмъ догадкамъ поверхностно, и наконецъ оставаться въ недоумѣніи. Почти каждое усилившееся поколѣніе почитаютъ они за особливый народъ, отличный отъ прочихъ поколѣній и по происхожденію и по языку. Вотъ въ чемъ состоитъ самая важная погрѣшность ихъ!

Поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ Домамъ, занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе *Монголовъ* не потому, чтобы они происходили отъ Дома Монголовъ, но потому, что сей Домъ, усилившись, наконецъ всѣ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ бы новое Государство, которое мало по малу привыкли называть Монголомъ же, по прозванію господствующаго Дома. Симъ образомъ разныя Монгольскія поколѣнія и прежде назывались общими именами Татаньцевъ, Киданей, Хойхоровъ (Уйгуровъ), Тулгасцевъ,

Сяньбійцовъ, Хунновъ и проч. Симъ же образомъ въ послѣдствіи, если овладѣетъ Монголіею Домъ Карциньскій, вся сія страна оставитъ нынѣшнее названіе и приметъ то, которое доставитъ ей новый господствующій Домъ. Тогда нынѣшнихъ жителей Монголіи будемъ называть не Монголами, а Карциньцами, разумѣя подъ послѣднимъ названіемъ не Аймакъ прежній, но уже поколѣнія сего племени, въ совокупности взятыя. Равнымъ образомъ, указывая на древнія времена Монголіи, будемъ говорить, что около Р. Х. обитали въ сей странѣ Карциньцы же, разумѣя подъ симъ названіемъ тождество и единоплеменность тогдашняго народа съ нынѣшнимъ.

Что касается до переселенія многочисленныхъ Монгольскихъ поколѣній, то Илійскіе Чжуньгары еще за два вѣка до Р. Х. пришли въ Илій съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ нынѣ находится великая стѣна въ Губерніи Гань-су; Тарбагтайскіе Чжуньгары пришли въ Тарбагтай изъ Южной Монголіи въ самомъ концѣ IV столѣтія подъ названіемъ Гаогюйцевъ, и распространились къ сѣверу даже до Якутска. Вся Исторія народа Монгольскаго свидѣтельствуетъ, что переходы его поколѣній изъ одного края въ другой происходили отъ раздѣла земель при каждомъ важномъ переворотѣ въ сей странѣ, но ни при одномъ происшествіи не говоритъ, чтобы вошелъ въ Монголію другой народъ, отличный отъ кореннаго и по происхожденію и по языку —

неоспоримое доказательство единства Монгольскаго народа и въ самой древности (*). Татаньцы, пришедшіе къ Ордоосу отъ вершинъ Амура, были Тунгусскаго племени; но по смежности съ Монголами имѣли въ своемъ языкѣ много словъ общихъ съ ними; а смѣшавшись съ прочими Монгольскими поколѣніями, наконецъ потеряли собственное нарѣчіе. И нынѣ восточные и западные Монголы, по смежности первыхъ съ Тунгусами, а послѣднихъ съ Турецкими народами, не могутъ избѣгнуть небольшой разности и въ самыхъ словахъ или названіяхъ вещей (**). Хотя Монголы во времена счастливыхъ своихъ походовъ въ Китай выводили отсюда великое множество плѣнниковъ обоего пола; но сіи толпы невольниковъ, какъ военная добыча, будучи раздѣлены между побѣдителями и разсѣяны по пространству всей Монголіи, вскорѣ смѣшивались и терялись въ массѣ господствующаго народа, подобно какъ немалочисленныя поколѣнія плѣнныхъ Монголовъ, посе-

(*) Хагасы, покорившіе Халхаскихъ Уйгуровъ въ первой половинѣ IX столѣтія, вѣроятно были Турецкаго племени; но побѣды ихъ были нечто иное, какъ удачные порывы смѣлости, а не слѣдствіе внутренней силы, и посему они скоро исчезли сами собою; сверхъ сего они не преселялись въ Халху, а управляли сею страною, имѣя пребываніе на прежнихъ своихъ земляхъ. Смотр. ниже о Дулгасцахъ Отд. II, 844 — 916 г.

(**) Сѣверовосточные Монголы употребляютъ нарѣчіе съ примѣсью Тунгусскихъ словъ, а западные, т. е. Калмыки, съ примѣсью Туркистанскихъ.

лённыя въ сѣверномъ Китаѣ, совершенно переродились между Китайцами.

Населенность Монголіи не трудно было бы опредѣлить, положивъ извѣстное число мужескаго пола наравнѣ съ женскимъ.

Сеймы, каждые три года повѣряютъ перепись народа и представляютъ вѣдомости въ Пекинскую Палату иностранныхъ дѣлъ. Въ сіи вѣдомости вносятъ всѣхъ рождающихся мужескаго пола, исключая невольниковъ и отставленныхъ отъ службы по старости. Любопытнымъ остается получить изъ помянутой Палаты валовой перечень числу мужескихъ душъ. — Но какъ Монголія, въ совокупности съ Олотами и Чжуньгарами взятая, и въ цвѣтущія времена не могла выставлять болѣе милліона конницы, то, предположивъ наборъ съ трехъ или много съ пяти душъ, можно очень близко подойти къ вѣроятнѣйшему числу народонаселенія. Впрочемъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія, что Монголы суть наисильнѣйшіе и многочисленнѣйшіе между кочевыми народами въ Азіи: ибо они нѣсколько разъ своимъ оружіемъ приводили въ трепетъ не только Азію, но и самую Европу, между тѣмъ какъ Турецкіе народы Средней Азіи ни единожды не могли покорить одной Чжуньгаріи, составляющей только западную часть Монголіи (*).

(*) Джуньгарія въ половинѣ прошедшаго столѣтія столько опустошена Китайцами, что нынѣ и

Политическое состояніе жителей раздѣляется на три класса: дворянство, солдатъ и духовенство. Личные Князья и Тайцзіи составляютъ дворянство. Они многочисленны и сутъ истинные помѣщики, которые по частямъ владѣютъ землями удѣловъ, купно съ людьми, живущими на сихъ земляхъ. Послѣдніе сутъ не что иное, какъ полусвободные военнопоселяне, которые обязаны исправлять и земскія повинности и воинскую службу. Духовенство хотя по безбрачности не можетъ продолжать своихъ родовъ; но со всѣмъ тѣмъ очень значительно по своему числу, преимуществу и вліянію на народъ. Оно имѣетъ свою Іерархію подъ верховною зависимостію Китайской Палаты иностранныхъ дѣлъ. Сверхъ сихъ классовъ находятся невольники или рабы. Они происходятъ отъ плѣнниковъ, а большею частію отъ преступниковъ, утверждаемыхъ цѣлыми семействами въ вѣчное рабство вмѣсто ссылки: Но какъ они законами лишены политическаго существованія, то и не помѣщаются въ числѣ народныхъ классовъ.

1.

$\frac{1}{10}$ части коренныхъ жителей противу прежняго не имѣетъ.

ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ, УПРАВЛЕНІЕ, ДОХОДЫ КНЯЗЕЙ и ТАЙЦЗІЕВЪ ВЪ МОНГОЛІИ.

Монголія съ того времени, какъ покорилась нынѣ царствующему въ Китаѣ Дому Цинъ, лишилась политической цѣлости. Аймаки ея сдѣланы независимыми другъ отъ друга, и раздроблены на мѣлкіе удѣлы подъ названіемъ знаменъ, а владѣтели сихъ удѣловъ раздѣлены на Князей пяти степеней, какъ то: *Цинь-ванъ*, *Цзюнь-ванъ*, *Бэйла*, *Вэйла* и *Гунъ* (*). — Хотя нѣкоторые изъ нихъ и удержали прежній титулъ Хановъ, но безъ всякихъ отличительныхъ преимуществъ: ибо они въ правахъ сравнены съ Князьями первой степени. Еще находятся владѣтельные *Тайцзіи*, которые имѣютъ удѣлы на однѣхъ правахъ съ помянутыми Князьями. Всѣ таковые владѣтели называются Чжасаками, т. е. управляющими, но считаются младшими противу равныхъ имъ Маньчжурскихъ и Монгольскихъ Князей, служащихъ при Китайскомъ Дворѣ. Въ знаменахъ Владѣтельныхъ Князей еще находятся Бэйлы, Бэйзы и Гуны *личные*, которые наслѣдственно отъ предковъ, также по праву первородства, получаютъ одно достоинство безъ удѣловъ. Исключая наслѣдныхъ

(*) *Цинь-ванъ*, *Цзюнь-ванъ* и *Гунъ* суть Китайскія слова; *Бэйла* и *Бэйза* суть слова Маньчжурскія и настояще пишутся Бэйлэ и Бэйзэ.

Принцевъ, прочіе сыновья владѣтельныхъ Князей, какъ и сыновья Царевенъ, остаются въ достоинствѣ Тайцзіевъ, раздѣленныхъ на четыре класса. Тайцзи (*) перваго класса равняется нашей первой и второй степени; Тайцзи втораго класса равняется нашей третьей и четвертой степени и т. д. Тайцзіи утверждаются въ помянутыхъ классахъ соотвѣтственно достоинству родившихъ.

Достоинства какъ владѣтельныхъ, такъ и личныхъ Князей и Тайцзіевъ, суть наслѣдственны въ мужескомъ колѣнѣ въ прямой и законной линіи по праву первородства. Если по смерти Князя не останется ни сыновей, ни внуковъ, ни преемника, усыновленнаго имъ изъ своихъ побочныхъ сыновей или родственниковъ, то не побочному сыну, а старшему родственнику изъ ближайшей боковой линіи принадлежитъ право наслѣдованія. Возведеніе Князей и Тайцзіевъ въ наслѣдственное и получаемое по рожденію достоинство утверждаетъ Китайскій Государь по представленію Палаты иностранныхъ дѣлъ. Онъ имѣетъ власть за необыкновенныя услуги повышать, за важныя вины понижать и даже разжаловать; но въ послѣднемъ случаѣ наслѣдство всегда остается въ томъ же домѣ, исклю-

(*) *Тайцзи* есть Монгольское слово, означающее Принца изъ Княжескаго Дома. Слово Тайша имѣетъ другое значеніе, и должно происходить отъ Китайскаго слова Тхай-ши, что значитъ Везиръ, или Верховный Министръ, Канцлеръ.

чая обстоятельствъ, изображенныхъ въ Уложеніи. Достоинства личныхъ Князей и простыхъ Тайцзіевъ при каждомъ колѣнѣ понижаются степенью до четвертаго класса, въ которомъ остаются безъ перемѣны всѣ потомки мужеска пола.

Дочери Князей и Тайцзіевъ владѣтельныхъ, на основаніи Китайскихъ установленій, не имѣютъ никакого участія въ наслѣдованіи недвижимаго имущества послѣ родителей, ибо удѣлы переходятъ къ преемникамъ отъ одного къ другому безъ малѣйшаго раздробленія: но при выходѣ въ замужство получаютъ, соотвѣтственно достоинству родителей, степени Княженъ, которыя онѣ удерживаютъ по смерть свою, а мужья ихъ получаютъ титулы зятьевъ соотвѣтственно достоинству супругъ.

Знамя есть ничто иное, какъ удѣлъ, превращенный въ военную дивизію. Каждая дивизія дѣлится на полки, которымъ нѣтъ положительнаго числа; полкъ напротивъ состоитъ изъ шести эскадроновъ, а эскадронъ содержитъ въ себѣ 150 конныхъ солдатъ, изъ которыхъ 50 человѣкъ должны быть въ латахъ.

Владѣтельный Князь по управленію составляетъ первое лице въ своемъ знамени; второе по немъ мѣсто занимаетъ *Тусалакци* (*), въ должность котораго Князь купно съ главою Сейма избираетъ изъ сво-

(*) *Тусалакци*, правильнѣе *Тосалакци*, значитъ: помощникъ.

ихъ личныхъ Князей и Тайцаіевъ двухъ кандидатовъ и представляетъ Государю на утвержденіе. Кромѣ владѣтельнаго Князя и Тусалакци, въ каждомъ знамени есть дивизіонный Генералъ, называемый *Хошунъ-чжангинъ*, и два Генералъ-Лейтенанта, называемые *Мэйренъ-чжангинъ*. Въ каждомъ полку опредѣляется одинъ Полковникъ, называемый *Чжаланъ-чжангинъ*, одинъ эскадронный начальникъ, называемый *Сомунъ-чжангинъ* (*), одинъ Поручикъ и шесть капраловъ. По внутренней полиціи надъ каждыми десятью кибитками постановляется одинъ десятникъ, который обязанъ надзирать за поведеніемъ ихъ и подлежитъ отвѣтственности, ежели въ его десяткѣ откроются преступники. — Исключая Тусалакци, всѣхъ прочихъ чиновниковъ предоставлено самимъ Князьямъ избирать изъ своихъ Тайцзіевъ или изъ простыхъ, и опредѣлять къ должности съ соотвѣтствующимъ чиномъ — безъ отношенія къ высшему начальству.

Для управленія дѣлами по знамени Князь руководствуется Уложеніемъ, имѣетъ канцелярію для дѣлопроизводства и печать для утвержденія. Монгольское Уложеніе состоитъ изъ 12 отдѣленій, и сокращенно объемлетъ всѣ части кочеваго управленія. Оно сочинено Китайскимъ правительствомъ и по обстоятельствамъ пополняется ука-

(*) Всѣ сіи слова суть Монгольскія съ Маньчжурскими. *Чжангинъ* по Монг. *Чжанги*.

зами, имѣющими силу, равную съ законами. Печать дается отъ Государя Князю на его лице, и служитъ для скрѣпленія бумагъ отъ его имени, вмѣсто своеручной подписи. Безъ приложенія сей печати никакая отъ его имени бумага не почитается дѣйствительною. Маловажныя дѣла Князь имѣетъ власть рѣшить въ канцеляріи на основаніи Уложенія, или по степнымъ обычаямъ, важныя же долженъ отсылать къ главѣ Сейма, который представляетъ оныя чрезъ Палату иностранныхъ дѣлъ Государю на разсмотрѣніе и утвержденіе. — Въ случаѣ несправедливаго рѣшенія канцеляріи дозволенъ переносъ дѣла къ главѣ Сейма, а жалобы на главу Сейма приносятся въ Палату иностранныхъ дѣлъ.

Въ древности Китайскій Дворъ опредѣлялъ въ Монголіи своихъ приставовъ, которые издали наблюдали бы за поведеніемъ Князей. Но сіи приставы нерѣдко по своекорыстнымъ видамъ вмѣшивались въ ихъ дѣла и своими притѣснительными мѣрами производили неудовольствія въ Монголахъ: почему нынѣ опредѣленіе приставовъ отмѣнено; внутреняя судная расправа поручена самимъ Князьямъ, а для содержанія послѣднихъ въ страхѣ поставлены въ важныхъ мѣстахъ гарнизоны.

Доходы владѣтельныхъ Князей и Тайцзіевъ, какъ владѣтельныхъ, такъ и неуправляющихъ, состоятъ единственно въ оброкѣ, собираемомъ ими, по Уложенію, съ подчиненныхъ. Въ добавокъ къ сему получаютъ

(изъ личныхъ не всѣ) отъ Китайскаго Двора жалованье и содержаніе половинное противу Князей осьми Пекинскихъ Знаменъ. Въ соотвѣтствіе сему Князья и Тайцзіи обязаны признавать Китайскаго Государя верховнымъ главою, и своимъ оружіемъ охранять спокойствіе границъ его. Сверхъ сего должны южные Князья чрезъ два года въ третій, сѣверные чрезъ три въ четвертый пріѣзжать къ Пекинскому Двору съ данью, которая, будучи малозначуща по ея количеству и важна по цѣли, сопровождается наградами, превышающими подлинную цѣну (*). Всѣ обязанности, права и преимущества Монгольскихъ владѣтелей изображены въ I и III отдѣленіи Уложенія.

I.

(*) Награда за дань сѣвернымъ Князьямъ означена III отд. въ 4-й статьѣ. Южнымъ же Князьямъ положено за каждую лошадь 10 лановъ серебра и два конца атласа; за каждаго барана 10 лановъ серебра и четыре конца китайки (атласъ и китайка имѣютъ по 40 футовъ длины); за выношеннаго кречета 10 лановъ серебра и 4 конца атласа; за борзую обученную собаку тоже. Сверхъ сего на каждую голову изъ помянутыхъ животныхъ выдается полтора мѣшка бѣлаго сарацинскаго пшена. Одиннадцать Китайскихъ лановъ составляютъ Россійскій фунтъ.

СМѢСЬ.

Измѣнникъ. Дѣвица В. имѣла неосторожность объявить одному изъ спутниковъ своихъ въ дилижансѣ тайну, что она везетъ въ подарокъ сестрѣ своей кружевное покрывало, купленное въ Брисселѣ; но что для предосторожности, дабы оную не конфисковали на Французской границѣ, спрятала ее за корсетъ. Въ то время, когда чиновникъ таможни намѣренъ былъ свидѣтельствовать дилижансъ, вышелъ изъ онаго человѣкъ довольно толстый и велѣлъ проводить себя въ таможенную контору. Нѣсколько минутъ спустя, возвратился онъ оттуда съ однимъ изъ служащихъ, который весьма учтиво пригласилъ дѣвицу В. подвергнуться точнѣйшему осмотру въ конторѣ, по каковому предмету, прибавилъ онъ, ожидаетъ ее тамъ жена его. Кружевное покрывало было найдено, конфисковано и сверхъ того дѣвица принуждена была заплатить штрафъ. — Когда уже проѣхали послѣ того нѣкоторое разстояніе и злополучная оштрафованная дѣвушка не преставала жаловаться и осыпать язвительными упреками измѣнника, прервалъ онъ ее наконецъ слѣдующими словами: „Стоитъ ли труда, милостивая государыня, такъ много подымать шуму о „такомъ ничтожномъ покрывалѣ; я, имѣвшій честь донести на васъ, ношу теперь на себѣ платье, подбитое вмѣсто ваты кружевами по крайней мѣрѣ на „80,000 франковъ; желая отклонить отъ себя всякое „подозрѣніе, я вынужденъ былъ обнаружить вашу тайну. Справедливость требуетъ, чтобы моя избавительница получила надлежащее вознагражденіе за свою „потерю. На слѣдующей станціи я приму снова свою „худощавую наружность, и буду имѣть удовольствіе „подарить вамъ такое покрывало, которое далеко превосходитъ ваше.“

Д. Н.

Новая метода для излеченія косноязычныхъ. До 1824 года, только въ Англіи Медицина сдѣлала нѣсколько опытовъ на излеченіе косноязычныхъ; въ это время одна Американская вдова съ успѣхомъ покушалась избавить отъ сего недостатка дочь Доктора Яшеса, ея благодѣтеля. Г-жа Лейгъ скоро основала учрежденіе въ Нью-Іоркѣ, откуда болѣе ста пятидесяти косноязычныхъ вышли излѣченными. Сія дама сообщила свою методу одному Французу, Г. Мальбушу, отставному морскому Офицеру, бывшему въ службѣ Соединенныхъ Штатовъ, который поспѣшилъ доставить и Европѣ возможность, воспользоваться симъ пособіемъ. Успѣхи, имъ оказанные въ Бриссель, были такъ значительны, что Король ввѣрилъ ему нѣсколько косноязычныхъ, и Правительство печется о ихъ содержаніи. По прибытіи въ Парижъ, Г. Мальбушъ доказалъ на опытѣ вѣрность новаго способа: Королевская Академія наукъ поручила совѣту изслѣдовать его и приложить къ особамъ, весьма имъ извѣстнымъ. Г-да Магенди и Дюмериль, 10 Марта сего 1828 года, представили Академіи отношеніе, которое оканчиваютъ слѣдующимъ объявленіемъ: „Съ помощію „методы вдовы Лейгъ, можно производить вѣрные „опыты, особенно надъ людьми съ умомъ довольно „раскрытымъ, и которые имѣютъ довольно терпѣнія, „чтобы производить на практикѣ, въ положенное время, родъ голосной гимнастики, для сего необходимой.“

Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, будетъ не безполезно узнать и то, что Г. Мальбушъ основалъ свое заведеніе *въ Парижѣ на улицѣ Neuve des Mathurins, подъ No* 20, и принимаетъ особъ всѣхъ націй.

Легкой способъ научиться Французскому языку. Одна Англичанка, 60 лѣтъ, писала въ Парижъ къ своему сыну: „Милый Вильгельмъ! я рѣшилась ѣхать къ тебѣ въ Парижъ. Но мнѣ не хотѣлось бы показаться

[illegible] въ платьѣ Парижанъ, и потому я рѣшилась [illegible] 3 мѣсяца на изученіе Французскаго языка по правиламъ. Королева Елисавета, какъ говорятъ [illegible], выучилась же совершенно полатинѣ, [illegible] Съ недѣли до Рождества: отъ чего же мнѣ въ такое же время не выучиться языку, менѣе трудному?"

Отвѣтъ. — „Матушка! по вашей просьбѣ, посылаю вамъ лучшія сочиненія о языкѣ Французскомъ, а именно: *Грамматику Дюфьера* въ 2хъ томахъ въ 8-ку; *Словарь Лаво* 2 т. въ 4-ку; *О трудностяхъ языка Французскаго* того же автора 2 т. въ 8-шку, 1,400 стран. въ двойной столбецъ; весьма жаль, что печать очень мѣлка, но нѣтъ другаго изданія; *Словарь Синонимовъ Лаво* 2 т. въ 8-шку, тою же печатью. Изъ этого видите, что вамъ надо пройти одну Грамматику, пробѣжать Лексиконы и выучить наизусть 2,800 стран. о трудностяхъ языка и около 2,000 стран. синонимовъ. Есть еще другія очень хорошія книги о томъ же предметѣ; но этаго довольно будетъ для вашей цѣли.

„Съ нетерпѣніемъ желая васъ видѣть черезъ три „мѣсяца, остаюсь покорный сынъ вашъ Г. Дюргамъ."

Замѣчательные недостатки зрѣнія. Извлекаемъ это извѣстіе изъ Morgenblatt; оно, у кажется, должно быть любопытно для занимающихся Оптикою. „Всякой предметъ, поражающій зрѣніе, по законамъ Оптики, отражается въ глубинѣ камеробскуры, образуемой яблокомъ глаза, на первой кожѣ, въ видѣ маленькаго, обращеннаго образа. Давно уже Физики и Физіологи старались объяснить, какимъ образомъ душа снова обращаетъ сей образъ; ибо извѣстно, что люди видятъ предметы точно въ томъ положеніи, въ какомъ представляются они чувству осязанія: посему весьма должны быть занимательны тѣ случаи, въ которыхъ душа не совершаетъ сего дѣйствія, хотя

къ сожалѣнію сіи исключенія также трудно объяснить, какъ и самое явленіе. Одинъ художникъ началъ учить рисованію своего семилѣтняго сына; съ какимъ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что мальчикъ все изображалъ на выворотъ! Если ему огонь надо было изобразить, то пламя рисовалъ онъ внизу, а свѣтильню вверху; столы и стулья ножками всегда стояли у него къ верху. Отецъ почиталъ это упрямствомъ и наказывалъ его за такой недостатокъ; но мальчикъ увѣрялъ, что онъ рисуетъ все точно такъ какъ видитъ, и его рисунки во всемъ другомъ были совершенно правильны, такъ, что если перевернете предметъ, то рисунокъ его представитъ самое натуральное положеніе. Но это продолжалось только до 8-го года, и мальчикъ привыкъ наконецъ настоящимъ образомъ видѣть предметы. — Одинъ адвокатъ также нѣсколько времени видѣлъ все вверхъ ногами: домы стояли у него на крышахъ, люди ходили на головахъ; Физикъ Волластонъ въ состояніи тѣлеснаго и духовнаго истощенія замѣтилъ внезапно, что онъ въ людяхъ и въ каждомъ предметѣ видѣлъ одну половину. Одна женщина, получивши ударъ въ лѣвой бокъ, съ той минуты стала видѣть одну правую половину предметовъ, и не смотря на то, возвратила употребленіе всѣхъ членовъ. Человѣчество весьма счастливо, что сіи недостатки тѣлеснаго зрѣнія такъ рѣдки; но то служитъ къ его несчастію, что духовное зрѣніе часто видитъ предметы на выворотъ, или *одну* только половину оныхъ."

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XI и XII.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Отправляясь Іюля 3го въ походъ, взявъ Князя Владиміра Андреевича къ себѣ въ войско, и отпустивъ полки, Большій съ Передовымъ и Правою рукою, черезъ Рязань и Мещеру, Іоаннъ помолился въ церквѣ Успенія Богаматери (131) и пріѣхалъ 8 го во Владиміръ. Тамъ, совершивъ также подвиги набожности (132), услышалъ Государь, отъ явившагося изъ Свіяжска Протопопа Тимоѳея, что болѣзнь и смертность въ войскахъ прекратилась; отослалъ его къ Митрополиту и прибылъ 13 го въ Муромъ, гдѣ, принесши равнымъ образомъ въ церквахъ моленіе (133), по-

(131) Царк. 236: „и припадаетъ ко образу у Пречистыя, иже на Дону была съ преславнымъ Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ."

(132) Т. ж.: „и приходитъ въ Пречистыя церковь Богоматери и потомъ приходитъ во обитель Пречистыя Рождества и къ целбоносному гробу прародителя своего Святаго и Великаго Князя Александра и моленія прилѣжная простираетъ и по всѣмъ святымъ мѣстомъ и по монастыремъ ту бывшимъ обходитъ и молитъ Создателя Бога."

(133) царк. 237: „и приходитъ Государь въ Соборную церковь града того Рождества Пречистыя и

лучилъ отъ Митрополитова Боярина ободрительную грамату Макаріеву (134), велѣлъ читать онную предъ всѣми вельможами, и отвѣчалъ на нее съ тѣмъ же посланнымъ (135). Наконецъ Царь сдѣлалъ смотръ воинамъ (136) и послалъ Стольника Ѳеодора Ивановича Умного (Колычева) за Ханомъ Шейхаліемъ, котораго, по его прибытіи, отправилъ съ Воеводою, Княземъ Петромъ Андреевичемъ Булгаковымъ (Голицынымъ) и множествомъ дѣтей Боярскихъ и Стрѣльцовъ, на судахъ къ Казани; прочему же войску велѣлъ перебираться за Оку. Тогда предсталъ къ Царю, посланный Княземъ Горбатымъ изъ Свіяжска, Иванъ Вокшеринъ, и донесъ, что Бояре (137) воевали селенія горныхъ измѣнниковъ, а Яртаулы (138) Россійскіе поразили

къ великимъ Чудотворцемъ Князю Петру и Княгинѣ Ѳевроніи и по всѣмъ святымъ мѣстомъ обходить съ моленіемъ.“

(134) Сія грамата, или посланіе, напечатана въ царк. 238 — 248. Ник. VII, 130 — 140. Лв. IV, 332 — 351.

(135) Посланіе отъ Благовѣрнаго Царя. . .“ „къ Митрополиту . . .“ „напечатано въ царк. 248. 249. Ник. VII, 140. 141. Лв. IV, 352 — 354.

(136) царк. 250: „Государю же воя своя учреждаючи и разсмотряя ихъ орудія, да вси уготовятся на брань.“

(137) Т. ж.: (Ник. VII, 142. Лв. IV, 355): „въ большомъ полку Князь Семенъ Ивановичь Микулинской“ (Пунковъ) „а въ передовомъ полку Бояринъ и Дворецкой Данило Романовичь, да Борисъ Салтыковъ; а въ Сторожевомъ полку Бояринъ Князь Петръ Семеновичь Серебреной.“

(138) Кур. 14: „прежній“ (передній) „полкъ а тамо обыкли его звати Артаулъ.“ Лв. 15. об.: „перс, о-

непріятелей, и Князь Александръ Димитріевъ Жижемскій убитъ; что горные, живущіе внизъ по Свіягѣ и при Волгѣ, упросили Воеводъ (о пощадѣ), присягнули Государю и пошли съ семействами къ городу Свіяжску. Возблагодаривъ Бога за некровопролитную побѣду, Іоаннъ повелѣлъ Князю Воротынскому и Шереметеву учредить надъ каждою сотнею полку своего голову изъ лучшей породы (139), изящнаго доблестію и въ военномъ дѣлѣ искуснаго, какъ для мужественнѣйшаго боя, такъ и для разныхъ посылокъ. Каждый сынъ Боярскій обязывался, готовясь къ дѣлу, знать своего голову и соблюдать благоустройность (140). Сіе распоряженіе отослано было, по Государеву Указу, и во всѣ другіе полки.

Черезъ два дни, 15 го, отпустивъ Князей, Юрія Ивановича Шемякина и Θеодора Ивановича Троекурова, съ дѣтьми Боярскими, въ Яртаулъ и за ними посошныхъ (141), для строенія мостовъ на рѣчкахъ и топяхъ,

---

вый полкъ, который ходитъ у нихъ за Яртауломъ"; слѣдственно Яртаулъ былъ летучій отрядъ, идущій предъ авангардомъ.

(139) Царк. 251: „да урядятъ въ полку его Царскомъ коемуждо сту бранымъ дѣтемъ Боярскимъ голову устроитъ изъ великихъ отцовъ дѣтей изячныхъ молодцовъ и искусныхъ ратному дѣлу."

(140) Т. ж.: „да всякъ вооружается на брань а о иномъ несмущаются." Лв. IV. 356: „чтобъ не было смущенія въ полкахъ дѣлу пришедшу."

(141) Царк. 252: „посошныхъ людей", то есть, воиновъ, набираемыхъ съ сохъ, изъ коихъ въ каждой было нѣсколько тяголъ.

Іоаннъ совершилъ молебствіе въ церквѣ Рождества Богородицы, пустился чрезъ Оку въ Саканской лѣсъ (142) и велѣлъ слѣдовать за собою Лѣвой рукѣ, Сторожевому полку и Боярину Князя Владиміра Ардреевича, Князю Юрію Андреевичу Пенинскому-Оболенскому съ людьми. Первый станъ Государя былъ у рѣчки Велетьмы, вторый у Шиленьши, третій у Саканскаго городища, четвертый на полѣ Иржѣ, пятый у рѣки Авши, шестый у Кевсы, седьмый при Икшинскомъ озерѣ, осьмый при озерѣ же, не доходя рѣки Пьяны (143). Здѣсь явился къ Іоанну, изъ Касимова, Аксеитъ Черевсѣевъ съ тамошними Князьями, Мурзами и Татарами (144); ему приказали идти съ Ярштауломъ и строить мосты на Пьянѣ. Девятый станъ Царскій былъ у озера Дубровки, десятый у рѣчки Мѣдянки, одиннадцатый, Августа 1 го, у рѣки Мяны, гдѣ совершили водосвятіе, двѣнадцатый у рѣ-

---

(142) Т. ж.: „позде за рѣку Оку на Саканьской лѣсъ" (см. выше No 114.)

(143) Лв. IV. 357: „и того дни Государь начевалъ на лѣсу на рѣкѣ Велетмѣ полъ 30 верстъ" (старыхъ тысяче-саженныхъ, Ник. VII. 144 и царк. 252: „отъ города," Мурома). Въ верховьѣ ея находится Велетминскій желѣзный заводъ господина Шепелева, см. Ари. к. 34. Прочихъ упомянутыхъ здѣсь урочищь, кромѣ Саканскаго городища и Пьяны рѣки, Нижегородской и Симбирской Губерній (Зяв. IV. 121. 259), не знаемъ, предоставляя объяснить оныя знатокамъ, въ тѣхъ мѣстахъ проживающимъ.

(144) Лв. IV. 358: „а шелъ Сеитъ на Моисыровъ уголъ," намъ неизвѣстный.

ки Алатыря — тутъ присоединился къ Россіянамъ Князь Енихей со всѣми Темниковскими Татарами и Мордвами, сдѣлавъ до пришествія Государева три моста; — тринадцатый у рѣки большой Сары (145). Многочисленное войско Россійское, идучи густыми лѣсами и чистою степью, довольствовалось благовонными овощами (146); лоси и птицы какъ будто сами приходили и прилетали къ нему на убіеніе; въ рѣкахъ ловило оно множество рыбъ. Успенскимъ постомъ — прежде враждебные, тогда же покаряющіеся — Черемисы и Мордвы, въ тѣхъ странахъ живущіе, приносили съѣстное Русскимъ даромъ и на продажу (147).

У Сары прислалъ Князь Мстиславскій съ товарищами донести Государю, что они подошли къ верьховью сей рѣки, и просить о назначеніи сборнаго мѣста (148). Іоаннъ велѣлъ имъ идти прямо къ Сурѣ, переѣзжать за нее выше, чѣмъ онъ, для избѣжа-

(145) Всѣ сіи рѣки находятся Симбирской Губерніи въ Ардатовскомъ, Алатырскомъ и Курмышскомъ уѣздахъ, См. Зяв. IV. 292—294.

(146) Царк. 254: „яко Богомъ уготованну пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ овощіемъ довляхуся.“ нгр. VIII. 151: „ягодами и плодами;“ въ первомъ мы согласны; но какими изъ послѣднихъ Августа до 1 числа?

(147) Царк. т. ж.: „и вся потребная приношаху хлѣбъ и медъ и говяды“ (послѣднее, уповательно, для Татаръ) „ова адорованіемъ, иная же продоваху и мосты на рѣкахъ дѣлаху.“

(148) Т. ж.: „и Государь имъ какъ велитъ къ себѣ пріитти?“

нія тѣсноты, и на поляхъ за Сурою присоединиться къ нему. Четырнадцатый станъ Государевъ былъ при Баранчѣевѣ городищѣ у Суры, на коей соорудили многіе мосты. Встрѣченный тамъ Никитою Трофимовымъ и Романомъ Пивовымъ, присланными отъ Свіяжскихъ Воеводъ, а Янтуду Мурзою, Бускемъ и Куда-Бердеемъ съ горними жителями, Царь получилъ извѣстіе, что Князь Петръ Ивановичь Шуйскій и Даніилъ Романовичь (Юрьевъ) ходили на оставшіяся мѣста горной стороны, и жители тамошніе, умоливъ о пощадѣ, причислились къ Свіяжску. Государь угостилъ Янтуду и его товарищей столомъ, простилъ ихъ и, отпуская въ Свіяжскъ, приказалъ имъ дѣлать на рѣкахъ мосты, также чистить тѣснины на дорогѣ, что они и выполнили. Къ Воеводамъ Іоаннъ послалъ Василія Тетерина съ приказомъ встрѣтить себя за два дни (пути) отъ Свіяжска, вверхъ по рѣкѣ Свіягѣ; соединился на поляхъ за Сурою съ Княземъ Мстиславскимъ и распорядилъ: Передовому полку идти за Яртауломъ, передъ Царскимъ полкомъ; Правой и Лѣвой рукамъ, на слѣдующихъ имъ сторонахъ, въ отношеніи къ послѣднему; а Сторожевому полку за симъ. На пятнадцатомъ станѣ у рѣчки Кивати (149) Государь дневалъ и вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ пріобщился Святыхъ таинъ, въ день Преображенія, 6 Августа;

---

(149) Царк. 256: „15 стань на рѣчкѣ на Киватѣ." Сей рѣчки и Баранчѣева городища не знаемъ.

имѣлъ шестнадцатый станъ у Яклы, семнадцатый у Чивлы (150), гдѣ еще пришли многіе горные жители умолять о прощеніи, извиняясь страхомъ, производимымъ набѣгами Казанцевъ (151). Угостивъ опять горныхъ, Іоаннъ (152) отпустилъ ихъ въ жительство, приказалъ готовиться къ участвованію въ войнѣ противу Казани — что они обѣщали; пріѣхалъ на осмнадцатый станъ къ Карлѣ, потомъ на девятнадцатый къ Булѣ, на двадцатый къ Беѣ (153) и, выступивъ оттуда, встрѣченъ былъ Свіяжскими военачальниками. Они раздѣлились на три полка; въ первомъ шли Бояре и Воеводы, явившіеся тою весною на берега Свіяги, а именно: Князь Александръ Борисовичь Горбатый, Даніилъ Романовичь (Юрьевъ) и Борисъ Ивановичь Салтыковъ; во второмъ годовые (154) Воеводы, Бояре, Князь Симеонъ Ивановичь Микулинскій, Князь Петръ Симеоновичь Серебряный, Окольничій Θеодоръ Григоріевичь Адашевъ, Воевода Князь Θеодоръ Борисовичь Ромода-

(150) Якла рѣчка Симбирской Губерніи Буинскаго уѣзда; Чивлы не знаемъ.

(151) Царк. 256: „сказываютъ страхомъ отъ Государя отступили, что воевали ихъ Казанцы."

(152) Царк. 257: „и Государь ихъ пожаловалъ, проступку ихъ отдаетъ, и ѣсти зоветъ, и удовляетъ ѣствою и питіемъ."

(153) Всѣ сіи рѣки Симбирской Губерніи Буинскаго уѣзда. См. Арп. к. 36. Бея падаетъ въ Свіягу, ниже Булы, Казанской Губерніи въ Тетюшскомъ уѣздѣ.

(154) Такъ Царк. IV. 258 и Лв. IV. 362, а Ник. VII 146: „городовые."

новскій и всѣ дѣти Боярскіе; въ третьемъ множество горнаго народа, Князья, Мурзы, Казаки, Черемисы и Чуваши. Допустивъ Бояръ къ рукѣ, Царь спрашивалъ ихъ о здоровьѣ; хвалилъ за службу (155), равно какъ и дѣтей Боярскихъ; ласково увѣщевалъ подвизаться впередъ за благочестіе; произвелъ въ войскѣ чрезмѣрную радость, и сдѣлалъ всеобщій пиръ, на коемъ Бояре обѣдали въ шатрахъ, а дѣти Боярскіе и горные на полѣ. У Итякова (156) имѣлъ Государь двадцать первый станъ и 13го пріѣхалъ въ Свіяжскую крѣпость. Тамъ у воротъ встрѣтили его Князь Петръ Ивановичь Шуйскій и Симеонъ Константиновичь Заболоцкій, дѣти Боярскіе и Стрѣльцы со крестами.

Іоаннъ, помолившись въ церквахъ, гдѣ ему пѣли многолѣтіе, и бывъ поздравленъ вельможами (157), остановился въ шатрѣ на лугу Свіяжскомъ, послалъ за Шейхаліемъ, призвалъ также Бояръ съ Воеводами на совѣтъ и опредѣлилъ: идти немедленно

(155) Царк. 258: „и Государь Бояръ жалуетъ, зоветъ къ руцѣ, и о здравіи спрашивалъ, и за службу жалованными многими словесы, такоже и дѣтей Боярскихъ всѣхъ."

(156) Царк. 259: „на полѣ на Ишяковѣ", вѣроятно тутъ, гдѣ нынѣ село Утяково, Казанской Губерніи Свіяжскаго уѣзда. См. Арн. к. 35.

(157) Т. ж.: „и пѣвше" (въ церквахъ Рождества Богородицы и Сергіевской) „Діаки многолѣтіе Государю; а Князь Владиміръ Андреевичь и всѣ Князи и Бояре здравствоваша Государю въ Богомъ дарованнѣй ему отчинѣ и въ новопросвященномъ мѣстѣ."

къ Казани; но предварительно отправить грамату къ Кулшерифу Моллѣ и ея жителямъ, что Государь пощадитъ ихъ, если они покорятся безъ кровопролитія и не будутъ защищать враговъ Россіи (158); Шейхалію же написать къ Ядигеръ Магмету, чтобъ онъ повѣрилъ ему, какъ однородцу своему, и безбоязненно пріѣхалъ къ Царю. Сіи граматы поручили 15го отвезти Тезику Казанскому (159). На другой день Государь приказалъ Яртаульному, Передовому, Правой руки и Большому, полкамъ, ѣхать противъ Свіяжска за Волгу (160) и остановиться на лугахъ Казанской стороны; самъ, принесши 18го моленіе въ церквахъ, слѣдовалъ на лѣвой же берегъ сей рѣки, куда велѣлъ Сторожевому полку и Лѣвой рукѣ перевозиться выше; а Шейхалія, Боярина Михайла Яковлевича (Морозова) и Дьяка Ивана Выродкова съ орудіями, башнями и рубленными тарасами,

---

(158) Царк. 269: „а кто лихое дѣло почалъ и землю взмутилъ, и на Государя и Бояръ его лихое дѣло возвели, за тѣхъ бы нестояли." Кур. 27 об: „предъ великимъ Бискупомъ ихъ" (Казанцевъ) „а по ихъ со великимъ Санаромъ, або Амиромъ, Кулцерифъ Муллою."

(159) Царк. т. ж.: „понеже бо отъ его" (Астраханскаго) „роду есть, чтобъ ему въ томъ повѣрилъ отъ Государя нашего не блюлся, поѣхалъ изъ города къ Государю нашему . . ." „и отпустилъ Государь Тезика Казанскаго", купца. См. ниже N. 220.

(160) Царк. т. ж.: „велѣлъ Государь возитись за рѣку противъ Свіяжскаго города"; слѣдственно Волга тогда была у самаго Свіяжска.

для употребленія при осадѣ (161), отпустилъ водою на Гостинный островъ. На лѣвомъ берегу Волги ожидалъ Государь переправы всего войска; дневалъ, пославъ между тѣмъ къ Казанкѣ соорудить множество мостовъ — ибо въ тогдашнее дождливое время рѣки наводнились — и 20го уѣхалъ за нее. Тутъ явился присланный къ Шейхалію, отъ Ядигеръ Магмета, плѣнникъ съ грамагою, въ коей Ханъ Казанскій писалъ дерзкія слова на счетъ Царя и Хана Касимовскаго, объявляя себя готовымъ къ войнѣ (162). Остановившись на Терень Узякѣ (163) и расположивъ войско по Цареву лугу, также внизъ по Волгѣ, Іоаннъ приказалъ вынимать снарядъ изъ судовъ; распорядилъ, какъ оному приближаться къ Казанѣ; и провелъ на одномъ мѣстѣ два дни. Тогда пріѣхалъ къ нему служить, Мурза Камай Чесеиновъ съ семью казаками и сказывалъ, что ихъ пустилось 200 человѣкъ, но Казанцы прочихъ задержали; что Ядигеръ Магметъ и его подданные не хотятъ покориться (164); что соумышлен-

(161) Царк. 261.: „и башни и тарасы" (срубы) „рубленые велѣлъ привести, яже уготовлены противъ Казани поставить."

(162) Т. ж.: „а пишетъ гордыя и скверныя слова; вѣру православную и Царя благочестиваго поноситъ и укаряетъ; такожъ и Шигалея похуляетъ, и собя на брань готова возвѣщаетъ."

(163) Царк. 262: „и сталъ на Терень Узякѣ"; Совр. II, 408 яснѣе: „на устьѣ Казани рѣки, поблизу же Волги, на заводѣ Тереузи", Ик. 201: „Тергузи."

(164) Царк. т. ж.: „Царь Едигеръ Магметъ совѣтомъ злымъ съ Казанцы утвердилися; а Государю бить челомъ не хотятъ."

ники сего Хана суть: Кулщерифъ Молла, Кадышъ и Зейнешъ Князь Нагайскій, также измѣнившіе Россіи Князья Чапкунъ, Тошашалыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебенъ Тюменскій и Дербышъ: они возмущаюшъ народъ; что по совѣту ихъ Ханъ послалъ шакихъ же измѣнниковъ Князя Япанчу, Чапкунова, племянника Шунакѣ Мурзу и Явуша, Арскаго Князя, приказавъ имъ собрашь всѣхъ загородныхъ рашниковъ къ Арской засѣкѣ (165) и нападеніями шре-

(165) Т. ж.: „на Арскую засѣку. . . ." „а велѣлъ къ засѣкѣ всѣхъ людей собраши, которые не въ городѣ, и приходиши на Государевы люди, и за засѣку бы воинскихъ людей на Арское не пропусшишь." Кур. 16: „Царь же Казанскій зашворися во градѣ съ шремядесяшь шысящей избранныхъ своихъ воиновъ, со всѣми Карачи" (приписано на краю: „со обоимъ Сенашомъ") „духовными и мірскими и дворомъ своимъ; а другую половину войска оставилъ внѣ града на селѣхъ." Л. 20 об.: „на засѣку, яже были бусурмани сооружили сшѣну между великими блашы по горѣ единой, аки двѣ мили ошъ мѣсша" (Казани) „идѣже паки по разбѣжанію оному собрашася множесшво ихъ и умыслиша ошшуда, аки изъ града единаго, выѣзжаючи, паки ударяшь на войско Христіанское. И къ шому еще ко оному, прежде реченному Гешману" (Князю Александру Суздальскому-Горбашому) „придано другаго Гешмана, а по нихъ великого Воеводу и полки егоименемъ Князя Семена Микулинскаго съ роду Великихъ Княжашъ Тверскихъ, мужа зѣло храбраго и въ богашырскихъ вещахъ искуснаго; и дано имъ повелѣніе шаково, аще бы имъ Богъ помогъ ону сшѣну" (засѣку) „проломиши, да идушъ всѣмъ войскомъ ажъ до Арского города, который лежишъ ошъ Казани двенадесяшь миль великихъ"; слѣдсшвенно *Арское* - Арскій городъ см. ниже N. 198.

вожить Россіянъ, дабы сіи не могли за нее проникнуть. Наградивъ Камая, Царь созвалъ опять Шейхалія и Бояръ на совѣтъ, гдѣ объявилъ донесеніе упомянутаго Мурзы и назначилъ мѣста: самому себѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ на Царевомъ лугу, (166); Шейхалію, за Булакомъ у кладбища (167); Большому, Передовому и Пѣнинскаго полкамъ, на Арскомъ полѣ; Правой рукѣ со многими Казаками за рѣкой Казанкой; Сторожевому полку при устьѣ Булака, а Лѣвой рукѣ выше; приказалъ Воеводамъ своего полку (168), также всѣмъ прочимъ, изготовить по туру на десять человѣкъ и каждому воину по бревну, дабы тыномъ и турами обставить Казань; сверхъ того узаконилъ, чтобы никто, безъ Царскаго или Воеводскаго дозволенія, не подъѣзжалъ къ ней для битвы, пока не соорудится ограда (169).

Двинувшись за Большимъ полкомъ отъ Терень Узяка, Іоаннъ прибылъ на Царевъ

---

(166) царк. 263: „близь Отучевы Мизгити", мечети? намъ неизвѣстной.

(167) Ник. VII, 130: „а Царю Шигалѣю за Булакомъ подъ кладбищемъ" (царк. 263 и Лв. IV, 369. 370: „кладищемъ"); слѣдственно оно было на правой сторонѣ Булака, кажется, близъ нынѣшняго Татарскаго моста, или по Кан. за вторыми Нагайскими воротами.

(168) Царк. 263: „дворовымъ Воеводамъ."

(169) Царк. 263, 264: „никто бы не ѣздилъ травиться къ городу, дондеже время приспѣетъ . . . „да не дерзко сотворятъ дѣло, дондеже утвердятъ крѣпости" (бойницы, или ограду турами) „около града."

лугъ, приказалъ развернуть знамена и одно съ крестомъ, Димитрія Донскаго (170); пѣть молебны Спасителю и Честному Кресту *на исхожденіе ратныхъ*, для чего всѣ военачальники сошли съ лошадей; и, по окончаніи молебствія, созвавъ къ себѣ всѣхъ полководцевъ, также воиновъ своего полку, говорилъ имъ умиленно: „Князь Владиміръ „Андреевичь, Бояре и Воеводы! настало „время къ подвигу нашему: сражаться за вѣ„ру. Уповая на помощь милосердаго Бога „и не сомнѣваясь ни сколько, потщитесь „единодушно трудиться за благочестіе „Святыя церкви, православный законъ Хри„стіянскій и плѣненныхъ собратій нашихъ, „страдающихъ въ теченіе множества лѣтъ „отъ безбожныхъ Казанцевъ. Воспомянемъ „Христово слово: *ничтожъ сего больши*, „*еже душа полагати за други своя*, при„падемъ чистосердечно къ Создавшему насъ „Христу; умолимъ Его объ избавленіи не„счастныхъ Христіянъ: да не преданы бу„демъ врагамъ и да не возрадуются они по„гибели нашей. Служите мнѣ, сколько вамъ „Богъ поможетъ; не щадите головъ вашихъ „за благочестіе: ибо оно не смерть, а жи-

(170) Цаpк. 264: „и велѣлъ Государь херугви“ (Лв. IV. 371: „хоругви)“ „Христіанскія развертити, сирѣчь знамя“ (Ник. VII, 151: „знамена“) „на нихъ образъ Господа нашего Іисуса Христа нерукотворенный, и наверьхъ водруженъ животворящій крестъ, иже бѣ у прародителя его Государя нашего достохвальнаго Великаго Князя Димитріа на Дону.“ стр. 265: „Царю же благочестивому взирающу на знамя, на немъ же образъ Создателевъ и животворящій крестъ.“

„вотъ. Если не нынѣ, то умремъ когда ни-„будь; а какъ намъ впередъ защищаться „отъ нечестивыхъ? Пришедши съ вами на „сіе, я лучше хочу здѣсь умереть, неже-„ли чувствовать хулы на Христа и муче-„ніе подданныхъ моихъ, нечестивыми Ка-„занцами производимое. Можетъ статься, „милосердый Богъ, видя неотложную ва-„шу вѣру и подвиги за благодать, дастъ „вамъ помощь сообразно изволенію своему; „а я готовъ награждать недостатки ваши, „любить васъ, жаловать, что простретсл „и на семейства убіенныхъ Россіянъ.“ „Го-„сударь!“ — отвѣчали единодушно Влади-міръ и полководцы, проливая слезы — „видимъ твердость твою въ законѣ истин-„номъ: ты не щадишь себя за православіе „и укрѣпляешь насъ. Мы должны всѣ уме-„реть, сражаясь противу нечестивыхъ „Агарянъ. Царь! дерзай *на неже пришелъ „еси,* да на тебѣ сбудется Христово слово: „*всякъ просяй приемлетъ и толкущему „отверзется.*“ Произнесши громко молит-ву Создателю и взявъ благословеніе отъ духовнаго отца своего, Андрея Протопопа, Іоаннъ знаменуетъ себя крестомъ, повелѣ-ваетъ сдѣлать тоже всему войску, садится на коня, устроиваетъ полки и ѣдетъ къ Казанѣ. Противу Яртаула осаждающихъ, показавшагося у верховья Булака и у озера Кабана, выступила непріятельская конни-ца и, перестрѣливаясь съ пѣшими Россій-скими стрѣльцами, ударила на нихъ (171).

(171) Царк. 267: „и вылѣзли Казанцы изъ города и пришли встрѣчю Государевымъ полкомъ. Государевы

Государь приказалъ Князьямъ, Шемякину и Троекурову, съ дѣтьми Боярскими своего полку, помочь стрѣльцамъ; и Казанцы, претерпѣвъ уронъ, были прогнаны къ городскимъ воротамъ. Изъ дѣтей Боярскихъ не убили ни одного, только немногихъ ранили, а изъ прочаго войска не тронулся туда никто, соблюдая повелѣніе. Іоаннъ, пріѣхавъ къ мѣсту, назначенному подъ станъ, приказалъ воздвигнуть три палаточные храма (172) и Царскіе шатры, слушалъ молебенъ въ Сергіевской церквѣ; призвавъ Воеводъ къ себѣ въ шатеръ, поручилъ имъ исполнять тщательно возложенныя на нихъ должности (173); и всѣ прочіе полки расположились опредѣленнымъ порядкомъ.

На другой день приказалъ Государь Сторожевому полку и Лѣвой рукѣ ставить туры вверхъ по Булаку отъ Казанки. Въ сіе время, вечеромъ, случилась жестокая буря, опровергшая Царскій шатеръ и разбившая много судовъ съ припасами у (Гостинаго) острова. На третій 25 го по-

---

же заповѣдь безъ велѣнія да никто дерзнетъ на бой" . . . „и Казанцы конные на пѣшіе стрѣльцы пріѣхаша и Князь Юрью Ивановичу Шемякину и Князю Ѳедору" (Троекурову) „велѣлъ изъ полку изъ своего дѣтемъ Боярскимъ пособити стрѣльцомъ."

(172) Царк. 268: „и повелѣ церкви поставити полотняныя: Архистратига Михаила; другую Екатерину Христову Мученицу; третію Преподобнаго Сергія Чудотворца, къ нему же и по вся дни Государь хождаше."

(173) Т. ж: „да хранятъ опасно порученное имъ отъ Государя."

велѣлъ Іоаннъ идти за Булакъ Ярταулу выше, на Арское поле, а Правой рукѣ ниже города за Казанку и стать противу онаго. Тогда осажденные сдѣлали вылазку на Ярταулъ; но подоспѣлъ Князь Димитрій Ивановичъ Хилковъ, вторый Воевода Передоваго полку, съ дѣтьми Боярскими, и непріятелей опять прогнали до самыхъ стѣнъ градскихъ (174), при чемъ Князь Юрій Шемякинъ

(174) Царк. 276: „православія же Богомъ сохранени быша; ранены же быша и Воеводы Князь Юрьи Шемякинъ Пронской.“ кур. 14, 15: „егдажъ начаша обступать мѣето оное бусурманское, войско Христіанское, повелѣно итти тремя полкомъ чрезъ предреченную рѣчку Булахъ“ (Царк. 269: „за Казань итти Ертоулу сверхъ Казани съ Арскаго поля,“ Ник. VII, 155, Лв. IV, 379); „егдажъ первые препроводися на правѣ мостки чрезъ нее прежній полкъ; а тамо обыкли его звати Артаулъ, въ немъ же бѣ войска избраннаго, аки седмь тысящей, а надъ ними Стратилаты два Княжаты, Пронскій“ (Шемякинъ) „Юрей и Князь Ѳедоръ Львовъ“ (Троекуровъ) „съ роду Княжатъ Ярославскихъ юноши зѣло храбрые. И пріиде имъ итти съ нуждею прямо на ону гору, на Арское поле, между мѣета“ (города) „и Кабана, предреченнаго озера отъ вратъ Мескихъ“ (слѣдственно сіи ворота были тутъ, гдѣ на кан. показаны 2я Нагайскія подъ буквою Н., (см. ниже N 176) „аки два стрѣлянія лучныхъ; другій же великій полкъ начаша только препровождати чрезъ оную рѣку, по мостомъ. Царь же Казанскій выпустилъ войска коннаго изъ мѣста аки пять тысящь, а пѣшихъ отъ десять тысящь, на первый предреченный полкъ. Конные Татаровя съ копей и пѣшіе со стрѣлами абіе ударошися посредѣ полка Христіанскаго, аки въ полгоры оные, и прерваша его, дондеже поправишася оные Стратилатове. Бо уже они съ двѣмя тысящами вящше взошли были на оную гору и сразишася съ

получилъ рану. Ночью поставили туры и подвезли къ нимъ пушки; отряженные же Воеводами Стрѣльцы, засѣли въ выкопанномъ ими рвѣ за Булакомъ, не допуская осажденныхъ къ вылазкамъ, а Казаки въ каменной банѣ, называемой Даировою, у стѣны крѣпостной. Государь, намѣреваясь зимовать у Казани, послалъ въ Свіяжскъ за припасами, для раздачи оныхъ неимущимъ, и въ Москву, дабы спѣшили подвозомъ первыхъ и казны; ѣздилъ со многими людьми, денно и нощно, округъ города, для разсмотрѣнія, гдѣ ставить бойницы (175), и 26 го учредилъ самую большую изъ нихъ соорудить

нами крѣпцѣ и бысть сѣча не мало между ими. Потомъ поспѣшившася другіе стрѣлялати" (Хилковъ) „съ пѣшими нашими ручными стрѣльцы и сопроша бусурмановъ." Кур. 16: „и повелѣхомъ нашимъ за Казань рѣку и простроша войско полка нашего ажъ до Казани рѣки, яже выше града, а другій конецъ до мосту, яже по Галицкой дорогѣ и до тое же рѣки, яже ниже града." ниж. въ Царк. только: „а правой рукѣ" (въ которой былъ Князь Курбскій вторымъ Воеводою) „ниже Казани за Казань же рѣку. Кур. 16. 17: „скоро по возвращенію онаго войска" (какого?) „потомъ аки по четырехъ днехъ собралися Черемисы луговые не мало и ударили на наши станы задніе съ Галицкіе дороги" (и теперь еще извѣстной, то есть къ нынѣшнему пороховому заводу) „и не мало стадъ коней нашихъ отгромили; мы же абіе послали въ погоню за ними трехъ Ротмистровъ и за ними другихъ посылочные полки во строеніе, засады ради и угонено ихъ въ трехъ або въ четырехъ миляхъ и овыхъ избиша, другихъ живыхъ поимаша."

(175) Царк. 270: „по коимъ мѣстомъ крѣпости" (см. выше N. 169) „дѣлати."

противу воротъ Царевыхъ, Арскихъ, Аталыковыхъ и Тюменскихъ (176). Потомъ онъ велѣлъ Князю Михайлу Ивановичу Воротынскому съ полкомъ идти, спѣшившись, ко

(176) Всѣ сіи вороты, кромѣ Арскихъ, означены въ Кан. на лѣвой сторонѣ Булака во внѣшней деревянной крѣпости, слѣдующимъ порядкомъ: у самаго Булака 2 е Нагайскіе подъ буквою H., ниже ихъ Царевы подъ буквою G., ниже оныхъ Крымскія подъ буквою F., ниже оныхъ Аталыковы подъ буквою E.; и послѣднія къ устью Булака Тюменскія подъ буквою D. Упомянутая деревянная крѣпость (какъ сказывали намъ старики самовидцы), или вѣрнѣе остатки ея, сожжены Пугачевымъ. Арскія вороты безъ сомнѣнія стояли противу Арскаго поля, въ той же внѣшней крѣпости. На Кан. означены они подъ буквою L.; но букам не выставлено (см. ниже N. 216). Вотъ какъ описано положеніе древней Казани въ Кур. 13, 14: „егда прійдоша близу мѣста Казанскаго, иже въ великой крѣпости лежитъ, съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ, рѣчка зѣло тиновата, и непроходима, подъ самое мѣсто течетъ" (она довольно не близка къ нынѣшнему *мѣсту* = крѣпости) „и впадаетъ по угольную вежу" (башню) „въ Казань рѣку" (сего на Кан. не означено) „а течетъ изъ езера, Кибанча глаголемаго, немалаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ мѣста; и якъ переправится тую нужную рѣчку, тогда между озеромъ и мѣстомъ лежитъ съ Арскаго поля гора, зѣло крутая и ко восхожденію нужная, а отъ тое рѣки около мѣста ровъ копанъ зѣло глубокій; ажъ до езерка реченнаго Поганаго, еже лежитъ возлѣ самую Казань рѣку" (нынѣшнія, Банное и Черное, озера не близки къ Казанкѣ) „а отъ Казани рѣки гора такъ высока, еже окомъ возрѣти прикро, на ней же градъ стоитъ" (нынѣшняя крѣпость) „и палаты Царскія и мечети зѣло высокія и мурованныя" (на краю листа: изъ камени сооруженное) „идеже ихъ умершіе Цари клались числомъ памятомися мѣсто."

крѣпости и кашицы туры; Мстиславскому съ полкомъ быть на лошадяхъ; изъ своего полку выслалъ избранныхъ Головъ съ конными дѣтьми Боярскими, дабы вмѣстѣ со Мстиславскимъ подкрѣпить Воротынскаго на случай вылазки, и добдесшвеннѣйшимъ дѣтямъ Боярскимъ, давъ каждому изъ нихъ по сту боярскихъ людей (177), пѣшимъ, приказалъ находиться при Воротынскомъ. Ввечеру послѣдній, выстроивъ людей, пустилъ напередъ стрѣлецкихъ Головъ Ивана Черемисинова, Григорія Жолобова, Ѳеодора Дурасова и Діака Ржевскаго съ ихъ подчиненными; многихъ Атамановъ съ Казаками; Головъ съ людьми Боярскими; и велѣлъ катить туры къ назначенному мѣсту; а самъ съ дѣтьми Боярскими слѣдовалъ пѣшкомъ за ними. Когда сіе ополченіе подступило къ городу, то конные и пѣшіе Казанцы ударили на оное. Завязался жестокій бой; стрѣляли безпрестанно изъ пушекъ и пищалей по воротамъ и крѣпости, откуда разили тѣмъ же. Звукъ огнестрѣльнаго снаряда, обоесторонній крикъ людей и трескъ оружія, подобно ужасному грому, не допу-

(177) Царк. 271: „да изъ своего же Государь полку послалъ дѣтей Боярскихъ, выбравъ дородныхъ и искусныхъ ратному обычаю; а съ ними раздѣля Боярскихъ людей, всякому сыну Боярскому по сту человѣкъ"... Боярскіе или лучше сказать дѣтей боярскихъ люди считались то же Государственнымъ войскомъ. Судебника 7105: „а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учинити, со ста четвертей добрые угожей земли человѣка на конѣ въ доспѣхѣ, а въ дальной походъ о дву конь."

скаль слышать рѣчей." Наконецъ прогнали Татаръ въ городъ, побили ихъ множество, и мосты Казани наполнились трупами. Головы Стрѣльцовъ, Боярскихъ людей и Казаки, расположившись по рву градскому, стрѣляли изъ луковъ и пищалей; Воротынскій же, утвердивъ и насыпавъ землею туры, за 8 саженъ отъ крѣпости, на всѣхъ приступныхъ мѣстахъ отъ Булака и поворота (178), приказалъ Головамъ отвести людей къ турамъ, предъ коими Стрѣльцамъ и Казакамъ залоѣсть въ окопы (179). Безпрестанныя вылазки къ турамъ происходили во всю ночь; воины сражались, хватаясь за руки, и Россіяне побѣждали осажденныхъ. Изъ Казанцевъ лишились жизни на бою: Князь Исламъ Ширвиковъ, Бакшаидъ Брунцовъ и Сунчелѣй богатырь, со многими другими Князьями и Мурзами; а у осаждающихъ убитъ былъ избранный Голова Боярскихъ людей, сынъ Боярскій, Леонтій Борисовъ Шушеринъ и многіе ранены. Іоаннъ велѣлъ, между тѣмъ, совершать безпрестанное молебствіе въ церквахъ и ежечасно посылалъ Бояръ ободрять сражающихся своихъ подданныхъ. Въ субботу 27 го приказалъ онъ Боярину Михайлу Яковлевичу Морозову двинуть осадныя орудія къ турамъ, поставленнымъ Воротынскимъ, и съ симъ

(178) Царк. 272: „отъ рѣки Булака и поворота" (къ Арскому полю?) „противъ всего города съ приступныхъ мѣстъ."

(179) Т. ж: „и предъ турами веляше стрѣльцомъ и казакомъ, противъ города закопатись во рвы."

приказанію отправилъ Окольничаго Петра Васильевича Морозова же, которому и назначилъ оставаться у туровъ. По исполненіи того начали разить Казань безпрестанно осадными орудіями и огненными навѣсными выстрѣлами (180), убивая множество людей въ городѣ; окопавшіеся же предъ турами стрѣльцы не допускали осажденныхъ взойти на стѣны и дѣлать вылазки.

Государь послалъ Окольничаго Ивана Михайловича Воронцова осмотрѣть мѣста, для расположенія Большаго полку. Въ то время Карамышъ Уланъ, сынъ Кудагулъ Улановъ, выступилъ изъ порученныхъ ему Крымскихъ воротъ (181), желая достать языка, близъ отряда, начальствуемаго Княземъ Мстиславскимъ. Хотя полкъ еще и не собрался, но упомянутый Князь успѣлъ возпротивиться, разбилъ непріятелей, плѣнилъ Карамыша, бывъ самъ раненъ двумя стрѣлами, и послалъ его къ Царю. Сей Татаринъ, жестоко пытанный, объявилъ, что накануне много людей побили въ городѣ и что Ядигеръ Магметъ, со всѣми подданными, рѣшился защищаться до смерти,

---

(180) Царк. 277: „и начаша безпрестани по граду бити стѣнобитнымъ боемъ и верхними пушками огненными побиваху многихъ людей изъ наряду. кур. 16. об: „тогда привлекоша великія дѣла“ (пушки) „средніе огненные близу града и мѣста, имижъ сверхъ стрѣляютъ, апамятомись всѣхъ было полтораста.“ Сіи верхнія пушки, уповательно, мортиры.

(181) царк. т. ж.: „вылазилъ изъ Крымскихъ воротъ“ (см. выше No 176) . . . „тѣжъ бѣ ворота ему приказаны.“

не желая покориться. Въ слѣдующій день, 28 го, многіе Казанцы, изъ лѣса, ударили незапно на станъ Передоваго полку, Князя Хилкова, и убили Голову Третьяка Лошакова, стоявшаго на притинѣ отъ нихъ. Хилковъ ускорилъ дать отпоръ; приспѣли Князья, Иванъ Ѳедоровичь Мстиславскій и Юрій Оболенскій (Пѣнинскій); Государь же, по увѣдомленію Воеводъ, велѣлъ послать Головъ изъ своего полку и самъ хотѣлъ поспѣшить на помощь; но Россіяне, по значительномъ обоестороннемъ уронѣ, прогнали Татаръ въ лѣсъ и плѣнили Мурзу, сына Шаболотова. Языки показали Царю въ допросахъ, что нападеніе сдѣлано Князьями, Епанчею и Евушемъ, изъ Арскаго острога (182), и что они вознамѣрились приближаться къ Царскимъ полкамъ, гдѣ только могутъ вредить.

Назавтріе, 29 го, Государь приказалъ Правой рукѣ и Яртаулу ставить по берегу Казанки, за городомъ, туры противъ онаго; почему Воеводы и послали напередъ Голову Ивана Ершова со Стрѣльцами, также многихъ Атамановъ. Сіи Стрѣльцы и Казаки закопались во рвы на берегѣ; въ нихъ стрѣляли изъ пушекъ, пищалей и луковъ съ крѣпости, на что Стрѣльцы отвѣтствовали пищальнымъ огнемъ, а Казаки луками. Между тѣмъ Воеводы прикатили и землею укрѣпили туры, при коихъ оста-

---

(182) царк. 279: „изъ острогу отъ Арска,“ Арской засѣки, см. выше No 165.

лась Правая рука; Яртаулъ же опдвинулся на Арское поле, куда выступивъ конные и пѣшіе Татары изъ лѣса, остановились близь онаго и въ немъ. Большой, Передовый, Оболенскаго (Пѣнинскаго), полки, и Головы съ людьми Царскаго полку, стояли тутъ цѣлый день. Государь повелѣлъ имъ остерегаться и не ходить для битвы съ непріятелями; а между тѣмъ послалъ Боярина Князя Димитрія Ѳеодоровича Палецкаго, Алексѣя Адашева, Передовый полкъ, Яртаулъ, стрѣлецкаго Голову Якова Вундова и многихъ Головъ полку своего съ Боярскими людьми, ставить туры на Арскомъ полѣ, противу крѣпости. Они выполнили сіе отъ туровъ Воротынскаго до Казанки, противъ воротъ Кабацкихъ и Избойливыхъ. Осажденные не дѣлали вылазокъ изъ Крымскихъ и Елбугиныхъ воротъ (183); только пушечная, пищальная и лучная стрѣльба производилась изъ Казани; Стрѣльцы и Казаки отвѣтствовали на нее также стрѣльбою. Тамъ, гдѣ не можно было укрѣпить турами, Царь приказалъ Дьяку Ивану Выродкову поставить между оными тынъ; оградилъ Казань бойницами такъ, что пре-

(183) Царк. 280: „и поставиша туры" . . . „противъ Кабацкихъ воротъ да Избойливыхъ воротъ; да изъ Крымскихъ доротъ" (см. выше No 176) „и Елбугиныхъ воротъ безъ бою: Казанцы не вылазили" . . . На кан. Кайбацкія (иначе Щельскія) ворота означены близъ нынѣшней Засыпкиной улицы, Избойливыя подлѣ нихъ къ крѣпости. Елбугины подъ буквою О и названы Пятницкими, но буквы не выставлено, см. ниже No 223.

стался у нее всякое сообщеніе (184); а Морозову поручилъ разставить орудія вкругъ города и стрѣлять по немъ безпрестанно.

Потомъ, Зато, Государь отрядилъ Князей, Александра Борисовича Горбатаго и Петра Симеоновича Серебрянаго, съ Боярскими дѣтьми полку своего, Боярскими людьми и Стрѣльцами, противъ нападающихъ изъ лѣса Татаръ, приказавъ ударить на нихъ съ Арскаго поля; Шемякину велѣлъ напасть тамъ же, какъ скоро Горбатый дастъ извѣстіе; пѣшимъ же Стрѣльцамъ, Боярскимъ людямъ и Мордвамъ, идти отъ Казанки. Князь Александръ, выступивъ, двинулъ пѣхоту отъ Кабана лѣсомъ. Когда Татары усмотрѣли Горбатаго, то многіе изъ нихъ, конные и пѣшіе, показались на полѣ. Россійскій Полководецъ отрядилъ къ нимъ малое число войска; но они всѣ устремились на битву, были разбиты совершенно и гнаны за 15 верстъ. Означенный Князь остановился у рѣчки Килари (185); велѣлъ созывать трубами войско свое, разсѣявшееся на большомъ пространствѣ (186), и со-

---

(184) царк. 281: „и утверди Государь городъ Казанской своими крѣпостьми, ни въ городъ, ни изъ города вѣсть не пройдетъ.“

(185) царк. 282: „на Киларн“ (Лв. IV, 391: „Килари,“ Ник. VII, 162: „Кили“) рѣчкѣ, намъ неизвѣстной, вѣроятно на Хурѣ, Казанскаго уѣзда, см. Ари. к. 35.

(186) царк. т. ж: „по всѣмъ бо сторонамъ разогнашася на многія версты.“

бравъ людей, пустился обыскивать лѣсъ: ибо тамъ многіе сбитые съ коней непріятели валялись и пѣшіе прятались. Пѣхота Россійская, состоящая изъ Стрѣльцовъ и Боярскихъ людей, убила или переловила оныхъ всѣхъ. Горбатый послалъ Голову Царскаго полку Князя Ивана Ивановича Кашина съ извѣстіемъ о побѣдѣ и доставилъ 340 человѣкъ плѣнныхъ къ Государю, который возблагодарилъ Бога въ Сергіевской Церкви, разхвалилъ и пожаловалъ возвратившихся побѣдителей.

Съ однимъ изъ приведенныхъ Татаръ писалъ Іоаннъ въ Казань къ гражданамъ, чтобы покорились, иначе же повелитъ умертвить всѣхъ плѣнныхъ ихъ соотечественниковъ; но, не получивъ отвѣта, исполнилъ свое обѣщаніе (187) и приказалъ, 31 го, Нѣмцу Размыслу, искусному въ градобой-

---

(187) царк. 284 (Ник. VII. 163, Лв. IV. 393): „и Царь ихъ предъ градомъ приведчи велѣлъ побити всѣхъ.“ Кур. 20 нѣсколько иначе, а именно: „егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко Царю нашему, тогда повелѣлъ предъ шанцы выведши привязати ихъ къ колью, да въ оградѣ“ (во градѣ) „сущихъ своихъ молятъ и напоминаютъ, да подадутъ Казанское мѣсто Цареви Христіанскому. Также и наши ѣздяше напоминали имъ, обѣщавающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ отъ Царя нашего. Они же сихъ словесъ выслушавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: лучше рече увидѣлъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ Кгеауры“ (невѣрные) „необрѣзанные.“

ствѣ (188), дѣлать подкопъ къ Казани. Оный начали отъ рѣки Булака, между Тюменскими и Аталыковыми воротами, подлѣ туровъ Окольничаго Морозова (189). Государь спрашивалъ у Камая Мурзы и (Христіянскихъ) невольниковъ, выбѣжавшихъ тогда въ станъ Россійскій: гдѣ осажденные берутъ воду? ибо къ Казанкѣ приступить они уже не могутъ. „Есть у нихъ въ бере-„гѣ ея, у Муралѣевыхъ воротъ, ключь „тайникъ, а ходятъ къ нему подъ землею," отвѣчали вопрошенные. Тогда Іоаннъ разпорядилъ, чтобъ Князь Василій Серебряный и Симеонъ Шереметевъ, со Сторожевымъ полкомъ, старались, какъ возможно, рушить дорогу Казанцевъ къ тайнику. Сіи Воеводы старались много, но не имѣвъ ус-

---

(188) Ник. Лв. и царк. т. ж: „призываетъ къ собѣ Нѣмчина, именуема Размысла" (ик. гл. LXII: „Дохтуру именемъ Розмыслу") „хитра, навычена градскому разоренію." Нѣмецкое имя сего человѣка неизвѣстно. Уповательно былъ онъ изъ числа тѣхъ, коихъ Іоганнъ Шлиттъ, посланный Царемъ къ Императору Карлу V въ 1548 г., выманилъ изъ Германіи, см. Kelchs liefländischer" . . . „Geschichte III. 189. 190.

(189) царк. 284: „и нача подкопъ творити отъ Булака рѣки, у Окольничего у Петровыхъ туръ Морозова, промежъ Аталыковыхъ воротъ и Тюменскихъ." Ник. VII. 163. Лв. IV. 393. По этому, вопреки кан. (см. выше No 176) сіи ворота и туры Морозова были на правой сторонѣ Булака; но можно думать также, что подкопъ только дѣлался на ней противу означеннаго мѣста. Вообще лѣтописныя извѣстія о расположеніи Казани столь сбивчивы и Казань такъ перемѣнилась, что нѣтъ способа показать древнія мѣста точно.

пѣха — ибо она весьма укрѣплена была землею — донесли Царю, что граждане ходятъ туда близъ каменной (Даировой) бани, гдѣ засѣли Казаки, и что отъ нея не льзя вкопаться подъ тайникъ. Іоаннъ послалъ Алексѣя Адашева съ Размысломъ подрывать оный и велѣлъ послѣднему оставить тамъ учениковъ, а самому заниматься главнымъ подкопомъ (190). Трудясь денно и нощно, Серебряный и товарищи его, достигли подъ мостъ, коимъ ходятъ за водою (191) и, услышавъ надъ собой разговоръ Татарскій, увѣдомили Царя (а). Онъ приказалъ имъ, 1553 г. Сент. 4го, вкатить 11 бочекъ пороху подъ тайникъ и утромъ рано въ Воскресенье (192), получилъ

(190) царк. 285: „а самому большего дѣла беречи," сей тайникъ показываютъ донынѣ подъ Тайницкими воротами; слѣдственно назывались они прежде Муралѣевыми.

(191) царк. ш. ж.: (Ник. VII. 164. Лв. IV. 394): „и въ десять день подкопался подъ мостъ, куды съ водою ходятъ." Но приказано было Августа 31 дѣлать подкопъ (см. Ник. VII. 163 и Лв. IV. 393), а взорвало оный Сентября 4; слѣдственно не „въ десять день подкопался." Странно, что въ ик. нѣтъ ничего о взорваніи тайника; а игр. VIII. 166: „рылись въ землѣ десять дней," то есть дѣлая къ нему подкопъ. Въ царк. 284 явная ошибка: вмѣсто Августа 31, поставлено: „Августа 11 въ среду," которое число было въ четвергъ.

(а) царк. Лв. Ник. совр. подъ 7061 г.

(192) царк. 285: „Сентября мѣсяца 4 повелѣ Государь" . . . „подъ тайникъ зелія подставити" . . . стр. 286: „и въ недѣлю" (воскресенье) „порану извѣстиша Царю, яко поспѣлъ подкопъ" . . . Но Воскресенье было 4 Сентября; слѣдственно повелѣніе дано во время ночи.

донесеніе, что все готово. Во время объѣзда его около города нечаянно взорвало подкопомъ тайникъ съ Татарами, ходившими за водою; стѣна градская обрушилась; бревны летѣли съ высоты (193); множество жителей убило ими и каменьями въ городѣ; иные помертвѣли отъ страха. Россіяне, устремившись на стѣны, скакали въ крѣпость, убивали и плѣняли Татаръ. Между послѣдними случилось несогласіе: одни хотѣли покориться Царю; другіе начали копать до воды; но обрѣли только малый и смрадный источникъ, которымъ довольствуясь, пухли и умирали отъ питья.

Арскія ворота были уже сбиты безпрестанною стрѣльбою, когда Государь отправилъ, 4 го, Князя Горбатаго и другихъ (194) съ дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Казаками, Касимовскими Татарами, Темниковскими Мордвами (195) и многими горными людьми, назначенными въ вожатые, къ

---

(193) царк. 286: „и бревны съ высоты великія падающе."

(194) царк. 287: „въ большомъ полку Бояринъ и Воевода Князь Александръ Борисовичь Горбатой, Бояринъ и Воевода Захарія Петровичь Яковля; въ передовомъ полку Бояринъ и Воевода Князь Семенъ Ивановичь Микулинской, да Бояринъ и Дворецкой Данила Романовичь" (Юрьевъ) „въ Стороженомъ полку Воевода Князь Петръ Андреевичь Булгаковъ, да Князь Давыдъ Ѳедоровичь Палецкой."

(195) т. ж.: „да Сеитъ Городецкой со всѣми Городецкими Татары, да Еникей Князь съ Мордвою Темниковскою."

Арской засѣки (196), построенной на высокой горѣ, среди непроходимыхъ болотъ, и тщательно укрѣпленной (197). „Старайтесь служить Богу и Государю, устремитесь противу невѣрныхъ," говорили Воеводы именемъ Царя дѣтямъ Боярскимъ. Князь Микулинскій и Даніилъ Романовичь (Юрьевъ, начальники Передоваго полку), приближившись къ воротамъ крѣпости, отрядили къ ней пѣшихъ дѣтей Боярскихъ; Головы Царскаго полку сошли съ коней и послѣдовали туда же. Начался приступъ; обоюдная ужасная стрѣльба изъ пищалей уподоблялась грому, а летающія стрѣлы каплямъ дождевымъ. Между тѣмъ, какъ сраженіе происходило у воротъ, предводители Большаго полку, Князь Александръ Борисовичь Горбатый и Захарій Петровичь Яковлевъ, двинувшись къ другому мѣсту засѣки, велѣли людямъ спѣшиться; ибо оно защищено было великими укрѣпленіями и чащею лѣса, для конницы неприступными. Россіяне устремились вдругъ противу непріятелей, обратили ихъ въ бѣгство, побили множество, плѣнили 200 человѣкъ; взяли засѣку, и преда-

---

(196) т. ж.: „на Арское мѣсто и на острогъ." кур. 20: „повелѣлъ Царь нашъ итти тому Княжати Суздальскому" (Горбатому) „и съ тѣмъ же войскомъ." Продолженіе см. въ No 165.

(197) царк. т. ж.: „и какъ пришли" (Воеводы) „на высокую гору ко острогу, а острогъ бѣ ихъ срубленъ городнями" (звеньями, срубами) „и землею насыпанъ, а въ иномъ мѣстѣ многими засѣками засѣчено; а здѣланъ проѣзъ непроходимыхъ болотъ," см. выше No 165.

вая все огню и мечу, пустились къ городу Арскому, изъ коего ушли оробѣвшіе жители (198). Отправивъ Головъ Царскаго полку (на добычу), Воеводы стояли тамъ два дни; пошли другою дорогою къ Казани, разоряли всю Арскую сторону — въ длину до Камы, а поперегъ на 150 верстъ (199) — и, соединившись съ Головами, послали одного изъ нихъ, Симеона Васильевича Яковля, къ Государю. Іоаннъ принесъ благода-

---

(198) Кур. 21: „и пріидоша аки за два дни до одного предреченнаго града Арскаго" (нынѣ заштатный городъ Казанской Губерніи, см. Зяб. IV, 107) „и обрѣтоша его пустъ покиненъ; отъ страха бо изъбѣжаша изъ него всѣ страха ради въ далечайшіе лѣсы."

(199) царк. 289: „и повоевали Арскую сторону всю, многихъ людей побили, а жены ихъ и дѣти въ полонъ поимали и много множество Христіанскаго полону свободили. Война ихъ была на полтараста верстъ поперегъ, а вдлину и по Каму, села повыжгли и скотъ ихъ побили." Кур. 21: „и плѣниша тамо въ землѣ оной аки десять дней: понеже въ землѣ той поля великіе и зѣло преизобильные и гобзующіе на всякіе плоды; такоже и дворы Княжатъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленію достойны, а села часты; хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, воистину вѣрѣ ко исповѣданію не подобно, аки бы на подобіе множество звѣздъ небесныхъ: тако же и скотовъ различныхъ стадъ безчисленные множества и корыстей драгоцѣнныхъ наипаче отъ различныхъ звѣрей въ той землѣ бывающихъ: бо тамо родятся куны дорогіе и бѣлки и прочіе звѣріе, ко одеждамъ и ко ядѣнію потребны; а мало за тѣмъ далѣй соболей множество, такожде и медовъ, не вѣмъ гдѣ бы подъ солнцемъ больше было."

реніе Богу, обнявъ, допустилъ Полководцевъ къ рукѣ, и наградилъ всѣхъ сообразно чинамъ.

Того же мѣсяца повелѣлъ онъ Дьяку Ивану Выродкову поставить башню возлѣ туровъ Воротынскаго, противу Царевыхъ воротъ. Соорудивъ оную вышиною шести саженъ, взнесли туда значительное число пищалей (200), изъ коихъ Стрѣльцы побивали осажденныхъ на стѣнахъ и улицахъ градскихъ. Казанцы начали уже прятаться въ ямы, вырытыя ими подъ крѣпостными воротами, стѣнами и тарасами, сооруженными у каждыхъ воротъ за рвомъ (201); однако денно и нощно бились изъ за стѣнъ, вылазая подобно змѣямъ изъ норъ. Наконецъ Государь приказалъ Воротынскому придвинуть туры ко рву, противъ Арскихъ, и къ тарасамъ башни Царевыхъ воротъ (202).

---

(200) царк 290: „башню „(Ник. VII, 167: „башту," см. выше N. 161) „поставити." кур. 23: „и къ тому унасъ вежу" (башню) „надъ обычай великую и высокую за двѣ недѣли созворену потаенно за полмили отъ города, на единые нощи близу рва Меского" (см. ниже N. 206) „поставлено и на ней взношено стрѣльбы десять дѣлъ" (пушекъ) „и пятдесятъ гаковницъ" Царк. „полуторныя пищали и затинныя") „и зѣло великую шкоду вмѣстѣ и во градѣ на всякъ день чинено съ нее."

(201) царк. т. ж.: „бя бо у нихъ у всякихъ воротъ за рвомъ" (отъ Россіянъ?) „тарасы" (срубы) „великіе землею насыпаны."

(202) царк. 291: „подвигнути туръ" (Дв. IV, 401: „туры") „къ ихъ рву противу башни Арскіе и Арскихъ воротъ, къ тарасомъ противу Царевыхъ воротъ."

Когда разумъ и храбрость Воротынскаго исполнили сіе въ нѣсколько дней и Тапары прошивились крѣпко, не допуская Россіянъ подойши близко, то Іоаннъ велѣлъ упомянутому Князю остановиться при турахъ, рвѣ и тарасахъ, у Царевыхъ и Арскихъ воротъ (203). Стрѣльцы, Казаки и Боярскіе люди, сражаясь жестоко, расположились по рву, гдѣ и туры, недодвинутые къ тарасамъ, были поставлены: ибо многіе изъ Стрѣльцовъ и Казаковъ, израненые, ослабѣли. За утвержденными турами поставили означенныхъ воиновъ и дѣтей Боярскихъ (204).

Стѣны градскія и укрѣпленія осаждающихъ раздѣлялъ только ровъ, шириною трехъ и глубиною семи саженъ. Обѣ стороны стрѣляли безпрестанно изъ пищалей, луковъ и бросали камнями. Усмотрѣвъ, что осаждающіе — кромѣ немногихъ оставшихся у туровъ — разошлись обѣдать, Татары вылѣзали изо всѣхъ дыръ, также изъ за тарасовъ и ударили на туры. Хотя оробѣвшіе Россіяне и обратились въ бѣгство; но Воеводы мужественно противостали вылазкѣ, что видя, и воины ихъ поспѣшили

---

(203) царк. ш. ж.: „и у тарасовъ противъ Царевыхъ Арскихъ воротъ;" но Царевы и Арскія ворота не одни (см. выше N. 176); слѣдственно лѣтописецъ пропустилъ, кажется, И.

(204) царк. ш. ж. (Ник. VII, 169. Лв. IV, 402): „и за турами дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и казаковъ поставиша," то есть Головъ Боярскихъ людей: ибо другихъ Боярскихъ дѣтей тутъ не было.

отвсюду къ нимъ на помощь, одолѣли и во рвѣ даже били неприятелей, которые норами стремились въ городъ. На сей битвѣ погибло значительное число обоестороннихъ воиновъ. Многіе Головы стрѣлецкіе, и дѣти Боярскіе, даже сами Воеводы были ранены: Воротынскій разными оружіями, непробиваемыми однако его доспѣха, и легко въ лице; Петръ Морозовъ тяжело въ оное и отнесенъ съ боя; Князь Юрій Ивановичь Кашинъ въ грудь. Тогда же Князь Зейнешъ, со всѣми Нагайцами и со многими изъ Казанцевъ, сдѣлалъ вылазку къ турамъ Передоваго полку и Ертаула. Подпустивъ враговъ близко, Россійскіе Стрѣльцы встрѣтили ихъ пищальнымъ огнемъ; а Воеводы ударили, ограбили и прогнали Татаръ до рва (205). Въ помощь къ Воротынскому посланы были: Окольничій Алексѣй Даниловичь Плещеевъ, Головы Царскаго полку съ дѣтьми

(205) Думаемъ о сей битвѣ написано въ кур. 20. об. „и единова изыдоша сами Карачи съ дворомъ Царевымъ, а съ ними, аки десять тысячей войска на тѣ шанцы, идѣже бяша дѣла" (пушки) „великіе заточены, и тамъ сотвориша сѣчу злую и жестоку бусурманы на Христіанъ, уже всѣхъ нашихъ далеко отъ дѣлъ отогнали было; и за помощію Божіею поспѣша шляхта Муромскаго повѣту, бо негдѣ ту близу стану ихъ были и межи Рускими та шляхта зѣло храбра и мужественны мужіе сущіе стародавные въ родѣхъ Руских. Тогда абіе возпроша Карачіе со всѣми силами ихъ, ажъ принудишася отъ нихъ подалитись, а они ажъ до вратъ Мѣскихъ" (намъ неизвѣстныхъ) „сѣкоша біюще ихъ и не такъ множество в живыхъ поимаша. Въ тотъ же часъ и на другіе врата вытекоша, но не такъ крѣпцѣ бишася."

и многіе Головы съ людьми Боярскими. Петра Морозова сменили Назначеемъ Ѳомою Петровымъ.

Объезжая полки, бойницы и вкругъ города, Государь заметилъ, что Казанцы скрываются за тарасами, велелъ, 30 го, сделать подкопъ, взорвать оный порохомъ и ставить туры по рву (206) у Царевыхъ и Арскихъ воротъ, также назначилъ полкамъ, находящимся при турахъ, изготовиться къ бою, а прочимъ отнюдь не приступать къ Казанѣ. Дѣйствіемъ подкопа тарасы и люди, въ нихъ находившіеся, взлетѣли на воздухъ; бревна, упавъ на городъ, побили множество Татаръ; осажденные устрашились и долго не стрѣляли. Россіяне утвердили туры по всему рву противу Царевыхъ, Арскихъ, Апалыковыхъ и Тюменскихъ воротъ; граждане же, сбѣжавшіеся отовсюду, сдѣлали изъ нихъ вылазку, и началась битва. Іоаннъ выѣхалъ самъ ко крѣпости, что видя его воины, бросились на нее и сразились жестоко на мостахъ, въ воротахъ и у стѣнъ градскихъ. Стрѣльцы палили безпрестанно изъ стѣнобитныхъ пушекъ и пищалей, верхними огненными ядрами (бомбами) и каменными; ратоборцы, хватаясь за руки, бились копьями и саблями. Рѣшилось тѣмъ,

---

(206) Ник. VII. 169: „и туры велѣлъ по рву" (Лѣ. IV, 405: „во рву") „противъ Царевыхъ Арскихъ воротъ поставити", мы понимаемъ *по рву*, или *во рву* — на другой сторонѣ рва, при внѣшней крѣпости за Булакомъ, означеннаго на кан. подъ буквою с, вѣроятно Мескаго, см. выше N. 200.

что приступающіе взошли на стѣны, въ ворота и Арскую башню. Воротынскій, донося Царю о побіеніи уже многихъ Татаръ Россіянами въ самомъ городѣ, требовалъ всеобщаго приступа; но какъ другіе полки не изготовились, то Государь приказалъ высылать людей своихъ изъ города и со стѣнъ, чему неохотно повиновались ратники (207). Ворота, мосты и (одну) стѣну градскую они зажгли; на (другихъ) стѣнахъ и при Арскихъ воротахъ утвердились. Зазженное у воротъ Царевыхъ, Аталыковыхъ и Нагайскихъ (208) пылало во всю ночь; стѣна выгорѣла и земля сыпалась изъ крѣпости. Воротынскій и Плещѣевъ велѣли, на занятыхъ мѣстахъ, воинамъ заслониться крѣпкими щитами, осыпать туры землею, и пробыли тутъ двои сутки, во ожиданіи приступа; а Татары, ставя противу разбитыхъ мѣстъ срубы, насыпали ихъ ею же.

Между тѣмъ Іоаннъ отдалъ всему войску повелѣніе изготовиться къ приступу,

---

(207) царк. 295: „воиномъ же не хотяще отъити отъ поганыхъ, но съ нуждою отсылавше ихъ.“

(208) царк. 296: „мосты же“ (черезъ ровъ) „у Царевыхъ воротъ и у Аталыковыхъ и у Нагайскихъ“ (см. выше N. 176) „и чрезъ всю нощь горѣло и стѣна городная обгорѣ и земля изъ города сыпася. Бѣбо весь градъ“ (стѣны градскія, крѣпость) „насыпанъ землею и хрящемъ“ (ик. 231: „Градже Казань твердъ бяше паче мѣры, подобенъ каменной горѣ, стѣна дубовая рублепая вцѣлыхъ древесехъ, а вгороднѣ сыпанъ илъ да хрящь“); слѣдственно сгорѣли укрѣпленія, показанныя кан. на лѣвой сторонѣ Булака.

исповѣдаться и пріобщиться. Назавтріе, 1 го Октября, онъ велѣлъ наполнять лѣсомъ и землею рвы, устроить многіе мосты и палить изъ осадныхъ орудій безпрестанно. Хотя, стрѣляя весь день, и разбили стѣну до основанія; но Государь, не хотѣвшій кровопролитія, послалъ Камая Мурзу съ горными въ Казань уговаривать народъ къ покорности и предложить, что если граждане, подвергнувъ себя волѣ Царской, выдадутъ измѣнниковъ, то обрѣтутъ прощеніе и милость. „Не покоряемся" — отвѣчали единодушно Казанцы — „пусть Рус„скіе на стѣнахъ и въ башнѣ. Мы, поста„вивъ другую стѣну, или умремъ, или за„щитимся." Тогда рѣшившійся Іоаннъ приказалъ опять войску своему быть въ готовности и распорядилъ: Головамъ съ людьми Боярскими, Казакамъ и Стрѣльцамъ начать приступъ отовсюду, и когда они взойдутъ на стѣны, то Воеводамъ всѣхъ другихъ полковъ съ дѣтьми Боярскими (209) помогать начиньщикамъ. Самому Царю и Князю Владиміру Андреевичу съ полками стать у Царевыхъ воротъ на предмѣстіи возлѣ кладбища (210) и давать пособіе на всѣ стороны. Защищать войско отъ лѣса и сильной городской вылазки, стремящейся

(209) Царк. 298 (Ник. VII, 172. Лв. IV, 410) прибавляетъ: „такожe учреди всякому сту сыновъ Боярскихъ Царскаго полка Голова."

(210) Царк. т. ж.: „стати противъ Царскихъ воротъ на посадѣ отъ кладбища" сей посадъ вѣроятно былъ тутъ, гдѣ нынѣ сѣнная площадь.

къ проходу туда чрезъ Арское поле, также занимать дороги Арскія и Чувашскія Шейхалію съ Касимовскими Татарами, Князю Мстиславскому съ полкомъ и горнымъ людямъ. На дорогѣ Нагайской стоять Князю Юрію Оболенскому (Пѣнинскому) съ полкомъ и Головѣ Князю Григорію Ѳеодоровичу Мещерскому съ Дворянами Царскаго полку; на Галицкой, за Казанкою, близъ Вежболды, Князю Ивану Ромодановскому и Воеводѣ Владиміра Андреевича Ивану Угримову Заболоцкому; за сею же рѣкою Головѣ Царскаго полку Михайлѣ Ивановичу Воронову (211) съ Дворянами; а вверхъ по Казанкѣ у стараго городища (212) Головѣ Михайлѣ Петрову Головину. По взрывѣ башни подкопомъ назначилъ Іоаннъ слѣдовать: Михайлѣ Ивановичу Воротынскому и Алексѣю Даніиловичу Басманову въ проломѣ и отправитъ Головъ во всѣ пробитыя мѣста; въ другой проломъ за Аталыковыми воротами Казначею Ѳомѣ Петровичу (213), помогать же ему взялся самъ Царь своимъ полкомъ; въ Кабацкія ворота Князю Димитрію Ивановичу Хилкову со вспоможеніемъ

---

(211) царк. 299. Ник. VII, 173 и Лв. IV, 412: „Воронову"; но игр. VIII, прим. 342 изъ неизвѣстной лѣтописи: „Воронцову."

(212) царк. т. ж.: „а въ верьхъ по Казани у Стараго городища", сіе городище было тутъ, гдѣ нынѣ Зилантовъ монастырь, см. нашу статью *о старомъ городищѣ Казани*, напечатанную Вѣстника Европы 1822 года въ N. 21.

(213) царк. 299. Ник. VII. 173. Лв. IV, 413: „Казначею Ѳомѣ Петровичу."

Князя Ивана Ивановича Пронскаго; въ Избойливыя Князю Θедору (Троекурову) съ таковымъ же Князя Юрія Ивановича Шемякина; въ Елбугины, отъ рѣки Казанки, Князю Андрею Михайловичу Курбскому, вспомоществуемому Княземъ Петромъ Михайловичемъ Щенятевымъ; въ Муралѣевы Симеону Василіевичу Шереметеву съ помощію Князя Василія Семеоновича Серебрянаго; а въ Тюменскія Димитрію Михайловичу Плещѣеву съ пособіемъ Князя Димитрія Ивановича Микулинскаго; и приказалъ изготовиться всѣмъ къ третьему часу Воскресенія (214).

Ночью въ субботу Государь, вооружаясь, облекся въ юмшанъ (215), пошелъ было къ заутренѣ и получилъ отъ Воротынскаго присланное увѣдомленіе, что порохъ уже положенъ Размысломъ въ подкопъ; что Казанцы сіе видѣли и до третьяго часа мѣшкать не возможно. Разославъ приказанія во всѣ полки изготовляться поспѣшно, Іоаннъ отправился въ церковь, выслушалъ правило, отпустилъ Воеводъ на разсвѣтѣ, повелѣлъ имъ явиться къ назначеннымъ мѣстамъ и ожидать прибытія Царскаго; а самъ за-

---

(214) Царк. 300: „къ третіему часу Воскресенія", то есть по восхожденіи солнца, слѣдственно къ исходу осьмаго часа по полуночи.

215) Царк. т. ж.: „и нача вооружатися юмшанъ на себя класти," слово юмшанъ намъ не извѣстно; но игр. VIII, прим. 326: „такъ называлась часть лать, которою закрывалось туловище." Жаль, что это безъ доказательства.

молебенъ, до выѣзда къ полку своему, отстоять обѣдню. Въ то время, когда діаконъ возгласилъ на ней послѣднюю строку Евангелія — „*будетъ едино стадо и единъ пастырь*“ — грянулъ ударъ, какъ жестокій громъ, и потряслась земля. Царь, выступивъ нѣсколько изъ церковныхъ дверей, увидѣлъ, что стѣна градская взорвана подкопомъ, земля покрылась ужасною тьмою, многіе люди и бревны кинуты на высоту. При словахъ ектеніи — „*И покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата*“, взорвало стѣну вторымъ подкопомъ (216), стра-

(216) царк. 303: „и се внезапу вторый подкопъ градскую стѣну грознее перваго створи;“ слѣдственно было два подкопа. совр. II, 414 (ик. гл. LXIII, 211): „есть бо подкопъ въ дву мѣстѣхъ: единъ подъ ровъ подъ стѣну отъ Поганого“ (нынѣ Баннаго) „озера на углу подъ стрѣлнею“ (башнею) „на десной странѣ у Арскихъ воротъ, идѣже нынѣ Спасскія ворота имянуются“ (то есть Кремлевскія Спасскія;“ въ надписи при кан.: „нѣкоторыя ворота въ деревянной крѣпости съ противолежащими въ Кремлѣ одинакое имѣли названіе;“ (крѣпостныя же Арскія ворота, вѣроятно, были противу сихъ Спасскихъ на концѣ Воскресенской улицы, гдѣ въ кан. означена безбуквенная башня подъ No 17) „и храмъ у нихъ во градѣ поставиша Святыхъ Мученикъ Кипреяна и Устинія“ (существующій донынѣ въ Кремлѣ) „а другой подкопъ на углу же подъ стрѣлнею отъ Булака стрѣлбищо по лѣвую сторону, туто были Нагайскія ворота“ то есть первыя, или Кремлевскія, въ кан. приписаны они къ буквѣ Q, но буквы не выставлено, и сутъ та самая башня, думаемъ, которая на одной чертѣ со Спасскими воротами возвышается на углу, къ Проломной улицѣ) „нынѣ же зарѣтены“ (ик. „зарушены“). совр. II. 418: „и абіе загорѣся подкопъ въ первый часъ дени,“ то есть въ исходѣ седьмаго, или въ началѣ осьмаго по полуночи.

шнѣе перваго: множество гражданъ, приторгнутыхъ пополамъ, или съ оторванными руками и ногами, явилось на высотѣ, бревны падали въ городъ и убивали осажденныхъ. Войско Россійское, воскрикнувъ: *Богъ съ нами*, устремилось отвсюду ко крѣпости; а Татары, призывая Магомета и угодниковъ его, говорили: „Умремъ за отечество“ (217) и сражались мужественно въ воротахъ, такъ какъ на стѣнѣ. Іоаннъ стоялъ еще у обѣдни, когда нѣкто изъ придворныхъ сказалъ ему: „Государь! время тебѣ ѣхать: полки твои бьются и ожидаютъ тебя.“ „Дождемся конца службы“ — отвѣтствовалъ Царь — „и получимъ совершенную милость Христову.“ Но второе извѣстіе отъ крѣпости дало ему знать, что приспѣла настоящая пора отправиться, дабы лицезрѣніемъ его укрѣпились воины. Онъ, причастившись, сѣлъ по окончаніи обѣдни на коня, устремился къ полку своему и увидѣлъ Россійскія знамена на стѣнахъ градскихъ. Ободренные Государемъ воины какъ будто взлетѣли на оныя, а оттуда въ крѣпость, и бились жестоко. Между тѣмъ Воротынскій прислалъ увѣдомить его, что Россіяне сражаются уже въ самомъ городѣ и требовалъ помощи. Іоаннъ послалъ для того спѣшенныхъ дѣтей Боярскихъ своего полку: ибо, по тѣснотѣ тамъ, конница ѣхать не могла. Они,

---

(217) Царк. 303: „вси помремъ за юртъ“ — домъ, по Татарски (иначе дзюртъ).

мужественно ударили на неприятелей, бодали копьями, и саблями и въ тѣсныхъ мѣстахъ рѣзались ножами. На многихъ улицахъ осаждающіе и Татары, сражаясь стѣною, стояли долго и не подвигались назадъ. Уже Россіяне, ходящіе по кровлямъ, бивъ осажденныхъ сверху, начали одолѣвать, когда Воеводы изо всѣхъ мѣстъ донесли Государю слѣдующее: „Воины твои сражаются храбро и Богъ способствуетъ тебѣ; но многіе изъ нихъ, слабые, грабятъ сокровища Казанскія, помоги намъ (218).“

(218) Подробнѣе кур. л. 25. об.: „а войско наше, еже было остало внѣ града, яко увидѣли, еже мы уже во градѣ, а Татарове съ стѣнъ побѣгоша всѣ во градъ, ринулося, и лежаще глаголемые раненые и творящіеся мертвые воскресоша и со всѣхъ странъ не токмо тѣ, но и изъ становъ и кашевары и иже были у конехъ оставлены и другіе, яже и съ куплею пріѣхаша всѣ бѣгошася во градъ не ратнаго ради дѣла, но на корысть многу; бо то мѣсто во истинну полно было дражайшихъ корыстей златомъ и сребромъ и каменемъ драгоцѣннымъ и собольми кипѣло и другими великими богатствы. Татаровѣжъ запрошась въ нашу сторону“ (отъ Казанки, см. выше) „на Царевъ дворъ“ (см. ниже No 221), „а дольную“ (въ долинѣ) „часть мѣста“ (крѣпости) „покинули елико ихъ могло утещи.“ Л. 26: „и якъ видяше бусурманы, иже христіанскаго войска мало оставаетъ: мало не всѣ но“ (-на) „корысти падоша; многи глаголютъ, яко по два кратъ и по три въ станы отхождаху съ корыстьми и паки возвращахуся; храбры же воини безпрестанно біющесь. Видѣвше же сіе бусурманы, иже утрудишася уже воины храбрые и начаша крѣпцѣ налегати, ополчающесь на нихъ, корыстовники же оные предреченные, когда увидѣли, что наши по нуждѣ уступаютъ, по-

Онъ выслалъ Бояръ и придворныхъ отбивать добычниковъ (219); а Голиць съ людьми Царскаго полку во всѣ мѣста на помощь. Войско Россійское приближилось къ Тезицкому рву (220), гдѣ съ Кулшерифъ Моллою соединилися многіе Татары и сражались храбро; но были и съ нимъ истреблены. Другіе Казанцы съ Ядигеръ Магметомъ заперлись на дворѣ Ханскомъ (221); Русскіи

малу бронящесь бусурманомъ въ таковое абіе бѣгство вдашася, яко и во врата многіе не попали, но множайшіе, яко и съ корыстьми, чрезъ стѣну метались, а иные и корысти повергоша, только вопіюще сѣкуть, сѣкуть! Но за благодатію Божією храбрыхъ сердецъ не сокрушила."

(219) кур. 26 об. и 27 увѣдомляетъ даже: „и даша о себѣ вѣдати Цареви нашему и всѣмъ совѣтникомъ окрестъ его тотчасъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ и зѣло ему не токмо лице измѣняшесь, но и сердце сокрушашась, уповая иже все уже войско христіанское бусурманы изъ града изгнаша, видѣвше же сицевое мудрые и искусные Синглитове его повелѣша хоругвь великую" (см. выше No 170) „христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ Царскихъ, подвинути и самаго Царя, хотяща и нехотяща, за брazды коня взявъ, близу хоругови поставиша." Но самаго Курбскаго въ томъ мѣстѣ не было.

(220) царк. 306: „и приближа христіане къ мечите къ Кулшерифу къ Тезицкому врагу." кур. 26: „а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуду подкопъ взорвало, Царь Казанскій съ дворомъ своимъ, уступя аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ рвѣ, по нашему на купецкомъ, біющеся крѣпцѣ съ христіаны." По кан. Тезицкой ровъ есть тотъ, который и нынѣ находится предъ Спасскими воротами крѣпости Казанской.

(221) царк. 307: „и Татаромъ собравшимся на Царевѣ дворѣ." кур. 25, об: „бусурманы же" (послѣ то-

же, приближаясь къ оному, рубили нещадно непріятелей всякаго пола и кровь текла по удоліямъ. Осажденные бились часа полтора и, видя себѣ неминуемую гибель, поставили наряженныхъ великолѣпно знатныхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей, въ одномъ углу двора, дабы красотою ихъ прельстить нападающихъ; а въ другомъ расположились нѣкоторые, рѣшившись не сдаваться до смерти, только соблюсти жизнь Хана (222). Десять тысячь Татаръ двинулись къ Елбугинымъ воротамъ (223) и начали пробиваться сквозь

го, какъ Россіяне взошли на стѣны градскія) „абіе тыдъ подаша съ стѣны градные, оставивъ побѣгоша на великую гору ко двору Цареву, бѣ бо зѣло крѣпокъ между палатъ и мечетей каменныхъ оплотомъ великимъ обточенъ. См. выше No 218.

(222) Кур. 27. об.: „Царь же“ (Ядигеръ Магметъ) „со всѣми оставшими затворился во дворѣ своемъ, нача бронитись крѣпцѣ, аки еще на полторы годины біющеся. Егда же видѣвъ, яко невозможе помощи собѣ, тогда на едину страну отобраша женъ и дѣтей своихъ въ прекрасныхъ и преизпреченныхъ одеждахъ,“ (Совр. II. 419: „во градѣже бяше христіанстіи людіе много множество безчисленно Княжнь и Мурзиныхъ женъ и дѣвокъ и дѣтей взяша; тако же рку вскорѣ отъ великихъ и до простыхъ людей“) „а кольколь десять тысящей на единой странѣ великаго предреченнаго двора Царева, уповающе яже прельстится войско Христіанское на красоту ихъ и живити ихъ будетъ. Сами же Таторовя со Царемъ ихъ, отобрашесь въ единъ уголъ и умыслиша недатися живымъ въ руки, точію бо живаго Царя соблюсти.“

(223) царк. 307: „и побѣгоша всѣ къ Елбугинымъ ворошамъ“ (см. выше N. 183). Кур. 27. об. и 28. „и пойдоша отъ Царева“ (двора) „на дальнюю страну

очныя, стремясь къ лѣсу, за рѣкою Казанкою, по Галицкой дорогѣ. Тутъ находились Щенятевъ и Курбскій съ Правою рукою, составленною изъ Москвитянъ, Новгородцевъ и Псковичей. Она, подкрѣпленная двумя полками, мужественно отбивала назадъ выходящихъ непріятелей, разимыхъ съ тылу (224). Татары возвели Хана своего на высокую башню; стали просить немного времени для переговора; и, получивъ желаемое, сказали: „Во время существованія жилищь нашихъ и столицы, вмѣстилища престола Ханскаго, мы до скончанія жизни „бились за Государя и отечество; но теперь отдаемъ вамъ Хана: ведите его къ „Царю вашему; остатокъ же насъ идетъ на „обширное поле испить съ вами послѣднюю „чашу;" отдали Ядигеръ Магмета съ главнѣйшимъ его вельможею, Зейнешемъ, и двумя единогрудными вскормлениками, Россіянамъ; пустили стрѣлы на осаждающихъ; и

мѣста къ нижайшимъ вратомъ, идѣже азъ сопротивъ ихъ у Царева двора стоялъ и не остало уже было со мною полутораста воиновъ а ихъ еще было о десять тысящей." Совр. II. 419: „и абіе побѣгоша съ Царева двора за градъ (со) „стѣны валющеся" (см. ниже N. 226) „за Казань за рѣку въ лѣсу по Галицкой дорогѣ" (см. выше N. 174) „побѣгоша." Ик. 239.

(224) Кур. 28: „обаче тѣсноты ради улицы бронилися есмя имъ отходяще отпирающеся крѣпцѣ; наше же войско великое съ горы оныя да потѣсниша ихъ зѣло, паче же задній конецъ Татарскаго полку, сѣкуще и біюще." См. ниже N. 225.

получили таковый же отвѣтъ (225). Затѣмъ

(225) Кур. 28: „тогда съ великою нуждею за Божіею помощію выидохомъ изъ вратъ градскихъ; наши же съ великіе горы кругомъ налегающе, тиснуша ихъ, намъ же обону страну стояще во вратѣхъ, біющеся, не пущающе ихъ изъ града, уже бо намъ на помощь два полка Христіанскіе приспѣша, ими же такъ тиснушась неволею великою, ради належанія съ горы, иже съ вежею“ (башнею) „высокою равно, яже не до враты бяше толко трупія ихъ лежаще, средніе же и заднимъ людямъ, ажъ по людемъ своимъ идуще на градъ и на вежу. Егда же возведоша Царя своего на вежу, тогда начаша вопіяти, просяще малаго времени на размову; мы же мало утишився, послушахомъ прошенія ихъ; они же абіе сице рекоша глаголюще: пока рече юртъ стояше и мѣсто главное, идѣже престолъ Царевъ былъ; до тѣхъ ажъ до смерти броняхомся за Царя и отечество; а нынѣ Царя вамъ отдаемъ здрава. Ведите его ко Царю своему. А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле испити съ вами послѣднюю чашу; и отдаша намъ Царя своего со единымъ со первосовѣтникомъ, Карачомъ“ (см. выше N. 165) „что наибольшимъ ихъ и со двѣмя Имильдечаи, сирѣчь Мамичи, иже бываютъ питаеми соединеннымъ сосцомъ со Царскимъ отрочатемъ. А Царю ихъ было имя бусурманское Идигеръ, а Князю тому Зейнешъ. И отдавъ намъ Царя здрава, по насъ абіе стрѣлами, а мы по нихъ.“ Совр. II. 419 (ик. 239, 240): „и, такоже начаша Царя Казанскаго искати, Аидигеря, по всѣмъ странамъ града: занеже бѣ его искаху и не обрѣтоша, и въ Царевѣ дворѣ языковъ много пытающе не вѣдяху никто же его; и абіе устремишася Палецкого Княжь Дмитреевы слуги на лѣвую страну града Казани, идѣже зовутся у нихъ Збойливыя ворота“ (см. выше N. 183) „нынѣ же зарушены и такоже на стѣнѣ взяша Царя Аидигеря Касымъ Салтанова сына и Асторохапскаго Царевича и вневѣды хотяше убити его и абіе ту съ нимъ нѣкіи Татарове бяше сказаща о немъ, яко Царь

Казанцы не пошли уже въ ворота, бросились со стѣны, устремились за Казанку и желали пробиться чрезъ станъ Курбскаго, гдѣ изъ шести большихъ пушекъ ударили по нихъ; но они поворотили оттуда на лѣво внизъ по берегу Казанки; остановились чрезъ три лучные выстрѣла, у конца окоповъ, и начали раздѣваться, дабы перебрести рѣку, мѣлкую въ семъ мѣстѣ. Курбскій съ 200 воиновъ бросился за Казанку въ станъ свой, сѣлъ на лошадей и успѣлъ преградить дорогу непріятелямъ: ибо одно ополченіе ихъ, тысячь въ шесть человѣкъ, отстало и они ждали его на берегу. Изготовившись къ биттвѣ, имѣя стрѣлы на тетивахъ лучныхъ и вытянувшись въ густый довольно длинный строй, Казанцы пустились за рѣку. Безчисленное войско Россійское, бывшее на стѣнахъ градскихъ и дворцѣ Ханскомъ, смотрѣло, и, по причинѣ великой стремнины, также очень высокой горы, не могло пособить Курбскому. Задніе Татары еще не вышли изъ рѣки, когда онъ, желая разорвать строй ихъ, ударилъ на оный, получилъ тяжкую рану и упалъ без-

---

есть." Чья правда? И Курбскій и сочинитель Ик. были самовидцами. Ик. 4. 5: „грѣхъ же моихъ ради случимися плѣнену быти варвари и въ Казань сведону. И вданну ми бывшу въ дарѣхъ Царю Казанскому Сафагирею и взятъ мя къ себѣ Царь съ любовію служити во дворъ свой и сотвори мя предъ лицемъ своимъ стояти. И удержанну ми бывшу тамо у него 20 лѣтъ во плѣненіи томъ, во взятіежъ Казанское изыдохъ изъ Казани."

чувствовать съ коня (226). Ополченіе Казан-

---

(226) Кур. 28. 29: „и не поидоша на насъ во врата, абіе поидоша съ стѣны просто чрезъ Казань рѣку и конница пробившея прямо противъ моего" (Курбскаго) „стану на шанцы тѣми дирами, идѣже шесть дѣлъ великихъ стоялъ и абіе по нихъ ударено изо всѣхъ тѣхъ дѣлъ" (пушекъ). „Они же воздвигошась отъ туды и поидоша на лѣво внизъ подлѣ Казань рѣку берегомъ; аки три перестрѣлы лучныхъ и по конецъ шанецъ нашихъ тамо сташа и начата легчащися и метадши съ себя збруи и разувати себя ко бреденію рѣки: еще бо бѣ ихъ остаалъ полкъ, аки шесть тысящей, або маломнѣйше. Мыже, видѣвше сіе, мало насъ нѣчто добыша собѣ коней до своихъ становъ за рѣку. И такъ сѣдши на свои кони устремившеся скоро сопротивъ ихъ и заступити имъ путь, имъ же хотяху поити и обретоша ихъ еще не прешедшихъ чрезъ рѣку и собрашась насъ сопротивъ ихъ мало что больше двухъ сотъ коней, бо зѣло вскорѣ сіе случилось: понеже что остало войска. И они бѣша обону страну мѣсто при Царѣ были, паче же мало не всѣ въ градѣ уже. Абіюже они перебредили рѣку: бо мелка была въ томъ мѣсту по ихъ щастію; ожидатися начаша на самомъ брегу, ополчающесь готови суще къ сраженію съ различными броньми, пачеже мало не всѣ со стрѣлами и уже на тетивахъ луковъ стрѣлы вкуще. И абіе начаша мало отъ брегу подвигатись, учиня чело не малое, а за ними всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стрѣлянія не малые лучьныхъ по примѣтѣ. Христіанскаго же войска множество безчисленно на стѣнѣ града такоже съ палатъ Царскихъ зрящимъ а помощи намъ, стремнины для великія и зѣло прикрыя горы ни како же возмогоша подать. Мы же ихъ отступя мало что отъ берегу, бо еще самому концу останному изъ рѣки не явившусь; тогда ударихомъ на нихъ, хотяще ихъ прервати и устроенные полки ихъ разторгнути. Молюся, да не возмнитъ ми

ское разбѣжалось порознь къ лѣсу; но Царь отправилъ Князя Симеона Ивановича Микулинскаго и Оружничаго Льва Андреевича Салтыкова къ Бежболдѣ, Боярина же Князя Михайла Васильевича Глинскаго и Ивана Васильевича Шереметева за Казанку къ Головамъ, Вороному и Угримову. Они побили множество непріятелей, коихъ спаслось малое число и то покрытое ранами.

Іоаннъ, услышавъ, что ведутъ къ нему Ядигеръ Магмета и что взятая Казань зажжена, послалъ туда Боярина Даніила Романовича Юрьева узнать истину; поручилъ Князю Димитрію Ѳеодоровичу Палецкому представить къ себѣ упомянутаго Хана; принялъ его милостиво (227) и прика-

---

кто безумна, самъ себя хваляще: правду воистину глаголю и дарованія духа храбрости отъ Бога данными не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ и всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ онъ бусурманскій и памятую, той же секуще съ тріа раза конь мой въ нихъ оперся и въ четвертый разъ зѣло раненъ повалился въ средина ихъ со мною и уже отъ великихъ ранъ не памятую вящше."

(227) Сіе переведено изъ Совр. II. 420 и нк. 242. Послѣдняя прибавляетъ въ 22. LVIII: „и видевше благовѣрный Князь Казанскаго Царя Едигерея, глагола ему тихимъ лицемъ и веселымъ сердцемъ, кроткимъ гласомъ: человѣче что всуе шатаешися толико пострада; или не ведети онѣхъ окоянныхъ Казанцевъ прелѣсти и лицемѣрія? Почто совѣту ихъ послѣдовалъ еси? Казанскій же Царь Едигеръ, видѣвъ свѣтлый образъ и кроткій нравъ православнаго Царя, падъ моляшеся глаголя: великій, державный Царю! уподобихся рекшему согрѣшихъ на покаяніе, тако и ты Государь не помяни моего злодѣя-

залъ брать только женщинъ съ дѣтьми въ плѣнъ, воиновъ же непріятельскихъ истреблять всѣхъ за ихъ измѣны. Взятыхъ Татаръ нашлось такое множество, что всѣмъ ратникамъ Россійскимъ достались оные, причемъ и нѣсколько тысячь невольниковъ Христіянъ было освобождено. Трупами убитыхъ наполнился весь городъ, рвы, до Казанки и далѣе (228). Государь, возблагодаривъ Бо-

нія, но покажи мнѣ милость, на своемъ холопе. Великій Царю! дерзнухъ противъ твоея державы, прельстихся отъ безумныхъ Казанцевъ. Се уже постигоша мя беззаконія моя, и не могу зрѣти на Царскій твой образъ; и не разсудихъ, яко николиже злоба противится милости, тако и неправда не можетъ стояти противу истины. Не просто бо пришествіе твое, Царю, на Царство Казанское; но Богомъ посланъ еси обличить наши нечестія. Нынѣ, владыка, буди намъ руководитель и правитель на истинную вѣру Христіянскую, и присвои насъ небесному Царю Святымъ Крещеніемъ. Православный же милостивый Государь, Казанскому Царю Едигерею не токмо опалы отдалъ, но и отъ души прощеніе дорова." Едва ли сочинитель былъ при семъ умильномъ объясненіи.

(228) Лв. IV. 424, 425 (Ник. VII, 180. царк. 308, 309) „а побитыхъ во градѣ толико множество лежаще, яко по всему граду не бѣ гдѣ стояти не на мертвыхъ; за царевымъ же дворомъ костры мертвыхъ лежаху съ стѣнами градными равно, рвы же на той сторонѣ града полны мертвыхъ лежащихъ и по Казанѣ по рѣкѣ" (царк. 309, Ник.: „и по Казань реку") „и въ рѣкѣ и за рѣкою по всему лугу мертви погани лежаша." Въ подлинникѣ царк. 312 приписано скорописью на полѣ: „и Государь подъѣхалъ къ городу и тутъ у наряду стояли множество народу Христіанскаго мужеска полу и женска, свободшеся отъ плѣна; и яко узрѣли Государя всѣ со сле-

ги, слушалъ подъ знаменемъ полку своего молебенъ; водрузилъ самъ и руками Протопопа Андрея, на томъ мѣстѣ, гдѣ оно стояло, животворящій крестъ, и опредѣлилъ соорудить тутъ церковь Нерукотворенннаго образа (229). „Радуйся, православный Царь, Божіею благодатію побѣдившій сопостатовъ" — сказали ему Князь Владиміръ Андреевичь, Бояре и Воеводы — „здравствуй многія лѣта на дарованномъ „тебѣ Богомъ Царствѣ Казанскомъ! Ты ис„тинный защитникъ нашъ отъ безбожныхъ „Агарянъ; тобою освобождаются нынѣ бѣд„ные Христіяне навѣки и нечестивое мѣ„сто благодатію освящается. Просимъ Бо„га умножить тебѣ годы живота, низверг„нуть враговъ подъ ноги твои и наградить „тебя сынами, наслѣдниками престола, да„бы мы жили въ тишинѣ и покоѣ." „Тво„имъ, Князь Владиміръ Андреевичь, попе„ченіемъ, трудами всего нашего воинства „и всенародною молитвою Богъ исполнилъ

зами пали и вопіяху радостными глаголы: избавитель нашъ, Государь! изъ ада ты насъ вывелъ. Насъ для сиръ своихъ головы своей не пощадилъ. Государь же повелѣ ихъ въ станъ свой отвести и напитати; и по многи дни у Государя въ стану множество свободившихся отъ плѣна Христіанъ питахуся. Государь же повелѣваше ихъ устраивати и въ верьхъ отсылати по домомъ ихъ тысящи по 3 и по 5."

(229) царк. 310: „и церковь поставити повелѣ нерукотворенный образъ Господа нашего Іисуса Христа, на томъ мѣстѣ, гдѣ знамя царское стояло, во время взятія градскаго."

„сіе дѣло; да будетъ воля Господня!“ сказалъ Іоаннъ умиленно. „Здравствуй, Государь, побѣдитель сопостатовъ, на отчинѣ твоей Казанѣ, вовѣки!“ привѣтствовалъ его подъѣхавшій Шейхалій. „Государь Ханъ!“ — отвѣчалъ ему Царь — „тебѣ, брату моему, извѣстно, что я многажды посылалъ убѣждать Казанцевъ къ спокойствію. Ты знаешь также ихъ жестокость: „сколько лѣтъ они лгали, ухищряясь. Теперь праведный судъ Божій оказалъ намъ милосердіе и отмстилъ имъ за кровь Христіянскую.“

Приказавъ очистить улицу ко двору Ханскому отъ Муралѣевыхъ воротъ и убрать трупы, Іоаннъ, предваряемый ѣдущими Андреемъ Протопопомъ со крестомъ, Воеводами и Дворянами, послѣдуемый же Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и Шейхаліемъ, прибылъ во дворецъ, гдѣ услышалъ опять единогласное поздравленіе ото всѣхъ (230). Онъ поручилъ Воеводамъ тушить пожары въ городѣ; отдалъ всему войску своему сокровища, женъ и дѣтей Казанскихъ, не оставляя себѣ ничего, кромѣ Хана Ядигеръ Магмета, знаменъ Ханскихъ и пушекъ градскихъ; а потомъ, возвратившись въ отанъ, принесъ со всѣми воинами благодареніе Богу

(230) Царств. Кн. 312: „Воеводы же и вси людіе православніи здравствоваше Государю и великимъ гласомъ кликнуша люди: многа лѣта царю благочестивому Ивану Васильевичу, побѣдителю варварскому. Буди Государь здравъ на Богомъ дарованней тебѣ вотчинѣ, въ вѣки.“

въ Сергіевской церквѣ; утѣшилъ ихъ привѣтственными словами; откушалъ; послалъ Даніила Романовича Юрьева къ Царицѣ, Митрополиту и Князю Георгію Василіевичу возвѣстить о своей побѣдѣ и отправилъ по всѣмъ улусамъ (селеніямъ) *опасныя граматы* простолюдинамъ, чтобы они шли къ нему, не боясь ничего, и платили такую же дань, какую брали отъ нихъ Казанскіе Ханы. Вскорѣ Арская чернь прислала Казаковъ, Шемая и Кубиша, съ граматою, просить, чтобы Государь утолилъ гнѣвъ свой, взялъ съ нее прежніе ясаки и прислалъ къ ней сына Боярскаго, который бы, объявивъ жалованіе Царя, собралъ народъ, разбѣжавшійся отъ страха; тогда Арскіе жители дадутъ (подданническую) клятву и пріѣдутъ къ Государю. Отправивъ къ нимъ Никиту Казаринова и Камая Мурзу, Іоаннъ принялъ благосклонно луговыхъ Черемисъ, явившихся съ покорностію.

Когда очистили, 4 го, Казань отъ труповъ, то Іоаннъ, пріѣхавъ туда, выбралъ мѣсто среди города, водрузилъ своими руками крестъ и заложилъ церковь Благовѣщенскую; Протопопъ же Андрей, Игумны и Священники пѣли молебенъ съ водосвятіемъ; послѣ ходили всѣ со крестами по стѣнамъ градскимъ и освятили городъ; а на третій день, 6 го, Протопопы — означенный и Свіяжскій Рождественскій Аѳанасій — съ духовенствомъ освящали Благовѣщенскій Соборъ. Государь избралъ оставить въ Казанѣ послѣ себя: Князя Александра Борисо-

вича Горбатаго, для управленія вмѣсто Царя, Князя Василія Симеоновича Серебрянаго и иныхъ многихъ Воеводъ, давъ имъ знатныхъ Дворянъ (231), многихъ дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Казаковъ.

Чрезъ нѣсколько времени, 10 го, возвратились Казариновъ и Камай со многими Вотяками. Сіи, именемъ области своей, просили милости у Государя, объявляя себя готовыми платить ясаки. Онъ снизошелъ на просьбу, назначилъ брать съ Вотяковъ такія подати, какія они платили при Ханѣ Магмедаминѣ и опредѣлилъ Князя Горбатаго управлять ими, взявъ отъ нихъ (вѣрноподанническую) присягу. Тогда же явились къ Царю изъ многихъ мѣстъ (232) и Черемисы ходатайствовать отъ лица земляковъ своихъ о томъ же, что пожаловано Вотякамъ; получили желаемое; ввѣрены были

---

(231) царк. 316: „большего Боярина и Воеводу Князя Александра Борисовича Горбатаго“ . . . „да съ ними оставилъ дворянъ своихъ большихъ“ . . . совр. II. 421: „и оставливаетъ“ (ик. гл. LXXI: „во граде же Казани оставляетъ“) „Воеводъ“ . . . „и много множество Князей и дѣтей боярскихъ вм.“ (42,000?) „человѣкъ, да три Воеводы стрѣлецкія, а съ ними полъ в'человѣкъ Стрѣльцовъ и семь Атамановъ Казацкихъ, а съ ними по пяти сотъ человѣкъ Казаковъ.“ ик: „сними Князей и дѣтей Боярскихъ полъ в и го-
‡
ловъ повелѣваетъ тѣмъ внутри Казани быти; за городомъ повелѣваетъ быти см. головъ, да Е Стрѣль-
‡
цовъ, да 3 Атамановъ молодецкихъ.“

(232) царк. 317 (Ник. VII, 186. Лв. IV, 434) „изъ Якъ и изо многихъ мѣстъ.“ Яки намъ не извѣстны.

Князю Горбатому и клялись предъ нимъ немедленно (соблюдать вѣрность) за себя и за всю чернь (233).

На другой день, 11 го, Царь, призвавъ Князя Владиміра Андреевича и Бояръ на совѣтъ, рѣшился пуститься обратно въ Москву, Волгою на судахъ; отправилъ конницу съ Княземъ Михайломъ Ивановичемъ Воротынскимъ, черезъ Васильсурскъ, берегомъ; слушалъ молебенъ въ Благовѣщенскомъ Соборѣ; снабдилъ Князя Горбатаго съ товарищами приказаніемъ; поѣхалъ ночевать у Волги противъ Гостиннаго острова, и назавтріе, сѣвши съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ лодку (234), прибылъ въ

---

(233) Царк. т. ж.: „потомужъ приказалъ Боярину своему" (недописано: Князю.... Горбатому) „ихъ къ шерти приводить и управу чинить; и того дня правду отъ всѣхъ людей черныхъ дали."

(234) Т. ж.: „а на завтрее сѣлъ Государь со Княземъ Володимеромъ Андреевичемъ въ ушкулы" ... Кур. За. об: „Царь же вниде въ совѣтъ о устроенію града нововзятаго и совѣтовавше всѣ мудрые и разумные иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество отъ Рускіе земли галіями" (судами) „напривожено." Л. 33: „онъ же совѣта мудрыхъ Воеводъ своихъ не послушавъ, послушавъ же совѣта Шурьи свои" (Юрьевыхъ). „Они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко Царицѣ своей, сестрѣ ихъ, но и другихъ ласкателей направили съ попами." Здѣсь означается нерасположеніе Курбскаго къ Іоанну; далѣе также: „а кони наши всѣ послалъ на" (не) „тою доброю дорогою, ею же самъ шелъ къ Казани; по" (но) „подлѣ Волги зѣло претрудными степями, по великимъ горамъ лежащими, на нихъ же Чувашскій языкъ обитаетъ; и того ради погубилъ

Свіяжскъ, гдѣ поручилъ Князю Петру Ивановичу Шуйскому управлять горными жителями; а въ случаѣ общихъ дѣлъ ихъ и Казанцевъ сноситься Воеводамъ той и другой стороны между собою. Въ Нижнемъ встрѣтили и поздравили Государя: отъ Царицы Бояринъ Князь Ѳеодоръ Андреевичь Булгаковъ; отъ Князя Георгія Василіевича Окольничій Владиміръ Василіевичь Морозовъ; отъ Митрополита Бояринъ Иванъ Кузминъ и Елеазаръ Соболевъ; также граждане и Духовенство со крестами. На пути черезъ Балахну, во Владиміръ, Іоаннъ получилъ въ Судогдѣ, посредствомъ Боярина Юрія Василіевича Траханіота, отъ Царицы извѣстіе о рожденіи сына своего Димитрія и пролилъ радостныя слезы (235). Изъ Владиміра путешествовалъ онъ молиться въ Суздаль Покрову Богоматери и чрезъ Юрьевъ въ Троицко-Сергіевскую обитель, гдѣ за селеніемъ, встрѣченный и поздравленный Игумномъ, бывшимъ Митрополитомъ Іоасафомъ, съ монахами и крестами, воздавъ поклоненіе образу и мощамъ, ласково привѣтствовалъ Настоятеля и братію (236). Пу-

---

у всего воинства своего кони; тогда бо у кого было сто, або двѣсти коней, едва два, або три, вышли. Се сія первая дума человѣкоугодинча ласкателей."

(235) Совр. II. 422: „и егда бывшу ему на яму на судовѣ" (ик. 251: „и егда пріиде Благовѣрный Царь на ямъ зовам̃ы Судогда") „и ту встрѣте его Великія Княгини Бояринъ Василей Юрьевичь Трохоніо. (царк. 319: „Траханіотъ.")

(236) царк. 320: „Игумену и братіе слова съ челобитіемъ говорить за ихъ труды и подвизи, ихъ моли

стившись оттуда, Царь ночевалъ въ селѣ Танинскомъ; поздравленъ тамъ былъ Княземъ Георгіемъ Василіевичемъ и приблизился,, 29го, къ Москвѣ. Безчисленное множество гражданъ разныхъ лѣтъ, вышедшее къ нему, не умѣщалось на поляхъ отъ Яузы до посада (237) и стояло по обѣимъ сторонамъ дороги до города. Старые и молодые восклицали: „Многая лѣта Царю, побѣдителю варваровъ и избавителю Христіянскому." У Срѣтенскаго монастыря Митрополитъ съ Архіереями, прочимъ духовенствомъ, съ крестами и чудотворными образами, предсталъ къ Государю. Сей объяснилъ ему подвиги Россійскаго воинства, а Первосвященникъ отвѣчалъ привѣтственною рѣчью (238) и со всѣмъ народомъ палъ на землю. Тутъ Іоаннъ, сошедши съ коня, перемѣнилъ военное платье на Царское, возложилъ на себя крестъ, надѣлъ шапку Мономаха на голову и багряницу на плечи (239); отправился за крестами въ Успенскій Соборъ, и, помолив-

---

твами Государь вся благая получилъ; и бывшей Митрополитъ Іоасафъ." . . . но какимъ образомъ явился онъ въ Троицкой монастырь изъ Кириловскаго? см. царк. 102.

(237) царк. 320: „отъ рѣки Яузы" (Игр. VIII, прим. 359: „гдѣ нынѣ деревня Растокино") „и до посаду" (игр. VIII, 190, 191: „на пространствѣ шести верстъ отъ рѣки до посада") „и по самой градъ по обѣ стороны пути безчислено народа."

(238) Сіи обѣ выпущенныя нами рѣчи напечатаны въ царк. 321 — 328, Ник. VII, 189 — 195, Лв. IV, 410 — 453.

(239) царк. 328: „положилъ на выю свою и на перси животворящій крестъ и на главу свою шапку Мано-

шись тамъ, возвратился къ обрадованной Царицѣ. Въ день Архангела Михаила, Ноября 8го, Государь угощалъ Митрополита и Духовенство, Князя Владиміра Андреевича и Воеводъ, сподвижниковъ своихъ, обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ; а послѣ дарилъ ихъ разными вещами, конями и деньгами, по достоинству (240). Сіе торжество было тамъ три дни, въ продолженіе коихъ Іоаннъ роздалъ всего упомянутаго, кромѣ помѣстій и кормленій, на 48,000 рублей (241).

Николай Арцыбышевъ.

махову, сирѣчь венецъ Царской, и на плещи діадиму"; но ее, то есть Царскій головный уборъ, не надѣваютъ на плечи; слѣдственно въ Игр. VIII, 195 правильно переведено: „возложилъ на плеча порфиру."

(240) Царк. 329, 330: „и дарилъ Царь и Государь Макарія Митрополита и Владыкъ всѣхъ въ то время прилучшихся, что ихъ святыми и всенародною молитвою даровалъ Богъ неизреченную свою милость. А Князя Владиміра Андреевича жаловалъ Государь шубами и великими Фрязскими кубки и ковши златыми; такжe Государь жаловалъ Бояръ своихъ и Воеводъ и Дворянъ и всѣхъ дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ, по достоянію, шубами многоцѣнными своихъ плечь, бархаты на золотѣ на соболяхъ, кубки; инымъ же шубы и ковши, инымъ шубы, инымъ кони и доспѣхи, инымъ изъ казны деньги и платье."

(241) Т. ж.: „сіе торжество у Государя бысть по три дни въ той полатѣ; и въ тѣ три дни роздалъ казны своей по смѣтѣ казначѣевъ, за вся деньгами, платіа и судовъ, доспѣху и коней и денегъ опричь вотчинъ и помѣстій и кормленій" (гражданскихъ мѣстъ съ доходами) „сорокъ и осмь тысящь рублей, изъ коихъ каждый стоилъ около того времени 2½ ефимка (см. Ник. VII. 294 и Ак. V, 191); слѣдственно 30¼ копейками болѣе тройной цѣны нынѣшняго серебрянаго рубля.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ДВА ГЕНІЯ.

И я грѣшилъ, я Смерть видалъ!
Въ минуты мрачныхъ искушеній
Ко мнѣ внезапно представалъ
Ея владычественный геній!
О нестерпимъ мертвящій ликъ!
Глядитъ, какъ оставъ человѣчій, —
Оцѣпенѣлъ въ устахъ языкъ —
Ея таинственныя рѣчи —
Лишь звукъ цѣпей и взмахъ косы!
Рушитель дерзостныхъ желаній,
Она въ послѣдніе часы
Не терпитъ позднихъ оправданій!
Звучитъ тяжелыми костьми,
Болѣзнь дыханьемъ порождаетъ,
Куетъ твореніе цѣпьми,
Изъ гроба въ гробъ переступаетъ,
Ее извергъ враждебный адъ
Въ минуту страшнаго паденья;
Ее Адамъ у райскихъ вратъ
Узналъ, царицу разрушенья.

*

О мертвый ликъ, отъ взоровъ прочь!
Лети во мракъ, удѣлъ твой ночь!
Я вижу новый свѣтъ денницы!
Я сбросилъ цѣпи въ дольній прахъ,

Лечу изъ горестной темницы,
Витаю въ свѣтлыхъ небесахъ!
Кого въ порывѣ вдохновеній,
Какого Ангела узналъ?
Онъ мнѣ родной — то жизни Геній;
Онъ юный взоръ очаровалъ!
Несетъ онъ мнѣ дары свободы,
Плѣняетъ сердце, взоръ и слухъ:
Я вижу, мнится, Божій духъ,
Одѣтый въ красоты природы!
Онъ душу мертвую живитъ!
На грудь мою дыханьемъ вѣетъ
И грудь любовью пламенѣетъ!
Онъ непрестанно говоритъ:
Какъ сладки звуки, рѣчи ясны!
Ясна душа въ его словахъ!
О, сколько мыслей въ тѣхъ рѣчахъ!
Какъ внятенъ мнѣ языкъ прекрасный!
Я будто вижу предъ собой
Его слова: онъ умъ чаруетъ;
Онъ мнѣ чудесной словъ игрой
Природу всю живописуетъ.
Но всюду мысль одна гремитъ,
И ей полна та рѣчь святая:
О Богѣ вѣчномъ говоритъ
Его языкъ не умолкая.
Отъ Бога онъ и самъ истелъ:
Творящій далъ ему въ удѣлъ
Всѣ области Своей природы,
По гласу Бога онъ облекъ
Лазурью чистой горни своды
И вѣзды въ небесахъ зажегъ,

Наполнилъ океанъ волнами,
И землю расписалъ цвѣтами,
И человѣка оживилъ,
И съ пламенемъ небесныхъ силъ
Далъ сердцу жизнь, движенье — крови,
Зажегъ въ душѣ небесный умъ,
Зажегъ восторги чистыхъ думъ
И чувство первое любови!
Не онъ ли, блещущій красой,
Въ минуту страшнаго изгнанья,
Адама утѣшалъ слезой
Раскаянья и упованья?
Онъ и теперь въ красѣ святой
Стоитъ у Божіяго храма
И падшаго зоветъ Адама
Воскреснуть къ жизни неземной!

1826. * * *

СПОРЪ ДРУЗЕЙ.

Два чувства смертнымъ боги дали
И ими смертные живутъ;
Въ нихъ скрыты радость и печали;
Ихъ Дружба и Любовь зовутъ.

*

Когдабъ судьба опредѣлила
Одно изъ нихъ избрать въ удѣлъ:
Какоебъ душу приманило?
Какоебъ ты избрать хотѣлъ?
— — — — —
— — — — —
Но въ спорахъ не найдемъ рѣшенья,

Определимъ вопросъ, друзья:
Любви и дружбы наслажденья
Душа вамъ выскажетъ моя.

*

Любовь прекраснаго влiянье,
Она вся дышетъ красотой:
Въ одной душѣ, въ одномъ созданьѣ
Она объемлетъ мiръ земной.

*

Но Дружба! — ахъ, подайте руки!
Съ ней лучше познакомитъ васъ
Слеза прощанья въ часъ разлуки,
Слеза свиданья въ сладкiй часъ.

*

Въ бесѣдѣ ты своимъ искусствомъ
Любовь и дружбу можешь слить;
Но чувству не ужиться съ чувствомъ,
Въ одномъ ихъ сердцѣ не вмѣстить.

*

Когда твой другъ въ твоей прелестной
Захочетъ полюбить тебя,
Что скажешь ты тогда? — Извѣстно:
Подальше отъ любви, друзья.

*

Но мы любви не порицаемъ,
На этотъ разъ друзьямъ не вѣрь:
Быть можетъ, что мы все узнаемъ,
Что ты одинъ узналъ теперь, —

*

И вѣрные былому кругу,
Мы чувство чувствомъ освятимъ:
Одной рукой обнявъ подругу,
Другую другу отдадимъ.

*

НА НОВОСЕЛЬЕ Р-ЧУ.

(*Экспромтъ.*)

Твоя душа пылка, какъ розы легкій цвѣтъ,
Вся жизнь одно души прекрасное мгновенье;
Но вѣченъ въ ней добра прекрасный свѣтъ,
Любви святое вдохновенье.

Ты понялъ дружбы выраженье:
Какой вѣнокъ она тебѣ сплела?
За чѣмъ въ твой новый домъ съ любовью принесла
И миртъ—цвѣтъ вѣчности, и розу—цвѣтъ мгновенья?

Ш. . .

ТАЙНАЯ ДУМА.

Она и плачетъ и смѣется,
И молчалива и грустна;
То рѣчь ея рѣкою льется, —
Вдругъ остановится она,
Въ испугѣ вздрогнетъ, грудь забьется,
Какой-то думою полна.

Родныхъ и ласки и угрозы
Для ней не милы, ей равны.
Въ ея щекахъ то пламень розы,
То яркость снѣжной бѣлизны,
И часто градомъ льются слезы,
Невольнымъ вздохомъ стѣснены.

Недавно рѣзвостью блистала
Она межъ радостныхъ подругъ;
Теперь ей все печально стало, —
Взоръ полный прелести потухъ;
На мигъ онъ вспыхнетъ, какъ бывало,
Когда про что-то вспомнитъ вдругъ.

И странны дѣвы юной звуки,
Когда она въ тиши ночной
Поетъ и простираетъ руки,
Цѣлуя жадно мракъ нѣмой,
Какъ будто гласъ услышавъ муки,
Къ ней близокъ кто - то неземной.

Съ ней слово молвите — такъ ясно
Она вамъ скромный дастъ отвѣтъ;
Въ ней все невинно, сладострастно,
Души прекрасной виденъ слѣдъ.
Но думу разгадать напрасно:
Для ней ни словъ, ни чувства нѣтъ.

Она участья не пріемлетъ,
Непостижима для очей,
Призыву радости не внемлетъ —
Бѣжитъ, таится отъ людей
И пылкой мыслью лишь объемлетъ
Одинъ предметъ тоски своей.

О скоро ль сей недугъ минуетъ!
Не льзя ль цвѣтъ милый воскресить,
И то, о чемъ она тоскуетъ,
Прекрасной снова возвратить?

Она съ печалью не свѣкуетъ —
Но чѣмъ же думу утолитъ? —

Ознобишинъ.

ОДНОДНЕВНАЯ РОЗА.

Что ни день, то розой новой
Розанъ мой меня даритъ:
Раннимъ утромъ пурпуровой
Ужь шипокъ на немъ горитъ, —
И лишь солнце выше, выше
Востекаетъ въ небосводъ,
Какъ дитя, смѣлѣй онъ дышетъ
И смѣлѣй пеленки рветъ.
Освѣтитъ ли полдень знойной,
И столистная, она
Улыбнулась въ нѣгѣ томной,
Свѣжей прелестью полна.
Близь нея въ восторгахъ стонетъ
Сладкозвучный соловей,
Пчелка въ ароматахъ тонетъ,
Опустившись въ лоно къ ней;
Но съ вечерними тѣнями
Нѣтъ въ ней прежней красоты —
Полублѣдными цвѣтами
Чуть блестятъ ея листы.
Наклонясь главой усталой
Подъ вечернею росой,
Въ землю цвѣтъ роняетъ алой,
Ароматъ утративъ свой.

Розы день — краса денницы!
Въ утро жизни взоръ манитъ,
Краткій мигъ лови денницы —
Быстро вечеръ прилетитъ.

4.

ВЕСНА.

(Посвящается друзьямъ.)

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухаетъ намъ! . . .
Творенью пиръ даетъ природа,
Свиданья пиръ даетъ сынамъ! . . .

Духъ жизни, силы и свободы
Возноситъ, обвѣваетъ насъ! . . .
И радость въ душу пролилась,
Какъ отзывъ торжества природы,
Какъ Бога животворный гласъ! . . .

Гдѣ вы, Гармоніи сыны? . . .
Сюда! . . . и смѣлыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагрѣтой яркими лучами
Любви, восторга и весны! . . .

Какъ въ полномъ, пламенномъ разцвѣтѣ,
При первомъ утра юномъ свѣтѣ,
Блистаютъ розы и горятъ;
Какъ зефиръ, въ радостномъ полетѣ
Ихъ разливаетъ ароматъ:

Такъ разливайся: жизни сладость,
Пѣвцы! . . . за вами по слѣдамъ! . . .
Такъ порхай наша, друзи, младость
По свѣтлымъ счастія цвѣтамъ! . . .

*

Вамъ, вамъ сей бѣдный даръ признательной любви,
Цвѣтокъ простой, не благовонной;
Но вы, наставники мои,
Вы примете его съ улыбкой благосклонной.
Такъ слабое дитя — любви своей въ залогъ,
Приноситъ матери на лоно
Въ лугу имъ сорванный цвѣтокъ! . . .

Ѳ. Тютчевъ.

КЪ УВЯДШЕМУ ЦВѢТКУ.

Цвѣточикъ милый! ты опалъ,
Не зеленѣешь, не краснѣешь;
Пріятный запахъ потерялъ,
Листочковъ прежнихъ не имѣешь.
Еще бы рано опадать,
Весна лишь только наступила,
Еще цвѣтами украшать
Себя не думала Людмилла, —
А ты печаленъ, какъ зимой!
Ты не плѣнишь любезной взоровъ.
Кому не жалокъ жребій твой?
Завянуть страшно въ эту пору.

Ахъ, жребій равенъ мой съ твоимъ!
Ты гибнешь, милый цвѣтъ, отъ зноя,
А я, фортуною гонимъ,
Живу безъ славы, безъ покоя:
Тебя злой вѣтеръ повредилъ,
Къ землѣ склонилъ тебя печально,
А мнѣ мой рокъ опредѣлилъ
Въ странѣ отъ родины жить дальней;
Таковъ-то жребій нашъ, цвѣтокъ:
Другой весны для насъ не будетъ.
Тебя не сыщетъ мотылёкъ,
Меня красавица забудетъ.
Настанетъ осень для тебя —
Красивый стебель твой завянетъ;
Зима придетъ и для меня —
И сердце биться перестанетъ. —

КЪ РОДНОЙ ЗВѢЗДОЧКѢ.

О гдѣ ты, ясное свѣтило,
Веселыхъ, звѣздочка, ночей?
Бывало, въ родинѣ моей
Ты поздно, поздно восходила:
Зарей вечернею видалъ
Тебя я часто на востокѣ,
И часто въ блещущемъ потокѣ
Отрадный свѣтъ твой мнѣ сіялъ.
Теперь подъ небомъ отдаленнымъ

Глазами я тебя ищу;
Но нѣтъ тебя, и я грущу
По тѣмъ мѣстамъ уединеннымъ,
Гдѣ я, звѣзда, тебя видалъ —
Надъ рощей сонной, надъ рѣкою,
Въ тѣни деревъ; плѣнясь тобою,
Я ихъ и въ ночь не оставлялъ.
Когдажъ, когда твой лучь прекрасный
Меня подъ ними освѣтитъ?
Когда? . . . Пусть осень пролетитъ,
Я встрѣчу Май въ отчизнѣ ясный,
Тогда увижу и тебя
Надъ мягкимъ лугомъ, надъ потокомъ, —
Тогда въ уныніи глубокомъ
Скажу: вотъ звѣздочка моя! —

В. Перцовъ.

ПРОЗА.

Характеры.

(Изъ Вашингтона Ирвинга.)

Господа Коклофты.

Если родословное древо, висящее въ библіотекѣ моего двоюроднаго братца, хоть сколько нибудь справедливо, что фамилія Коклофтовъ должна быть весьма древняя. Она ведетъ свое начало отъ нѣкоего пресловутаго героя древности, родственника прародителей Короля Англійскаго, который по неудовольствію оставилъ когда-то свое отечество и удалился въ Валесъ. Тамъ вступилъ онъ въ дружескія связи съ Принцемъ Мадокомъ и сопровождалъ сего знаменитаго Аргонавта въ путешествіи, увѣнчанномъ открытіемъ сей страны. Я хоть и самъ членъ этой фамиліи, однакожъ не рѣдко прихожу въ искущеніе сомнѣваться въ справедливости сей части ея лѣтописей — къ великой досадѣ братца Христофора, котораго надобно признать главою нашей фамиліи и который скорѣе согласится пожертвовать жизнію, нежели отказаться отъ одного только аргумента своего родословія.

Съ незапамятныхъ временъ ведется между Коклофтами обычай жениться только на какой нибудь Коклофтъ: при чрезвычайномъ плодородіи фамиліи они росли и множились, какъ племя Адама и Евы. Въ самомъ дѣлѣ, число ихъ невѣроятно, и едва ли въ цѣломъ Государствѣ можно найти такое мѣстечко, гдѣ бы вы

не наткнулись на отростокъ настоящихъ Коклофтовъ. Всякой, кто хоть сколько нибудь имѣетъ опытности, или одаренъ способностію наблюденія, безъ сомнѣнія замѣтилъ, что въ той фамиліи, гдѣ принято въ обычай женить между собою двоюродныхъ сестрицъ и братцевъ, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, каждый членъ становится страннымъ, прихотливымъ и оригинальнымъ. То же случилось и въ нашей, особливо въ той ея отрасли, въ которой первенствуетъ почтенный братецъ Христофоръ Коклофтъ, — Сквайръ. Изъ всей фамиліи Христофоръ есть единственный женатый человѣкъ, проживающій въ городѣ (Нью-Іоркѣ). Семейство его невелико, потому что большую часть дѣтей своихъ онъ потерялъ въ лѣта ихъ дѣтства, въ слѣдствіе безмѣрной заботливости своей воспитывать ихъ наравнѣ съ растеніями. Въ этомъ заключалась одна изъ важнѣйшихъ его странностей, — „и притомъ одна изъ самыхъ отчаянныхъ" — сказали бы дѣти, ежелибъ они не сдѣлались жертвою отцовскихъ экспериментовъ еще до полученія дара слова. Ему случилось провѣдать отъ какого-то закоулочнаго философа, что между дѣтьми и растеніями господствуетъ совершенное равенство, а потому, какъ тѣ, такъ и другія, должны быть воспитываемы одинаковымъ образомъ. Посему онъ всякое утро опрыскивалъ водою своихъ дѣтей, вмѣстѣ съ своею геранью, и выставлялъ ихъ къ солнцу; а во время зноя и засухи повторялъ сей мудрый экспери-

менишъ шри и четыре раза сряду. Слѣдствіемъ этаго было то, что дѣти одинъ за другимъ умирали, выключая Еремея и двухъ его сестрицъ, представляющихъ собою самое чудное тріо жалкихъ мумiеобразныхъ оригиналовъ, какихъ не выдумывалъ и Гогартъ въ счастливѣйшія минуты своей фантазіи. Мистрисъ Коклофтъ, самая обширная, если не лучшая половина моего братца, неоднократно дѣлала возраженія противъ его растительной системы воспитанія; она призывала къ себѣ на помощь даже Священника того околодка, въ которомъ находился загородный домъ братца; но тщетно: Христофоръ былъ непоколебимъ и ошибки въ своихъ предначертаніяхъ относилъ къ неточному исполненію оныхъ на самомъ дѣлѣ.

Упомянувъ уже однажды объ Мистрисъ Коклофтъ, я хочу поговорить объ ней нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что нахожусь теперь въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Она есть въ высочайшей степени женщина домовитая, пламенная обожательница блестящихъ мебелей краснаго дерева, непорочныхъ сердецъ и своего мужа, котораго считаетъ умнѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Въ каждое Воскресенье и въ каждую пятницу она ходитъ въ церковь и крѣпко настаиваетъ: да никто безъ особливаго дозволенія Епископскаго не дерзнетъ взойти на каѳедру; правовѣріе ея простирается даже до того, что никакія убѣжденія въ мірѣ не въ состояніи были бъ убѣдить ее въ томъ, что Пресбитеріанецъ, или Бап-

тистъ, или, пожалуй себѣ, хоть Кальвинистъ, могутъ имѣть какую нибудь хоть вѣроятную надежду удостоиться царствія небеснаго. Болѣе всего ненавидитъ она идолопоклонство, и услышавъ однажды, что братецъ задумываетъ назвать одного изъ сыновей своихъ Пиндаромъ, чуть чуть не лишилась жизни отъ паралича, потому, что этотъ Пиндаръ, по словамъ Священника, былъ идолопоклоннической писатель и славился пристрастіемъ своимъ къ конскимъ скачкамъ и кулачному бою. Такимъ образомъ, соединивши ея превосходныя качества всѣ вмѣстѣ, надобно наконецъ признаться, что Мистрисъ Коклофтъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, принадлежитъ къ лучшему разряду женщинъ, и что я охотно и часто завидую братцу моему въ благополучіи обладать ею.

Остальная часть фамиліи состоитъ изъ Еремея, младшаго, о которомъ было уже сказано, и изъ двухъ Миссъ Коклофтъ, или лучше, изъ двухъ молодыхъ Леди — такъ величаетъ ихъ съ незапамятныхъ временъ вся домашняя челядь: это не потому, чтобы онѣ въ самомъ дѣлѣ были молоды (младшая разгуливаетъ уже подъ наклономъ третьяго десятка), но потому, что въ фамиліи именно введено въ обычай всѣхъ до пятидесяти лѣтъ называть молодыми. — Въ югозападномъ флигелѣ дома отведена въ полное мое владѣніе одна старомодная комната, гдѣ я и мое кресло, во всякое время, кромѣ обѣденнаго, безмятежно имѣемъ право бесѣдовать другъ съ другомъ. Старикъ братецъ въ шутку

нарекъ эту комнату „*раемъ брата А....*" и запвердилъ на счетъ ея нѣсколько прибаутокъ, которыя также постоянно являются у него на сцену, какъ въ нашихъ фамильныхъ обѣдахъ бифштекъ и луковицы, ежедневно помѣщаемыя на нижнемъ концѣ стола, на зло ягнятамъ, дичинѣ и птицамъ.

Хотя фамилія наша и малочисленна, однакожъ мы отнюдь не терпимъ недостатка въ такъ называемыхъ почетныхъ членахъ, какъ это случается во многихъ другихъ старинныхъ домахъ подобнаго рода. У насъ обыкновенно сбирается государственный сеймъ Коклофтовъ; нашъ домъ всегда бываетъ оживленъ обществомъ полдюжины дядюшекъ, тетушекъ и братцевъ въ четырнадцатомъ колѣнѣ, которые стекаются сюда со всѣхъ сторонъ Государства, и осыпая вѣжливостями всѣхъ безъ изъятія обитателей дома, не выключая и повара на кухнѣ, преисполнены, по видимому, чувствомъ безмѣрнаго уваженія къ братцу Христофору. Еще недавно въ продолженіе цѣлыхъ трехъ недѣль мы принуждены были дѣлить бесѣду съ двумя почтенными дѣвами-старушками, пріѣхавшими въ городъ по случаю какого-то процесса. Во все это время онѣ только и дѣлали, что пересказывали похожденія своихъ деревенскихъ сосѣдей, вязали чулки и нюхали табакъ: надобно замѣтить, что вся фамилія наша помѣшана на росказняхъ о мертвецахъ, кладбищахъ, о бѣлыхъ лошадяхъ безъ головъ и съ сверкающими глазами въ окрестностяхъ хвоста. Еремей почти всегда представляется деревенскимъ родственни-

камъ нашимъ со стороны весьма для него выгодной: они почитаютъ его чудомъ, и разинувъ ротъ, въ безмолвномъ удивленіи внимаютъ словесамъ его врожденнаго любомудрія, когда онъ пускается передъ ними въ велерѣчіе. На дняхъ онъ такъ и срѣзалъ одного добренькаго старичка-дядюшку, увѣряя его торжественно, что земля наша нѣкогда сгоритъ отъ кометы, что міръ, безъ всякаго сомнѣнія, обращается вкругъ солнца и что луна рѣшительно должна быть обитаема.

Фамильный господскій домъ столь же старообразенъ, какъ и его обитатели. Такъ какъ Коклофты преимущественно достопримѣчательны по привязанности своей ко всему, долговременно въ родѣ ихъ существующему, то, сообразно сему чувствованію, поступаютъ они и съ ветхимъ своимъ домомъ; я готовъ даже божиться, что они скорѣе согласятся умереть подъ его развалинами, нежели изъ него выдти. Слѣдствіемъ всего этаго есть то, что домъ этотъ чинятъ и поправляютъ, оставляя точно въ томъ видѣ, въ какомъ былъ сначала; — по странности и безобразію, будучи совершеннымъ подобіемъ своихъ обитателей, онъ требуетъ, чтобъ съ нимъ обходились и чтобъ за нимъ ухаживали также, какъ за любимою старою лошадью Монарха, возобновляя притомъ въ памяти нашей тотъ пресловутый корабль, въ которомъ одинъ извѣстный мореплаватель объѣхалъ вокругъ свѣта и который до такой степени былъ

начинен и обклеен заплатами, что под конец не находили уже на нем ни одного кусочка первобытнаго матеріала. Откуда бы ни дул ветер, ветхій дом наш испускает страшные звуки и после каждой бури доставляет плотнику занятіе на целыя сутки: от этаго-то последняя особа одинаково постоянно навещает наше жилище, как фамильный Доктор. Сія исключительная любовь к древнему в целой фамиліи обнаруживается в каждом члене оной отдельно. Все челядинцы без изъятія поседели на службе в нашем доме. У нас есть крошечный, старый, брюзгливый, седоголовый Араб, переживший два или три поколенія Коклофтов, и потому сделавшійся в роде нашем довольно значительною особою: он называет каждаго в семействе просто по его имени, разсказывает длинныя исторіи, каким образом во время детства нянчил всех нас у себя на коленях, и в сем отношеніи представляет собою живую и полную родовую хронику Коклофтов в последнія семьдесят лет их существованія. Фамильная карета наша работана в последнюю Французско-Американскую войну, а старыя лошади, без сомненія, вышли на землю из ковчега Ноева.

Замашка подшучивать врождена Коклофтам, и каждый член нашего дома, по нисходящей линіи от барина до слуги, есть забавник *sui generis* (в своем роде). Даже кошки и собаки наши гумористы: у

насъ есть небольшое, толстое твореніе въ родѣ собакъ, которое при каждомъ ударѣ въ колоколъ пускается бѣгать около наружныхъ дверей, и поднявши носъ къ верху, визжитъ и воетъ самымъ ужаснымъ образомъ. По увѣреніямъ бойкаго Еремея, это происходитъ „отъ чрезвычайно нѣжной организаціи ушей сего животнаго“ — увѣренія сіи подкрѣпляетъ онъ множествомъ ученыхъ доказательствъ, которыхъ никто не понимаетъ; я однакожъ того мнѣнія, что это ничто иное, какъ природная замашка Коклофтовъ, свойственная маленькой собаченкѣ потому, что она ведетъ родъ свой отъ той собачьей породы, которая утверждена въ фамиліи еще со времени блаженной памяти моего дѣдушки.

Эта же вышереченная фамильная любовь къ древностямъ причиною сохраненія въ домѣ нашемъ множества пустыхъ вещей и всякой всячины, разбросанной повсюду, начиная съ кладовой и до погреба: во всякой комнатѣ и каморкѣ, въ каждомъ углѣ расположены треногіе стулья, часы безъ стрѣлокъ, мечи безъ ножней, пуховыя шляпы, изломанные подсвѣчники и зеркальныя рамы съ затѣйливыми, фантастическими нарѣзками изображеній овецъ въ перьяхъ, или птицъ въ волнѣ, и другихъ звѣрей, пользующихся правомъ гражданства только въ твореніяхъ геральдическихъ. — Тяжелые стулья краснаго дерева, стоящіе въ залѣ, оработаны по такому огромному размѣру, что стащить ихъ съ мѣста значило бы

совершить весьма важное предпріятіе; временемъ же случается имъ издавать крайне двусмысленные звуки, когда на нихъ поспѣшно кто нибудь садится. Карнизъ у камина изукрашенъ маленькими позолоченными пастушками: иная изъ нихъ безъ ноги, другая безъ носа. Самый же каминъ сложенъ изъ Голландскихъ изразцевъ, на коихъ представлено въ лицахъ великое множество предметовъ изъ древней всемірной Исторіи, обыкновенно объясняемыхъ добродушнымъ братцемъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ.

Бѣдняжка Еремей бѣгаетъ отъ нихъ, какъ отъ чумы, потому что въ ребячествѣ долженъ былъ въ каждое Воскресенье непремѣнно выучивать наизусть исторію котораго нибудь изъ этихъ изразцевъ и никакъ не смѣлъ отправляться къ товарищамъ своего дѣтства прежде исполненія сего условія: все это было самымъ ужаснымъ мученіемъ для Еремея, который, заучивая послѣдній изразецъ, вовсе забывалъ о первомъ, такъ что ему безпрестанно приходилось начинать сначала.

Мой братецъ Христофоръ имѣетъ удовольствіе пользоваться безпредѣльнымъ уваженіемъ въ домѣ своихъ предковъ, и представляетъ въ полномъ смыслѣ почтеннаго барина на покрой старинный. У него цвѣтущая, веселая физіономія; а ежели вы хвалите его вино и смѣетесь отъ длинныхъ его разсказовъ, тогда и онъ и весь домъ его безъ сомнѣнія къ вашимъ услугамъ.

Первое изъ сихъ условій выполнить не трудно, ибо, сказать правду, вино его дѣйствительно превосходное; чтожъ касается до разсказовъ, которые у него не изъ лучшихъ и почти всегда одни и тѣ же, то, внимая имъ, конечно не льзя бываетъ удержаться отъ позыва къ зѣванію, тѣмъ болѣе, что, кромѣ другихъ разныхъ качествъ, они еще сверхъ того несносно продолжительны. Эта плодовитость братцева особливо мучительна для меня тѣмъ, что я знаю уже наизусть всѣ его исторіи; едва только начинаетъ онъ которую нибудь изъ нихъ пересказывать, какъ въ то же мгновеніе мнѣ вспадаетъ на умъ такая дорога, на которой путешественникъ напередъ уже усматриваетъ конецъ нѣсколькимъ милямъ. Къ великой бѣдѣ всѣхъ знакомыхъ, братецъ Христофоръ одаренъ превосходною памятью, и можетъ, съ самою безчувственною добросовѣстностію, опредѣлить вамъ день, число, имя и обстоятельства вещи. Впрочемъ все это суть только ничтожныя слабости, о которыхъ вспоминаешь не иначе, какъ съ чувствомъ нѣжнаго, почтительнаго сожалѣнія, особливо имѣвши понятіе о полнотѣ его дружелюбнаго и благороднаго сердца. Вамъ чрезвычайно пріятно было бы видѣть, съ какою гостепріимною радостію угощаетъ онъ посѣтителей въ своемъ домѣ: бѣднѣйшій изъ нихъ, переступивъ за порогъ Христофора, долженъ сидѣть съ нимъ рядомъ и пить вино съ нимъ вмѣстѣ. Честные арендаторы изъ окрестностей наше-

го помѣстья любятъ и уважаютъ его: онъ никогда не дастъ пройти имъ мимо, не пожавши дружески руки и не спросивъ о здоровьи и положеніи семейства. Только двоякаго рода людямъ отказываетъ онъ въ своемъ гостепріимствѣ — Французамъ и Демократамъ (*). Братецъ почитаетъ прегрѣшеніемъ противъ добраго воспитанія вести бесѣду съ посѣтителемъ, не снимая шляпы; но ежели за порогъ его переступаетъ Демократъ, тогда слуга Помпей бѣжитъ за шляпою, и Христофоръ, надѣвъ ее на голову, обращается къ своему гостю сухимъ привѣтствіемъ: „чего вы отъ меня хотите, милостивый государь?"

Французовъ братецъ мой весьма не жалуетъ, и твердо увѣренъ, что они дома у себя питаются однимъ только жидкимъ бульономъ и лягушками. Сіе жалкое предубѣжденіе ведетъ начало свое частію отъ одной моей пратетушки, бѣжавшей нѣкогда съ какимъ-то Французскимъ Графомъ, о которомъ въ послѣдствіи разнеслись слухи, будто онъ составлялъ благородную отрасль поколѣнія цырюльниковъ; частію же — отъ небольшой, яркой искры Торизма, пламенѣющей въ потаенномъ уголкѣ его сердца. Онъ всегда былъ ревностный приверженецъ короны и до сихъ поръ все еще крайне досадуетъ на послѣднюю войну Американцевъ съ Англіею, и хоть не обнаруживаетъ досады своей явно, однакожъ празднуетъ

(*) Сочинитель характеризуетъ Сѣверо-Американцевъ.

день рожденія Короля, приглашая къ обѣду немногихъ единомышленныхъ друзей и угощая ихъ гораздо получше обыкновеннаго. Однажды въ приливѣ сердечной откровенности онъ далъ мнѣ замѣтить, что зеленый горохъ однимъ мѣсяцемъ поспѣваетъ позднѣе; съ того времени, какъ растетъ при новомъ правительствѣ. Впрочемъ ничто столько не доказываетъ привязанности его къ старинѣ, какъ однодавнишнее путешествіе въ Галифаксъ для того единственно, чтобы послушать въ тамошней церкви молитву за Короля, какая и у насъ нѣкогда была въ обычаѣ. Онъ, правда, въ этомъ не очень охотно сознается; однакожь я знаю это невѣрное.

Не льзя довольно надивиться, встрѣтивши человѣка, который, самъ будучи охотникомъ до длинныхъ разсказовъ, обнаруживаетъ притомъ чрезвычайную привязанность къ другому, одержимому тою же страстію: это случилось однакожь съ моимъ старичкомъ-братцемъ; — первый его любимецъ и пріятель-собесѣдникъ есть Виль Вигардъ. Особа эта, будто членъ нашей фамиліи, сидитъ обыкновенно предъ каминомъ, упершись ногами въ мѣдную рѣшетку; куритъ цигарку, и въ продолженіе цѣлаго вечера прядетъ ужасно длинныя росказни о своихъ путешествіяхъ, — къ великому удовольствію стараго Лорда и Леди, особливожь обѣихъ молодыхъ Леди, внимающихъ ему при безчисленныхъ возгласахъ: „о небо! возможно ли? и пр.“

Миссъ Коклофты — да простятъ онѣ меня, что не познакомилъ ихъ доселѣ съ читателями — суть двѣ чрезвычайно интересныя особы. Старшая, Варвара, давно уже отказалась отъ разыгрыванія роли красавицы, принявъ на себя болѣе сообразный съ лѣтами и благоразумiемъ характеръ, постояннаго, воздержнаго, опредѣлительнаго, табаконюхающаго творенія. У ней душа самая кроткая, которую мнѣ однажды только довелось видѣть въ волненіи: это случилось именно въ ту минуту, когда ея любимецъ при ней поцѣловалъ руку у одной миленькой дѣвочки — впрочемъ она разсердилась въ то время, какъ увѣряетъ, единственно потому, что поступокъ сей могъ быть вреденъ ребенку. Ея сестрица Мергеръ или Мегги, какъ обыкновенно называютъ ее на домашнемъ нарѣчіи, имѣла, по видимому, намѣреніе все еще по прежнему предъявлять права свои на роль юной красавицы; но за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ дѣла пошли иначе. Говорятъ, что до ней долетѣли слухи, будто одинъ изъ господчиковъ замѣтилъ когда-то при случаѣ, что она слишкомъ быстро увядаетъ: съ тѣхъ поръ Мегги возненавидѣла общества, взяла въ особенное покровительство кошку и въ пылу гнѣва поноситъ заносчивость молодыхъ дѣвушекъ. Съ этой же минуты и я включилъ ее въ рядъ устарѣлыхъ красавицъ.

Между тѣмъ молодыя Леди наши все еще продолжаютъ быть предметомъ исканій полдюжины обветшалыхъ волокитъ, быв-

шихъ въ ходу и въ тонѣ большаго свѣта еще въ эпоху дѣтства Миссъ Коклофтовъ, но претерпѣвшіе въ послѣдствіи отъ руки времени (которая, сказать мимоходомъ, все можетъ дать намъ, кромѣ молодости) чрезвычайно великія поврежденія. Однакожь, вопреки всему этому, они ни какъ не перестаютъ рачительно заботиться о благоволеніи женщинъ, бросаютъ на нихъ почтительные, нѣжные взгляды, и молодымъ красавицамъ напѣваютъ тѣ же самыя медоточивыя фразы и обсахаренныя нѣжности, какія нѣкогда со всею расточительностію нашептывали въ уши ихъ матушкамъ.

При семъ случаѣ я покорнѣ прошу замѣтить, что въ описаніи моемъ отнюдь не имѣю въ виду застарѣлыхъ холостяковъ; напротивъ, я готовъ даже утверждать, что послѣ прекрасной женщины, послѣ этаго *non plus ultra*, застарѣлый холостякъ есть привлекательнѣйшее твореніе въ мірѣ, потому что онъ, проводя дни свои въ блаженномъ одиночествѣ, дѣлаетъ только то, что доставляетъ утѣху ему самому и другимъ: при небольшомъ запасѣ ума, въ немъ никогда не будетъ недостатка въ причудахъ, странностяхъ и закоренѣлыхъ привычкахъ, безъ которыхъ мущина, по моему, то же, что бифштекъ безъ горчицы, твореніе, пригодное къ тому только, чтобъ доставать для дамъ ложи въ театрѣ, служить у нихъ на посылкахъ, разыгрывать роль печной заслонки въ театральныхъ сви-

даніяхъ, или родъ зонтика на улицахъ. Я веду здѣсь рѣчь единственно о тѣхъ устарѣлыхъ молодчикахъ, которые держатъ въ осадѣ публичныя гулянья; натыкаются въ каждомъ закоулкѣ по улицамъ на дѣвушекъ и выступаютъ повсюду, впереди, ззади и около модныхъ красавицъ, привѣтствуя ихъ; вмѣсто юношескаго веселія и шутокъ, одними кривляньями, ужимками и заучеными остротами. Мнѣ удавалось иногда смотрѣть и любоваться, какъ усиливался какой нибудь изъ сихъ *достопочтенныхъ юношей* превратить свои окоченѣлыя чувства во что-то схожее съ любовью, тогда какъ солнечный свѣтъ красоты дѣйствовалъ на грубую кору его сердца: я всегда въ такихъ случаяхъ мысленно воображалъ себѣ старую муху, которая силится пролетѣть къ свѣту сквозь стеклянную раму и никогда не подлетаетъ къ нему такъ близко, чтобъ погрѣться, или хоть бы подпалить крылышки.

Въ фамиліи нашей господствуетъ самое совершенное единомысліе: ежели который нибудь изъ членовъ прибавитъ къ старымъ еще новую бредню, то всѣ прочіе тотчасъ побредутъ за нимъ, какъ дикіе гуси, по порядку въ одну линію. Такъ какъ фамилія, прислуга, лошади, собаки и кошки жили и состарѣлись всѣ вмѣстѣ, то и привычки ихъ тѣсно породнились между собою: хотя каждый изъ нихъ отдѣльно напичканъ въ свою очередь странностями, причудами, замашками и т. д., однакожъ это ни сколько не мѣшаетъ имъ согласовать-

ся по своему другъ съ другомъ и все въ томъ же числѣ прямыхъ линій. А ежели, на бѣду, случится кому нибудь изъ нихъ сбиться съ обыкновеннаго тону, то отъ сего бываетъ то же, что отъ разстроенной скрыпицы — весь концертъ приходитъ въ замѣшательство: на челѣ каждаго изъ домашнихъ нашихъ появляется облако и даже старыя креслы кряхтятъ тогда *affectuoso*. Если мой братецъ (что впрочемъ случается не рѣдко) обнаруживаетъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, симптомы досады или неудовольствія, то его до смерти начинаютъ терзать вопросами, неимѣющими никакой другой цѣли, кромѣ желанія доказать доброе благорасположеніе спрашивающаго и взбѣсить вопрошаемаго: ибо всякому извѣстно, до какой степени можетъ раздражить насъ нелѣпый вопросъ: *что съ вами?* когда мы и самимъ себѣ не въ состояніи бываемъ отдать въ этомъ отчета. За нѣсколько времени предъ симъ старикъ нашъ возвратился домой, встревоженный и бурный: идучи по корридору, онъ тычкомъ спихнулъ съ дороги бѣднаго Цезаря (собаку), съ гнѣвомъ швырнулъ шляпу свою на столъ, схватилъ табакерку и взялъ изъ нея три огромныхъ напойки табаку, а четвертую бросилъ въ глаза кошкѣ, садясь у камина. Тутъ со всѣхъ сторонъ посыпались на него вопросы. Миссъ Коклофтъ безпрестанно и быстро разъ за разомъ повторяла свои всегдашнія привѣтствія: „*Милый! душинька!*" Молодыя Леди помѣстились по краямъ кре-

сла; Еремей оставался въ резервѣ. Притащилась вся домашняя челядь: собака, фыркая, вздернула носъ свой къ верху, все спрашивало, принимало участіе, утѣшало. Послѣ самыхъ ласковыхъ разспросовъ со стороны всѣхъ обитателей дома, оказалось, что братецъ, переходя черезъ улицу, замаралъ свои шелковые чулки по милости проѣхавшей мимо его кареты, въ которой сидѣлъ господинъ, снабжавшій нѣкогда нашу фамилію печеньями и бѣлымъ хлѣбомъ. Миссъ Коклофтъ подняла глаза, а молодыя Леди свои носики: за симъ послѣдовала бесѣда объ назойливости попавшей въ знать черни и пошлой низости такъ называемыхъ Жентлеменовъ и Леди, дѣлающихъ визиты къ знакомымъ своимъ неиначе, какъ въ каретѣ, хотябъ они жили отъ нихъ не далѣе какъ чрезъ два дома, и забывающихъ старыхъ своихъ пріятелей — бесѣда сія, говорю вамъ, былабъ поучительна и забавна для всякаго, ктобъ ее подслушалъ.

Мой дядя Джонъ.

Кто по привычкѣ къ размышленію разрѣшилъ уже нѣсколько загадокъ своего духа, и кому ежедневныя житейскія заботы оставили еще столько свободныхъ минутъ, чтобъ отдать самому себѣ отчетъ въ собственныхъ чувствованіяхъ; тотъ безъ сомнѣнія знаетъ, что для насъ настоящее есть время воспоминанія. Цвѣты, вѣяніе вѣтерка, пѣсни соловья весною, послѣ

грустно-долгаго отсутствія возвращаясь снова, пробуждають конечно въ воспоминаніи нашемъ минувшее время и давно забытыя чувства; шопотъ мрачно-тѣнистой аллеи слышится фантазіи нашей точно также, какъ сладкіе звуки отсутствующихъ друзей, надолго разлученныхъ съ нами суровымъ жребіемъ. Въ такія минуты взоръ нашъ, полный желанія и грустный, обращается ко днямъ бывалой юности и къ тѣмъ веселымъ товарищамъ, кои нѣкогда вмѣстѣ съ нами вступили на дорогу жизни, но на половинѣ пути, увлеченные обольстительными надеждами, повернули въ сторону и такимъ образомъ навсегда отъ насъ сокрылись. Почти то же бываетъ и въ тяжкіе часы скорби, при потерѣ стариннаго друга и незабвеннаго товарища — милая тѣнь его паритъ тогда надъ нами, память его добродѣтелей тягчитъ сердце и тысячи усладительныхъ воспоминаній снова оживотворяютъ для насъ давно забытыя радости и удовольствія жизни.

Сіи размышленія напоминаютъ мнѣ дядюшку моего Джона. Я разскажу вамъ теперь исторію его любви и злоключеній.

Прошло уже пятьнадцать лѣтъ со времени послѣдняго свиданія моего съ дядею въ собственномъ его ветхомъ жилищѣ. Въ самую минуту моего прибытія онъ читалъ газеты — тогда было время выборовъ, дядюшка же мой всегда считался жаркимъ федералистомъ и на своемъ вѣку довольное число людей обратилъ къ

истинному пути въ политическомъ образѣ мыслей; особенно потрудился онъ въ семъ отношеніи надъ однимъ старикомъ арендаторомъ, который постоянно предъ каждымъ выборомъ переходилъ къ противной партіи, единственно для того, чтобъ дядюшкѣ подать случай увѣрить его въ заблужденіи и эту увѣренность увѣнчать какимъ нибудь значительнымъ подаркомъ.

Покончивъ толки наши о дѣлахъ наших и совершивъ поклоны, которые слѣдовало мнѣ отдать обветшалымъ фамильнымъ хроникамъ на кухнѣ — вѣжливость необходимая — старикъ обратился ко мнѣ съ сердечнымъ самодовольствіемъ: „Ты безъ сомнѣнія, братецъ, охотникъ ловить форелей: дѣло доброе, и я уже объ этомъ распорядился; но прежде надобно намъ сдѣлать съ тобою небольшую прогулку и полюбоваться моими улучшеніями.“ Я принужденъ былъ согласиться, хотя и зналъ, что дядюшка не приведетъ меня ни къ чему доброму и что мнѣ доведется увидѣть какое нибудь гноище или лужу.

Не смотря на многолѣтнее мое отсутствіе, наружный видъ ландшафта нисколько не измѣнился и каждый предметъ сохранилъ тѣ же черты, какія имѣлъ еще въ бытность мою школьникомъ: здѣсь, на этомъ клочкѣ земли, я возросъ въ плотской немощи и въ прегрѣшеніяхъ страсти. Ручей, или рѣка, какъ назвали бы его въ Европѣ, все еще по прежнему журчалъ въ привычномъ спокойствіи по луговинѣ,

и берега осѣнялись, какъ прежде, водяными ивами, склонившимися къ его поверхности. То же самое эхо отзывалось въ долинѣ, тоже тихое, безмятежное спокойствіе наполняло всю окрестность. Даже и въ добромъ моемъ дядюшкѣ я почти не нашелъ никакой перемѣны, выключая небольшой сѣдины въ волосахъ и отсутствія прежней веселости на челѣ. Впрочемъ онъ сохранилъ всю свою дѣятельность и смѣялся надъ затрудненіемъ, какое я находилъ слѣдовать за нимъ и пробираться, подобно ему, между кустами и терновникомъ, внимая безконечные толки и разсказы, гдѣ и какъ, и что намѣренъ онъ устроить. Наконецъ, показавши мнѣ свои новые *зубы* своего знаменитаго двухгодовалаго приплоднаго быка, онъ заблагоразсудилъ воротиться домой и пообѣдать.

После стола и благодарственной молитвы — вовсе не для церемоніи, но какъ изліяніе сердца — дядюшка раскрылъ свой кошель, вынулъ рыболовные снаряды, и не говоря ни слова, поспѣшно отправился въ путь такими истинно страшными шагами, какими нѣкогда угрожалъ дѣдушка Нептунъ, собираясь присутствовать на в о й н ѣ Троянской. Ловля форелей составляла любимое занятіе дядюшки, и хоть я всегда успѣвалъ ловить двухъ, прежде нежели ему удавалось овладѣть только однимъ, однакожъ онъ ни за что не соглашался уступить мнѣ преимущества въ этомъ благородномъ искусствѣ, а старался напротивъ выдать сіе

обстоятельство за какой нибудь непостижимо удивительный феноменъ.

По окончаніи охоты мы пошли прогуливаться и, слѣдуя по теченію ручья, разсказывали другъ другу о томъ, что случилось съ каждымъ изъ насъ въ различныя эпохи жизни. То былъ оборотъ часовой склянки времени и возвратное паденіе песочныхъ зеренъ, означавшихъ теченіе годовъ. Мало помалу начинали рости вокругъ насъ тѣни, утихъ южный вѣтеръ и наступила совершенная тишина; между тѣмъ солнце, пробираясь по вершинамъ холмовъ, пропускало въ лучезарномъ блескѣ лучи свои сквозь деревья, и по всей долинѣ распространилось какое-то торжественное спокойствіе, показывавшее намъ, что приближается то время, которое избавляетъ на мгновеніе земледѣльца отъ полевыхъ работъ, вола отъ плуга, школьника отъ азбуки, а пастуха возвращаетъ домой къ его цвѣтущей молочницѣ.

Когда мы въ молчаніи провожали взорами послѣдніе лучи солнца, дядюшка, опершись рукою на одно старое, обрушившееся дерево, сказалъ торжественно печальнымъ голосомъ: „Не знаю почему, только такой вечеръ, такое безмятежно-тихое зрѣлище, какъ это, всегда наводятъ на меня небольшое уныніе: въ подобныя мгновенія я съ грустію воображаю себѣ то время, когда принужденъ буду разстаться со всѣмъ насъ окружающимъ, разстаться съ этимъ помѣстьемъ, гдѣ я былъ молодъ и со-

старѣлся, гдѣ каждый предметъ дорогъ мнѣ по долговременному съ нимъ знакомству. Я не боюсь смерти, ибо надѣюсь оставить за собою добрыя дѣла, гораздо посущественнѣе тѣхъ, какія будетъ разсказывать моя надгробная, и утвердить о себѣ память, прочнѣе церквей и госпиталей, воздвигнутыхъ цѣною сокровищъ, которыя развратъ или безчувствіе, можетъ быть, отторгли или похитили у бѣдности; — и однакожь при всемъ этомъ, въ подобныя минуты и при видѣ такого зрѣлища, я никакъ не могу подавить въ себѣ желанія еще хоть сколько нибудь побродить въ сей мирной юдоли, насладиться хотя немного свѣтомъ здѣшняго солнца и еще однажды половить съ тобою рыбы.“ По окончаніи сей рѣчи, онъ приподнялъ нѣсколько руку съ обрушившагося дерева, тихо опустилъ ее на одну сторону, взглянулъ на небо и обратился къ дому. Чувства, взоръ, движеніе — все казалось у него тогда пророческимъ. И это дѣйствительно такъ было: ибо на другой день утромъ мы съ нимъ простились и пожали другъ другу руку — въ послѣдній разъ.

Онъ былъ шестидесяти трехъ лѣтъ и умеръ холостякомъ, не смотря на то, что во все продолженіе своей жизни дѣлалъ попытки жениться и почти всегда почиталъ себя близкимъ къ цѣли своихъ желаній. Впрочемъ неудачи въ послѣднихъ отнюдь не льзя отнести къ худому образованію его души или къ отвратительной наружно-

сши: въ молодости называли его красавцемъ; а что касается до сердца, то я готовъ побожиться, что оно было такъ хорошо, какъ самое лучшее когда-либо образованное небомъ. Бѣдность также не могла быть причиною его одиночества, ибо онъ пользовался довольно значительными доходами. Если сказать правду, такъ дѣло состояло собственно въ томъ, что дядюшка имѣлъ непреодолимое отвращеніе предпринимать что-либо въ торопяхъ. — „Мущина," говорилъ онъ мнѣ однажды, „долженъ постоянно имѣть въ соображеніи, что ему всегда легко бываетъ найти себѣ жену, но не легко отъ ней отвязаться. Что касается до меня," продолжалъ онъ „то я еще молодъ (ему было тогда подъ сорокъ) и твердо рѣшился на все зорко оглядываться, все здраво обдумывать и еще до женитьбы хорошенько навѣдать обо всемъ, что меня поджидаетъ; короче, я не намѣренъ ничего дѣлать въ торопяхъ, въ этомъ, братецъ, будь увѣренъ." Онъ дѣйствительно поступалъ сообразно сему водорному правилу: начиналъ съ молодыхъ дѣвущекъ, и оканчивалъ вдовами; волочился за первыми до тѣхъ поръ, пока онѣ выходили замужъ, или становились старыми дѣвами, а вдовушки, обыкновенно не очень терпѣливыя, всегда послѣ траура успѣвали находить себѣ жениховъ, и тогда, какъ мой добрый дядюшка только что готовился взлетѣть на вершину счастія, онѣ выходили за молодыхъ людей, не чувствовавшихъ, подобно ему,

великаго отвращенія дѣлать что-либо въ торопяхъ.

Такія непріятности, безъ сомнѣнія, могли бы огорчить дядюшку — ибо въ немъ не было недостатка въ чувствительности — еслибъ онъ не открылъ чего-то такого, что снова мирило его съ ними. Будучи немножко суетнымъ и потакая высокомѣрію, которое составляло отличительную черту въ его характерѣ, онъ утѣшалъ самаго себя, разсказывая торжественно пріятелямъ, что „ему легко былобъ одержать надъ нею побѣду.“ —

Дядюшка слыхивалъ о невѣроятномъ множествѣ женатыхъ мужей, и начиталъ въ безчисленныхъ книгахъ, что мущина можетъ быть счастливъ только въ брачномъ состояніи: и такъ онъ рѣшился наложить на себя узы брака сколько можно ранѣе, дабы поскорѣе удостоиться быть участникомъ въ этомъ единственномъ правѣ на благополучіе. Въ слѣдствіе сего онъ приволокнулся въ сосѣдствѣ за дочерью одного почтеннаго арендатора, которой прелести приводили въ восторгъ весь околодокъ. Но не однѣ только прелести отличали эту юную дѣвицу: надобно знать, что она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ городѣ въ одномъ учебномъ заведеніи и научилась тамъ рисовать по бархату, и малевать овечекъ, которыхъ можно было почитать волками; умѣла держать прямо голову, сидѣть вытянувшись на стулѣ и всѣ роды полезныхъ знаній почитала недостой-

ными своего вниманія. Возвратившись домой, она совершенно позабыла все, что знала прежде, такъ, что, увидѣвъ однажды, какъ женщина доила корову, она спросила отца своего съ очаровательнымъ невѣдѣніемъ: „Что дѣлаетъ это странное твореніе съ этимъ чуднымъ животнымъ?" Старикъ покачалъ головою; но мать въ такой степени восхитилась подобнаго рода образованіемъ и такъ влюбилась въ таланты своей дочери, что одну картину молодой Леди въ самомъ дѣлѣ вывѣсила въ рамкѣ. Она изображала сцену на могилѣ изъ-Ромео и Юліи: Ромео представленъ былъ въ плащѣ, ранжеваго цвѣта, укрѣпленномъ около шеи широкимъ золотымъ снуркомъ; въ бѣломъ отласномъ камзолѣ, въ лосинныхъ панталонахъ, въ голубыхъ шелковыхъ чулкахъ и въ сапогахъ съ бѣлою вышивкою. Прелестная Юлія блистала въ одеждѣ огненнаго цвѣта, усѣянной огромными серебряными звѣздами; на головѣ величественно воздымался кисейный чепчикъ, достигавшій до самой верхушки могильнаго свода; на ногахъ красовались башмаки съ длинными острыми носками, а ея талья была точь въ точь *fac simile* сахарной головы, обернутой вверхъ ногами.

Въ сію-то, во всѣхъ отношеніяхъ совершенную молодую Леди, дядюшка мой влюбился по уши, и какъ она была еще первымъ предметомъ его страсти, то онъ воображалъ себя въ то время на верху блаженства. По крайней мѣрѣ въ двѣ недѣ-

ли разъ, и обыкновенно въ Воскресенье вечеромъ, онъ натягивалъ на себя кожаныя рейтузы (онъ былъ великой щеголь), взлѣзалъ на сѣрую свою лошадь, прозванную Поппером, и отправлялся со двора поглядѣть на Миссъ Палему, жившую отъ него на полчаса разстояніемъ. Миссъ Палема, разумѣется, не могла оставаться равнодушною къ такимъ доказательствамъ нѣжной привязанности, и потому принимала его съ примѣтнымъ удовольствіемъ; — ея маменька всегда выходила изъ комнаты при его появленіи. — Наконецъ дядюшка почти формально объяснился, сказавъ ей однажды вечеромъ весьма значительно, „*что онъ надѣется вскорѣ перемѣнить свое положеніе*;“ но, спустя немного времени, не извѣстно почему, онъ забралъ себѣ въ голову, что поступаетъ слишкомъ торопливо, и что теперь настоящая пора поразмыслить объ этомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ: онъ размышлялъ объ нёмъ около мѣсяца безпрестанно, и кто знаетъ, какъ далеко провелъ бы онъ еще нить своихъ сомнѣній, еслибъ случайно не былъ пробужденъ изъ своего невѣдѣнія извѣстіемъ, что его Леди вышла замужъ за одного Адвокатскаго писаря, котораго увидѣла въ прошедшее Воскресенье въ церкви, гдѣ онъ удостоенъ былъ одобреніемъ отъ всего околодка за особливое благоговѣніе, съ какимъ прислушивался къ Голландской проповѣди. Молодежъ изъ всей окрестности больно насмѣхалась послѣ этаго надъ дядюшкою; но

онъ, преважно вздернувъ плечми, принималъ на себя многозначущую физіономію и обыкновенно говаривалъ: *„Полно-те, братцы!“ мнѣ вѣдь не трудно было бъ овладѣть ею.“*

Комната, въ которой я теперь живу, была нѣкогда комнатою моего достопочтеннаго дядюшки; еще многое кой-что припоминаетъ здѣсь о прочной изящности и любезныхъ натяжкахъ этаго чопорнаго стараго барина. Надъ каминомъ виситъ портретъ молодой дамы, въ длинномъ голубомъ шелковомъ платьѣ; цвѣтовъ и локоновъ ни сколько не жалѣли на картинѣ; въ одной рукѣ она держитъ книгу, которую самымъ привлекательнымъ образомъ оставляетъ въ небреженіи съ тѣмъ, чтобъ обернуться къ зрителю и подарить его улыбкою. Въ другой рукѣ видны цвѣты: къ чести матери-природы, я думаю, что они обязаны своимъ существованіемъ непосредственно фантазіи живописца. Вдали привязано что-то такое на голубой лентѣ: собака ли, обезьяна, или голубь — предоставляю разрѣшить будущему истолкователю. — Эта крошечная дама, какъ говоритъ преданіе, была вторымъ или третьимъ предметомъ вспышки моего дядюшки, и онъ, конечно, убѣжалъ бы съ нею, если бы она на то пустилась: но онъ ни какъ не могъ согласить ее на такой подвигъ, ибо дѣвушки того времени не всегда легко позволяли похищать себя, какъ Коломбину. Дядюшка, испытавшій неудачи во всѣхъ своихъ предначертаніяхъ, напалъ подъ конецъ на весь-

ма благоразумную мысль и похитилъ портретъ Леди, который въ торжествѣ привезъ въ фамильный домъ Коклофтовъ и повѣсилъ въ спальнѣ, какъ памятникъ предпріимчивости своего духа,

Старичокъ чрезвычайно чванился симъ рыцарскимъ маневромъ: разсматривая картину, онъ всегда улыбался, поднималъ свою палку вверхъ и никогда не пересказывалъ сего похожденія безъ того, чтобъ не прибавить: „*Я безъ сомнѣнія могъ бы похитить и самый оригиналъ, когдабъ только захотѣлъ хоть сколько нибудь идти въ слѣдъ за ея побѣдной колесницей; — отдавая всю справедливость этой дѣвицѣ, я долженъ признаться, что она была ко мнѣ не равнодушна — но скажу тебѣ, братецъ! для меня всегда казалось унизительнымъ ласкательство — да! всегда — таковъ уже мой нравъ.*“ —

Дядюшка Джонъ имѣлъ весьма счастливый характеръ: я отдалъ бы половину своего имѣнія за то только, чтобъ обладать его талантомъ — утѣшать самаго себя.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Объ Эпической Поэзіи (*).

Вообще всякая Поэзія, какъ доказываетъ намъ древнѣйшая Исторія образованнѣйшихъ народовъ, въ началѣ своемъ по не-

(*) Сія статья заимствована изъ Эстетики Вахмана, которая уже переведена и скоро будетъ отпечатана.

обходимости иносказательна и баснословна: ибо взоръ на природу мертвый (обыкновенный) каждую вещь показываетъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется нашимъ чувствамъ,—неизмѣняемою, опредѣленною, неподвижною *цѣлостію*; живое созерцаніе, напротивъ, являетъ намъ все въ безпрерывномъ произрожденіи и стремленіи, убѣждая притомъ, что настоящая сущность вещей заключается не въ наружной ихъ формѣ, но въ пребывающемъ въ нихъ дѣятельномъ духѣ.

Чрезвычайно удивительно въ самомъ человѣкѣ соединены вещество (тѣло) и духъ. Первое обнаруживаетъ себя прежде всего, какъ чистое ощущеніе, какъ преданность предметамъ внѣшнимъ; духовное — какъ самочувствіе, какъ чистое самосознаніе. Человѣкъ непредубѣжденный, будучи увлекаемъ внутреннею, непреоборимою силою чудеснаго естества своего, теряется добровольно и охотно въ окружающемъ его мірѣ, съ тѣмъ, дабы, познавъ его, научиться достойнымъ образомъ понимать и чтить самаго себя. Какъ ребенокъ все движимое почитаетъ живымъ, такъ онъ все въ природѣ почитаетъ одушевленнымъ, и открывая повсюду силы, далеко превышающія его собственныя, и побѣжденный ими, онъ мыслію обращается къ самому себѣ и покорствуетъ предъ всемогуществомъ природы и неизвѣстными ему силами. Сіе чувство собственной слабости въ сравненіи съ природою; открытіе великихъ, свыше истекающихъ дѣйствій, которыхъ причины

остались для него неизвѣстными, сіе чувство возбудило въ немъ предчувствіе вѣчнаго духа міра, и оно же есть начало религіи, — сего непреложнаго закона о бытіи Божіемъ, запечатлѣннаго неизгладимыми чертами во глубинѣ сердца человѣческаго! —

Убѣжденный въ существѣ вѣчнаго духа міра, т. е. человѣкъ вѣрующій, пока холодный разсудокъ не заглушилъ еще въ груди его живѣйшихъ чувствованій страсти, находитъ въ природѣ вездѣ слѣды сего высочайшаго духа, усматривая на всѣхъ твореніяхъ оной печать и признаки божественности. Такъ, по мѣрѣ количества таинственныхъ силъ природы, разлагается для него цѣлый міръ на множество отдѣльныхъ боговъ, и отсюда же, при содѣйствіи творческой фантазіи, ведетъ свое начало *Миѳологія*. Многоразличное бореніе стихій, образовавшихъ въ природѣ, взаимностію вліянія своего другъ на друга, порядокъ, равновѣсіе и красоту, представляемо было въ образѣ войны первобытныхъ боговъ-исполиновъ, изъ которыхъ иные были обременены оковами, другіе, раздѣливъ между собою царство міра, оставались спокойными обладателями онаго. По разсѣяніи мрака, покрывавшаго землю, и по прошествіи первыхъ временъ, боги сіи жили уже блаженно въ небесномъ спокойствіи, среди забавъ и пѣнія — любовь господствовала между ними. Они раждали другихъ боговъ, и наконецъ образовали изъ

себя великое племя, соединенное тѣснѣйшимъ союзомъ согласія. Сіи же боги творили людей, и въ рѣшительномъ совѣтѣ опредѣляли жребій смертнаго, никакою силою неизмѣняемый, ибо и сами они зависѣли отъ воли всеправящаго жребія, котораго предопредѣленіе извѣстно было только божеству первенствующему, не отступавшему впрочемъ отъ сего предвѣчнаго закона. Боги, какъ обладатели міра, вмѣшивались всѣми способами въ дѣла человѣческія, такъ, что ничего не могло случиться безъ особеннаго со стороны ихъ участія; они являлись смертнымъ въ многоразличныхъ видахъ, легко предавались гнѣву и столь же быстро обращались къ милости; любили и охраняли одного, ненавидѣли и преслѣдовали другаго. Такимъ образомъ все было относимо къ богамъ; вездѣ, гдѣ только разумъ обрѣталъ трудности, являлся вспомоществующій богъ и разрѣшалъ недоумѣніе.

Всѣ усилія людей, ихъ подвиги великіе и прекрасные, исполнялись при содѣйствіи какого-либо бога: такъ героической вѣкъ рода человѣческаго непосредственно совокупился съ первобытною бранею боговъ за обладаніе міромъ, — вѣкъ, отличавшійся многоразлично-великими дѣяніями героевъ, которые иногда противустояли даже самимъ богамъ. Слава ихъ дѣяній пронеслась по временамъ послѣдовавшимъ; непосредственно изъ религіи образовалось живое, священное преданіе народа, переходившее изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣ-

нія къ другому: являлись пѣвцы вдохновенные и воспѣвали отдѣльные подвиги того времени; ихъ простое пѣніе, сопровождаемое кроткими звуками лиры, восхищало сердца слушателей, воспламеняя души любовію ко всему великому и прекрасному, къ чистому и свѣтлому почитанію боговъ безсмертныхъ. Такимъ образомъ въ продолженіе времени размножились и составились многія пѣснопѣнія; а наконецъ поэтъ, обладающій силою духа, соединилъ сіи отдѣльные гласы въ одну постоянную форму искусства и совокупилъ ихъ въ прекрасное гармоническое цѣлое. Таковъ у Грековъ былъ Гомеръ, и таково происхожденіе *Героической Эпопеи.* Гомеръ былъ соединительное звѣно сихъ пѣсней, и только одна часть оныхъ принадлежала собственно ему; творцами же прочихъ былъ цѣлый рядъ поэтовъ, или школа Поэзіи. Отъ того понятно намъ, съ одной стороны, чрезвычайное сходство пѣсней въ цѣломъ, а съ другой, различіе характера оныхъ и вообще способа изложенія.

И такъ древнѣйшая форма Греческой Эпопеи есть *Героическая.* Происхожденіе Эпопеи относится ко временамъ, ближайшимъ къ вѣку героевъ; отъ того содержаніе оной заимствуется изъ прошедшаго: это живое, въ одно цѣлое соединенное народное преданіе. Слѣдовательно, если Эпопея долженствуетъ быть поэзіею народа и оказывать великое вліяніе на его характеръ, то основаніемъ оной должно быть басно-

словіе народа, или отечественная исторія, подобно пѣснямъ Гомеровымъ; ибо подвиги героевъ Гомеровыхъ суть подвиги Грековъ, совершенные знаменитыми предками, такъ сказать, предъ взорами отечества и при содѣйствіи тѣхъ самыхъ боговъ, которымъ вездѣ воскурялись жертвы и во всемогуществѣ которыхъ никто еще не сомнѣвался. Эпопея, какъ усовершенствованное, живое народное преданіе, заимствуя содержаніе свое изъ временъ отдаленныхъ, есть *повѣствовательна*; но какъ повѣствованіе само по себѣ бываетъ различнаго характера, иногда страстное, чувственное и т. д., и допускаетъ посему возможность какого-либо противорѣчія въ отношеніи къ предмету, то по сей причинѣ весьма неопредѣленно было бы называть Эпопею просто повѣствованіемъ. Гораздо приличнѣе будетъ для ней слѣдующее опредѣленіе: *Эпическая поэзія есть спокойное представленіе прошедшаго, какъ будто настоящаго, предъ нашими взорами движущагося; характеръ же оной — присутствіе духа и ясность.*

Предметъ Эпопеи — времена прошедшія: и такъ цѣлый безконечный міръ, гдѣ все, какъ высочайшее, такъ и видимое незначительное, мирно пребываютъ одно подлѣ другаго. Эпопея подлежитъ сравненію съ безпредѣльнымъ пространствомъ, или съ самою природою; какъ въ природѣ, вмѣстѣ съ твореніями высокими и сильными, развивается жизнь тихая и кроткая, и малѣйшее насѣкомое одинаково наслаждает-

ся прелестію бытія своего, такъ поэтъ эпической въ пѣсняхъ своихъ развиваетъ цѣлый міръ, въ которомъ все, и великое и ничтожное, равно имѣютъ для себя пространство, гдѣ случайно сказанное слово, незначительное происшествіе, семейственный случай, находятъ приличное себѣ мѣсто, — подлѣ величайшихъ подвиговъ геройства, среди битвъ и смерти. Отъ того Эпопея по времени безпредѣльна; излагаемое въ ней событіе можетъ ограничиваться однимъ днемъ, или продолжиться на многіе годы, лишь бы въ самомъ твореніи каждыя части онаго свободно совокуплялись другъ съ другомъ. Впрочемъ поэтъ непремѣнно долженъ стараться, дабы его произведеніе имѣло легко обозримое пространство, начало, средину и конецъ, чтобы оно изображало одно только дѣйствіе, во всей его полнотѣ и цѣлости. Въ семъ отношеніи Аристотель справедливо одобряетъ Гомера въ томъ, что онъ имѣлъ главною цѣлію не всю войну Троянскую, но только малую часть оной, предоставивъ остальное въ эпизодахъ.

Характеръ Эпопеи есть спокойное представленіе *движущагося преходящаго*, а отнюдь не представленіе *покоющагося* или такъ называемой поэтической картины; напротивъ того самое покоящееся изображается здѣсь какъ бы въ движеніи. По сему въ ней все въ порядкѣ слѣдуетъ другъ за другомъ, каждая пѣснь сама по себѣ образуетъ цѣлое, и ограниченіе являешся только въ признакахъ, буду-

чи противно духу творенія. Подобно барельефу по сторонамъ древняго жертвенника, представляющему на каждой изъ нихъ особенныя группы фигуръ, или въ торжественномъ шествіи ко храму приближающихся, или упражняющихся въ пляскѣ, или украшающихъ вѣнками статую бога, — каждая эпическая пѣснь являетъ нашимъ взорамъ многоразличныя группы людей, то проходящихъ, то отступающихъ, побѣждающихъ или побѣжденныхъ; но всѣ они, будучи близки другъ другу, легко могутъ быть соединенными.

Присутствіе духа и хладнокровіе эпическаго поэта обнаруживается тѣмъ, что, какъ бы сильно герои его ни были обуреваемы порывами страсти, возставая другъ противъ друга, сколь великое ни производило бы дѣйствіе твореніе его на сердца слушателей или читателей, возбуждая въ нихъ къ себѣ участіе, онъ однакоже самъ никогда съ своей стороны того не высказываетъ, но, совершенно чуждый страсти, какъ существо наблюдающее, господствуетъ надъ своими богами и героями, и подобно жребію, безъ отношеній, опредѣляетъ каждому лицу жизнь или смерть. Сіе высокое, неизмѣняемое душевное спокойствіе поэта содѣлываетъ всѣ части его творенія нѣкоторымъ образомъ другъ другу равными, и даетъ каждой изъ нихъ право на представленіе художественное: безъ ухищренія и притязаній, подобно скромному растенію земли, возник-

каешъ одно за другимъ изъ духа пѣвца вдохновеннаго, раскрывая его нѣдра; все объято движеніемъ, но сіе движеніе есть простое, спокойное, въ стопахъ соразмѣрныхъ; нигдѣ нѣтъ остановки, но также нѣтъ и поспѣшности или быстраго прехожденія отъ одного предмета къ другому;—повсюду изящное равновѣсіе, мѣра постояннаго, твердаго характера; все одарено живѣйшимъ соприсутствіемъ настоящаго: ибо поэтъ образуетъ каждое мгновеніе прошедшаго въ такомъ недѣлимомъ характерѣ, какъ будто ни прежде, ни послѣ онаго ничего не происходило.

И такъ единство Эпопеи состоитъ не во времени, по которому она безпредѣльна, но въ дѣйствіи, т. е., представляется одно главное, и притомъ дѣйствіе полное, цѣлое. Слѣдовательно ей необходимо имѣть духовное средоточіе, отъ котораго бы все исходило и къ которому бы все относилось;— а сіе духовное средоточіе цѣлаго есть герой Эпопеи. Но поелику, какъ сказано выше, Эпопея представляетъ полный, безконечный міръ, гдѣ многоразличныя творенія спокойно развиваются другъ подлѣ другаго, то равномѣрно и сей герой не можетъ безусловно обладать цѣлымъ и подчинять его своей власти: онъ самъ есть только высшій членъ сего цѣлаго, или какъ бы возвышенное явленіе природы эпическаго міра, которое хотя силою и величіемъ далеко превосходитъ другія, однакоже наравнѣ съ ними, даже слабѣйшими, подчинено непремѣняемымъ законамъ вселенныя. Отъ того

почти необходимо, для удобнѣйшаго обозрѣнія всѣхъ красотъ произведенія, разнообразія видовъ и положеній, чтобы герой поэмы, какъ находимъ у Гомера, былъ нѣкоторое время въ отдаленіи, частію, дабы, сообразно идеи Эпопеи, и другія лица могли раскрыть свойства своихъ характеровъ и достояніе своего духа, частію же, дабы и самый герой тѣмъ блистательнѣе, и тѣмъ славнѣе выступилъ на поприще дѣйствія. Лице героя даетъ связь и единство творенію; ибо безъ него превратилось бы оное въ неопредѣленный, саморушительный хаосъ, — вмѣсто благоустройства законовъ господствовало бы въ немъ произволеніе: однакоже сей герой не дѣйствуетъ по исключительной свободѣ, но по направленію и вѣчному опредѣленію боговъ. Такимъ образомъ поэтъ, подведя его подъ сей общій жребій, господствующій надъ всѣми, умѣряетъ блескъ его величія, помрачающій другія лица, и даетъ ему возможность способствовать стройности и красотѣ цѣлаго. Отъ того въ Эпопеѣ не проявляется борьба свободы и необходимости, какъ въ драмѣ, человѣкъ не побѣждается жребіемъ, противъ котораго возставалъ всею силою своего духа, но уступаетъ ему добровольно. Воля боговъ есть его собственная воля: по сей же причинѣ въ Эпопеѣ вездѣ порядокъ и полнота; здѣсь нѣтъ упорности въ сопротивленіи, но всеобщее стремленіе способствовать созвучію цѣлаго; поэтъ не находитъ предметовъ для порицанія и жалобы,

ибо все единогласно стройное взаимно помогаетъ другъ другу.

Такъ какъ въ Героической Эпопеѣ все совершается по изволенію боговъ, по направленію и содѣйствію коихъ исполняются великіе подвиги героевъ, то ясно, что чудесное свойственно Эпопеѣ, и какъ въ природѣ тамъ только обнаруживается недоумѣніе или чудо, гдѣ прекращается рядъ естественныхъ причинъ, такъ и въ Эпопеѣ все то чудесно, что содѣлываютъ боги. Далѣе, поелику Эпопея имѣетъ предметомъ прошедшее, требуетъ только единства дѣйствія, а не времени, поелику она объемлетъ цѣлый міръ, и поэтъ съ одинаковымъ чувствомъ сердца представляетъ въ ней и великое и малое, — посему развитіе медленное есть необходимый характеръ Эпопеи. Отсюда извлекаются слѣдующія свойства Эпической Поэзіи: 1е, *Эпизоды*, ибо Эпопея, какъ обширнѣйшая отрасль Поэзіи, представляетъ поэту великое множество предметовъ, изъ коихъ нѣтъ ни одного недостойнаго его творческаго образованія. Отъ поприща дѣяній героическихъ можетъ онъ отдаляться по всѣмъ направленіямъ; надобно только, чтобъ эпизоды его имѣли соотношеніе съ главнымъ дѣйствіемъ, чтобы они непринужденно развивались и терялись въ ономъ. 2. *Рѣчи*. Характеръ рѣчей опредѣляется духомъ Эпопеи: сообразно важности дѣйствія и медленному движенію оной, лица дѣйствующія обнаруживаютъ въ рѣчахъ своихъ такое же спокойствіе духа и разсуди-

тельность, свободно и откровенно выказывая душу и образъ своихъ мыслей. 3. *Уподобленія* и *прилагательныя* или *эпитеты*. Оказывать ко всѣмъ предметамъ равносильное вниманіе, и не только выводить ихъ на поприще дѣйствія, но удѣляя каждому приличный эпитетъ или прилагательное, тѣмъ яснѣе приводить ихъ въ созерцаніе, значитъ сообразоваться съ духомъ Эпопеи. Уподобленія суть тѣ же эпитеты, только въ обширномъ смыслѣ. Поэтъ прибѣгаетъ къ нимъ, какъ къ средству, для доставленія большей самостоятельности предметамъ, по природѣ своей скоропреходящимъ. Между тѣмъ живѣйшее родство Эпопеи и природы доказывается еще и тѣмъ, что первая большую часть своихъ уподобленій заимствуетъ изъ послѣдней. 4. *Языкъ*. Равно какъ въ Эпопеѣ, по причинѣ ея всеобщности, скрываются всѣ прочія формы искусства въ ихъ началахъ, такъ и въ языкѣ Гомера соединяются всѣ роды нарѣчій языка Греческаго. Сей языкъ въ высочайшей степени простъ и естественъ, и отъ того наиболѣе способенъ къ точному означенію высокаго и малаго, а потому Аристотель весьма основательно утверждаетъ, что гекзаметръ есть стихъ самый приличный Эпопеѣ: ибо его спокойное, равномѣрное и мужественное теченіе, такъ какъ и чрезвычайное разнообразіе въ стопахъ отдѣльныхъ, есть — превосходный отблескъ медленнаго развитія и внутренняго богатства Эпопеи.

Героическая Эпопея ближе всего къ временамъ Героическимъ. По прошествіи тѣхъ великихъ подвиговъ человѣчества, все приняло характеръ болѣе мирный, семейственный, гражданскій; нравы и образъ мыслей, искусства и науки, подвинулись впередъ, а все сіе вмѣстѣ имѣло на Поэзію весьма важное вліяніе. Отъ того Одиссея написана совсѣмъ въ другомъ характерѣ, нежели Илліада: ее можнобъ было назвать гражданскою Эпопеею. Здѣсь боги начинаютъ уже постепенно скрываться, и вмѣсто чисто божественнаго появляется волшебство, котораго признаки замѣтны въ Одиссеѣ. Все указываетъ здѣсь на гражданственность и жизнь общественную; и посему Аристотель рѣшительно говоритъ о различіи между Одиссею и Илліадою: онъ именно раздѣляетъ Эпопею вообще на простую, сложную, нравственную и страстную, называя Илліаду *простою* и *страстною*, а Одиссею *нравственною* и *сложною* — поелику завязка и препятствія простираются на все цѣлое, а въ заключеніи разрѣшаются всѣ недоумѣнія.

Христіанская религія разрушила идолопоклонство, на развалинахъ котораго возвысился новый, безконечный міръ; духъ и помышленія человѣчества получили отъ вѣры истинной совсѣмъ иное направленіе, и какъ въ слѣдствіе того музыка, живопись и проч. облеклись въ новый для нихъ характеръ, такъ и Поэзія, при совершенномъ преобразованіи своемъ, ознаменовалась но-

стоянным отношеніемъ къ безконечному и вѣчному. Но божество Христіанъ, безконечное, непостижимо великое, возможетъ ли быть предметомъ художественнаго представленія, подобно ложнымъ кумирамъ древности? — Равно и блаженныя существа Ангеловъ, составляя цвѣтъ творенія Всемогущаго, какъ природа изящная, очищенная отъ страстей, могутъ ли быть введены въ область Эпопеи въ качествѣ лицъ дѣйствующихъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ имъ надобно бъ было имѣть опредѣленно-отличительный характеръ? — Недоразумѣніе чудеснаго у Гомера и мнимо-необходимое участіе существъ свыше-человѣческихъ, возродили въ новѣйшія времена самовольно изобрѣтенныя миѳологіи, холодныя аллегоріи, неприличные, грубые вымыслы всѣхъ родовъ и пр. Отъ того разсказъ эпическій потерялъ спокойствіе, силу и равномѣрный ритмосъ; самое же изложеніе облеклось великолѣпіемъ и важностію, рѣчи содѣлались мимическими, страстными и лирическими, да и весь характеръ Эпопеи превратился въ искуственный и надутый, ибо не щадили никакихъ способовъ искусства къ преувеличенію предмета и къ обнаруженію въ себѣ живѣйшаго въ немъ участія.

Между тѣмъ въ эпоху существованія рыцарства вѣковъ среднихъ религія, поэзія и вообще вся жизнь получила болѣе возвышенное направленіе. Рыцари, при всей зависимости отъ Папизма и безотчетнаго

суевѣрія, обладали величайшею свободою и мужествомъ; законами ихъ были: благотворительность, покровъ и опора беззащитнымъ и слабымъ; а возвышенная любовь и почтеніе къ женскому полу, и страсть къ приключеніямъ одушевляли все существо ихъ самымъ страннымъ и мечтательнымъ образомъ — что однакоже весьма благопріятствовало Поэзіи. Сей духъ рыцарства послужилъ началомъ особливому Миѳу чудныхъ приключеній, происшедшему отъ приключеній и подвиговъ рыцарей, и вотъ гдѣ начало — *Романтической Эпопеи или Рыцарскаго вымысла.* Такъ какъ предметъ оной болѣе произвольный и чисто человѣческій, т. е. отдѣльный отъ божественнаго и заимствованный отъ временъ позднѣйшихъ; посему очевидно великое различіе между собственно Героическою и Романтическою Эпопеями. Хотя въ послѣдней и находимъ благоразумную ясность, отличную зрѣлость бытія внѣшняго, живую самостоятельность дѣйствительной жизни и чрезвычайную чувственную силу, однакожъ все прочее образовано въ ней мечтательно и при видимомъ вліяніи искусства смѣшано одно съ другимъ: шуточное и важное, восторгъ и иронія, взаимно смѣняются, — и если Эпопея Гомера, въ простотѣ своей, подобна безъискуственному, но первоначально-сильному гласу народа, всегда для насъ усладительному, то Эпопея Романтическая, напротивъ, можетъ быть уподоблена обширному музыкальному вымыслу, кото-

рый, будучи исполненъ смѣлыхъ порывовъ и приводя въ удивленіе безконечнымъ разнообразіемъ своихъ частей, переходовъ и сочетаній звуковъ, оказывается однакоже подъ конецъ неспособнымъ къ совокупленію разсѣянныхъ частей въ цѣлое и къ оставленію въ душѣ одного постояннаго, главнаго впечатлѣнія.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что поэтъ временъ новѣйшихъ, желая изложить свой предметъ эпически, можетъ ожидать успѣха развѣ отъ одной только Эпопеи Гражданской; ибо каждый народъ имѣетъ свои опредѣленныя эпохи образованія, каждая изъ сихъ эпохъ ознаменована своимъ отличительнымъ характеромъ, и если древнѣйшая изъ нихъ осталась незамѣненною и невоспѣтою, то никакое уже позднѣйшее время не въ состояніи вознаградить потеряннаго. Подобнаго рода произведеніе всегда будетъ имѣть недостатокъ въ той невинной простотѣ, въ томъ юномъ и вмѣстѣ зрѣломъ духѣ древности, которые свойственны одной только первобытной исторіи. Между тѣмъ Гражданская Эпопея заключаетъ въ себѣ собственно *Историческую* и такъ называемую *Идиллическую Эпопею*, которой образецъ представляетъ отчасти Одиссея, по своей простотѣ, невинности и простосердечію весьма близкая къ Идилліи. Формы же обѣихъ, Героической и Гражданской Эпопеи, можно назвать *чистою* Эпопеею или Эпопею *вообще*, гдѣ поэтъ вовсе уничтожается въ своемъ твореніи.

Противуположная имъ есть *Эпопея Комическая*, пародія собственной Эпопеи, т. е. шуточное примѣненіе духа и формы оной къ предмету совсѣмъ противному. Это духовная (субъектная) часть Эпопеи, гдѣ предметъ и форма отдѣлены, а отъ того именно и обнаруживается въ сильнѣйшей степени участіе поэта. Впрочемъ въ новѣйшія времена придавали сей формѣ гораздо болѣе важности, нежели сколько она заслуживаетъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ТОРГОВЛЯ.

Вѣроятныя надежды о возобновленіи древняго сухопутнаго пути въ Индію чрезъ Грузію.

Уничтоженіе древней Азіатской торговли по Черному и Средиземному морямъ, такъ какъ паденіе Венеціи и Генуи, обязанныхъ сей торговлѣ своими великими богатствами, вообще приписываютъ открытію новаго пути въ Индію около Мыса Доброй Надежды; кажется однакоже, что мнѣніе сіе не совсѣмъ справедливо и что въ этомъ случаѣ дѣйствіе принимаютъ за одно съ причинами: вспомнимъ, что открытіе Мыса Доброй Надежды послѣдовало почти тридцатью годами позднѣе изгнанія Генуезцовъ изъ Каффы и удаленія Христіянскаго флага отъ береговъ Чернаго моря.

Давно уже завидовали торговлѣ и богатствамъ сихъ двухъ могущественныхъ Республикъ Италіи, и достигнувъ наконецъ по Океану до Индіи, тѣмъ ревностнѣе устремились по сему новому направленію, чѣмъ болѣе, въ то же самое время, имѣли причинъ увѣриться, что занятіе Турками приморскихъ городовъ Азіи и Средиземнаго моря, и завоеваніе Константинополя, погрузивъ сіи страны во тьму варварства и слѣпаго безначалія, навсегда отдалило оныя отъ Европы, для которой, въ теченіе долгаго времени, онѣ служили средоточіемъ важнѣйшихъ торговыхъ оборотовъ.

Такимъ образомъ, совершенный упадокъ первобытной торговли съ Востокомъ надобно приписать событіямъ историческимъ, причинамъ болѣе расчитаннымъ и вѣрнымъ, а не случайному обстоятельству, каковымъ отчасти можно почесть открытіе Мыса Доброй Надежды. Протекли столѣтія съ того времени, какъ купечествующая Европа, изумленная успѣхами своихъ отважныхъ мореходцевъ, единодушно устремилась, съ избытками собственныхъ произведеній, по проложенной ими новой дорогѣ, и отучая себя постепенно отъ прежняго образа торговыхъ сношеній съ Азіею, въ послѣдовавшихъ за тѣмъ поколѣніяхъ истребила даже и мысль о возможности существованія сухопутнаго пути въ Индію. Еще за нѣсколько десятилѣтій предъ симъ подобное предположеніе, въ глазахъ образованнѣйшей части Европейскихъ промышлен-

никовъ, показалось бы дѣломъ вовсе несбыточнымъ; но новѣйшіе результаты дальновидной Государственной Политики и самый ходъ происшествій въ послѣднее время, разсѣвая постепенно мракъ укоренившагося предубѣжденія, увѣряютъ въ противномъ: теперь будущее подаетъ намъ самыя пріятныя надежды на торговлю съ Индіею и Востокомъ со стороны, совершенно противуположной, и едва ли не Россіи, быстро шествующей къ высокой цѣли своего назначенія, опредѣлено судьбою разрѣшить сію трудную задачу многихъ столѣтій.

Не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что большая часть Азіятской торговли обратится со временемъ къ прежней оставленной ею дорогѣ, которая, кромѣ мѣстныхъ выгодъ и своей краткости, имѣетъ еще и то преимущество, что не состоитъ подъ вліяніемъ монополіи и привиллегированныхъ компаній. Благотворная и глубокомысленная политика покойнаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА имѣла въ виду сей важнѣйшій предметъ общественнаго благосостоянія; многія мудрыя учрежденія и мѣры сего незабвеннаго Монарха служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Указомъ 1821 года, Октября 8го дня, даны значительныя торговыя преимущества провинціямъ по ту сторону Кавказа, и тѣмъ снова открытъ благопріятный путь караванамъ Азіи на обширныя торжища одного изъ могущественнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ Государствъ Европы; сверхъ того сіи караваны, состоя подъ не-

посредственнымъ покровительствомъ России, безопасно проходятъ нынѣ по восточному берегу Чернаго моря и всю западную часть Азіи, начиная отъ береговъ Инда до Каспійскаго моря. Наконецъ самая вѣрность сношеній въ сей торговлѣ обезпечивается географическимъ положеніемъ земель, ею обтекаемыхъ; ибо города, предназначенные природою быть сборными мѣстами торговцевъ обѣихъ частей свѣта, представляютъ всѣ средства къ непрерываемости купеческихъ оборотовъ, въ мирное время—моремъ, а на случай войны — судоходными рѣками. Изъ сихъ многозначительныхъ городовъ особенное обращаютъ на себя вниманіе *Астрахань* и *Тифлисъ*.

Вспомнимъ, что Астрахань еще въ среднія времена служила сборнымъ мѣстомъ сношеній, существовавшихъ между Ганзеатическими городами Европы и Азіею: по сему торговому пути Бременъ, Гамбургъ, нѣкоторые другіе приморскіе города Балтійскаго и Сѣвернаго морей, такъ равно Англія и Голландія, получали пряные коренья, драгоцѣнные камни и произведенія богатой Индіи, съ которыми первоначально знакомы были одни только Венеціяне и Генуэзцы. Когда въ XVI и XVII столѣтіяхъ большая часть Азіятской торговли обратилась къ колоніямъ, основаннымъ Европейцами въ Индіи, тогда Астрахань, подобно многимъ гаванямъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, должна была необходимо почувствовать вліяніе подобнаго переворота и

16*

подвергнуться упадку, причины коего, впрочемъ, не всегда вѣрно были означаемы. Но при настоящемъ благопріятномъ состояніи дѣлъ, городъ сей, имѣя на своей сторонѣ выгоду легко поддерживать сношенія, съ одной стороны съ Петербургомъ, а съ другой съ Азовскимъ моремъ, безъ сомнѣнія, долженъ будетъ пріобрѣсть значительное участіе въ Азіятской торговлѣ, которой средоточіемъ содѣлается однакоже Грузія. —

Тифлисъ, главный городъ сей последней области, географическимъ положеніемъ своимъ удовлетворяетъ первѣйшему условію, которое одно въ состояніи возвести его на степень цвѣтущаго торговаго города: занимая почти средину пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями, онъ всегда легко, быстро и безопасно можетъ поддерживать сношенія съ сими двумя морями, — посредствомъ Чернаго моря ему предстоитъ возможность открыть связи по берегамъ Анатоліи, съ гаванями южной Россіи, и съ устьемъ Дуная; а по введеніи въ сей странѣ пароходовъ, достаточно будетъ для него восьми дней на коммуникацію съ отдаленнѣйшими пристанями сего моря, съ устьемъ Фаза и Хопи, даже съ Константинополемъ. Сверхъ того подобныя сношенія, происходя на закрытомъ со всѣхъ сторонъ морѣ, были бы вовсе безопасны отъ всякаго помѣшательства, могущаго произойти отъ вліянія какой нибудь морской Державы. Замѣтимъ наконецъ, что кругъ таковыхъ оборотовъ

торговли распространился бы вліяніемъ своимъ на всю западную Азію, на 52 милліона жителей Россіи и на всю твердую землю Европы.

Во время мира между сими двумя частями свѣта, корабли торгующихъ націй, нагруженные при берегахъ Фаза произведеніями Азіи и южной Россіи, могли бы развивать свои флаги во всѣхъ гаваняхъ отдаленной Америки и тамъ войти во взаимное, благотворное соревнованіе съ кораблями первѣйшихъ торговыхъ мѣстъ Европы. По Каспійскому же морю, купеческія суда, съ издѣліями Европейской промышленности, могли бы въ шесть дней изъ Баки явиться въ Астрахани, а въ тридцатьшесть достигнуть береговъ Гилана, Мазандерана и Астрабада (въ Персіи), или въ заливъ Балканскій. Слѣдовательно, водворенные въ Тифлисѣ торговые домы въ состояніи были бы самымъ удобнымъ образомъ распространить кругъ обширныхъ своихъ предпріятій на весь Авганистанъ, Бухарію, Кашмиръ и Тибетъ; они возстановили бы снова тотъ древній торговый путь, по которому товары въ восемьдесять или сто дней изъ Чензи (западной провинціи Китая) доходили до береговъ Окса и въ двѣсти дней до Каспійскаго моря.

Робертсонъ, писавшій такъ много объ Азіятской торговлѣ, упомянувъ о пути чрезъ Суецъ, а оттуда чрезъ Персидскій заливъ, именуетъ сношенія между Чернымъ и Каспійскимъ морями самыми благопріятными для торговли. Караваны изъ Тифли-

са приходятъ въ пятнадцать дней въ Эрзерумъ, и въ такое же короткое время въ Тавризъ; а въ шестьдесятъ дней достигаютъ они Бендеръ — Бухера при Персидскомъ заливѣ. Для переѣзда же отъ сей послѣдней гавани въ Бомбай, купеческія суда, весьма часто предпринимающія подобныя путешествія, употребляютъ обыкновенно отъ пятнадцати до двадцати дней. Такимъ образомъ Тифлисъ весьма удобно можетъ поддерживать свои связи съ Индіею, по пути короткому, безопасному и вѣрному. Но еще гораздо важнѣйшее преимущество его, предъ прочими подобными ему городами Востока, состоитъ въ томъ, что онъ принадлежитъ Державѣ Христіанской и просвѣщенной; сіе одно обстоятельство предвѣщаетъ уже ему ту степень блеска и знаменитости, которая въ состояніи будетъ поставить его наравнѣ съ Ормусомъ, обратить его въ новую Александрію, или воскресить въ немъ торговую значительность древней Пальмиры.

Важность торговыхъ оборотовъ и самый ходъ дѣлъ, долженствующія произойти отъ таковаго образа сношеній Европы съ Азіею, далеко превзойдутъ мѣру препятствій и трудностей, которыя до сихъ поръ противуборствовали дѣятельному духу купечествующихъ народовъ. Напрасно, въ опровержение сего мнѣнія, скажутъ, что Азіятскіе караваны, идущіе обыкновенно на Алеппо, Смирну и Константинополь, навсегда пребудутъ вѣрными привычнымъ

своимъ обычаямъ и никогда не измѣняшъ своей дороги; на это отвѣчаемъ, что въ Азіи, болѣе нежели гдѣ нибудь, собственная выгода и личная безопасность берушъ верхъ надъ прочими помышленіями человѣка. При Юсшиніанѣ, Козроѣ и ихъ преемникахъ, товары обыкновенно шли чрезъ Грузію и Колхиду; при Зиновіи отправлялись оныя къ Средиземному морю по пустынямъ, окружавшимъ Пальмиру; во времена владычества Султановъ въ Египтѣ произведенія Индіи переходили на корабли въ Суецѣ и привозились въ Александрію; Венеціяне проложили дорогу чрезъ Азовъ, а Генуэзцы возстановили таковую снова чрезъ Колхиду. Подобныя перемѣны очевидно свидѣтельствуютъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, главнѣйшими условіями успѣха положительнаго должны быть: личная безопасность и сильное покровительство. Россійскія за-Кавказскія провинціи, имѣя на своей сторонѣ всѣ удобства счастливаго географическаго положенія, удовлетворяютъ вмѣстѣ съ тѣмъ упомянутымъ нами двумъ важнѣйшимъ условіямъ, ибо состоятъ подъ могущественною эгидою Правительства благотворнаго и просвѣщеннаго; слѣдовательно имъ болѣе, нежели какимъ-либо другимъ мѣстамъ южной Европы или западной Азіи, предстоитъ нѣкогда удѣлъ обнаружить всю необъятную значительность тѣхъ слѣдствій, которыя могутъ произойти отъ возрождающейся нынѣ всемірной торговли Европы съ Азіею.

До сего времени Азіятская торговля, при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ, не могла оказывать желаемыхъ успѣховъ въ такой странѣ, которая, будучи отовсюду открытою, почти постоянно подвергалась непріязненнымъ нападеніямъ и не имѣла притомъ вовсе никакихъ сношеній съ Европою. Можемъ сказать утвердительно, что только въ эпоху перваго появленія Россіянъ на границахъ Персіи, или лучше со времени заключенія Гулистанскаго трактата, даровавшаго миръ и благоденствіе Грузіи, сія торговля начала постепенно возвышаться, и получивъ твердыя основанія, быстро подвигается впередъ на поприщѣ Европейской промышленности. Какъ явленіе совершенно преобразованное, она ласкаетъ насъ въ будущемъ самыми пріятными надеждами. Достаточная свобода въ отправленіи купеческихъ оборотовъ, дарованная Указомъ 1821 года, внѣшнія соотношенія, политическія потрясенія въ Государствахъ, прилежащихъ Средиземному морю, такъ какъ и чувствительный повсюду переломъ въ дѣлахъ торговли, необходимо обращаютъ всеобщее вниманіе купечества на такую страну, которая обѣщаетъ Европейскимъ фабрикамъ необъятный сбытъ ихъ произведеній, а торговымъ расчетамъ открываетъ самое обширное и благопріятное поле.

Но пока подобныя торговыя сношенія Европы съ западною Азіею будутъ находиться, такъ сказать, въ зависимости одного только Персидскаго купечества, которое

производить оныя непосредственно чрез свои руки, до тех пор сія торговля необходимо долженствует быть весьма ограниченною. При столь великом отдаленіи от центра Европы, могут ли Персіяне знать, какая почва и какія произведенія промышленности нашей части света преимущественно способны к обоюдному соглашенію народных потребностей? а еще и того менее в состояніи они, из многоразличных мануфактурных изделій Европы, сделавших в последнія тридцать лет весьма значительные успехи, выбрать именно те самыя, которыя в Персіи найдут для себя более охотников и более торговаго сбыту. Сіе обстоятельство особенно важно в отношеніи к жителям Мултана, Лагора, Самарканда, Кашмира, Тибета и Авганистана, которые, в теченіе многих столетій, получают Европейскіе товары не иначе, как чрез третьи или четвертыя руки — чрез Персидскій залив, или от купцев Тавриза, Езда и Испагани.

Сообразив все сіи обстоятельства, почти не льзя не заметить пользы, какая произошла бы от того, еслиб, для скорейшаго развитія и дальнейших успехов торговой промышленности, просвещенные торговцы значительнейших Государств Европы, соединенные единодушіем и желаніем общей пользы, положили первое начало столь великому предпріятію основаніем в Тифлисе складочных магазинов, наполненных произведеніями Европейских ману-

фактуръ и промышленности, — сообразуясь въ этомъ случаѣ, какъ съ необходимыми потребностями народовъ Азіи, такъ и съ прихотями восточной роскоши. Почти нѣтъ никакого сомнѣнія, что многочисленные караваны, идущіе нынѣ изъ Кашмира, Авганистана и Бухаріи, до Тавриза, Езда и Испагани, не упустилибъ тогда изъ виду собственныхъ выгодъ и при благопріятствѣ обстоятельствъ стали бы продолжать путь свой до Тифлиса, представляющаго имъ совокупную возможность между разнородными товарами выбрать для себя нужнѣйшіе и сверхъ того отыскать людей, которые, вошедши съ ними въ торговое сношеніе, могли бы скупить у нихъ весь грузъ навьюченныхъ лошадей и верблюдовъ.

Замѣтимъ въ заключеніи, что съ тѣхъ поръ, какъ торговля въ Европѣ сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ условіемъ Государственной силы и могущества, имѣя въ своей зависимости успѣхи мануфактурной промышленности, а иногда и самое внутреннее благосостояніе Государства, съ тѣхъ поръ, конечно, не льзя уже оспорить великой важности и не признать великихъ послѣдствій отъ положительнаго ея оборота (весьма возможнаго въ настоящее время) къ такой странѣ, которая, кромѣ географическихъ удобностей и другихъ неисчислимыхъ поощреній, предполагаетъ еще выгодныя для торговцевъ отношенія къ народочислію, почти вчетверо превышающему населеніе Южной Америки.

Намъ пріятно быть увѣренными, что все сказанное нами нѣкогда придетъ въ дѣйствительное исполненіе, что всѣ надежды наши и новые заманчивые виды торговли оправдаются въ свое время въ полной мѣрѣ и можетъ быть при такихъ благопріятныхъ послѣдствіяхъ, какихъ въ настоящемъ случаѣ не возможно предвидѣть, — не смотря на множество *данныхъ*, ручающихся почти въ непремѣнномъ оныхъ развитіи и слѣдовательно въ успѣхѣ предположенія.

СМѢСЬ.

Разныя извѣстія.

Пишутъ изъ Парижа, что нѣкоторые художники и ученые отправятся въ Морею, и присоединятся къ находящейся тамъ Французской экспедиціи. Есть справедливыя причины надѣяться, что сіе воинственное и вмѣстѣ ученое ополченіе прославитъ свое отечество гораздо изящнѣйшими трофеями изъ земли классической, нежели какими увѣнчались нѣкогда подвиги предшественниковъ онаго во времена Монферрата. Вспомнимъ, какія значительныя слѣдствія для наукъ и художествъ произошли отъ Французской Экспедиціи въ Египетъ, не смотря на совершенную неудачу сего предпріятія; но подобнаго рода ученыя розысканія въ Мореѣ, обѣщаютъ, безъ сомнѣнія, еще важнѣйшіе результаты. Обширный полуостровъ Пелопонесскій, заключающій въ себѣ слишкомъ 350 кв. миль, до сихъ поръ почти вовсе незнакомъ испытателямъ природы и любителямъ искусства: ибо разногласныя извѣстія и замѣчанія многихъ современныхъ путешественниковъ, дѣланныя, такъ сказать, на лету и мимоходомъ, въ странѣ для нихъ опасной, мы ни въ какомъ отношеніи не рѣшимся назвать вполнѣ вѣрными и удовлетворительными. Природа Греціи разнообразнѣе природы Египетской, и хотя древніе ея памятники менѣе для насъ доступны, нежели памятники на берегахъ Нила; однакожъ науки, безъ сомнѣнія, болѣе выиграютъ здѣсь, нежели тамъ. Какіе, на примѣръ, обильные источники любопытныхъ розысканій представляетъ Морея въ отношеніи географическомъ: кромѣ береговъ ея и весьма незначительнаго пространства земли во внутрь, Географы почти ничего объ ней не знаютъ. Горныя возвышенности сего полуострова также малоизвѣст-

ны, какъ и вершина Парнасса, на которую тщетно пытались всходить многіе путешественники. Гора Килена, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, возвышается на 11,000 футовъ, и слѣдовательно, по сравненію съ Этною, должна быть покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; однакожъ путешественники утверждаютъ противное, и разсказываютъ намъ о какихъ-то другихъ *ледяныхъ горахъ*, видѣнныхъ вѣроятно въ холодное время года и на которыя они не могли взобраться. Показанія древнихъ, относительно горныхъ возвышенностей, еще менѣе могутъ быть приняты: высота отечественныхъ горъ до такой степени приводила ихъ въ изумленіе, что они утверждаютъ, на примѣръ, будто съ вершины Тайгета можно обозрѣть весь Пелопонесъ; а Пукевиль говоритъ въ свою очередь, и безъ сомнѣнія несправедливо, что древніе разумѣли подъ этимъ самую крайнюю точку возвышенія. — Минералогія и Ботаника также найдутъ въ Мореѣ весьма обширное для себя поприще, равно какъ и Метеорологія, часть самая трудная, но необходимая къ полному изученію страны. Начиная отъ Кавказа до Сагары, мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ удовлетворительныхъ метеорологическихъ наблюденій; о Мореѣ и Балканахъ, напротивъ, знаемъ столько же, сколько о Нигриціи; въ настоящемъ же положеніи наукъ общія показанія путешественниковъ, относительно сего предмета (напр. что климатъ Греческій отличенъ отъ Италіянскаго), не имѣютъ уже вовсе никакой важности.

Объ неисчислимыхъ художественныхъ сокровищахъ Греціи путешественники говорили и писали очень много; но ихъ безпорядочныя и отчасти на догадкахъ основанныя извѣстія, скорѣе повредятъ предполагаемымъ систематическимъ розысканіямъ, нежели принесутъ имъ пользу. Теперь только наступило настоящее время и возможность отыскать все, что уцѣлѣло, послѣ нашествія

Римлянъ, послѣ опустошеній сѣверныхъ завоевателей, Крестоносцевъ, Венеціянъ, Турковъ и внутреннихъ междоусобій; что укрылось отъ губительной руки времени, избавилось отъ похищенія и не поступило въ продажу. До сихъ поръ почти всѣ попытки открывать въ землѣ древніе памятники, вѣнчались въ Мореѣ желаемымъ успѣхомъ; въ послѣднее время даже самые Турки, предусматривая непрочность своего господства въ Греціи, начинали отыскивать въ нѣдрахъ земли укрытыя драгоцѣнности — такъ невѣжественный Вели-Паша приказывалъ прочитывать для себя въ слухъ Павзанія, чтобъ рыть землю съ такими жъ замыслами и надеждами, какъ Гг. Милорды Англіи.

Лучшіе указатели въ предстоящихъ разрытіяхъ и розыскахъ суть: видимыя развалины Аргоса, Микенъ, Эгины, Мессены и проч., потомъ громкія прозванія, каковы на примѣръ, Палеополисъ, Пелеокостронъ, Теухосъ и т. д. — До сихъ поръ весьма важною помѣхою въ подобныхъ предпріятіяхъ были полевыя работы; но теперь, при совершенномъ опустошеніи полуострова, затрудненіе сіе не существуетъ: надобно приступить къ разрытію земли до возобновленія хлѣбопашества и торопиться въ работахъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ многіе драгоцѣнные остатки древности, вѣроятно, употребляемы будутъ, по прежнему, наравнѣ съ простыми строевыми матеріалами. Извѣстно, что не задолго предъ началомъ послѣдней войны, многіе мраморные обломки съ надписями обожжены были въ известку; Крестоносцы чеканили даже монету изъ статуй, строили мосты изъ храмовыхъ архитравовъ; а древнія надписи разсѣяны повсюду, въ домахъ и по улицамъ. — Важнѣйшихъ открытій и успѣховъ надобно ожидать: въ Олимпіи, Спартѣ, Амиклеѣ, Гіеоро, Аргосѣ, Немео (древнее мѣсто Истмическихъ игръ), Коринѳѣ, Сиціонѣ, Мантинеѣ и проч. Монастырь Мега-Спилейскій, знаменитый въ X столѣтіи, есть единственное мѣсто въ Мо-

реѣ, гдѣ съ нѣкоторою вѣроятностію можно надѣяться найти достопримѣчательныя рукописи, ежели впрочемъ оныя не погибли въ настоящее смутное время. Библіотека сего монастыря обладала нѣкогда комедіями Менандра и хотя она сильно пострадала отъ двухъ пожаровъ, но за тринадцать лѣтъ предъ симъ въ ней все еще хранилось великое множество книгъ, которыя, въ пыли и небреженіи, кучами валялись по полу — ни одинъ путешественникъ не читалъ ихъ.

Извѣстно, какъ богата Южная Франція остатками памятниковъ древняго Рима: въ семъ отношеніи замѣчательны, между прочимъ, развалины въ окрестностяхъ Изернора, бывшаго городомъ во время Римлянъ, а нынѣ небольшой деревни, въ округѣ Нашуаскомъ. До сихъ поръ можно еще тамъ довольно явственно различать мѣста и видѣть на землѣ слѣды прежнихъ зданій. На одномъ изъ пригорковъ сохранились три колонны храма, который, какъ полагаютъ, былъ нѣкогда посвященъ Марсу. Любители Древностей въ разныя времена находили здѣсь въ землѣ многія мраморныя вазы, бронзовыя медали, монеты и проч. Таковыя розысканія недавно снова начались подъ надзоромъ Г. Ределле — разрыли и очистили окружность вышеупомянутаго храма и отыскали тамъ значительное количество бронзовыхъ и серебреныхъ медалей Императора Максиміана, а также палецъ отъ одной бронзовой статуи, которая, какъ видно по всѣмъ признакамъ, была колоссальнаго вида и отличной работы. — Розысканія сіи продолжаются безпрерывно и любителямъ древности обѣщаютъ весьма любопытныя открытія.

Англійскій Литтераторъ Боврингъ и до сихъ поръ съ одинакимъ рвеніемъ и успѣхомъ продолжаетъ заниматься

изученіемъ языковъ и литтературы народовъ, намъ соплеменныхъ. Имѣя рѣшительный талантъ поэтическій, онъ заслужилъ въ своемъ отечествѣ просвѣщенное ободреніе и славу за изданіе въ свѣтъ извѣстной Русской Анѳологіи, посредствомъ которой мы Руские, такъ сказать, въ первый только разъ духовно сблизились съ Англійскою публикою. Недавно сдѣлалъ онъ въ этомъ родѣ еще новый, не менѣе удачный опытъ съ языка Венгерскаго, и представилъ на судъ своихъ читателей прекрасное собраніе Венгерскихъ народныхъ пѣсней, подъ заглавіемъ: „*Magyar nemzety dallok*.“ Въ этой книгѣ особливо достойны вниманія историческія и критическія замѣчанія, содержащія въ себѣ множество любопытныхъ указаній и намѣкъ въ отношеніи къ Венгерскому языку и Литтературѣ, почти вовсе неизвѣстной, не только у насъ, но и вездѣ въ Европѣ. — Теперь Боврингъ живетъ въ Вѣнѣ и намѣренъ, какъ пишутъ въ публичныхъ листахъ, заняться изданіемъ составляемой имъ „*Исторіи Богемскаго языка и Литтературы*,“ присовокупивъ сюда же нѣкоторые образцы Моравскихъ, Словенскихъ и Болгарскихъ народныхъ пѣсней. Сочиненіе сіе почти уже кончено. Оно будетъ состоять изъ трехъ томовъ: въ первомъ помѣстятся историческіе Гимны и Баллады до временъ Іоанна Гусса, во второмъ лирическія пѣснопѣнія Богемцевъ, а въ третьемъ Исторія и Характеристика новѣйшихъ Богемскихъ поэтовъ. Не нужно, кажется, говорить, сколь любопытна и драгоцѣнна должна быть эта книга вообще для всѣхъ любителей Литтературы и Древностей, преимущественно же для насъ Русскихъ, по происхожденію, по языку и по многимъ другимъ отношеніямъ, весьма близкихъ къ Богеміи. — Пишутъ сверхъ того, что сей ученый Англичанинъ занимается также сочиненіемъ Историческихъ изслѣдованій и описаній развалинъ Финляндіи, къ которымъ, будто бы, имѣетъ намѣреніе присовокупить въ послѣд-

ствія, такія же извѣстія о древнихъ уцѣлѣвшихъ памятникахъ Эстландіи и Лапландіи.

Представляемъ разительное доказательство умѣренности нашего вѣка и нашей жизни, въ сравненіи съ роскошными затѣями и прихотями нашихъ предшественниковъ лѣтъ за двѣсти и болѣе. Въ правленіе Генриха IV страсть на моды, на великолѣпіе въ одеждахъ и украшеніяхъ до невѣроятности возвысилась. Передъ крестинами Дофина всѣ портные и золотошвеи Парижа такъ были завалены работою, что Маршалъ Бассомпіе ни подъ какимъ видомъ не могъ отыскать охотника на себя работать. Наконецъ съ великимъ трудомъ удалось ему задобрить прежняго своего портнаго и золотошвею; но и они согласились сшить ему новое платье, долженствовавшее великолѣпіемъ затмить всѣ прочія, не иначе, какъ за чрезвычайныя пожертвованія, и ежели онъ рѣшится употребить на это весьма значительную сумму. Они извѣстили его о внезапномъ прибытіи въ Парижъ Голландскаго купца съ большимъ запасомъ жемчуговъ и каменьевъ, и совѣтовали поспѣшить какъ можно покупкою нужныхъ для предполагаемаго платья сокровищъ. Маршалъ купилъ пятьдесятъ фунтовъ жемчугу на украшеніе своего кафтана изъ фіолетовой златистой матеріи — шитье обошлось въ 600, а вся одежда въ 14,000 талеровъ. — При Людовикѣ XIII роскошь на наряды и убранства, можно сказать, скорѣе уменьшалась, нежели увеличивалась, и однакожъ, не смотря на то, извѣстная подруга знаменитой Нинонъ Анкло, *Маріонъ де Борме*, приковавшая къ побѣдной своей колесницѣ даже могущественнаго въ то время Кардинала Ришелье, расточала ежегодно на вѣера, перчатки, помады и духи 50,000 талеровъ — все это долженъ былъ платить ея любимецъ бѣдняжка Эмери.

Въ началѣ прошедшаго Октября мѣсяца происходило въ Лондонѣ открытіе новаго Университета. Надобно удивляться необыкновенной скорости, съ какою приведено въ исполненіе столь значительное предпріятіе, и притомъ съ помощію людей частныхъ: проектъ учрежденія сего Университета предложенъ Лондонской публикѣ въ 1826 году, а въ концѣ 1828 этотъ Университетъ открытъ уже въ блистательнѣйшей части города (Tower Street). Чрезвычайно быстро собрана подпискою огромная сумма (150,000 ф. ст.); пріобрѣтена покупкою земля за 30,000 ф. ст., и въ короткое время, не болѣе какъ въ 14 мѣсяцевъ, сооружено совершенно новое зданіе, удивляющее всѣхъ своимъ великолѣпіемъ, красотою, прочностію и удобствомъ. Флигели еще не готовы, но главный корпусъ почти совсѣмъ отдѣланъ и отличается превосходствомъ внутренняго расположенія. Здѣсь на все было обращено вниманіе и ничего не упущено; не забыли даже объ учрежденіи ресторацій для спокойствія и удобности учащихся (!). До сихъ поръ издержки на строеніе простираются до 49,000 ф. ст.; кромѣ того употреблено 3,748 ф. на покупку книгъ, физическихъ аппаратовъ и на заведеніе анатомическаго кабинета — къ послѣднему присоединено извѣстное собраніе Карла Белля. Кабинетъ по части Матеріи Медики, находящійся въ вѣдѣніи Профессора Томсона, со временемъ, безъ сомнѣнія, будетъ однимъ изъ блистательнихъ. — Для Клиническихъ лекцій предположено учредить особенную больницу на 100 кроватей; но потребные на сіе 15,000 ф. ст. еще не вполнѣ собраны. Между тѣмъ Лабораторія открыта по близости Университета, а практическія преподаванія бываютъ въ Мидлесекской госпиталѣ. — Такимъ образомъ все благопріятствуетъ сему новому заведенію на пользу просвѣщенія и, кажется, къ полному совершенству онаго недостаетъ однихъ студентовъ. На

канунѣ дня открытія явилось желающихъ только 76 человѣкъ; впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что число учащихся возвысится въ скоромъ времени.

Открытіе Университета происходило въ 3 часа послѣ обѣда, лекціею Профессора К. Белля. Отъ семи до восьми сотъ человѣкъ слушателей, большею частію люди именитые и знатные, заняли мѣста въ амфитеатрѣ, предъ которымъ расположенъ былъ столъ съ анатомическими препаратами, рисунками и проч. При вступленіи въ залу Г. Белля, въ сопровожденіи всѣхъ Членовъ Университетскаго Совѣта и Профессоровъ (послѣдніе всѣ въ черныхъ мантіяхъ), раздались одобрительные звуки и привѣтствія, многократно возобновлявшіяся. Белль разсуждалъ очень хорошо и ясно о пользѣ академическаго образованія и преимущественно для молодыхъ людей въ Лондонѣ — громкія рукоплесканія прерывали его безпрестанно, и особливо когда онъ, распространившись о важности сего новаго учебнаго Института, произнесъ слѣдующія слова: Коллегія, эта или другая, безъ сомнѣнія, должна возвыситься при ревностныхъ усиліяхъ со стороны тѣхъ, кои хотя и не въ состояніи постигнуть совершенно цѣли, но за то одинаково возвышены чувствомъ соревнованія въ ея пользу.

Сіи слова Белля относятся къ Королевской Коллегіи — оппозиціонное заведеніе, состоящее подъ покровительствомъ Церкви и Аристократіи; оно также быстрыми шагами приближается къ своему совершенству. Еще недавно подписка въ пользу онаго не превышала 30,000 ф. ст., теперь простирается она уже до 113,000 ф. ст.! — Мѣсто для сооруженія зданія рѣшительно положено избрать между Кингсбриджемъ и Брамптономъ, слѣдовательно вблизи Гидпаркъ-Корнера; преподаваніе же Медицины въ семъ Институтѣ

хотятъ (что впрочемъ весьма благоразумно), совсѣмъ отдѣлить отъ другихъ предметовъ ученія. —

Толкамъ и пересудамъ объ обоихъ Университетахъ нѣтъ теперь конца въ Лондонской публикѣ, и даже въ лучшихъ обществахъ разговоръ начинается и оканчивается сими двумя заведеніями. Одна партія возстаетъ на другую. Коллегія Королевская, разумѣется, имѣетъ на своей сторонѣ гораздо важнѣйшія выгоды, и какъ учрежденіе партіи *Торн*, она подверглась уже многимъ сатирамъ. Изъ числа послѣднихъ въ большомъ ходу второе изданіе такъ называемой First Book. for the instruction of students in the King's College etc., которое раздается желающимъ безденежно. Сочиненію этому недостаетъ, правда, сатирической соли и остроумія, однакожъ каррикатуры его довольно забавны. —

Безсмертный Виртуозъ Паганини, жившій въ продолженіи весьма долгаго времени въ совершенномъ уединеніе, въ нынѣшнее лѣто вовсе неожиданно появился въ Вѣнѣ и тѣмъ привелъ въ пріятное волненіе всѣхъ любителей музыки въ цѣлой Европѣ: есть надежда, что онъ объѣдетъ важнѣйшія мѣста нашей части свѣта, а можетъ быть посѣтитъ и наши сѣверныя столицы. Слышавшіе Паганини безмолвствуютъ отъ изумленія и умиленія. Изъ Вѣны онъ отправился въ Карлсбадъ, и теперь вѣроятно давно уже находится въ Дрезденѣ, куда ожидали его еще въ прошедшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ съ великимъ нетерпѣніемъ. Многіе изъ бывшихъ тамъ иностранцевъ отложили по сему случаю свой отъѣздъ, другіе нарочито пріѣхали, чтобы не лишить себя того возвышеннаго наслажденія, какое обѣщаетъ всѣмъ этотъ великій Артистъ нашего времени.

Любителямъ чистописанія конечно пріятно будетъ узнать о пріѣздѣ къ намъ въ Москву превосходнаго Каллиграфа, Г. Госсе, который, сверхъ того, есть изобрѣтатель необыкновенной методы легко и невѣроятно скоро сообщать свое прекрасное искусство другимъ. Въ восемь уроковъ, не болѣе, онъ въ состояніи, какъ говорятъ, передать своему ученику, ребенку или взрослому, всѣ утонченныя правила Каллиграфіи и обратить его почеркъ, хотя бы самый дурной и невѣрный, въ красивый и правильный. Мы слышали, что Г. Госсе намѣренъ открыть въ Москвѣ публичный курсъ чистописанія: желаемъ ему совершеннаго успѣха въ столь полезномъ предпріятіи и остаемся увѣренными, что оно будетъ удостоено особливымъ вниманіемъ просвѣщенной публики, тѣмъ болѣе, что писать красиво и правильно составляетъ теперь уже почти необходимое условіе хорошаго воспитанія.

Извѣстно, что знаменитый Каннингъ, по случаю какого-то политическаго разногласія, принужденъ былъ, въ 1809 году, выдти на дуэль съ Лордомъ Кастлеригомъ, человѣкомъ не менѣе достопримѣчательнымъ въ лѣтописяхъ Англійскаго Министерства. По сему случаю наканунѣ дуэля, онъ, написалъ слѣдующее завѣщаніе: „Такова есть послѣдняя воля и духовная высокопочтеннаго Георга Каннинга изъ Бромптона, въ Графствѣ Мидлесекскомъ. Я отдаю и отказываю любезнѣйшей моей супругѣ, Іоаннѣ Каннингъ, въ полное и неограниченное владѣніе, всю свою движимую и недвижимую собственность, какого бы оная ни была рода и качества (разумѣется за уплатою извѣстныхъ моихъ долговъ, за вычетомъ издержекъ на погребеніе и на сію духовную). Симъ избираю, назначаю и утверждаю ее, вышереченную супругу мою, и достопочтеннаго Вилліама Ганри Кавендишъ-Бентинкъ-Скот-

ма, Маркиза Тичфильдскаго (нынѣ Герцогъ Портландъ); душеприкащиками завѣщанія и опекунами моихъ дѣтей во все продолженіе ихъ малолѣтства, а также уничтожаю всѣ доселѣ мною написанныя духовныя. Во увѣреніе чего я, Георгъ Каннингъ, у сего подписался и приложилъ свою печать въ 20 день мѣсяца Сентября, 1809 года.

„Подписано, утверждено печатью и засвидѣтельствовано въ присутствіи Генриха Веллеслея, Карла Элиса." —

Духовная Каннинга подъ присягою признана была настоящею и дѣйствительною однимъ изъ душеприкащиковъ, Герцогомъ Портландомъ, который въ то же время объявилъ, что все имѣніе сего великаго Министра не превышало 20,000 ф. ст. — Надобно знать, что одно только приданое Г-жи Каннингъ простиралось до 100,000 ф. ст.

Сообщаемъ читателямъ извѣстіе объ одной случайно попавшейся намъ старинной книгѣ, которую смѣло относимъ къ разряду рѣдкостей въ нашей литературѣ, потому что не встрѣчали ее нигдѣ въ печатныхъ каталогахъ и не находили въ библіотекахъ. Это „*Описаніе областей Адребижанскихъ въ Персіи и ихъ политическаго состоянія, сдѣланное пребывающимъ при Его Высочествѣ, Царѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ; Иракліѣ Темуразовичѣ, Полковникомъ и Кавалеромъ Бурнашевымъ* (*) *въ Тифлисѣ въ* 1786. Книга сія напечатана

(*) *Степанъ Даниловичъ Бурнашевъ* — нѣкогда Курскій Гражданскій Губернаторъ, а потомъ Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ. Вся жизнь сего просвѣщеннаго вельможи, дѣятельная и долговременная, посвящена была на пользу Государя и Отечества. Будучи, въ продолженіе многихъ лѣтъ, начальникомъ одной изъ значительнѣйшихъ губерній, онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь ея жителей.

въ Курскѣ (и вѣроятно въ маломъ числѣ экземпляровъ) въ типографіи тамошняго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ 1793 году. — Авторъ разсматриваетъ свой предметъ въ отношеніи Географическомъ, Статистическомъ и Политическомъ. Онъ излагаетъ свои мысли ясно, языкомъ чистымъ и правильнымъ. Мѣсто, имъ занимаемое, тогдашнее отношеніе по службѣ и случайныя обстоятельства, давали ему всю возможность ручаться въ вѣрности собранныхъ матеріаловъ, и хотя — что разумѣется уже само собою — сообщаемыя имъ извѣстія не принесутъ теперь никакой пользы наукамъ, кромѣ относительной, но они важны, какъ памятникъ того времени, и во многихъ отношеніяхъ любопытны для насъ въ настоящее время. — Подъ общимъ названіемъ Адребижани (Адербиджани) Г. Бурнашевъ разумѣлъ, въ тогдашнее время, соединеніе нѣсколькихъ областей Персидскаго Государства или пространство земли, ограниченное съ Сѣвера и Востока Грузіею, Каспійскимъ моремъ и провинціею Гиланъ, а съ Юга и Запада областію Аракомъ и Турціею. Сюда включались: владѣніе Дербентское, Ханство Нухисъ - Шакійское, Ширванъ, Баку, Шуша, Генжа, Эриванъ, Нахичванъ, Карабагъ, Талышъ, Мышкинъ (?), Ардавель (?), Таврисъ, Марага, Урмія и Хоя. Развернувъ карту нынѣшней Персіи, съ пріятнымъ удивленіемъ видимъ, что большая часть исчисленныхъ здѣсь важнѣйшихъ и плодоноснѣйшихъ мѣстъ прежней Адербиджани, находится уже въ границахъ нашихъ, и подъ благотворнымъ правленіемъ Россіи благословляетъ славу оружія и доблесть мудрыхъ ея Государей. Въ продолженіе двухъ

Граждане города Курска изъявляли ему чувства своей признательности *особливымъ образомъ*, и тамошніе старожилы воспоминаютъ о немъ всегда съ умиленіемъ. Подробности жизни такого человѣка должны быть любопытны и поучительны.

десятилѣтій съ небольшимъ, всѣ земли по ту сторону Кавказа, великія пространствомъ, роскошныя по климату и богатыя произведеніями, включены въ составъ Россіи и наравнѣ съ нею подвигаются впередъ къ высокой цѣли своего назначенія. Столь быстрый переходъ отъ невѣжества къ просвѣщенію, отъ тьмы къ свѣту — безпримѣренъ въ бытописаніяхъ человѣчества и принадлежитъ потомству: только время въ состояніи объяснить многозначительность событій, поражающихъ современнаго наблюдателя однимъ чувствомъ благоговѣйнаго изумленія.! — Любопытнѣйшую часть книги Г. Бурнашева, безъ сомнѣнія, составляютъ собственныя его мысли и замѣчанія относительно характера, образа мыслей, степени просвѣщенія и нравовъ различныхъ племенъ, населяющихъ Персію, а особливо самихъ Персіянъ, и сосѣдей ихъ Турковъ. Не слишкомъ хорошо отзывается онъ объ обѣихъ сихъ націяхъ, и надобно сказать, что показанія его въ семъ отношеніи совершенно одинаковы съ свидѣтельствами новѣйшихъ путешественниковъ. Коснувшись характера Персіянъ и образа ихъ мыслей о Россіи, Авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Персіяне, по предубѣжденію вѣры, имѣютъ къ намъ (Русскимъ) не болѣе ненависти, сколько и къ Туркамъ, но ухищренныя представленія Турецкаго Министерства точно въ ихъ пунктѣ страха *обращаютъ ихъ на свою сторону и по извѣстіямъ о сношеніяхъ Турецкихъ съ окрестными Грузіи народами и явнымъ дѣламъ пограничныхъ ихъ начальниковъ* видится, что Порта не взираетъ спокойно на распространеніе власти Россійской и утвержденіе въ ея сосѣдствѣ.... Очевидно, что политика Порты, неизмѣнчивая въ коварныхъ началахъ и хитрая въ дѣйствіяхъ, все еще таже самая, каковою была слишкомъ за сорокъ лѣтъ: никакія политическія отношенія, никакое вліяніе обстоятельствъ,

ниже самое время не можетъ поколебать лживыхъ правилъ фанатизма и суевѣрія. — *Не взирая на всѣ увѣренія (,) быть могущія (,)* продолжаетъ Г. Бурнашевъ, *о постоянномъ мирѣ съ Россіею, не оставитъ она* (Порта) *чтобъ посторонними дорогами не возмущать спокойствія сихъ предѣловъ . . . .*" и проч . . Изъ числа извѣстій, сообщаемыхъ въ этой книгѣ относительно областей, составлявшихъ прежнюю Адербиждань Персіи, выписываемъ для любопытства только то, что говорится, между прочимъ, объ Эривани. Читатели увидятъ, въ какой мѣрѣ городъ сей тогда еще былъ важенъ для Персіи, и какія существенныя выгоды предполагаетъ настоящее присоединеніе онаго къ владѣніямъ Россіи. „Эривань, городъ и немалое владѣніе подъ симъ именемъ, по лѣвую сторону рѣки *Араса* (Аракса) лежащее; границы онаго: отъ Сѣвера и Сѣверо-Востока Грузія, отъ Полудня Нахичевань, отъ Запада Турція. Эриванскій Ханъ можетъ поставить войскъ до 5,000, въ числѣ коихъ третья часть Армянъ; имѣетъ сверхъ того кочующихъ по правую сторону рѣки Араса *Куртовъ* (Курдовъ), кои лѣтомъ уходятъ въ горы, а зимою живутъ въ деревняхъ около города Эривани подъ начальствомъ двухъ старшинъ; число ихъ состоитъ иногда до 2,000 семей, а иногда и до 3,000. Эривань приносилъ ежегодной подати 6,000 тумановъ, что учинитъ 50,000 рублей серебра, и проч.

Въ заключеніе Г. Бурнашевъ, повторяя снова мнѣніе свое о Персіянахъ и называя вообще всѣхъ Хановъ Персіи лживыми и коварными, прилагаетъ подробную роспись тѣхъ изъ нихъ, которые ближе къ Россіи — но имена, прозванія и длинныя ихъ титла, нисколько для насъ незанимательны, и потому избавляемъ отъ нихъ читателей.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Почту себя счастливымъ, если изданіемъ сихъ двухъ нумеровъ Русскаго Зрителя успѣю, хотя отчасти, замѣнить для читателей потерю трудовъ настоящаго издателя.

Ноября 7 дня
1828.

А. Томашевскій.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, 10 Ноября, 1828.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Изящная Словесность.

Стихотворенія.

ПРОЗА.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

ТОРГОВЛЯ.

СМѢСЬ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

И

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго САМОДЕРЖАВІЯ *и* СВЯТОЙ ВѢРЫ *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . : по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1828.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги. Москва, 19 Ноября, 1828.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XIII и XIV.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРІЯ ЗАКОНОВЪ.

Общія замѣчанія о Русской Правдѣ, какъ о началѣ права положительнаго въ Россіи (*).

(Изъ Эверса.)

Еще во введеніи замѣчено мною о важности Русской Правды и о томъ, что она есть древнѣйшій памятникъ законодательства, какого нѣтъ ни у одного народа; ибо ни у одного не было такъ рано закона письменнаго, почти чрезъ 158 лѣтъ по основаніи Государства. Она издана во время, близкое ко времени дикости. Христіанская вѣра, чрезъ которую прекратилось у Руси приношеніе въ жертву людей, введена уже въ 988 году, слѣдовательно не болѣе, какъ за 32 года до написанія сего закона. Здѣсь собственно должно искать начала права положительнаго, и представ-

(*) См. No 1 и 2 Моск. Вѣстника. Сочиненіе Г. Эверса переводится на Русскій языкъ.

лять постепенное происхожденіе онаго изъ первоначальнаго семейственнаго союза, предшествовавшаго составленію Государства.

Въ семъ краткомъ уставѣ находимъ мы происхожденіе и первое образованіе тѣхъ древнѣйшихъ законоположеній, коихъ слѣды сохранились у Европейскихъ народовъ, кои простираются въ отдаленную древность и о происхожденіи коихъ въ другихъ Государствахъ можно только догадываться. Еще болѣе: мы можемъ показать происхожденіе сихъ учрежденій изъ первоначальнаго устройства семействъ, имѣвшаго основаніемъ своимъ самую природу человѣка.

Первое важное положеніе, заключающееся въ семъ законѣ, относится къ происхожденію денежной пѣни или виры (Wehrgeld). Мы видимъ, что мщеніе за убійство, первоначальное право семействъ, долго еще было терпимо въ Государствѣ; что оное ограничивали постепенно, и что сіе ограниченіе касалось сперва степени родства, коей предоставлялось мстить за убійство; что въ послѣдствіи вознагражденіе (со стороны убійцы) дозволялось тогда только, когда нѣкому было отмстить за убійство, и что сначала не было прямаго, безусловнаго запрещенія мстить за убійство въ степеняхъ дальнихъ. Это также основывалось на свойствѣ грубыхъ людей и древняго семейственнаго союза. Человѣкъ того времени не легко дозволялъ лишать себя права мстить за убійство, столь тѣсно соединеннаго съ его понятіями и въ

продолженіе многихъ вѣковъ бывшаго въ обыкновеніи; въ Государствѣ оно не могло оставаться при дальнѣйшемъ образованіи и утвержденіи на прочныхъ основаніяхъ союза общественнаго; но уничтожать его должно было постепенно и съ величайшею осторожностію. —

Далѣе изъ сего закона видимъ, что при всѣхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ частный человѣкъ имѣлъ право мстить за оныя. Сіе взаимное право людей, начавшись до составленія Государства, долго еще остается и въ Государствѣ. Это легко объяснить. Государство первоначально основано отдѣльно жившими семействами для взаимной защиты. Прежнихъ своихъ правъ и обычаевъ не захотѣли они перемѣнить, — и удержали ихъ въ Государствѣ. Когда изъ сего не твердаго соединенія семействъ должно было произойти цѣлому, тѣсно соединенному во всѣлъ частяхъ своихъ, Государству, въ собственномъ смыслѣ сего слова, то первоначальное право семействъ, предоставлявшее главѣ Государства мало власти и вліянія, равно какъ и мщеніе частное надобно было уничтожить. Всѣ Государства подаютъ сему примѣры. Во всѣхъ молодыхъ Государствахъ законодательство содѣйствуетъ достиженію сей цѣли, и тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе Государство; ибо тѣмъ общутительнѣе бываетъ потребность единства и увеличенія власти, главы Государства. Но вездѣ законодательная власть должна въ семъ случаѣ дѣйствовать исподо-

воль и съ большею осторожностію. Дикой человѣкъ не охотно допускаетъ лишать себя права на частное мщеніе. Въ древнемъ законѣ нашемъ мы видимъ, когда частнаго мщенія не льзя было противъ воли отнять у обиженнаго, такъ какъ права мстить за убитаго у ближайшихъ родственниковъ. Но законъ дозволилъ оное не прямо; какъ право мстить за убійство, да и сіе дозволилъ съ ограниченіемъ извѣстными степенями родства. Но изъ всего содержанія закона оказывается, что частное мщеніе допускалось какъ укоренившійся обычай. Къ уничтоженію онаго содѣйствовали не прямо опредѣленіемъ значительнаго вознагражденія за оскорбленія въ такомъ случаѣ, когда частное мщеніе не могло имѣть мѣста.

Древнѣйшія Государства основаны войнами. Состояніе военное есть почетнѣйшее; воинственный образъ мыслей господствуетъ въ первомъ письменномъ законѣ. Отъ сего произошли удивительныя для насъ опредѣленія вознагражденія за поврежденія тѣлесныя: за отрубленіе пальца 3 гривны, а за поврежденіе, нанесенное дубиною или только рукоятью меча, 12 гривенъ и столько же за вырваніе бороды; слѣдовательно въ четыре раза болѣе нежели за отрубленіе пальца. Изъ сего видно, что поносное оцѣнивалось выше болѣзненнаго и вреднаго. Если палецъ былъ отрубленъ мечемъ, то мечемъ можно было защититься отъ удара меча (1); но удары дубиною или сосудомъ,

(1) Вѣроятно въ обычаѣ было почитать чрезвычайно поноснымъ обнаженіе меча на безоружнаго, а по-

кромѣ причиненія боли, могли быть нанесены безоружному (1), или (что одно и тоже) неожиданно; они были иногда опасны, но болѣе поносны. Удары мечемъ не почитались поносными. Но поноснѣе всего было вырваніе волосъ изъ бороды, составлявшей украшеніе мужа. Посему-то и положена за оное столь высокая пеня.

Особенно замѣчательно, что не упоминается еще ни о какой денежной пени. Другое неоспоримое доказательство отдаленной древности нашего закона. Всѣ денежныя назначенія, здѣсь встрѣчающіяся, учреждены въ замѣнъ, въ вознагражденіе за частное мщеніе, и даже словъ: замѣнъ или вознагражденіе здѣсь не находится. Слѣдовательно понятіе не вездѣ еще распространилось, и учреждая вещь, не давали ей особеннаго названія. Разумѣется, что отвѣтчикъ одинъ получалъ все. Это ясно видно изъ закона. Государь не принималъ еще въ семъ никакого участія; что также доказываетъ отдаленную древность закона. Но это было уже на крайней чертѣ того времени, когда Государь не получалъ никакой части изъ сихъ вознагражденій; ибо въ слѣдующее послѣ Ярослава правленіе Государь началъ принимать въ оныхъ участіе.

тому и поставлялось правиломъ носить его всегда при себѣ.

(1) Т. е. тотъ, у кого не было въ рукахъ ни дубины, ни сосуда; ибо въ противномъ случаѣ, по праву возмездія, за удары отплачивали такими же ударами.

Всѣ наказанія, всѣ строгости, имѣвшія предметомъ своимъ собственность, заключались въ правилѣ, что каждый свое могъ взять опять себѣ, гдѣ бы оное ни нашлося. Противозаконное присвоеніе чуждой собственности было несправедливостію, за коей въ древнее время немедленно слѣдовало частное мщеніе; вмѣсто онаго въ Государствѣ установлено вознагражденіе денежное, а именно: три гривны.

Въ естественномъ состояніи при всѣхъ похищеніяхъ собственности могло встрѣтиться только два случая: или другой взялъ вещи, и онѣ найдены у него беззащитными; или взятое скрылъ онъ въ безопасное мѣсто. Въ первомъ случаѣ лишившійся бралъ свое; во второмъ случаѣ требовалъ онаго назадъ. Первоначальное правило естественнаго состоянія: брать свое, гдѣ бы оное ни нашлось, осталось господствующимъ и въ Государствѣ; оно было уважено какъ первое, главное правило. Если другой не допускалъ взять онаго, то въ естественномъ состояніи рѣшала сила, а въ Государствѣ должно было рѣшить право или правда. Здѣсь право основывалось на простомъ положеніи, что брать непозволенное значитъ оскорблять другаго. И такъ рѣшить споръ о предметѣ должно было показаніемъ способа пріобрѣтенія онаго, то есть каждый приводилъ къ тому, отъ кого получилъ вещь, и кто наконецъ не могъ сослаться на другаго, доставившаго ему оную, тотъ почитался за

взявшаго оную, и платилъ за несправедливость денежную пеню.

Такое показаніе о пріобрѣтеніи вещей, коихъ искалъ другой, случалось вообще при всѣхъ требованіяхъ, также и тогда, когда требовалось болѣе одной, точно опредѣленной вещи. Здѣсь только показаніе, по большей запутанности, должно было происходить предъ двѣнадцатью избранными мужами, кои собственно не рѣшали, но только свидѣтельствовали показанія. Тотъ, который по сему показанію оказывался удержавшимъ чужую собственность, платилъ три гривны за оскорбленіе.

Все право собственности основывалось на простомъ положеніи, одинаково признаваемомъ всѣми народами: не должно брать ничего чужаго. Этимъ все сказано. Надобно только было сіе правило привести въ употребленіе. Гдѣ дѣло очевидно и легко для всѣхъ, тамъ не нужно было дальнѣйшихъ обстоятельствъ; гдѣжъ предстояли сомнѣнія, тамъ рѣшало показаніе, то есть приведеніе къ каждому владѣтелю вещи до того, который не можетъ довести до владѣвшаго ранѣе его и слѣдовательно долженъ быть почтенъ за владѣтеля незаконнаго. Если дѣло было запутано, то рѣшалось также чрезъ показаніе, т. е. чрезъ возвращеніе къ первоначальному законному владѣтелю предмета; только въ дѣлѣ болѣе запутанномъ показаніе сіе не могло быть для всѣхъ ясно, а потому и дѣлалось предъ избранными изъ общества,

и сіи-то избранные были двѣнадцать мужей.

Болѣе этаго ничего не заключается въ древнемъ уставѣ. Очевидна простота въ первоначальныхъ распоряженіяхъ, и сія простота есть вѣрнѣйшая порука за отдаленную онаго древность. Уголовное и частное право были въ началѣ одно и тоже. Первоначально въ понятіи о вредѣ заключалось все. Проступокъ, обязанность, право означали одно и то же отношеніе, были однимъ и тѣмъ же понятіемъ, въ различныхъ только отношеніяхъ. Сей справедливый приговоръ здраваго человѣческаго разума, къ коему приводитъ сравненіе различныхъ системъ права, когда устраняемъ особенности каждой изъ нихъ (1), подтверждается и древнимъ законодательствомъ. Мы видимъ это ясно въ древнѣйшемъ законѣ нашемъ, когда говорится о собственности. Преступленія противъ собственности и простыя гражданскія требованія (civil-forderungen) ни сколько не различны: о воровствѣ вовсе не упоминается, какъ объ особенномъ преступленіи, а и того менѣе о разбоѣ. Всѣ споры объ имуществѣ могутъ быть приведены къ простому вопросу: тотъ, чрезъ кого лишаюсь моей собственности, взялъ оную, или нѣтъ? ибо чрезъ взятіе только могла оная

---

(1) Лучшее раскрытіе сего находится, по моему мнѣнію, въ Traité de la ligislation civile et pénale; ouvrage extrait de manuscrits de Zéremie Bentham, par E. Dumont. Paris, 1820, 3 vol.

противузаконно перейти въ его владѣніе, не смотря на то, онъ ли, или другой продавшій ему, взялъ оную. Мое остается моимъ; слѣдовательно я всегда получаю мою собственность назадъ, т. е. первоначально: я беру оную при всѣхъ также, какъ въ естественномъ состояніи привыкли прямо брать назадъ свое. И тотъ, кто дѣйствительно взялъ мою собственность, долженъ заплатить мнѣ за оскорбленіе. Взятіе бываетъ всегда одно и то же, какимъ бы образомъ и при какихъ бы обстоятельствахъ ни случилось. Оно всегда бываетъ однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ, которое первоначально вездѣ означаютъ словомъ: *взятіе*. И такъ, заключаетъ далѣе дикой человѣкъ по простому естественному уму своему, во всѣхъ сихъ случаяхъ должно слѣдовать удовлетвореніе: въ естественномъ состояніи частное мщеніе, въ Государствѣ опредѣленное за оное награжденіе, которое одинаково для всѣхъ родовъ взятія. — Всѣ такъ называемыя гражданскія требованія касательно собственности (въ противность тѣмъ, кои по нашимъ понятіямъ соединяютъ съ онымъ оскорбленіе уголовнаго права) основывались первоначально на обвиненіи, что другой взялъ у насъ нашу собственность. Если это оказывалось справедливымъ, то онъ обязывался сдѣлать вознагражденіе за сіе оскорбленіе, а потому всѣ требованія касательно собственности, если оная признана законною, влекли за собою первоначально вознагражденіе, кото-

рое долженъ былъ заплатить противникъ, признанный владѣльцемъ незаконнымъ, родъ денежной пени, которую вначалѣ, какъ и всѣ денежныя пени (ибо тогда были онѣ просто вознагражденіемъ), получалъ одинъ истецъ. Сія денежная пеня, бывшая одинакою во всѣхъ родахъ взятія, въ случаѣ кражи, неплатежа долга, удержанія ввѣреннаго имущества и т. д., составляетъ въ Государствѣ наказаніе (вознагражденіе) за обыкновенную несправедливость; потому что такое задержаніе чужой собственности чаще всего наноситъ вредъ другому. И такъ оно употреблялось и въ другихъ родахъ несправедливости (при тѣлесныхъ поврежденіяхъ); или можетъ быть первоначально вознагражденіе, опредѣленное за обыкновенное тѣлесное поврежденіе, распространено было и на удержаніе собственности. Какъ бы то ни было, но во всѣхъ древнихъ правахъ находимъ ту же пеню за обыкновенную несправедливость, какъ и за противозаконное присвоеніе чужой собственности (1).

(1) Первоначально вознагражденіе, а потомъ денежная пеня. Сими замѣчаніями, основанными не на однихъ предположеніяхъ, но почерпнутыхъ изъ закона, очевидно, древняго и достовѣрнаго, объясняются странныя узаконенія древнихъ касательно собственности — многое, кажущееся намъ въ оныхъ непонятнымъ отъ незнанія разныхъ посредствовавшихъ обстоятельствъ, разрѣшится здѣсь весьма удовлетворительно, если воспользуемся всѣми положеніями, находящимися въ древнемъ нашемъ законѣ. Здѣсь видимъ мы происхожденіе перво-

Изслѣдованія о томъ, дѣйствительно ли сдѣлано похищеніе, въ первыхъ законахъ нѣтъ. Это было трудомъ слишкомъ тягостнымъ, о коемъ тогда никто и не помышлялъ. Тотъ, у кого находили чужую вещь, почитался похитителемъ до того времени, пока не доказывалъ противнаго; если же сей послѣдній хотѣлъ отвесть отъ себя обвиненіе, то долженъ былъ представить, то есть привести того, отъ кого онъ получилъ вещь. Наконецъ, кто не могъ, или не хотѣлъ привести ни къ кому другому, долженъ былъ заплатить вознагражденіе, ибо оставался въ семъ случаѣ виновнымъ. Пока воровство не дѣлалось особымъ преступленіемъ, а всѣ роды противозаконнаго присвоенія почитались за оное, подозрѣваемый въ воровствѣ почитался за настоящаго вора, если не могъ отвратить взводимаго на него подозрѣнія.

И такъ все право составляли слѣдующія пять положеній: 1) ограниченія кровавой мести близкою степенью родства и установленіе денежнаго вознагражденія въ случаѣ, если сего не возможно будетъ произвести въ дѣйствіе; 2) установленіе или, лучше сказать, безмолвное допущеніе частнаго мщенія при тѣлесныхъ поврежденi-

---

начальнаго, на правѣ основаннаго понятія о собственности. Отрывки изъ законодательства другихъ древнихъ народовъ, до насъ дошедшіе, относятся, по крайней мѣрѣ къ сему періоду, и легко могутъ быть выведены изъ начала права, какъ скоро сіе послѣднее найдено.

яхъ, и назначеніе вмѣсто онаго денежнаго вознагражденія; 3) утвержденіе самовластнаго отнятія своей собственности, гдѣбъ оную ни нашли, и установленіе, кромѣ онаго вознагражденія за поврежденіе; 4) въ случаѣ спора обращеніе къ прежнему владѣльцу, такъ что послѣдній, не могшій болѣе ни на кого указать, платилъ вознагражденіе; 5) рѣшеніе всѣхъ запутанныхъ дѣлъ чрезъ подобное обращеніе къ прежнимъ владѣльцамъ двѣнадцатью мужами, изъ общества избранными, съ уполномочіемъ взимать вознагражденіе съ того, кто удерживалъ у себя чужое.

Изъ сего краткаго обозрѣнія видно, что первоначально уголовное и гражданское права были внутренно между собою соединены. Все право основывалось на понятіи о поврежденіи, къ коему присоединялось понятіе о справедливости и возвращеніи взятой вещи. Положеніе вещей, бывшее до учрежденія власти въ Государствѣ, естъ основаніе всего первоначальнаго законодательства. Первоначально все почиталось поврежденіемъ, и на поврежденіе только обращалось вниманіе. При поврежденіяхъ личныхъ предоставлялось частное мщеніе, какъ въ состояніи естественномъ, только чрезъ постепенное ограниченіе и приманкою выгоды (собственность получаетъ большую цѣну въ Государствѣ, поелику она безопаснѣе) старались содѣлать оное рѣдкимъ. При поврежденіяхъ собственности уничтожили уже частное

мщеніе; здѣсь это установили ранѣе всего, поелику боль, а слѣдовательно и влеченіе ко мщенію не столь сильно. Вмѣсто онаго установлено вознаграждать имуществомъ.

Въ первоначальномъ судопроизводствѣ все сообразовалось съ естественнымъ состояніемъ. Не было судей, не было судилища, не было судебныхъ служителей, ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ. — Имя истца еще не вошло въ употребленіе. Каждое требованіе было дѣломъ общественнымъ, подобно какъ всякое требованіе между членами семейства есть дѣло всего семейства. Предъ ихъ глазами происходило все производство дѣла. Общеизвѣстность обезопашивала отъ несправедливости, ибо цѣлому обществу не легко поступить несправедливо съ сочленомъ своимъ, какъ въ семействѣ члену семейства. Первыя общества произошли изъ семействъ, взаимно соединившихся. Тотъ, у кого похитили собственность, бралъ оную при всѣхъ, а похититель тутъ же платилъ вознагражденіе. Это было бы чрезвычайно затруднительно въ наши времена, а не въ тѣ; ибо сдѣлавшій несправедливость не смѣлъ предъ цѣлымъ обществомъ медлить уплатою вознагражденія, составлявшаго право всего общества и которое одно могло предохранить его отъ частнаго мщенія. Если дѣло было не совсѣмъ ясно, если встрѣчалось сомнѣніе, то обѣ стороны, также въ присутствіи всего общества, совѣтовались, но

безъ помощи третьяго лица. Они, будучи сами и свидѣтелями и судіями, при всѣхъ переходили къ тому, у кого прежде всѣхъ находилась спорная вещь, и если она взята, слѣдовательно несправедливо перешла во владѣніе другаго, то это оказывалось при изслѣдованіи. Кто не могъ оправдаться показаніемъ на предшественника, тотъ оставлялъ себя въ подозрѣніи, а посему и долженъ былъ заплатить. Въ семъ случаѣ какъ сей не могъ медлить уплатою закономъ поставленнаго удовлетворенія, коему онъ подвергся по общему показанію, такъ и тотъ, у кого найдена чужая собственность и который не можетъ показать, отъ кого оную получилъ. Я говорю: тяжущіеся въ первоначальномъ судопроизводствѣ были сами и свидѣтелями и судьями и судебными служителями: ибо мѣсто всѣхъ сихъ лицъ заступала публичность судопроизводства. — Сего изслѣдованія не льзя было производить медлительно; осмѣлившійся сдѣлать это, возбудилъ бы противъ себя негодованіе цѣлаго общества: ибо оскорбилъ бы права его. Въ тогдашнее время не возможно было отважиться на таковой поступокъ. Весьма рѣдко могло случиться, чтобъ гражданинъ простеръ тогда свою дерзость до такой степени, во всякомъ случаѣ, долженъ ли онъ былъ бояться ненависти своихъ соотечественниковъ, или нѣтъ. Это было бы для него все равно, какъ и добровольное лишеніе себя покровительства законовъ. Посему су-

лебныя лица, и вообще судопроизводство въ теперешнемъ смыслѣ были бы тогда совершенно излишними. На сей-то первоначальной степени законнаго состоянія находимъ мы людей во время изданія нашей Правды. Между тѣмъ не воспрещалось, чтобы тѣхъ, отъ коихъ что-либо требовалось, сопровождали иногда родственники или друзья (1).

Такимъ образомъ самыя партіи, сообразно повелѣнію закона, представлялись въ видѣ двухъ гражданъ, а посему и не имѣли нужды, чтобъ дѣло ихъ разбиралось третьимъ.

Еслижъ дѣло было такого рода, что не могло быть изслѣдовано въ присутствіи всѣхъ; если оно, по запутанности своей, требовало многихъ изслѣдованій; тогда избирались изъ общества двѣнадцать мужей, представлявшихъ въ нѣкоторомъ отношеніи все общество. Они дѣлали только то, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ дѣлало общество. Это ясно видно частію изъ нашего закона, ибо въ оном не предписывается на сей случай ничего особеннаго; частію изъ свойства первоначальнаго судопроизводства, нами описаннаго. Подобно какъ въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ дѣло оканчивалось простымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ глазахъ всего общества и само собою рѣшалось (тогда достаточно

(1) Такъ могли произойти advocati, кои въ другихъ древнихъ законахъ являются позднѣе.

было, если само общество видѣло резулътатъ); такъ точно и здѣсь разрѣшеніе запутанныхъ изслѣдованій происходило въ глазахъ двѣнадцати мужей. Достаточно было, чтобъ сіе происшествіе повѣрено было ихъ глазами. Никто не могъ медлить въ исполненіи по ихъ приговору; ибо двѣнадцать мужей заступали мѣсто общества, общество (за неимѣніемъ другаго средства), сказанное ими, признавало столь же вѣрнымъ, какъ и имъ самимъ видѣнное. Здѣсь видно основаніе учрежденія присяжныхъ (jury), учрежденія весьма древняго и, вѣроятно, общаго всѣмъ народамъ. Двѣнадцать мужей говорили о происшествіи, то есть, выводили изъ изслѣдованій заключеніе (1), и такимъ образомъ произносили приговоръ; ибо право тогда не было еще особою наукою; рѣшеніе само собою происходило изъ розысканій (2).

Въ древнемъ законѣ нашемъ (т. е. въ Русской Правдѣ) не говорится ничего о правахъ семейственныхъ и наслѣдственныхъ. И то и другое первоначально было дѣломъ семейнымъ, въ которое не вмѣшивалось законодательство; хозяинъ или гла-

---

(1) Въ Англіи: *виноватъ* и *невиноватъ*. —

(2) Въ Англіи произносятъ это судьи — учрежденіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда составилась особая наука правъ, и фактической приговоръ въ дѣлахъ судебныхъ отдѣлила отъ правомѣрнаго. Въ древности оба они употреблялись вмѣстѣ.

ва семейства имѣлъ неограниченную власть касательно рѣшенія дѣлъ семейныхъ.

Въ древнемъ законѣ ничего также нѣтъ и о правѣ общемъ (публичномъ). Состояніе, въ коемъ находилось въ то время общество гражданское, не имѣло въ ономъ нужды. Власть Государя основывалась на тѣхъ же естественныхъ основаніяхъ, какъ и власть главы семейства; а посему и не было нужды въ постановленіяхъ касательно оной. Верховная власть Государя была проста и неограниченна. Въ общественныхъ доходахъ своихъ онъ не имѣлъ ничего общаго съ правами гражданъ, кои одни были предметомъ закона. — Государевъ Намѣстникъ употреблялъ верховную власть вмѣсто Государя; въ дѣла гражданъ вмѣшивалось все общество. Въ томъ только случаѣ, когда одинъ человѣкъ отказывался отъ повиновенія законамъ общества, верховная власть Государя противъ него возставала; но случаи такого рода были рѣдки; и въ прежнее время почиталось правиломъ: лишать того покровительства законовъ противъ произвольныхъ дѣйствій другихъ, кто противится закону и законной власти.

Такимъ-то образомъ простой законъ нашъ, при всей своей краткости, былъ совершенно достаточенъ для того времени.

Съ Нѣм. П. Ар—въ.

О ТИТУЛѢ И ГЕРБѢ РОССІЙСКАГО ЦАРЯ (*).

Имя *Царь* не есть Русское, но происходитъ отъ Латинскаго Caesar. Городъ Константинополь одинъ изъ всѣхъ былъ называемъ Царьградомъ и по сіе время сохранилъ сіе названіе. Къ тому жъ, одни Римскіе Императоры въ продолженіе многихъ столѣтій назывались Царями. Начиная со временъ Асана, Короля Болгарскаго (иначе называемаго Ассегномъ или Ассеніемъ), который, разбивши Императора Балдуина въ кровопролитномъ сраженіи противъ Грековъ, былъ отъ того названъ *Ρευμεοκτόνος* Римскимъ (по примѣру Императ. Василія), прозваннаго *Βουλγαροκτόνος* (Болгарскимъ). Послѣ чего, вступивши въ союзъ съ Греческимъ Императоромъ, получилъ отъ Грековъ названіе *Βασιλεύς*. Съ сего времени, какъ кажется, Короли Болгарскіе, прежде называемые Кралями, начали именоваться Царями. Это можно видѣть въ Акрополитѣ, который называетъ его *Βασιλεύς*, и если не ошибаемся, еще въ древнѣйшемъ Писателѣ, въ которомъ сказано, что по причинѣ родства, соединявшаго Болгарскихъ Королей съ Греческимъ Императоромъ, сіи послѣдніе дали имъ сіе названіе. Послѣ чего, въ подражаніе Болгарамъ, Русскіе Князья начали

(*) Изъ *Путешествія Рафаила Барберини*, перевед. Адъюнктомъ Г. Галлеромъ и издаваемаго Москов. Истор. Обществомъ.

называться Царями. Изъ сего видно, что *Царь* происходитъ отъ слова Caesar; такъ какъ поиспански Zaragoza есть названіе, происходящее отъ словъ Caesar-Augustus. Но по разнообразію въ произношеніяхъ изъ слова Caesar произошло *Цессарь*, а еще древнѣйшее и достовѣрнѣйшее значеніе онаго *Царь*. Къ тому же должно прибавить, что Греки неохотно называли своихъ Императоровъ *Καῖσαρ*, но всегда *Βασιλεύς*. Другихъ же Королей, на границахъ Имперіи находящихся, не именовали *Βασιλεῦς*, но *Ρῆγας*. Такъ какъ Оттона Великаго Константинъ Порфирородный назвалъ *Μέγας Ρήξ*, великимъ Королемъ; посему-то владѣльцы Болгарскіе отъ Грековъ называемы были (Crales) Кралями, то есть *Король яма*. Но въ послѣдствіи времени, какъ выше сказано, начали называться *Βασιλεῦς*. Изъ сего видѣть можно, что Болгары и другія Славянскія племена называли Греческихъ Императоровъ Царями. Почему тотъ, который погречески назывался *Βασιλεῦς*, всѣми Славянами называемъ былъ Царемъ. Отъ сего и переводчикъ Священнаго Писанія, Блаженный Кириллъ Кефалонійскій, родомъ изъ Грековъ, думаетъ, что слово *Царь* есть слово, принадлежащее сему языку и не имѣющее другаго значенія, какъ по нашему Король, а потому и переводитъ въ Священномъ Писаніи Rex словомъ Царь. А слѣдующій стихъ: Non habemus regem, sed Caesarem, вмѣсто того, чтобъ сказать: Nimamo Cralia, tacmo Zara, пишетъ такъ: Nimamo Zara, tacmo Kesara, какъ будто бы

въ подлинникѣ было: Non habemus Caesarem, sed Kesarem. По бѣдности языка, онъ долженъ былъ употребить Греческое слово Kaesar, которое ни въ какомъ Славянскомъ нарѣчіи не было извѣстно и не могло быть замѣнено другимъ; а поелику Славяне не могли, такъ какъ Греки, перевести Латинскаго слога *се*, на *ке*, потому что не имѣли въ своемъ языкѣ произношенія буквы *се*, то не токмо Соломонъ и Александръ, но и гораздо меньшіе владѣльцы названы Царями въ переложеніи Св. Писанія. Сіе подало поводъ и Русскимъ Князьямъ, не могшимъ равняться достоинствомъ съ Королями, присвоить себѣ имя Царя, и такимъ же именемъ называть нѣкоторыхъ Татарскихъ Князей, признававшихъ надъ собою власть Турецкихъ Государей. Слово Царь повторяется также, для означенія Королевскаго достоинства, при наименованіи нѣкоторыхъ странъ, чѣмъ и доказывается, что владѣльцы оныхъ имѣютъ право называться Царями. Изъ сего выводитъ нашъ Писатель, что Caesarea Maiestas не имѣетъ одинаковаго значенія съ словами Zarskoe Velicestvo, которыя, по мнѣнію Русскихъ, не значатъ Цесарское, но Королевское Величество, зная, что никакой владѣлецъ, выключая Римскаго Императора (и можетъ быть, Нина, Дарія и Александра) не имѣлъ права называться Цесаремъ (Caesar) — слово, которое исключительно принадлежитъ Римской Имперіи. Сіе слово, будучи превращено въ слово Царь Блаженнымъ переводчикомъ и вообще всѣмъ на-

родомъ и потерявъ свое прежнее значеніе, употреблено было вмѣсто слова Cral, то и назывался Свѣтлѣйшій ихъ Князь Царемъ, титулъ, означающій не Цесаря, но самодержавнаго владѣльца, Богомъ вѣнчаннаго. Еще находится при Московскомъ Дворѣ книга о посольствахъ Россійскихъ и Польскихъ, въ которой видны безпрерывныя ссоры по случаю названія сего Царя. Поляки привозили письма безъ Царскаго титула, отъ чего неоднократно начинались ссоры, послѣ коихъ разставались врагами и не рѣдко принимались за оружіе. Русскіе спрашивали: почему вы такъ безчестите того, который Богомъ вѣнчанъ? Поляки отвѣчали: сей титулъ не можетъ принадлежать вашему Князю, пока онъ (Князь) не отправитъ посольства къ Христіанскимъ Державамъ и не испроситъ ихъ согласія для присвоенія себѣ онаго. Русскіе возражали: ни посольство, ни таковое согласіе не нужны, потому что, кто имѣетъ право на престолъ, царствуетъ по волѣ Божіей; кто можетъ противиться всѣмъ Государямъ, тотъ есть истинно Царь; наконецъ Богъ и правда сильнѣе всѣхъ людей. Таковые споры были причиною, что во всей Европѣ противъ всякаго правосудія и вопреки правъ Россійскихъ Государей, не признавали ихъ Царями, тогда какъ безъ противорѣчія называли Королями владѣльцевъ, уступающихъ имъ въ могуществѣ, и даже похитителей престола и притѣснителей народовъ. Показавши такимъ образомъ начало и настоя-

щій смыслъ слова *Царь*, увидимъ, что, по мнѣнію нашего Писателя, могло оно еще произойти отъ Еврейскаго слова *Царахъ* или *Сарахъ*, или отъ двухъ послѣднихъ слоговъ Халдейскихъ именъ Балтазаръ и Салманазаръ. Но таковое толкованіе опровергается уже изложенными доводами и тѣмъ, что Славяне, не имѣвшіи никакихъ сношеній съ Евреями и Халдеями, не могли занять отъ нихъ слова *Царь*.

Послѣ сего сочинитель повѣствуетъ, что Царь Іоаннъ Васильевичь первый помѣстилъ орла въ гербѣ своемъ, потому что выводилъ свое происхожденіе отъ Римскихъ Императоровъ, а, по словамъ другихъ, отъ Юлія Цесаря, чего не можно полагать совершенно невѣроятнымъ, если замѣтимъ, что Матѳій, Король Венгерскій, полагаясь на увѣреніе своего Исторіографа, почиталъ себя потомкомъ Мессалы Корвино, и что многія колѣна и города вымышляли, или вѣрили подобнымъ преданіямъ о своемъ происхожденіи, полагая, что оное недостойно уваженія, ежели не теряется во временахъ Трои. Но другіе Цари Россійскіе, не подражая честолюбію Іоанна, оставили орла въ своемъ гербѣ не потому, что онъ былъ принятъ Римлянами, но какъ имъ принадлежащій по ихъ выбору и соизволенію. По сей причинѣ, говоритъ нашъ авторъ, ихъ орелъ не былъ изображенъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ и по сіе время находится въ гербѣ Западной Римской Имперіи; если же въ семъ случаѣ Русскіе Князья и взяли въ

уваженіе Римской гербъ, то сіе, можетъ быть, потому, что послѣ совершеннаго разрушенія Греческой Имперіи, завоеватели уничтожили и прежній гербъ оной. А такъ какъ Русскіе Цари одни изъ всѣхъ Государей были Греческаго вѣроисповѣданія, то и хотѣли возобновленіемъ презрѣннаго герба почтить память Греческихъ Императоровъ, еще тѣмъ болѣе, что въ семъ подвигѣ видѣли дѣйствіе духа всего падшаго народа.

Значеніе нѣкоторыхъ Славянскихъ словъ:

Samodarses, Cnees, Gospodar, Pravednoe sonze, Ban, Supan, Pan, Voivoda, Bogliaria, Vladica, Rusin, Harvat, Sarbin, Slovia.

Сей титулъ (Samodarses) переводится словомъ самодержецъ, что буквально по-гречески значитъ Αὐτοκράτεος, то есть Государь Монархъ.

(Cnees) значитъ человѣкъ, имѣющій владѣнія, или силу, власть; почему переводчикъ Священнаго Писанія переводитъ Ἄρχεον, Princeps, словомъ Cnees. Сіе названіе у Русскихъ дается только людямъ знатнѣйшаго рода, у Поляковъ и Богемцевъ однимъ духовнымъ, у Кроатовъ дворянамъ и художникамъ, но не духовнымъ особамъ, и значеніемъ равняется Испанскому (Don); для означенія военныхъ чиновъ не употребляется слово Cnees, потому-то и не значитъ Veliki Cnees (Gran Duca) Великій Герцогъ, но (Gran Principe) Великій Князь.

Voivoda означаетъ Герцога (Duca) и произносится съ удареніемъ на второмъ слогѣ:

Сіе слово составлено изъ voyi, *солдатъ*, *воинъ*, или изъ voiska, *рать*, *войско*, и изъ слова voditi, *вести*, *водить*.

Gospodar, пославянски значитъ господинъ, хозяинъ дома, и происходитъ отъ слова gospodin (signore) господинъ; но Русскими употребляется, когда говорятъ о Князѣ или знатномъ человѣкѣ въ Государствѣ, и потому даютъ сіе названіе всякому Владѣтельному Князю.

Есть еще изрѣченіе, часто употребляемое простымъ народомъ, которымъ величаетъ онъ своего господина, говоря: pravednoe sonze (il vero sole), истинное солнце. На вопросъ: для чего даете ему таковое названіе, отвѣчаетъ: потому что онъ Upravitel pravoslavnee viri, то есть защитникъ правой вѣры.

Слово Ban (которое Константиномъ Порфиророднымъ написано какъ Boran) означаетъ должность, достоинство, и присвоено было правителю или Вицекоролю Кроаціи и всегда пишется Латинскими буквами слѣдующимъ образомъ: Banus. Оно происходитъ отъ глагола boiatise или batise, то есть бояться, страшиться; сіе причастіе перевести можно словомъ timendus.

Порфирородный повѣствуетъ, что Славянскіе народы древлѣ не признавали власти одного Государя, но управляемы были старшинами по округамъ или участкамъ, называемыми Supa. Сіи правители извѣстны были подъ именемъ Supani, которое во многихъ писателяхъ переведено словомъ

Ζουπάνος и Σουπαν. Сіи Supani перемѣнили свое названіе въ Польшѣ, а пошомъ и въ Россіи на слово Voivoda, которое Поляки замѣнили Лашинскимъ словомъ Palatinus. Но въ Кроаціи и Венгріи осшалось древнее названіе, сокращенное на špan и sspan; въ Лашинскомъ языкѣ названы они Comites, Графами, коихъ раздѣлять должно: на Графовъ по должности, имъ исправляемой, и называемыхъ Comes (всегда съ прибавленіемъ) Comitatus talis, и на Графовъ по праву наслѣдія, для различія называемыхъ непремѣнными, коихъ шишулъ писался слѣдующимъ образомъ: Comes Ioannes Drascovitius, Perpetuus de Tracostian, Dalmatiae, Croatiae et Sclavoniae Banus. Отъ слова Supan произошло слово pan, которое въ употребленіи у Поляковъ и Богемцевъ, но другимъ Славянамъ не извѣстно; оно значитъ господинъ. Другіе же употребляють вмѣсто сего слово gospodin.

Boiar (или Bogliar и Bogliarin) происходитъ отъ слова Bogli и значитъ у Русскихъ *больще, сильнѣе*, а у Кроатовъ *лучще, предпочтительнѣе*. И такъ слово Bogliar означаетъ вельможей, первыхъ особъ въ Государствѣ. Dumni Bogliari, то есть Совѣтники Царскіе, такъ названы отъ слова duma, *совѣтъ*. Московитяне не всегда говорятъ Bogliarin, но такъ же boarin, отъ чего, какъ кажется, произошло слово Barone. Другіе, писавшіе Bogliar, съ Лашинскимъ окончаніемъ, сдѣлали изъ онаго слово Boiarones, которое, по видимому, стало извѣстно въ Италіи со вступленія въ нее войска Коро-

лй Одоакра. Сей же Одоакръ, по мнѣнію Историковъ, былъ родомъ Славянинъ, что подтверждается именемъ его, потому что имя Otocar (которымъ назывались и другіе Короли Богемскіе) происходитъ отъ слова otok, *островъ*, и значитъ островскій.

Ladica (или съ согласной буквой V) Vladico, есть названіе, присвоенное верховному духовенству, такъ какъ у Италіанцовъ Monsignore, и значитъ погречески *Δεσπότης*, dominus. Симъ словомъ еще величаютъ Господа Нашего Іисуса Христа, а происшедшимъ отъ онаго Vladicitza, *Δεσπόινα*, Пресвятую Матерь Божію. Русскіе даютъ сіе имя первосвященникамъ, не потому что оно имъ принадлежитъ, но изъ уваженія къ высокому ихъ сану, который означается словомъ Episcop, то есть Архіерей.

Писатели, производящіе названіе Русскихъ отъ слова *разсѣяніе*, ошибаются потому, что глаголъ rassijati, или rossijati (разсѣять, раздѣлить на разные народы), иными произносится на а, другими на о, но никогда на u, и всѣми выговаривается, какъ выше написано съ двумя s. Напротивъ, въ словѣ Rusin, то есть Русскій, всѣми произносится буква u, а только одинъ s, и такъ Rassijan, disseminatus, не то, что Rus (то есть Flavo), отъ котораго произошло слово Russin (такъ какъ Латинское flavus). Rus безъ сомнѣнія было имя перваго Князя, отъ котораго сей народъ, такъ какъ и другіе отъ своихъ предводителей, получилъ прозваніе Русскихъ, Russi.

Нѣкоторые Историки писали, что Славяне такъ названы были отъ слова slava, *слава*; но сіе мнѣніе не основательно, потому что каждое Славянское племя иначе выговариваетъ гласныя буквы въ иныхъ словахъ общаго всѣмъ языка. На примѣръ Кроаты говорятъ Glava, а Поляки Glova, Capo, голова. Но въ словѣ slava у всѣхъ единогласно произносится первый слогъ на о, тогда какъ въ Slavoni (отъ котораго взято Латинское Sclavoni) никогда и ни которымъ изъ сихъ народовъ буква *о* въ первомъ слогѣ не перемѣнялась на а. Иные думаютъ, что Slovini произошло отъ slovo, и народъ названъ Slovini, потому что былъ словоохотенъ, говорливъ. Но сія догадка несправедлива по той причинѣ, что всѣ Славянскія поколѣнія (выключая Поляковъ) весьма далеки отъ болтливости, а говорятъ тихимъ голосомъ и медленно, для того что имѣютъ языкъ часто измѣняющійся, преисполненный трудностями и недостаточный въ постоянныхъ правилахъ для составленія рѣчей, въ чемъ сходствуетъ съ Латинскимъ языкомъ, которымъ весьма трудно говорить и писать правильно, не имѣя времени припомнить и найти извѣстныя правила и примѣры. Къ тому же, сей языкъ почти не имѣетъ бранныхъ или богохульныхъ словъ (выключая двухъ или трехъ), ни другихъ выраженій, означающихъ гнѣвъ или презрѣніе. И такъ Славяне, Slovini, получили свое названіе отъ Slovino, имя перваго ихъ предводителя въ то время, когда наро-

ды начали расходиться. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что они безъ сомнѣнія должны были имѣть родоначальника, подъ именемъ коего стали извѣстны, такъ какъ и другіе народы назывались именами своихъ вождей.

Когда писали на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ слово Slovoni, то раздѣляли букву о отъ буквъ L, M, N, K другою буквою, потому что С предъ сими буквами имѣетъ произношеніе рѣзкое и твердое, коего въ сихъ языкахъ почти не возможно выразить: Для сего Греческіе Историки поставляли иные каппу, другіе ѳиту между буквами сигмы и ламвды и писали то Sklavini, то Sthlavini. Къ тому же, терпѣвшіе нападенія и разоренія отъ Словянъ, въ особенности отъ Князя Волгарскаго Cruno или Coruno (своими прозваннаго Грознымъ, Sarditi Corun Vaivoda), убившаго Императора Никифора и отъ преемниковъ его въ продолженіе многихъ столѣтій, Греки, изъ ненависти и презрѣнія къ врагамъ своимъ, употребляли для самой тяжелой работы на галерахъ всѣхъ военныхъ, и настоящій смыслъ слова Sclavini перемѣнили и толковали, какъ бы оно означало раба, невольника; въ слѣдствіе чего во всей Европѣ невольники называемы были sclavini, невольники. Еще не менѣе странно и несбыточно писалъ Константинъ Порф. о значеніи слова Σέρβλοι, говоря, что Сербы такъ называются потому, что они рабы, служители Римлянъ и прозваны еще Τζειβοολα, то есть обувь, башмакъ. Но должно замѣтить, что сей народъ на соб-

ственномъ нарѣчіи называется Sarbi; въ этомъ словѣ пишется и выговаривается буква В, а не Латинская согласная или Греческая Θ. Имя же свое получили Сербы отъ перваго предводителя Sarblin, Сарблина, о коемъ упоминаютъ народныя ихъ пѣсни. Посему и не должно выговаривать Servia или Sérviani, но Sarbia и Sarbi, тѣмъ болѣе, что Сербы никогда не были подданными Римлянъ, но напротивъ послѣ всѣхъ Славянскихъ народовъ лишены были свободы и покорились власти Оттомановъ. Онъ же Константинъ говоритъ, что Кроаты *Χρευβατοι*, такъ названы отъ *χεῦρα*, Королевскій: quasi multam regionem tenentes, прибавляя, что во время ихъ Князя *Χρευβατα* раздѣлялись они на разные народы одного происхожденія. Сіе послѣднее названіе справедливо; но первое не доказывается основательными доводами, потому что Кроаты на собственномъ нарѣчіи называются Harvati, отъ перваго своего Князя Harvata; еще замѣтимъ, что слово Croato всѣми безпристрастными и уваженія достойными Латинскими Историками пишется по правилу втораго склоненія на us, Croatus; а что тѣ изъ нихъ, которые пишутъ по первому, то есть на a, Croata, желая доказать варварское происхожденіе сего имени, давъ ему одинаковое окончаніе съ словами Scytha и Geta, обнаруживаютъ чрезъ то пристрастіе свое или неразумѣніе и тѣмъ доказываютъ, что многіе давали ложныя свѣдѣнія о сихъ народахъ пото-

му, что не всегда писали то, что съ истиной было согласно.

Г.

ИЗЪ ИСТОРІИ ИТАЛІАНСКОЙ ЛИТТЕРАТУРЫ (*).

Чтеніе і.

Великій трудъ предлежитъ мнѣ: я предпринялъ написать, — по крайней мѣрѣ, собрать изъ разныхъ писателей и представить вамъ на Русскомъ языкѣ — Исторію Италіанской Литтературы, то есть Исторію начала всѣхъ наукъ въ Италіи. Я обязанъ показать вамъ, какъ онѣ рождались, цвѣли, приходили въ возрастъ зрѣлости, совершенствовались; что благопріятствовало, что не благопріятствовало имъ; кто изъ жрецовъ ихъ достигалъ большей славы; кто покровительствовалъ наукамъ и искуствамъ; кто распространялъ ихъ.

О знаменитѣйшихъ писателяхъ и такъ называемыхъ образователяхъ (umanista) говорить буду пространно, о менѣе славныхъ — коротко, о многихъ — только намекну. Не опущу случая говорить о сред-

---

(*) Издатель предполагаетъ составить полный курсъ Исторіи Италіанской Литтературы; здѣсь предлагается первое чтеніе и то неполное.

стпвахъ, способствовавшихъ образованію знаній; посему въ чтеніяхъ нашихъ займетъ не последнее место Исторія общественныхъ учебныхъ заведеній, Библіотекъ, Академій, Типографій и проч. Въ планъ чтеній нашихъ войдутъ и такъ называемыя свободныя искусства, т. е. Живопись, Ваяніе и Зодчество, потому что они тесно связаны, если не со всеми науками, по крайней мере, съ Словесностію въ настоящемъ ея значеніи.

Исторію нашу начнемъ не съ рожденія, но съ возрожденія наукъ въ Италіи, и потому ненужнымъ почитаю говорить о Литтературе Этрусковъ и Римлянъ, прежнихъ обитателей Италіи; не намеренъ вести васъ по лабиринту пяти вековъ, протекшихъ между паденіемъ Западной Имперіи и пробужденіемъ ума человеческаго въ Южной Европе. Начнемъ Исторію нашу съ двенадцатаго века, славнаго въ летописяхъ міра торжественнымъ пробужденіемъ умственной деятельности и самобытности, — двухъ счастливыхъ воспитательницъ просвещенія.

По плану, предположенному мною, Исторіи Литтературы должна предшествовать Исторія Политическая того времени, которое намерены мы разсматривать въ отношеніи литтературномъ. Ей посвящается нынешнее чтеніе.

Политическое состояние Италии до двенадцатаго века. Пробуждение дѣятельности ума человѣческаго и самобытности.

Долго томившаяся въ изнеможеніи Западная Римская Имперія пала наконецъ. Августулъ, послѣдній изъ Римскихъ Императоровъ, свергнутъ Одоакромъ - Геруломъ или Скиѳомъ по происхожденію, принявшимъ названіе Короля Италіи. Съ нимъ владычество Рима въ первый разъ перешло къ народамъ Сѣвера.

Прошло пять вѣковъ; и Беренгеръ, вельможа Италіанскій, Маркизъ Иврскій, принялъ бразды правленія надъ Италіею. Соотечественники возложили на главу его корону, соотечественники свергли его съ престола. Вельможи призвали изъ отдаленныхъ предѣловъ Германіи Саксонца Оттона, Короля Нѣмецкаго; добровольно покорились ему и поднесли не Королевскую, но Императорскую корону, которая за два вѣка украшала Карла Великаго и отнята была у его потомковъ. Странный оборотъ! Они свое отечество, нѣкогда независимое, самостоятельное, превратили въ провинцію и подчинили владычеству Германіи.

Эти два переворота въ Италіи напечатлѣли глубокіе слѣды несчастій, которымъ подверглась она для того, чтобы снова принять характеръ, ей свойственный, и ту силу духа, которая сдѣлала ее достойною самобытности. Перевороты сіи

имѣютъ какое-то соотношеніе въ главныхъ обстоятельствахъ и еще болѣе въ послѣдствіяхъ; ибо, заставивъ опасаться великихъ бѣдствій, заставили Италію извлечь изъ нихъ для себя великую, неожиданную пользу. Первый указалъ Риму послѣдній предѣлъ униженія: съ этаго времени могли уже у Италіанцевъ рождаться доблести и мужество, подавленныя тиранніей; послѣдній, казалось, привелъ Италію въ постыдную зависимость отъ Германцевъ, древнихъ ея враговъ; но онъ же вдохнулъ въ сердца Италіанцевъ новые пламенные порывы самобытности, которая была непосредственною причиною основанія Республикъ.

Исторія Августула и Одоакра, Беренжера и Оттона Великаго одинаково темны, эти времена глубокаго невѣжества покрыты густымъ мракомъ; но между Италіанцами пятаго и Италіанцами десятаго вѣка видна чрезвычайная разница: въ первую эпоху народъ дошелъ до послѣдней степени униженія, до какой только образованное Государство можетъ быть доведено тиранніей; во второй эпохѣ Италія пріобрѣтаетъ всю силу духа, всю независимость характера, какую только можетъ доставить необразованному народу борьба съ несчастіемъ.

При послѣднихъ Императорахъ Римляне высшаго сословія, казалось, не способны были ни къ какой великой, ни къ какой благородной страсти; никакое мнѣніе оп-

личія не одушевляло. Ихъ а; они не имели ни превосходства ума, ни превосходства славы; чуждаясь общественныхъ должностей, они, казалось, еще менее славились, когда вступали на поприще гражданское или военное. Правда, изъ всего народа, ихъ только имена упоминаются иногда въ Исторіи; но это бываетъ только въ шакихъ случаяхъ, когда говоришся о разграбленіи имуществъ ихъ и ихъ несчастіяхъ. Можно пересказать, сколько драгоцѣнныхъ сосудовъ похитили Варвары изъ ихъ великолѣпныхъ домовъ, сколько тысячь рабовъ убили въ ихъ владѣніяхъ; но нѣчего сказать о нихъ самихъ. Они не оставили никакихъ по себѣ слѣдовъ: ни характеръ, ни достопамятныя дѣянія, ни таланты, ни доблести — ничто не отличало ихъ отъ толпы; они незамѣтно прошли по землѣ въ постыдномъ ничтожествѣ. Остальная часть народа была еще хуже Знати, если это могло быть. Войска набирались изъ Варваровъ, или наполнены были рабами; и напрасно спрашиваютъ у Исторіи: гдѣ были Италіанцы? При чтеніи лѣтописей Западной Имперіи послѣднихъ временъ нужно большое усиліе, чтобы не забыть, что дѣло идетъ о Государствѣ обширномъ. Вы видите, что войска состоятъ изъ горсти людей; сокровища истощены на мѣлочныя потребности; усиліе безполезно даже противъ слабаго врага; народъ и Сенатъ молчитъ; начальникъ стражи даетъ или отнимаетъ верховную власть у неиз-

_____наго, потому что во всѣхъ сословіяхъ народа нѣтъ ни одного человѣка, который бы въ состояніи былъ взяться крѣпкими руками за бразды правленія.

По возсшествіи Оттона Великаго на престолъ Италіи благородные, гордые, независимые Италіанцы съ жаромъ искали славы и власти; они не могли уже удержаться отъ негодованія, если не ихъ избирали въ судьи, или чиновники, если не они были министрами своихъ Государей, защитниками своего отечества. Другіе изъ нихъ, низшіе дворяне, во многихъ случаяхъ обнаруживали силу духа и мужество; не имѣя большой власти, они, по крайней мѣрѣ, сражались за независимость, укрѣпляли замки, приготовляли къ войнѣ земледѣльцевъ, требовали участія въ народныхъ собраніяхъ, противорѣчили несправедливымъ законамъ, отказывались платить подати, если онѣ назначались не съ ихъ предварительнаго согласія. Жители городовъ въ свою очередь, сильные своимъ соединеніемъ, возставали въ защиту своихъ правъ, муниципальныхъ обыкновеній и той самобытности, которая не есть удѣлъ одного класса людей, но должна принадлежать всѣмъ, когда всѣ мужествомъ и добродѣтелями умѣютъ быть достойными ея. Весь народъ одушевленъ былъ однимъ и тѣмъ же началомъ жизни; онъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовалъ съ усиліемъ, испытывалъ свои способности, не умѣя еще употреблять ихъ для своей защиты, или для своего счастія, и выказывалъ, хотя

еще темно, неопределительно, что онъ рожденъ къ великому, необычайному.

По разрушеніи Западной Имперіи образованіе заключилось въ предѣлахъ Восточной Имперіи; Константинопольскіе Императоры владѣли еще Греціею, Ѳракіею, частію Иллиріи, Малою Азіею и Египтомъ. Провинціи, составлявшія Западную Имперію, раздѣлены были между Сѣверными народами; Франки утвердились въ Галліи, Англо-Саксонцы въ Британіи, Визи-Готѳы въ Испаніи, Вандалы въ Африкѣ, а Одоакръ царствовалъ въ Италіи.

Впрочемъ владычество Одоакра не ввело въ Италію новыхъ Варварскихъ народовъ; войско его было войско, такъ сказать, наемное. Правленіе наемниковъ и царство Одоакра продолжалось только семнадцать лѣтъ. Это былъ переходъ отъ правленія Римлянъ къ правленію Варваровъ.

Спустя четырнадцать лѣтъ послѣ вѣнчанія Одоакра на престолъ, Италіею овладѣлъ Ѳеодорикъ, Царь Остроготовъ. Онъ призвалъ Италіанцевъ къ должностямъ гражданскимъ, а Готѳовъ къ должностямъ военнымъ; заставилъ другихъ Варварскихъ народовъ почитать Италію; положился на собственныя силы и на Римскій народъ, долго находившійся въ униженіи и только со времени владычества Остроготовъ начавшій открывать въ самомъ себѣ нѣкоторыя доблести.

Владычество Готеовъ продолжалось шестьдесятъ четыре года, изъ коихъ осьмнадцать лѣтъ употреблено на поддержаніе войнъ противъ Грековъ, веденныхъ прежде Велизаріемъ, потомъ Нарзесомъ. Нарзесъ, оскорбленный Императрицею, тайно призываетъ въ Италію Лонгобарда Албоина.

Лонгобарды между Германскими народами почитались самыми воинственными, гордыми и свободными. Завоеваніе Лонгобардовъ для Италіи было, нѣкоторымъ образомъ, эпохою возрожденія; всюду начали возстановляться независимыя власти; и странѣ, долго спавшей летаргическимъ сномъ, возвращено начало жизни.

Монархія Лонгобардовъ стояла двѣсти шесть лѣтъ и довольно славно: многіе Государи показали отличныя способности въ управленіи; много памятниковъ мудрости оставили они въ своихъ законахъ. Но Лонгобарды не сошлись съ Италіанцами; Готеы — предшественники ихъ — въ этомъ отношеніи были счастливѣе.

Между тѣмъ, какъ Лонгобарды, заботившіеся о распространеніи потомства своего, усиливали въ Италіи народонаселеніе, Италіанцы ослабляли его: многіе изъ нихъ не вступали въ бракъ, многіе оставляли родину, переселялись въ земли, оставшіяся въ рукахъ Грековъ, и къ новому отечеству привязывались полнымъ чувствомъ любви.

Лонгобарды, прежніе жители Сѣвера, переселившись на Югъ, начали терять физическую и моральную силу и предъ паденіемъ своимъ, какъ обыкновенно бываетъ, стали замѣнять ее насиліемъ. Владѣнія ихъ перешли къ сильнѣйшему — къ Карлу Великому, который въ послѣдствіи времени вѣнчался въ Римѣ Императорскою короною. Но Императорское достоинство, кажется, было однимъ призракомъ власти, какъ для него, такъ и для его преемниковъ: правомъ избранія располагалъ Папа и сановники Государствъ Французскаго и Италіанскаго.

Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что время царствованія Карла Великаго заключаетъ первый зародышъ Италіанской Поэзіи, возрастившій въ послѣдствіи времени и прелестные цвѣты и богатые плоды.

Современникъ Аль-Рашида, Карлъ Великій, по необыкновенному характеру, былъ чудомъ среднихъ вѣковъ и первымъ сѣятелемъ просвѣщенія въ невоздѣланной Европѣ. Я бы хотѣлъ говорить о немъ пространно; но многимъ многое, касательно его, извѣстно; многое оставляю до другаго времени.

Наслѣдники Карла Великаго были люди безъ отличныхъ дарованій, и это, можетъ быть, къ лучшему; иначе могла бы возстановиться всеобщая Монархія, соревнованіе народовъ погибло бы и человѣчество, до половины образовавшись, сдѣлалось бы неподвижнымъ, подобно Китайцамъ.

Карлъ Великій умеръ въ 814 году; Монархія, основанная имъ, оставалась подъ управленіемъ его Дома только 73 года. Карлъ Толстый, послѣдній изъ Каролинговъ, умеръ чрезъ годъ по паденіи съ престола.

Происшествія, послѣдовавшія за низложеніемъ Карла Толстаго, по мѣрѣ приближенія ихъ ко времени образованія Италіянскихъ Республикъ, достойны особеннаго вниманія. Въ продолженіе 63 лѣтъ отъ изгнанія Каролинговъ, до вступленія на престолъ Оттона Великаго, характеръ народный въ первый разъ начинаетъ разыгрываться, если смѣю такъ выразиться; въ большей части городовъ установилось и развилось благородное желаніе самобытности.

Лонгобарды учредили въ своей Монархіи тридцать главныхъ удѣловъ (fief), подъ именемъ Графствъ. Скоро удѣльные владѣтели зажгли между собою войны; изъ 60 лѣтъ, въ продолженіе коихъ сіи войны не угасали, 33 года царствовалъ Беренжеръ, прежде съ титуломъ Короля, а послѣдніе 9 лѣтъ съ титуломъ Императора.

Время царствованія Беренжерова ознаменовано нашествіемъ на Италію новыхъ народовъ Сѣверныхъ и Южныхъ — Венгровъ и Сарацинъ. Первые полвѣка опустошали Италію и возвратились, откуда пришли — въ Паннонію; вторые отняли у Грековъ Сицилію, откуда перешли въ Неаполь, и опустошали города и селы до самыхъ вратъ древней столицы міра.

Другіе Сарацины, вышедшіе изъ Италіи, ворвались во владѣнія Піемонта, разграбили Акви и пробрались чрезъ гору С. Бернарда. Эти два народа — Венгры и Сарацины — искавшіе не постоянныхъ завоеваній, но одной добычи, какъ будто подѣлились Италіею: первые опустошали страну, лежащую отъ Сѣвера къ Тибру, вторые грабили земли, простиравшіяся по Югу сей рѣки.

Войны съ Венграми и Сарацинами имѣли непосредственное вліяніе на свободу городовъ. До сего времени всѣ города Италіянскіе были открыты, не укрѣплены; они не принимали никакого участія въ правленіи и не имѣли своего войска: граждане не на такомъ были счету, чтобы думать, что у нихъ есть отечество. Но когда необходимость заставила ихъ защищаться собственными силами противъ грабительства, всюду распространявшагося и неостанавливаемаго никакимъ войскомъ, никакими мѣрами со стороны правительства; оставленные самимъ себѣ, прежде обнесли они стѣнами города, потомъ составили свои войска, и наконецъ избрали изъ среды своей начальниковъ. Народъ низшаго сословія въ свою очередь призванъ былъ дѣйствовать. Тогда-то пріобрѣли они энергію характера, которая должна была сотворить ихъ гражданами.

Впрочемъ орды скитавшихся народовъ имѣли на Италію вліяніе какъ враги — и неболѣе; они не смѣшались съ природными

жителями, не дали имъ примѣровъ: Венгры были народъ звѣрскій; Сарацины, военная колонія Мавровъ Африканскихъ, совсѣмъ не походили на образованныхъ подданныхъ Калифата. Это было — отребіе народа, знавшее одно искуство войны или, лучше сказать, грабительства. Спустя два вѣка, школа Солернская, торговля Пизы, Генуи и Венеціи и Крестовые походы — вотъ что придало Италіанцамъ и ихъ Литтературѣ какой-то восточный оттѣнокъ.

Беренжеръ, одинъ изъ лучшихъ Государей своего времени, Беренжеръ, сражавшійся съ Венграми болѣе мужественно, нежели счастливо, палъ подъ мечемъ измѣны. На престолъ взошелъ убійца его Гугонъ — Графъ Прованскій, Французъ среднихъ вѣковъ (*), вѣроломный убійца многихъ вельможей, убійца лучшихъ гражданъ, убійца родныхъ; онъ зналъ одно право — право Восточныхъ Властелиновъ.

Въ анархическое правленіе Беренжера и его предшественниковъ, Лонгобарды свободны были не по твердости своихъ постановленій, но, напротивъ того, по слабости ихъ. Когда тиранъ истребилъ сильнѣйшихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей; когда онъ роздалъ важнѣйшія должности свѣтскія и духовныя своимъ приверженцамъ; — народъ безпрекословно преклонилъ предъ нимъ раболѣпную выю. Не по слабости характера, но по недостатку политическаго устройства

(*) Знакомымъ съ Исторіею извѣстно, что такое были Французы среднихъ вѣковъ.

они не въ силахъ уже были возстать безъ посторонняго пособія. Для сверженія похитителя ему нужна была чуждая помощь, и эта помощь подана ему Германіею. Въ первый разъ выгоды двухъ народовъ и двухъ Монархій слились въ одно, и на престолъ Ломбардіи взошелъ Государь Саксонскій. . . . .

Беренжеръ, Маркизъ Иврскій, внукъ по матери Беренжера Iго, тайно преслѣдуемый Гугономъ, бѣжалъ ко Двору Оттона Великаго, царствовавшаго тогда въ Германіи. Сильный и великодушный Государь позволилъ Беренжеру собрать недовольныхъ Италіанцевъ и произвольно дѣйствовать противъ Гугона. . . . .

Переворотъ производился дѣйствительно оружіемъ однихъ Италіанцевъ. Беренжеръ съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ Ломбардію; вездѣ отворились для него ворота городовъ и крѣпостей; по мѣрѣ приближенія къ цѣли, войско его умножалось; Гугонъ трепеталъ и не смѣлъ выдти въ бой. Маркизъ Иврскій созвалъ въ Миланъ Государственные Чины. Помѣстные владѣтели почувствовали, что наступило время ихъ владычества; но не желая потерять его снова, они старались уравновѣсить власть между двумя искателями трона. Они Королемъ Ломбардіи признали Гугонова сына, а Беренжеру поручили общее управленіе Государствомъ. . . .

Обманутый надеждою, Беренжеръ поспѣшилъ освободиться отъ новаго соперни-

ка и, противъ желанія подданныхъ, вѣнчался на Королевство. Тогда народъ, опасавшійся въ Королѣ безъ совмѣстника увидѣть новаго тирана, прибѣгнулъ къ Оттону и просилъ его принять Ломбардію подъ свое покровительство! Оттонъ послѣ двухъ походовъ въ Италію принялъ надъ нею бразды правленія.

Никогда никакой переворотъ не имѣлъ значительнѣе вліянія на характеръ, конституцію и будущую судьбу Италіи, какъ переворотъ, соединившій въ рукѣ Оттона скиптры Германіи и Ломбардіи. Съ царствованія Оттона начинается собственно историческое время Италіи. Щедрости и политикѣ Германскихъ Императоровъ города обязаны муниципальными учрежденіями; отдаленіе Двора пріучило Италіанскіе муниципалитеты къ независимости; войны Государей по паденіи Дома Оттонова, стоявшаго 40 лѣтъ, и споры ихъ за корону Императорскую научили Италіанцевъ сражаться подъ собственными знаменами.

При Оттонѣ I, какъ мы сказали, и подъ его покровительствомъ большая часть городовъ приняла муниципальное правленіе, основанное на довѣренности и избраніи народа. Съ давнихъ временъ существовали народныя Власти, которыя въ законахъ Ломбардскихъ называются *Schultheiss*, а въ законахъ Франкскихъ — Echevins (Головы); сіи-то Власти составляли Совѣтъ городо-

ваго Графа, и представляли гражданство (bourgeoisie). Но когда Оттонъ дозволилъ жителямъ городовъ имѣть свое управленіе, болѣе свободное, — они отмѣнили Сѣверныя учрежденія и захотѣли установить что нибудь подобное Римской Республикѣ или ея колоніямъ.

Сначала всѣ города назначили по два главныхъ чиновника и назвали ихъ Консулами, которые погодно избирались народомъ. Должность Консуловъ была: судить, предводительствовать войсками по требованію Государя или города и предсѣдательствовать въ народномъ собраніи, которое называлось *credenza*, т. е. *Совѣтъ Довѣрія* или *Тайный Совѣтъ*. Было другое собраніе, состоявшее изъ ста или болѣе Совѣтниковъ. Оно во многихъ городахъ называлось *Сенатомъ* или народнымъ Совѣтомъ. Въ Сенатѣ заготовлялись опредѣленія (приговоры), которыя должны были предлагаться на разсмотрѣніе народу; народъ, собиравшійся для сего по звону колокола (Вѣчи) на публичную площадь, составлялъ Парламентъ.

Города раздѣлялись на четыре или на шесть Концевъ (кварталовъ), называвшихся именемъ ближайшихъ воротъ, потому что жители каждаго Конца обязаны были защищать свои ворота, или стѣну, къ нимъ прилегавшую. Такое раздѣленіе въ одно и то же время было и гражданскимъ и военнымъ. Нѣкоторые города въ непродолжительномъ времени умножили число Консу-

домъ, такъ что каждый Конецъ имѣлъ своего Консула. Въ такомъ случаѣ избирался онъ обывателями своего Конца. Избраніе Совѣта Довѣрія или Сената также происходило по Концамъ города, какъ нѣкогда было въ нашемъ Великомъ Новгородѣ; короче, во всѣхъ городовыхъ постановленіяхъ начиналъ уже обозначаться яркими чертами образъ представительнаго правленія.

Каждый Конецъ имѣлъ свое войско и особенное знамя. Въ войско вступали самые богатѣйшіе граждане. Когда же дворянство начало переселяться въ города и принимать участіе въ дѣлахъ Республики, то и оно обязывалось набирать изъ своего сословія одинъ или два отряда вооруженной конницы. Прочіе граждане всякой разъ, когда раздавался звонъ колокола (Вѣчи), вооруженные — а оружіе ихъ было мечъ одинъ — спѣшили на площадь; и никто, съ осьмнадцати до семидесяти лѣтъ, не освобождался отъ сей обязанности.

Государи, давши городамъ право укрѣпляться для собственной защиты, въ то же время дали имъ право набирать свое войско, которое употребляемо было не только въ войнахъ общественныхъ за Имперію, но даже и частно, т. е. когда города хотѣли отмщать другимъ городамъ или помѣстнымъ владѣтелямъ за какое нибудь оскорбленіе. Въ эти времена феодализма все законодательство основывалось на правѣ естественной защиты, или на самоуправствѣ. Первыя войны, веденныя города-

ми противъ другихъ городовъ, или противъ Маркизовъ и Графовъ, стѣснявшихъ народную свободу, почитались не возмущеніемъ, но законнымъ дѣйствіемъ справедливости, или естественной защиты, дѣйствіемъ сообразнымъ съ правомъ другихъ гражданъ Государства. . . . .

Это право феодализма и соперничество городовъ, начинавшихъ уже усиливаться, процвѣтать и народонаселеніемъ и капиталами, зараждало часто взаимныя войны. Первыя возникли между Павіею и Миланомъ. Павія, пользовавшаяся многими мѣстными выгодами, славилась уже обширностію, красотою зданій и народонаселеніемъ; но въ богатствѣ и могуществѣ уступала Милану, потому ли, что долгое пребываніе въ ней Двора ослабило силу душевную жителей, или потому, что воздухъ, не всегда здоровый, частые туманы — убивали физическія и моральныя способности ихъ. Миланъ, древняя столица Инсубровъ и всей Цизальпинской Галліи, имѣлъ болѣе выгодъ относительно атмосферы и плодородія земли. Миланцы гордились предъ Павійцами богатствомъ, могуществомъ и воинственнымъ духомъ, и неравнодушно смотрѣли на послѣднихъ, почитавшихъ Государство свое первымъ во всей Италіи. Это было причиною двойнаго избранія Генриха II и Ардоина, когда, по смерти Оттона III, престолъ оставался празднымъ. Съ сего времени между Павіею и Миланомъ начинаются войны, которыя поддерживаемы были Императорами.

Войны сіи, долгое время не угасавшія, пробудили въ сердцахъ Миланцевъ чувство любви къ отечеству и независимости и довѣренность къ собственнымъ силамъ. Одушевленные своимъ Архіепископомъ, они вступились въ дѣла Церкви и осмѣлились бороться съ могущественнымъ непріятелемъ Конрадомъ Салическимъ.

Въ сію-то войну Архіепископъ Миланскій Эриберть дополнилъ систему войны изобрѣтеніемъ такъ называемой Carroccio, принятой непосредственно въ то же время всею Италіею. Она, подобно Ковчегу Израильтянъ, всегда предшествовала ополченію; потеря ея въ войнѣ почиталась величайшимъ безчестіемъ, и потому она охраняема была отборными отрядами войска.

Въ то же время, какъ изобрѣтена Carroccio, загорѣлся между дворянствомъ и народомъ раздоръ, зажженный тѣмъ же Архіепископомъ Эрибертомъ. Ревность народа къ дворянству, обнаруживавшаяся въ волненіяхъ, показываетъ уже, что города въ это время населены были не робкими, бѣдными ремесленниками, но что народъ питалъ уже чувство гордости и независимости, которое вдохнули имъ возрастающіе капиталы и образованность: граждане видѣли, что дворянство не одно обладаетъ всѣмъ имуществомъ Государства; что оно не властно болѣе по своему произволу дать или не дать, чѣмъ жить низшему классу народа; что по воспитанію, оно не выше

ихъ, и что наконецъ перемѣны, произведенныя въ Государствѣ усиленною торговлею, улучшеннымъ воспитаніемъ гражданъ и невѣжествомъ высшаго сословія, уравняли права двухъ состояній.

Торговля и въ самомъ угнетенномъ Государствѣ не можетъ быть совершенно подавлена; но такъ какъ до десятаго вѣка Венеція, Неаполь и Амальфи одни только пользовались свободою: то они же первые и развили тотъ духъ предпріимчивости, который умножаетъ мѣну. Венеціанцы привозили Индійскіе товары въ Европу, получая ихъ или непосредственно отъ Мусульманъ или отъ Грековъ, и давали новую жизнь торговымъ оборотамъ. Прочія Италіанскія Республики не долго оставались въ бездѣйствіи: онѣ поняли, что торговля даетъ жизнь Государствамъ, занялись ею и пріобрѣли значительные капиталы — вѣрный залогъ благосостоянія и просвѣщенія.

Въ то же, или почти въ то же время, т. е. въ 12 столѣтіи, какъ начала процвѣтать въ городахъ торговля, родился и началъ развиваться Италіанскій языкъ, много способствовавшій къ сближенію двухъ классовъ, которые прежде раздѣлены были неизмѣримымъ разстояніемъ.

Происхожденіе Италіанскаго языка есть необыкновенное явленіе среднихъ вѣковъ; но мы оставляемъ его до другаго чтенія.

Выше упомянуто было о раздорѣ, возникшемъ между дворянствомъ, Архіепископомъ Эрибертомъ и гражданами Милана. Дворяне давно уже съ завистію и негодованіемъ смотрѣли на Прелатовъ и градскихъ жителей; — на первыхъ потому, что они въ помѣстьяхъ своихъ имѣли вассаловъ изъ высшаго дворянства; на вторыхъ потому, что они, учредивъ у себя республиканское правленіе, перестали раболѣпствовать предъ другими состояніями. Эрибертъ, основываясь на прежнихъ правахъ, несправедливо и жестоко поступилъ съ однимъ изъ своихъ вассаловъ; дворяне вступились за оскорбленнаго и взялись за оружіе. Примѣръ ихъ пробудилъ всю Ломбардію. Жители Милана возстали въ защиту своего Архіепископа; въ первомъ сраженіи, происходившемъ въ улицахъ города, разбили дворянъ и принудили ихъ удалиться изъ города. Во второмъ сраженіи, въ открытомъ полѣ, поверхность одержали дворяне; но война все еще не кончилась. Конрадъ старался примирить враждующія стороны, но тщетно.

Между тѣмъ возникло новое смятеніе: низшіе дворяне, вассалы высшихъ, рѣшились сбросить съ себя иго зависимости. Эти низшіе дворяне имѣли у себя рабовъ, которые въ свою очередь не хотѣли признавать надъ собою власти; они произвели мятежъ.

Въ это время всѣ классы общества были въ войнѣ между собою и, что удиви-

тельно, анархія, переходившая всѣ границы, принесла съ собою миръ, полезный для всего Государства. Права каждаго сословія опредѣлены были съ большею точностію; постановленіе Конрада, касательно помѣстнаго наслѣдства, принято всѣми сторонами; большая часть рабовъ отпущена на волю. Дворяне, желая рѣшиться на что нибудь, просили принять ихъ въ города, или, по выраженію лѣтописцевъ того времени, поручили себя и свои помѣстья покровительству городовъ. Это произошло въ 1039 году, предъ самою смертію Конрада Салическаго. Примиреніе сіе доставило городамъ Ломбардіи великую пользу: дворянство пріобрѣло то, что не могло доставить ему распадавшееся Государство; города съ своей стороны пріобрѣли въ дворянахъ отличныхъ гражданъ.

Пропуская многія войны городовъ съ городами и Императорами, Императоровъ съ Папами, ещё разъ бросимъ взоръ на важнѣйшее въ Исторіи того времени, которое мы наскоро пробѣжали. Какъ земля послѣ потопа, согрѣтая пламенными лучами солнца, потряслася въ своей внутренности; ее проникло какое-то непостижимое начало; и матерія, казалось, быстро устремилась къ жизни: такъ патріотизмъ согрѣлъ души Италіанцевъ. Цѣлымъ странамъ сообщилось благородное, животворное движеніе; и прежде неподвижная масса народа, оставивъ закоренѣлое безстрастіе,

двинулась впередъ на поприщѣ славы и самобытности.

Теряясь во множествѣ событій, не совершенно извѣстныхъ, мы, можетъ быть, не всё сказали о духѣ того времени, когда всякій Маркизъ, всякій Прелатъ, возставая судить своего Государя, на судилищѣ своей совѣсти, пропускалъ мимо права Имперіи и Церкви, и рѣшался, покорившись собственной волѣ, держать сторону Первосвященниковъ или Императоровъ; когда всякій дворянинъ, всякій Рыцарь, гнушаясь существованіемъ, соединенымъ съ зависимостію, — отъ своихъ крѣпостей, отъ своихъ вассаловъ или отъ собственной неустрашимости требовалъ безопасности, которою не хотѣлъ одолжаться другимъ; когда всякой городъ, довѣряя собственнымъ только силамъ, взаимному пожертвованію и братству согражданъ, думалъ, что онъ самъ для себя всё, а всё прочее и всѣхъ — презиралъ. Казалось, невидимая рука, рука щедродательная, въ одно и то же время сѣяла во всѣхъ сердцахъ чувство достоинства человѣка. Италія не одна приняла на плодотворное лоно свое священные зародыши; они разсѣялись по всей Европѣ. Начала самобытности подавались впередъ медленно, но однообразнымъ движеніемъ отъ Юга къ Сѣверу. Италія и Испанія подали примѣръ, которому скоро послѣдовали Швейцарія и Германія, Франція и Англія.

Первыя учрежденія независимости принесены съ Сѣвера къ переродившимся Рим-

линамъ. Обратное движеніе съ Юга къ Сѣверу, въ развитіи республиканской системы, есть также явленіе, не подверженное никакому сомнѣнію, явленіе замѣчательное для Историка глубокомысленнаго. Въ Италіи Неаполь, Гаета, Амальфи и самый Римъ сбросили съ себя иго; въ Испаніи мужественные воины, основавшіе Королевство Сопрарбіи, постановили между Королемъ и народомъ судью-посредника, это былъ — первый образецъ *Правосудца* Аррагонцевъ; въ 1115 году Альфонсъ I, завоеватель Сарагоссы, далъ гражданамъ своей столицы свободу и правà дворянъ. — Правда, города Германіи и Швейцаріи ознакомились съ свободою уже въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, а Франція и Англія еще позже пріобрѣли права самобытности.

Для пріобрѣтенія самобытности людямъ нужны были два качества: сила частная (индивидуальная) и сила общественная (sociale). Происхожденіе сихъ качествъ не одинаково: онѣ, кажется, проистекаютъ изъ началъ противоположныхъ. Сила частная, эта довѣренность къ собственнымъ пособіямъ, — это презрѣніе, оказываемое силѣ чуждой, когда она становится несправедливою, — эта рѣшимость — признавать закономъ одну свою совѣсть и собственный разсудокъ, суть качества и доблести дикаря. Съ такимъ духомъ переселились на Югъ обитатели Германіи и Скандинавіи. Они съ собою принесли свою независимость. Составивъ Го-

сударства, они не умѣли, они не въ состояніи были рѣшиться наложить на нихъ узы, которыя бы крѣпко связали ихъ между собою; самыя ихъ начала, по естественному ходу вещей, должны были произвести то, что въ самомъ дѣлѣ произвели они, т. е. благородную гордость всѣхъ рыцарей, но въ то же время и несліянность воли частной съ волею общею, и мнѣніе, что для удержанія за собою независимости имъ нужно сдѣлаться Государями.

Сила общественная, напротивъ того, должна была родиться въ городахъ, а города — твореніе народовъ образованныхъ — существовали только на Югѣ. Скандинавы, думая, что людямъ, не подвергшись зависимости, не льзя жить соединенно, рѣшились разрушить города; и при всемъ томъ тѣ изъ городовъ, которые въ послѣдствіи времени подали въ Италіи примѣръ силы общественной, по презрѣнію къ нимъ варваровъ, или избѣжали разрушенія, или снова возстали изъ развалинъ своихъ.

Сила общественная опирается на совершенномъ пожертвованіи лицъ, отдѣльно взятыхъ, тому обществу, котораго они составляютъ часть. Правда, это самоотверженіе основано на убѣжденіи, что благо всѣхъ заключается въ благѣ каждаго; но одинъ расчетъ никогда не можетъ заставить гражданина рѣшиться на самопожертвованіе, котораго требуетъ отечество. Можно доказывать и убѣдительно доказать

что польза отечества есть польза каждаго гражданина, отдѣльно взятаго; но, съ той минуты, когда потребуютъ личной его гибели, польза родины перестаетъ имѣть вліяніе на его благо. По этому въ соединеніи общественномъ есть что-то большее, благороднѣйшее, чѣмъ условія между выгодами частными; не эгоизмъ, но добродѣтели связываютъ людей крѣпкими узами; одна признательность соединяетъ такимъ образомъ друзей и братьевъ, отъ которыхъ получаются благодѣянія. Къ отечеству привязываетъ насъ одно сыновнее, религіозное уваженіе — то отвлеченное существо, которое выше всего человѣческаго, которому воображеніе наше опредѣляетъ мѣсто между Богомъ и людьми; одно стремленіе души къ безсмертію, связывающее наше бытіе съ вѣками прошедшими и будущими, и дѣлающее насъ заложниками славы нашихъ предковъ и счастія нашихъ потомковъ.

Народы Сѣвера знали свободу безъ отечества; у народовъ Юга было отечество безъ свободы; тѣ и другіе чужды были высочайшей изъ добродѣтелей — самопожертвованія. Первымъ, по внутреннему чувству, нѣкому было его дѣлать; у вторыхъ недоставало столько добродѣтели, чтобы они могли дѣлать его. Въ героизмѣ Скандинавовъ странно то, что онъ не имѣетъ цѣли, и что воинъ, идущій на встрѣчу смерти, не жертвуетъ собою ни отечеству, ни памяти отцевъ, ни благоденствію дѣтей

стойкъ слава его — слава личная. На Югѣ вы видите цѣль пожертвованій прежде нежели рѣшаются на нихъ; тамъ всякой гражданинъ чувствовалъ, чѣмъ онъ обязанъ городу, въ которомъ онъ родился, въ которомъ покоится прахъ его предковъ, котораго стѣны будутъ защитою его потомковъ.

Такъ въ великой переплавкѣ народовъ, Сѣверъ и Югъ обнаружили доблести, имъ свойственныя. Побѣдители приносили энергію, побѣжденные — общественность. Послѣдніе, послѣ невѣроятной испорченности, должны были переродиться и потомъ уже подавать другимъ примѣръ добродѣтели. Привязанность ихъ къ мѣсту, въ которомъ они родились, къ имени, которое они носили, къ согражданамъ, которыхъ отцы были въ связи съ ихъ отцами, которыхъ дѣти сдружатся съ ихъ дѣтьми, — эта привязанность была древнимъ наслѣдіемъ Рима. Чтобы снова пріобрѣсти мужество, имъ нужно только было снова сдѣлаться самобытными. Среди бѣдствій, поражавшихъ народы Италіи, казалось, всѣ событія — въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, направляемы были къ одной цѣли и приготовляли періодъ славы и самобытности, долженствовавшей открыться для Италіанцевъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи.

Завоеванія Лонгобардовъ, раздробляя Италію и образуя изъ одной провинціи многія новыя Государства, творили для гражданина отечество; Римлянинъ соединялся

съ Римляниномъ, Грекъ съ Грекомъ; и многія земли отъ Неаполя до Венеціи считаютъ это время эпохою своей независимости.

Завоеванія Карла Великаго и царствованіе преемниковъ его пріостановили гражданственность; но разрушая Монархію Лонгобардовъ и умножая разстройства, Каролинги тѣмъ яснѣе показывали побѣжденнымъ необходимость новаго устройства, и доставляли Лонгобардскимъ городамъ случай раздѣлять между собою выгоды, которыя хорошими муниципальными учрежденіями обезпечены были для Неаполя, Амальфи и Венеціи.

Опустошенія со стороны Венгровъ и Сарацинъ и набѣги ихъ на всѣ Провинціи заставляли прибѣгнуть къ образованію войскъ и укрѣпленію стѣнъ; такимъ образомъ въ новомъ народѣ утвердилась, сосредоточилась государственная сила.

Пока разстроенная Монархія не уступила мѣста муниципальному правленію, до тѣхъ поръ была повсемѣстная анархія. Оттонъ Великій прибылъ изъ Германіи для того, чтобы быть законодателемъ народа, надъ которымъ онъ никогда не могъ владычествовать. Но онъ не все потерялъ: новыя постановленія, которыми обязана ему Италія, будутъ вѣчными памятниками его мудрости и безкорыстія.

И безпорядки Папъ десятаго вѣка и гордость ихъ въ одиннадцатомъ столѣтіи не безполезны были для Италіи. Первые ду-

ховные Государи облегчили нѣсколько узы суевѣрія; послѣдніе во время кровавой борьбы съ Императорами доставили народу случай цѣнить свои услуги — и уже не въ качествѣ подданныхъ, но въ качествѣ союзниковъ, принимать сторону тѣхъ, которые прежде были ихъ властелинами.

Раичъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ВИРГИЛІЕВОЙ ЭНЕИДЫ.

Изъ Iй Пѣсни.

Предавшись въ юности безпечному веселью,
Я рощи оглашалъ пастушеской свирѣлью;
Оставивъ тѣнь лѣсовъ, въ избыткѣ новыхъ силъ
Сосѣднія поля покорности училъ; —
Для бережныхъ селянъ пріятные уроки!
Теперь отверзтъ мнѣ путь и новый и далекій.
Пою сраженія и мужа давнихъ дней,
Который — волею судебъ — съ родныхъ полей
Пришелъ въ Италію — въ Лавинскія долины. —
Носясь изъ края въ край чрезъ суши и пучины,
Онъ — жертва мстительной Юноны и Боговъ —
Извѣдалъ тысящи и бѣдствій и трудовъ
И много претерпѣлъ въ войнѣ съ враждебной силой,
Какъ въ Лацій водворялъ Боговъ отчизны милой,
Отколѣ родъ Латинъ — властитель всѣхъ племенъ,
Албанскіе Цари и — гордость Римскихъ стѣнъ.
Повѣдай, Муза, мнѣ, какая тайна сила,
Какая сердца скорбь богиню воружила —
Царицу звѣздныхъ сферъ — Боговъ и дщерь и мать —
На мужа правоты — на смертнаго возстать,
И гнать изъ края въ край до странъ ему безвѣстныхъ.
Уже ль не дремлетъ месть и тамъ — въ странахъ небесныхъ? —

Противъ Италіи и Тибра дальнихъ вратъ
Владѣнье древнее богатыхъ Тира чадъ, —
Былъ городъ — Карѳагенъ; — и миръ его и брани
До неба вознесли; и, такъ твердитъ преданье,
Онъ всѣхъ въ подлунной странѣ милѣй Юнонѣ былъ;
Сопернику въ любви и Самосъ уступилъ;
Къ нему Юноны мысль; тамъ были колесницы
И всѣ доспѣхи битвъ божественной Царицы,
И, еслибъ Рокъ судилъ, она ужъ вдали
Готовила ему владычество земли;
Но слухъ донесся къ ней, что падшей Трои чады
Пріидутъ нѣкогда разрушить Тира грады;
Что славный въ браняхъ родъ, — обширныхъ Царь земель, —
На гибель Ливіи воздвигнется отсель.
Таковъ судъ Рока былъ — жестокій для Богини.
Еще мечтались ей Троянскія долины,
Гдѣ брань вела она за милыхъ Аргивянъ;
Еще изъ памяти не стерла сердца ранъ:
Въ душѣ Парисовъ судъ и красота презрѣнна
И ненавистный родъ и почесть похищенна
Троянскимъ отрокомъ у Гебы молодой —
Глубокой врѣзались, глубокою чертой.
И мщенье и боязнь Юнонѣ мысль внушила
Останкамъ горестнымъ Данаевъ и Ахилла —
Троянцамъ къ Лацію пути всѣ преградить
И долго — долго ихъ по всѣмъ морямъ водить.

2.

Изъ VIй пѣсни.

Сказавъ сквозь слезъ и давъ свободу парусамъ,
Примчался быстро онъ (*) къ Эвбейскимъ берегамъ.
Уже кормы песковъ коснулися прибрежныхъ,
Уже вздремавшіе на якоряхъ надежныхъ
Усталыя суда всю пристань облегли.
Пловцы спѣшатъ на брегъ Сатурновой земли
И всѣ расходятся веселыми толпами.
Одни бьютъ кремнемъ сталь, и брызжетъ огнь струями;
Другіе въ лѣсъ бѣгутъ — расхищать кровь звѣрей;
Иной открылъ вдали сверкающій ручей.

Благочестивый Вождь къ горѣ идетъ высокой,
Гдѣ Фебовъ храмъ стоялъ; оттолѣ недалёко
Сивиллй страшной гротъ таился подъ скалой.
Предъ ней грядущее съ таинственною мглой
По волѣ Цинтія блистало въ свѣтѣ яромъ:
Онъ дѣву надѣлилъ предвѣдѣнія даромъ.
Уже Вождя пріялъ Гекаты лѣсъ святый,
Уже предъ взорами открылся храмъ златый.
Дедалъ — преданіе гласитъ — бѣжавшій Крита,
Гдѣ казнь готовилась несчастному открыта,
Дерзнулъ повѣриться эфирнымъ глубинамъ,
И легкостію крылъ вознестись къ облакамъ
Дотолѣ чуждою для смертнаго стезёю,
До сѣверной звѣзды протёкъ по эмпирею
И, у Халкидскихъ стѣнъ приникнувшій къ землѣ,
Тебѣ, великій Фебъ, и легкія крыле
И храмъ онъ посвятилъ — вознесшійся высоко.

(*) Эней.

На блещущихъ вратахъ, дивясь, тамъ зрѣло око
Печальный твой конецъ, несчастный Андрогей,
И, въ казнь Аѳинянамъ, во цвѣтѣ красныхъ дней,
Что годъ — семь юношей на смерть влекомыхъ силой!
И урна жребіевъ стояла тамъ уныло;
Проглянувъ изъ-за волнъ, вдали бѣлѣлся Критъ;
Тамъ Пазифаи страсть — для смертной вѣчный стыдъ,
И пагубный Телецъ и Минотавръ ужасной,
Венеры мщеніе надъ дѣвою несчастной;
Тамъ дивный лабиринтъ и неисходный путь — . . .
Но жалость тронула Дедала нѣжну грудь,
И самъ онъ указалъ стези Царевнѣ скрыты
И далъ ей ввѣриться путеводящей нити . . . .
И ты бы здѣсь Икаръ, — и ты бы отъ рѣзца
Пріялъ искусства дань — когдабъ не скорбь отца;
Онъ дважды поднималъ дрожащее ваяло,
И дважды у отца изъ рукъ оно упало . . .
И долгобъ пришлецы безмолвные у врать
Стояли; — но уже предсталъ предъ нихъ Ахатъ
И Деифоба съ нимъ — таинственна Сивилла.
Возвысивъ гласъ, она Энею говорила: —
„Не время медлить здѣсь; — седьмь жертвенныхъ тельцовъ,
Не знающихъ ярма, седьмь агнцевъ уготовь.“
И Тевкровъ повела предъ храмъ къ горѣ высокой.
Тамъ гротъ изсѣченый въ скалѣ изъ зрѣло око
И сто отверстій въ немъ, и сто широкихъ вратъ, —
Они въ сто отзывовъ Сивиллы гласъ твердятъ, —
И жрица и пришлецъ коснулися порога.
„Проси,“ рекла она, „проси судебъ отъ Бога . . . .
„Се Онъ, се Онъ!“ рекла; и вдругъ смѣнился въ ней
И прежній цвѣтъ ланитъ, и тихій цвѣтъ очей,

Подъялися власы, дыханіе стѣснилось,
И сердце горними восторгами забилось; —
Все ново въ ней, и станъ, казалось, выше сталъ —
И самый гласъ ея не смертное вѣщалъ.
„Ты медлишь, Вождь Троянъ, мольбы излить обѣтны...
„Но урна жребіевъ и храмъ сей безотвѣтны —
„И не отверзутся для смертнаго безъ нихъ“ —
Сивилла прорекла и гласъ ея затихъ,
По членамъ пришлецовъ холодный потъ стремился —
И теплый гласъ молитвъ изъ устъ Вождя излился.

1821 года. Э.

ТЬМА.

Подражаніе Байрону.

Сонъ дивный посѣтилъ меня!..
Не сонъ, мое видѣнье было....
Я зрѣлъ: поблекло дня свѣтило —
И звѣзды лишены огня.—
По волѣ въ небесахъ блуждали —
И мѣсяца лучи пропали! —
Земля осталася — одна,
Висѣла, тьмой окружена!...
Разсвѣта часъ, своей чредою,
И наступалъ и пролеталъ!...
Но солнца лучь ужь не игралъ
Надъ омраченною землёю!
Не стало пламени страстей:
Ихъ погасили въ страхѣ люди!...
Желанье солнечныхъ лучей

Одно всѣмъ волновало груди! . . .
Тогда — чтобъ насладиться днёмъ —
Веселья кровъ, и кровъ печали —
И тронъ и хижина вспылали
Неугасаемымъ костромъ! . . .
И люди шумными толпами
Летѣли къ свѣтлому столпу. . . .
Не милыхъ сердцу — но толпу
Хоть разъ еще обнять очами! . . .
И жили всѣ сыны земли
Одной надеждою, тоскою! . . .
Лѣса дремучіе зажгли;
И разливался огнь рѣкою! . . .
Но быстро темные лѣса
Въ холодный пепелъ превращались. —
Пни съ трескомъ гасли — небеса
Вновь вѣчной тѣнью одѣвались!
Кой - гдѣ испуганныхъ людей —
Отъ блеска гаснущихъ огней
Какъ будто молньей озаряло!
Толпа простертая рыдала —
И лишь порой являлся взоръ
Въ лицѣ съ улыбкой принужденной!
Всѣ трепетали — чтобъ костёръ
Не гасъ — отчаяньемъ возженной!
Кой - гдѣ съ тоской, поднявъ чело,
Толпа на небо взоръ вперяла,
Которое, какъ покрывало,
На мертвый трупъ земли легло!
И снова въ прахъ всѣ повергались,
Гремя хулою на Творца!

И звѣри болѣ не скрывались
Отъ человѣчьяго лица!
И крики птицъ и змѣй шипѣнье
Сливались съ кликами людей —
Но притупилось жало змѣй;
Ихъ люди били на съѣденье.
На мигъ замолкшій брани гласъ
Тогда раздался съ новой силой!
Повсюду кровь одна лилась,
И кровь одна людей поила!
И всѣмъ, что сила взять могла,
Тѣмъ вдалекѣ она питалась! —
Любовь забыта — вся земля
Къ безславной смерти приближалась!
И зубы псовъ по черепамъ
Обезображеннымъ скользили!
И было нѣкому костямъ
Разбросаннымъ изрыть могилы! —
Тогда злобнѣй дѣтей лѣсовъ,
Забывъ знакомый прежде зовъ,
Бросался песъ на господина; —
Остался вѣренъ лишь единой —
Онъ хладный трупъ не оставлялъ!
Но члены пса оцѣпенѣли —
И умирая, лобызалъ
Онъ длань ласкавшую доселѣ! . . .

*

Все смерти сильная рука
Съ земли унылой истребила, —
Лишь два смертельные врага
Спасла невидимая сила!

Они сошлись у олтаря,
На коемъ жертвы дотлѣвали;
Они, надеждою горя,
Холодный пепелъ разрывали;
Возобновить старались пылъ
Оледенелыми устами.
Вдругъ пламень яркими струями
Обоихъ лица озарилъ!
Ихъ взоры за огнемъ блуждали;
Вдругъ въ высотѣ сошлись они! —
И ужасомъ поражены —
Враги на пепелъ мертвы пали!...

*

Осиротѣлая земля
Въ хаосъ единый обратилась! —
Не стало времени — и мгла —
Со смертію соединилась! —
И Океана глубины
Не возмущали непогоды! —
Въ туманъ густый погребены —
Его навѣкъ затихли воды!
Гнилая мачта съ корабля —
Не пробуждала волнъ въ паденьи!
Вихрь онѣмѣлъ — и вся земля
Печать носила разрушенья!...

РОСИНКА и РѢКА (*).

. . . redit miseris et abest fortuna superbis. *Horat.*

На локонѣ злашомъ Зимцерлы молодой
Росинка скромная качалась;
Но дунулъ вѣшерокъ на локонъ золошой, —
Росинка съ локономъ разсшалась,
И заронилася въ эѳирѣ межъ зыбей;
Надъ нею сводъ небесъ, подъ нею глубь морей.
„Я гибну! здѣсь моя могила!“
Навѣсясь надъ водой Росинка говорила;
„Подъ сводами небесъ чушь видимый ашомъ,
Погибну я на днѣ морскомъ
Безъ имени, безъ чесши,
И не дойдешъ о мнѣ къ сесшрамъ-Росинкамъ вѣсши!
Слешишесь, легки вѣшерки!
Мой близокъ — близокъ часъ, валы недалеки!
Слешишеся ко мнѣ, Зимцерлы дѣши милы!
Просшрише къ сиротѣ - Росинкѣ ваши крылы! . .
Не слышушъ! . . . Солнце — радосшь дня!
Услышь хошь шы меня!
Ты жизнь природы, шы всесильно! —
Проглянь изъ облаковъ и улыбнись умильно!
Твой свѣшлый взоръ — мнѣ жизни даръ —
Проглянь и преврашя меня въ лешучій паръ!
Ты жизнь даешь мірамъ, шы жизнь даешь былинкѣ;
Ужель ошкажешь въ ней безжалосшно Росинкѣ?“
Напрасная мольба! И легки вѣшерки,

(*) Эша піэса напечашана была въ Труд. О. Л. С. Здѣсь помѣщаешся она съ нѣкошорыми перемѣнами.

И солнце огневое
Осталися въ покоѣ;
И что имъ до чужой тоски. . . .

*

Съ другой страны, съ горы отлогой и высокой
Свергалась гордая Рѣка, —
Развалины и смерть — былъ слѣдъ ея широкой.
Послышавъ шумъ валовъ ея издалека,
На полѣ селянинъ задумался уныло. . . .
Рѣка бѣжитъ, Рѣка ревётъ
И разсыпнымъ снопомъ алмазны брызги бьётъ;
Оплотъ ли встрѣтитъ — чрезъ оплотъ.
Все, все ея тщеславью льстило;
И скоро, съ новою собравшись силой,
Она забыла берега,
И залила луга
И нивы золотыя
И деревца младыя. . . .
Кипитъ, шумитъ, реветъ; что далѣ, то грознѣй!
Ударитъ въ дубъ волной — и сынъ вѣковъ съ корней...
Гордясь разсѣяннымъ на всё и всюду горемъ,
„Не мнѣ безвѣстность суждена,"
Подумала она.
„Кто знаетъ, можетъ быть и я сравняюсь съ моремъ.
Отвѣдаю съ нимъ силъ! Война ему! война!"
И къ морю понеслась съ удвоенною силой.
Кипитъ, шумитъ, реветъ — и все вокругъ уныло. . . .
Ужь близокъ брегъ морской, и воды всѣ въ одно
Собравъ, глубокое себѣ прорыла дно.
А море спитъ себѣ, объятое тишиной,

И не шалохнешся оно.
Рѣка бѣжитъ, крутя песокъ на днѣ глубокомъ, —
И въ море хлынула клокочущимъ потокомъ,
А море спитъ себѣ — объято тишиной,
Лишь чуть шатнулося оно,
И то съ краевъ. Рѣка передовой волной
Пробилась съ ропотомъ на дно,
И . . . что всѣ замыслы надменной величавы?
Она погибла тамъ безъ имени, безъ славы. . . .
Но чтожь съ Росинкою? . . . Она, сказать ли вамъ?
Она — упала въ хлябь и — къ раковинѣ тамъ
Прильнула Эретрійской,
И подъ ея щитомъ
Отъ гибели спаслася близкой.
Потомъ
Непостижимая природы сила
Въ блестящій перлъ Росинку превратила.
Потомъ, оставивши глубокія моря,
На діадимѣ у Царя
Восточнаго сіяла
И скромная — не разъ видала
Она передъ собой
Вельможей-гордецовъ — поникшихъ въ прахъ главой.

Рангъ.

А. Н. М.

Нѣтъ вѣры къ вымысламъ чудеснымъ,
Разсудокъ все опустошилъ,
И покоривъ законамъ тѣснымъ

И воздухъ, и моря и сушу,
Какъ плѣнниковъ — ихъ обнажилъ;
Ту жизнь до дна онъ изсушилъ,
Что въ дерево вливала душу,
Давала тѣло безтѣлеснымъ!..

*

Гдѣ вы, о древніе народы!
Вашъ міръ былъ храмомъ всѣхъ боговъ,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно безъ очковъ!...
Нѣтъ, мы не древніе народы!
Нашъ вѣкъ, о други, не таковъ.

О рабъ ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критикъ, гонишь ты
Ихъ златокрылыя мечты; —
Повѣрь — самъ опытъ въ томъ порукой, —
Чертогъ волшебный добрыхъ Фей
И въ сновидѣньи — веселѣй,
Чѣмъ на яву — томиться скукой
Въ убогой хижинѣ твоей!...

13 Декабря
1821.

Тютчевъ.

ПРОЗА.

НѢСКОЛЬКО СЦЕНЪ ВЪ МОСКВѢ 1612 ГОДА.

1612 Годъ достопамятенъ въ лѣтописяхъ нашего Отечества, какъ рѣшительный для разстроеннаго состава его. Всѣ порывы необузданнаго властолюбія, всѣ безпорядки безначалія, на всѣхъ путяхъ алчные враги стремились къ сердцу Россіи, съ намѣреніемъ прервать нить ея болѣзненнаго существованія. Но Богъ судилъ иначе: попустивъ на насъ всѣ несчастія, сими несчастіями хотѣлъ только испытать непоколебимый духъ твердыхъ Россіянъ — и 1612 годъ есть торжество нашей вѣры и вѣрности.

Ночь лежала надъ печальною Москвою, скрывая и страданія несчастныхъ и злобное торжество враговъ Россіи; лежала надъ обширнымъ пожарищемъ, на которомъ уцѣлѣло еще довольное число домовъ для пиршества измѣнниковъ и враждебныхъ полчищъ, и немного для пристанища вѣрнымъ сынамъ Отечества; уцѣлѣло нѣсколько храмовъ Божіихъ для изліянія горячихъ молитвъ, утѣшительныхъ для страдальца. Скоро полуночная тишина прервана была благовѣстомъ, сзывавшимъ православныхъ къ утренней молитвѣ въ праздникъ Успенія Пресв. Богородицы. Уныло, но не робко, текли Русскіе во храмы; ночная стража окликала, но не

останавливала на пути идущихъ; — враги Россіи, оставляя ей сію свободу, оставили все, чѣмъ сохранилось и утвердилось ея бытіе. Во храмѣ ярко запылали свѣчи предъ иконами; потупленные взоры приходящихъ почти не встрѣчались. — Неподвижный видъ Пастыря, предъ олтаремъ стоящаго, однообразное чтеніе Псалмовъ, мертвое молчаніе во храмѣ представляли взорамъ одну гробовую оцѣпенѣлость; но Пастырь терялся въ присутствіи Божества, — но сильный, пламенный языкъ боговдохновенныхъ Псалмовъ — съ каждымъ словомъ вливалъ въ сердца и крѣпость и утѣшеніе. Торжественныя пѣсни Іоанна Дамаскина возвысили непобѣдимую рать подъ знаменами Заступницы вѣрныхъ; при пѣсни Богородицы все пало ницъ — громовый голосъ произнесъ ее и, казалось, Она Сама, Святѣйшая, осѣнила своимъ покровомъ поникшія главы и ободрила сокрушенныя сердца чадъ своихъ. По окончаніи божественной службы Пастырь благословилъ каждаго, напомнилъ всѣмъ, что все Отечество строгимъ постомъ и смиреніемъ приготовляется на спасеніе свое. Уже показавшееся солнце освѣтило златые кресты церквей — и рубища безмолвно расходящихся молельщиковъ. Казалось, изгнанники удалялись отъ предѣловъ любезной родины.

Уже дѣятельность начинала оживлять улицы; растворялись ставни оконъ и вороты; тамъ мелькали озлащенные кафтаны и оружіе Литовскихъ всадниковъ, —

здѣсь выглядывали изъ оконъ полныя гордыя лица; — тамъ безпечная отвага уже простирала руки къ трапезамъ, и еще медлила въ разборчивости, чѣмъ насыщать свой изнѣженный, прихотливый вкусъ; а Рускіе, какъ на пиру радушный хозяинъ, съ самоотрѣченіемъ пеклись о продовольствіи сихъ незваныхъ гостей; юные и легкомысленные были ихъ кравчими и виночерпіями, носили блюды мясъ, разливали медъ и красное вино; чѣмъ кто старѣе и благомысленнѣе, тѣмъ труднѣе работы исправляли: носили воду, рубили дрова, разводили огни, тяжелымъ жорновомъ мололи пшеничное зерно, очищали пути отъ пыли спѣкшейся съ кровію, приводили на закланіе тучныхъ тельцовъ и агнцевъ; — ихъ безотвѣтное повиновеніе считали враги за совершенное признаніе своего владычества; порядокъ настоящаго дня, слѣдствіе Русской набожности, ставившей себя выше земнаго, считали твердымъ благоустройствомъ; тогда и насыщенная алчность претворялась будто въ великодушіе: кушай, Руской, кушай, вотъ тебѣ часть мяса, — вотъ медъ и красное вино; чего угодно, пейте, лучше станете служить, — говорилъ краснощекой Полякъ своей свитѣ; спасибо, Вельможа, на добромъ словѣ; себѣ на здоровье; мы Русскіе до обѣдни не ѣдимъ. Но такое изобиліе не вездѣ текло рѣкою. Удаленныя части города походили на домъ, разстроившійся отъ нерасчетливости хозяина, въ которомъ усилившіеся иноплеменники и

подлые рабы расхищали все, какъ должную дань своей услужливости, и съ каждымъ утромъ всякій просыпается съ поспѣшностію завладѣть еще чѣмъ-либо оставшимся; а бѣдный хозяинъ, не находя способовъ къ удовлетворенію собственныхъ своихъ нуждъ, еще долженъ слышать жалобы и проклятіе отъ праздной и алчной иностранной и своей челяди. — Уже отдалъ онъ съ себя послѣднее, и еще съ него требуютъ. — Такъ въ отдаленныхъ частяхъ города алчная Литва истощала всѣ угрозы, чтобы вынудить себѣ для пищи нѣсколько крохъ послѣ прежняго раздолья. — Между тѣмъ какъ толпы враговъ тѣснились на площади и проводили въ пустословіи праздное время — Московитяне шли одни на кладбища поклониться праху своихъ родителей, другіе собирались къ храмамъ — въ ожиданіи благовѣста.

Не правда ли, что при насъ Москва начала уже образоваться? — Праздники, редуты, наряды, свободное обращеніе прекраснаго пола, развязность Русской молодёжи, — все принимало живый, блестящій видъ.

Да, дворъ Мнишки много успѣлъ преобразовать нашу грубость; Россія далеко бы подвинулась, если бъ.... — Еслибъ не закоренѣли у васъ старые предразсудки. Какъ мало встрѣчаешь теперь веселыхъ, пріятныхъ лицъ? а давно ли здѣсь было совсѣмъ иначе? —

Такъ разговаривали между собою молодый Полякъ Желтковскій и пожилой Русскій воинъ Мечеславъ, собраты по оружію, друзья по расположенію къ жизни веселой, безпорядочной, сверстники на пути къ почестямъ и къ блеску придворному. Впрочемъ неравенство между ними было очевидно: сколько Полякъ былъ самодоволенъ и взорами исполненными незаемнаго огня и радости представлялъ звѣзду первой величины; столько Русской былъ мраченъ, примѣтно по временамъ оживлялся какими-то надеждами; невѣрные шаги, взоръ тупый, устремленный на юношу, показывали, чьимъ онъ былъ спутникомъ. Проходя мимо храма, машинально вошли за входящими; — посмотримъ вашихъ красавицъ — не увижуль здѣсь прелестной Ксеніи? говорилъ Полякъ, завивая усы, бренча саблею и поправляя золотыя кисти платья своего; — но въ церкви никто не обращалъ на нихъ вниманія; Ксеніи было не видно. Здѣсь нечего смотрѣть, сказали они, и скорѣе нежели дворный песъ, завлеченный голодомъ въ открытыя двери дома — спѣшитъ отъ незнакомыхъ лицъ, — они вышли на паперть. — Ахъ, какъ здѣсь дымно! — какой несносный этотъ вашъ ладанъ! говорилъ Полякъ, надѣвая шапку и расправляя перо. Да, хмѣль ладону не любитъ, улыбнувшись отвѣчалъ Русской. Чтобы разсѣять мрачное впечатлѣніе, Русской начинаетъ продолжать разговоръ, который они прервали; входя въ церковь. Ахъ бѣдность, старинное

тельная бѣдность! — Вотъ плоды національной гордости. Еслибъ и я не имѣлъ себѣ покровителя въ просвѣщенныхъ вельможныхъ Полякахъ, — при сихъ словахъ Желтковскій поднялъ гордый взоръ и наискось смотря на Русскаго, слушалъ, — еслибъ не вельможная Польша, пропали бы мои двадцатипятилѣтнія заслуги; намѣсто безпрерывныхъ веселій, торжествъ, пышности, намѣсто блеска одѣяній и почестей, герой при Битцахъ, на Воробьевыхъ горахъ, на Окѣ, на Днѣпрѣ, этотъ герой теперь жилъ бы въ разоренномъ селѣ съ старымъ отцомъ своимъ, если онъ не умеръ. Тутъ прервалъ ихъ голосъ: Бояринъ! бояринъ! Христа ради! — Желтковскій съ холодностію слушалъ и смотрѣлъ на толпу тощихъ, едва прикрытыхъ рубищемъ тѣней. — Между ими, какъ твердая пустынная скала, вдали освѣщенная яркимъ сіяніемъ солнца — стоялъ на колѣняхъ старецъ въ рубищѣ, но величественнаго вида, со взоромъ, неподвижно устремленнымъ на небо. — Съ этимъ взоромъ при послѣднихъ словахъ встрѣтился Русской — и затрепеталъ. — Есть взоры, проникающіе во глубину души; и не только взоры пламенной любви — но еще сильнѣе — какъ молнія, растопляютъ огрубѣвшее сердце, взоры истинной добродѣтели. Русскіе понимаютъ сей взоръ, и Мечеславъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ уничтоженными всѣ замыслы гордаго честолюбія, ужаснулся бездомной пустоты въ душѣ своей; — ста-

рался самъ отъ себя скрыться. Какая бѣдность и съ такою гордостію! отходя говорилъ Желтковскій; такого твердаго мраморнаго черепа я еще не видывалъ. — Это наши старцы, которые теперь сюда часто бродятъ изъ Вязьмы, изъ Твери, изъ понизовыхъ городовъ — враги вамъ неопасные, отвѣчалъ Русской, слѣдуя за Полякомъ, — какъ пѣшій въ осеннее ненастье, по-распустившемуся глинистому пути, слѣдуетъ за ходкою высокою колесницею; — горе Рускому, который при общемъ бѣдствіи Отечества не бѣденъ! говорилъ вслѣдъ ему тихій голосъ.

Въ разоренной Столицѣ оставалось нѣсколько почетныхъ домовъ, въ которыхъ Литовцы и Поляки хвалились не только храбростью и могуществомъ своимъ, но и прославляли свое великодушіе; на сіи домы опиралась тѣнь той надменности, которою грозили враги цѣлой Россіи. Здѣсь почетнымъ карауломъ охранялись, какъ заложники, знаменитые Русскіе Бояре, Сановники съ ихъ семействами; здѣсь было убѣжище всѣмъ военнымъ молодымъ людямъ отъ праздности, лѣни, отъ скуки; молодый Желтковскій съ Мечеславомъ особенно посѣщали домъ одного Стольника. Прекрасная дочь Стольника обратила на себя его жадные взоры; дорогой восточный перлъ, оставленный въ залогѣ у жаднаго Еврея, не столько льститъ его корыстолюбію, сколько пре-

красная воспаляла желанія гордаго Поляка; уже онъ считалъ ее своею собственностію; — часто родители отъ безпокойныхъ посѣтителей приходили въ отчаяніе; часто неистовое пиршество незванныхъ гостей казалось имъ послѣднею минутою для ихъ безопасности; — тогда сходила изъ терема своего прекрасная Ксенія — и неистовые благоговѣли. Съ тихими, сладостными чувствами они оставляли домъ, удивлялись волшебной силѣ ея прелестей, досадовали на свое малодушіе, снова вооружались безстыдствомъ, и всегда уходили отъ нея побѣжденные. Такую силу имѣютъ прелести, одушевленныя добродѣтелію. Не рѣдко оставляла она шумное собраніе, чтобы слушать у дверей печальной распѣвъ старцевъ; ее не останавливали; нѣкоторые даже изъ враговъ сами невольно за нею слѣдовали, слушали старческую пѣснь о братьяхъ Лазаряхъ, объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ, о страшномъ судѣ; не сердились на разсказы о бѣдствіяхъ, постигавшихъ Россію при владычествѣ злыхъ Татаръ, о строгомъ Царѣ, о зломъ Крымскомъ Ханѣ Менгли-Гиреѣ, о несчастномъ Димитріѣ Царевичѣ, — о вдовствѣ и сиротствѣ Россіи; — слушали и дарили деньгами.

Надменный блескомъ своей утвари, своею цвѣтущею молодостію и правомъ воина, Желтковскій мечталъ, что уже ничто не можетъ противиться такимъ его преимуществамъ. И досадуя, что не видалъ въ церквѣ прекрасной Ксеніи, спѣшитъ

въ домъ ея. Старый отецъ ея, утружденный раннимъ бдѣніемъ, послѣ умѣреннаго обѣда отдыхалъ на дубовой лавкѣ, склоня на локоть сѣдую голову. Мать же, по обыкновенію, прибравъ сама посуду, въ образной горячими слезами благодарила Бога за щедрую милость. Входитъ Желтковскій; сказавъ два, три холодныхъ привѣтствія, не дожидается отвѣта, не обращаетъ вниманія на печальное расположеніе отца и матери семейства, не замѣчаетъ, ради ли приходу его, и снявъ шапку, садится у стола на той лавкѣ, гдѣ отдыхалъ старецъ. Такъ безжалостный наемникъ гонитъ чужаго коня, не разбирая ни тягости воза, ни трудности пути, безчувственный къ его страданіямъ, въ досадѣ на медленность, по согбенному его хребту частитъ жестокими ударами. — Гость сидитъ; — начинаетъ разговоръ о Ксеніи. Въ отвѣтъ ему унылое, робкое молчаніе; полагая сему причиною подозрительность родителей, тѣмъ болѣе надѣется на привязанность дочери, — надѣется, что она, услышавъ его, не замедлитъ сойти. Смотритъ въ окно; тутъ проходили старцы. Кстати, сказалъ онъ, потѣшу я прекрасную любимою ея музыкою. Позвали пѣвцовъ; — одинъ изъ нихъ былъ тотъ мраморный черепъ, которому онъ удивлялся на церковной паперти. При видѣ его Мечеславъ поблѣднѣлъ; кровь оледенѣла въ жилахъ, дыханіе остановилось въ груди его; необыкновенное движеніе волновало ее, и въ то-

же время оно встрѣчало непреоборимыя преграды; тяжелая гора лежала на ней.

„Знаешь ли пѣсни, лысая голова?“ — спросилъ Полякъ. — Пою, вельможный. —

„Ну, спой же лучшую, какую только знаешь.“

Нищій, посмотрѣвъ на Мечеслова и стараго хозяина, запѣлъ:

„Не дѣвица плачетъ, не красная стонетъ отъ ранней звѣзды до полуночи, не зная отраднаго покоя.

„Плачетъ Москва, стонетъ Русь православная, подъ игомъ, раздорами.

„Не ткань распускается огромная, не дотканная, что заткались въ нее нити крупныя, грубыя, рѣжущъ основу твердую. Распускается Царство Русское, что впутались въ огромное — безстыдное властолюбіе, кичливое безначаліе; жадность къ блеску, къ роскоши ослѣпили взоры орлиные; что мечи булатные разрываютъ основу твердую, проливаютъ кровь Царскую, низвергаютъ Вѣру православную, и смѣются надъ стыдомъ и надъ законами. — Оставайся же основа Русская, вы столпы непоколебимые, — одиноки съ твердой Вѣрою, — а врагъ кичись, пока Богъ смиритъ тебя.“

Желтковскій думалъ только о Ксеніи, смотрѣлъ на дверь, прислушивался; но дверь не трогалась. Нетерпѣливо спрашиваетъ у матери: „Гдѣ твоя дочь?“ — Мать молчитъ, а Нищій продолжаетъ:

„Я бѣгу молода въ широкія поля, въ густые лѣса; мнѣ любви твоей ненадобно.

„Возрасла молода я въ высокомъ терему, подъ крыломъ родныхъ, на чужихъ людей не заглядывалась.

„Мнѣ широкія поля, мнѣ густые лѣса отъ позорной любви незаглядныиъ будутъ теремомъ.

„Ты же, лютой мой врагъ, ты родныхъ за меня не мучь, не карай; я тебѣ ими не суженая.

„Ни свѣчами съ тобой, ни кольцомъ, ни вѣнцомъ, ни святой теплотой, ставъ на ширинкѣ одной передъ образомъ, не обручалася."

„Гдѣ Ксенія?" вскричалъ въ бѣшенствѣ Желтковскій, бросившись къ трепещущей матери. — Ксенія вчера отъ насъ скрылась безъ вѣсти, — отвѣчала она прерывающимся голосомъ. — Со страхомъ я думала, что она увлечена отселѣ вашими руками; кругомъ двора ваша стража: спросите у ней, куда дѣвалась бѣдная моя Ксенія. —

Призвали стражу. На строгіе вопросы Генерала одно отвѣчали, — что ни одной души не пропускали ни въ домъ, ни изъ дому; а приходили старцы, которымъ самъ Генералъ позволилъ тѣшить стихами барышню.

„Ты, старый бродяга, похитилъ ее," вскричалъ онъ яростно, бросившись съ обнаженною саблею на Нищаго; но ты не умрешь такъ легко: въ жестокихъ мученіяхъ скажешь, гдѣ Ксенія." — Я на свѣтѣ никого не знаю, кромѣ своей нищей братіи. — „Мечеславъ! возьми его, береги бандита; ты

будешь мнѣ отвѣчать за него своею честію. Я на тебя полагаюсь.“ — Но что я съ нимъ буду дѣлать? — спросилъ равнодушно Руской. — „Повѣсь его, дави, рѣжь, жарь, мори; но только чтобъ онъ не умеръ,“ сказавши, Желтковскій ушелъ, можетъ быть, разыскивать о побѣгѣ своей жертвы.

Заполночь продолжалась шумная беседа у Мечеслава; всѣ говорили съ истиннымъ участіемъ о Желтковскомъ, почитали его несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ; проклятія сыпались на нарушителя правъ военныхъ, — но въ груди Мечеслава горѣлъ страшный пожаръ; всѣ члены въ немъ развязались — кровь волновалась какъ пламень. — Ведя ввѣреннаго ему плѣнника, самъ едва едва влекъ онъ свои ноги, ему измѣнявшія; надъ темнымъ подземельемъ, гдѣ былъ заключенъ несчастный, казалось ему, потрясались стѣны, двигался полъ и готовъ былъ подъ нимъ обрушиться. — Проводивъ гостей, не могъ и думать о снѣ; хотѣлъ разсѣяться прогулкою и освѣжиться утренней прохладою, но невольно шелъ къ подземелью; отворились съ шумомъ желѣзныя двери, — и онъ видитъ предъ собою старца спокойнаго, величественнаго; — на лицѣ его онъ не нашелъ слѣдовъ страха и робкаго безпокойства, и послѣ нарушеннаго сна; оно сіяло тихимъ веселіемъ Праведника. — Мечеславъ удивился перемѣнѣ своей; вдругъ утихали въ немъ всѣ бурныя движенія. Такъ Музы вдругъ наполняютъ томительную пустоту души пра-

его и навернувшіяся слезы на глазахъ, бросился къ нему съ распростертыми объятіями и вскричалъ:

— Жестокой! ты этотъ неблагодарный, нечувствительный, развратный сынъ! — Еще ли ты будешь бороться съ голосомъ самой природы? Воспользуйся имъ; онъ не умолкнетъ, развѣ когда изъ груди твоей вырѣжутъ твое жестокое сердце. — Скажи, гдѣ твой родъ; кто воспиталъ тебя? Посмотри, все тебя обличаетъ. —

„Старикъ, старикъ! говорилъ Мячеславъ, все доказываетъ твое невѣжество — говоришь, что чувствуешь, — и говоришь такъ грубо; ты видишь великое различіе между мною и тобою — ты нищій — я Генералъ. Невѣжда и нищій позволяетъ себѣ все и не понимаетъ, что слова его оскорбительны."

—Правда, у насъ смотрятъ по дѣламъ; вы измѣнники, отцеубійцы, рушители своего отечества — и умѣете скрывать гнусность свою подъ благовидною, блестящею личиною, мягкими словами. — Сынъ! да не обрушится на тебя небесное проклятіе. —

„Старикъ, старикъ! ты меня погубишь невозвратно; не забудь, и также среди враговъ: что скажутъ о сынѣ нищаго? — Дай окончиться затруднительному моему положенію. — Отечество наше ослабѣло — и должно уступить сильнымъ врагамъ. Шведы ли восторжествуютъ, или Поляки, — или, какъ носится слухъ, — Нѣмецкой Императоръ — я долженъ удержать свое мѣсто.—

Что „нужды, что отечество падетъ! — Сколько оно утратитъ въ самобытности своей, столько пріобрѣтетъ въ просвѣщеніи.“

— Не осквернай, сынъ, святаго слова. Просвѣщеніе несовмѣстно съ развращенными твоими мыслями; отечество не уступитъ врагамъ своимъ, пока Богъ не оставитъ его. Уже избавители готовы съ востока; въ древнемъ Домѣ нашихъ Князей загарается заря спасенія для Россіи. — Скоро мрачныя тучи надъ Столицею разсѣются, тогда измѣннику останется одинъ стыдъ. —

„Старикъ, старикъ! только сходству моему съ сыномъ твоимъ, твоему обману и твоему ничтожеству ты будешь обязанъ, если избѣжишь теперь мукъ, которыя висятъ надъ твоей головою; пользуйся темнотою ночи; — ты погибъ, если застанетъ тебя день въ стѣнахъ Москвы.“

При сихъ словахъ Нищаго извлекли изъ подземелья; устремивъ взоръ свой къ небу, онъ пошелъ; — Мячеславъ смотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, въ первой разъ, уступивъ сладостному чувству, дотолѣ для него неизвѣстному, кричалъ: Постой, постой, старикъ! еще скажу тебѣ два слова. Пусть черты сіи сильнѣе, сильнѣе врѣжутся въ памяти моей; мнѣ такъ отрадно“ — говорилъ онъ самъ себѣ, жадно пожирая взорами почтенный образъ. „Нѣтъ! забылъ! иди съ Богомъ!“ сказалъ онъ ему, и поспѣшно вошедши въ свой покой, бросился въ слезахъ на мягкую постель.

„Нѣтъ болѣе Ксеніи; всѣ мои поиски тщетны! Всѣ казни и бѣдствія да обрушатся на проклятаго бродягу," говорилъ Желтковскій, вошедши на другой день къ Мечеславу.

„Ведите преступника на лобное мѣсто, — уже готовы для него всѣ орудія смерти."

— Нищій бѣжалъ, — былъ отвѣтъ ему отъ посланныхъ.

„Какъ? Мечеславъ! не тебѣ ли въ руки я отдалъ его?" говорилъ онъ съ гнѣвомъ.

Мячеславъ молчалъ, и на многіе упреки Желтковскаго наконецъ съ холодностію сказалъ: — Я принесъ всѣ жертвы Царю моему Владиславу, — но быть стражемъ бродягъ, палачемъ своихъ соотечественниковъ — это выше силъ моихъ: не могу — Желтковскій. —

Скоро пронеслась молва страшная для враговъ, утѣшительная для Москвитянъ, — что избавители приближаются грозною тучею. Воинственные Поляки и Литовцы пробудились отъ дремоты. — Геній войны, какъ и всякой геній человѣчества, возбудивъ въ нихъ готовность на всѣ опасности, придалъ имъ особенную важность, — и въ глазахъ самихъ притѣсненныхъ замѣнялъ справедливость дѣла. Забыты шумныя пиршества и самохвальство, забыты насилія и нѣга; всякой измѣрялъ глазами только въ соотечественникахъ надежду свою. — Такъ въ знойный лѣтній полдень отъ приближенія чреватой тучи принимаютъ грозный видъ и тѣ предметы, на

которые гибельная обрушится молніями, громомъ и опустошительнымъ градомъ. Сей воинственный геній спасъ бы Польшу, еслибъ его одного достаточно было для твердости дѣлъ человѣческихъ. — Но что онъ значитъ противъ сильныхъ Геніевъ, охраняющихъ Россію; что значитъ противъ вѣры и вѣрности?

Наступило 22 Августа. Средина Москвы сдѣлалась границею между двумя противными силами. Грозно напирали Русскіе; мужественно отражались и стояли Поляки, надѣясь на собственныя свои силы. Въ этотъ день они даже не принуждали приверженныхъ къ нимъ Русскихъ драться противъ соотечественниковъ, но позволили имъ быть зрителями жестокаго кровопролитія. — Мечеславъ стоялъ безъ дѣйствія. Уже дружины Пожарскаго изнемогали отъ силы враговъ, — отчаяніе распространялось во всѣхъ Русскихъ рядахъ; шлемы и латы трещали подъ сильными ударами Польскихъ палашей; — юные уступали; — старики были оставлены въ схваткѣ со врагомъ сильнѣйшимъ; — одинъ изъ нихъ уже безъ шлема защищается противъ многихъ, быстро наноситъ ударъ за ударомъ; но силы его слабѣли. Мечеславъ узнаетъ въ немъ старца; глаза его темнѣютъ; онъ невольно бросился въ средину сильныхъ враговъ его, какъ бы противъ собственныхъ своихъ. — Измѣна! измѣна! раздалось въ ихъ рядахъ; — но Мечеславъ мужествомъ своимъ многимъ доказалъ, что

онъ спасаетъ отца: защитилъ старца — и самъ наконецъ дорого отдалъ жизнь свою за отечество. Престарѣлый отецъ благословлялъ судьбу его, что онъ палъ за правое дѣло, и послѣднею минутою искупилъ душу свою отъ вѣчнаго проклятія.

ТЕМИРЪ.

Повѣсть

„Гдѣ вы, дни прежней свободы, дни безпечной радости? Вы остались далеко на поляхъ странствованія; ничто мнѣ не возвратитъ васъ; и тамъ, гдѣ я не умѣлъ наслаждаться вами, не умѣлъ цѣнить васъ, теперь другіе счастливцы украшаютъ кавылёмъ юрты свои; другіе попираютъ шелковую траву безпредѣльныхъ степей; въ однихъ предѣлахъ съ солнцемъ совершаютъ пути свои, и поятъ свѣжими водами всегда у новыхъ незнакомыхъ рѣкъ безчисленныя стада свои. Незабвенныя мѣста независимости! еслибъ я прежде чувствовалъ, сколь тяжело терять то, къ чему привязала насъ ранняя привычка; еслибъ предвидѣлъ скорьби, кои нынѣ встрѣчаю, оставя васъ; еслибъ это былъ сонъ; еслибъ, проснувшись, еще однажды я могъ дышать воздухомъ подъ пустынной сѣнію деревъ: то не искалъ бы счастливѣйшихъ странъ, не увлекся бы мечтами, и свободной жизни среди мирныхъ стадъ не промѣнялъ бы на горы золота,

на царства почестей. Быстрый конь стремится въ чистыя поля, волъ оживляется на новомъ пастбищѣ, верблюдъ готовитъ многодневный запасъ для знойнаго пути. И я быстротою не уступалъ ретивому коню: вездѣ для стада моего открыты были тучныя пастбища, и запасы природы были неистощимы для меня во всѣхъ странствованіяхъ. Мысль моя свободно летала по неизмѣримымъ небесамъ; мнѣ знакомы были отдаленнѣйшія одна отъ другой звѣзды — мои путеводители и собесѣдники въ темной ночи; они были свидѣтелями моего счастія; душа моя была полна жизни, веселія.

Но блаженство наше уже перестаетъ существовать въ глазахъ нашихъ, какъ скоро мысль представляетъ что нибудь еще совершеннѣе, — сердце стремится за темной мыслію и часто отъ вѣрнаго счастія на вѣрное бѣдствіе. Свободѣ моей недоставало одного; мы не свободны отъ излишней вѣры въ преданія и сказанія древности. Можетъ быть, смѣясь надъ простотою правнуковъ своихъ, дѣды и прародители наши указали намъ на Сѣверѣ рай; сказали, что тамъ только люди блаженствуютъ. Съ тѣхъ поръ плодоносныя поля Востока служатъ только станомъ для безчисленныхъ Ордъ, на Сѣверъ стремящихся; и еще никто не возвратился удостовѣрить насъ, есть ли дѣйствительно рай среди сихъ однообразныхъ снѣговъ. Если онъ и есть, то конечно стрегутъ его злые, могучіе духи.

Сей холодный вѣтръ иное предвѣщаетъ, нежели чего мы ожидали отъ сего звѣзднаго неба. Какъ жестоко срываетъ онъ съ деревъ желтыя листья! Какъ трава умираетъ отъ его дыханія! На обширномъ полѣ одни стебли печально колеблются; они ясно помаваютъ заблудшему страннику бѣжать отселѣ. Они подобны тѣмъ сострадательнымъ, но бѣднымъ людямъ, кои, видя голодъ и нищету подобныхъ себѣ, но сами лишенные всего, печально говорятъ имъ: Богъ дастъ. Вездѣ вижу однѣ гробницы и ни одного живаго существа. Обманчивыя мечты! конечно какой нибудь злой духъ, по зависти къ счастію смертныхъ, посылаетъ васъ въ мирное жилище неопытныхъ дѣтей природы; вы отравляете всѣ настоящія наслажденія, сулите намъ блаженство, и ввергаете въ бѣдствія; мы слѣпо ввѣряемся вамъ; среди пустынь при дверяхъ гроба ищемъ васъ, и болѣе не находимъ; зовемъ васъ, но вы глухи; болѣзни, страданія лишаютъ насъ всего лучшаго, и вы не помогаете, не сжалитесь надъ тѣми, коимъ все обѣщали."

Такъ жаловался на судьбу свою Мурза Темиръ, слѣдуя за безчисленными ордами на Сѣверъ. Сорокъ разъ восходило солнце смотрѣть на удаленіе его отъ странъ, на кои особенно проливаетъ свое благословеніе; сорокъ разъ Мирза въ пути молился ему, чтобъ оно не оставило его; но читалъ на немъ одинъ только гнѣвъ. Оно все косвеннѣе освѣщало; съ каждымъ днемъ умалялся благотворный жаръ его; мракъ оспоривалъ

у свѣта большую часть времени. Предъ нимъ бѣлѣлись вершины Урала, на нихъ догоралъ послѣдній лучь вечерняго солнца. Съ одной стороны соль, подобно инею, покрывала поля, съ другой стремилъ волны Тоболъ въ крутыхъ берегахъ своихъ. Темиръ, за свѣжими насыпями избравъ защиту противъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, искалъ нощнаго успокоенія. Спутники разбили шатеръ, резвели огни; стадо, утомленное и съ каждымъ днемъ рѣдѣющее, разосталось по полю. Мирза съ охотою бы отказался отъ неизвѣстнаго блаженства и возвратился бы въ свои знойныя степи, но сильный Тимуръ наводнилъ ихъ другими народами; а впереди его тянулись безчисленныя толпы Батыя; и такъ онъ увлекался потокомъ, и увлекался невозвратно. Напрасно говорятъ, что сонъ есть успокоеніе несчастнаго. Онъ рабъ враждебныхъ обстоятельствъ; въ счастіи, когда духъ ничѣмъ не возмущается, когда все, кажется, покорствуетъ нашему произволенію, онъ нечувствительно ложится на вѣжди и улетаетъ нечувствительно; если неожиданные случаи вдругъ увлекаютъ къ пріятнымъ надеждамъ, то льстецъ разсыпаетъ предъ нами всѣ золотыя мечты; если мрачныя тучи облягутъ обзоръ нашей жизни, то измѣнникъ не является; съ злобной усмѣшкою взираетъ издали, какъ страхъ, горесть и отчаяніе раздираютъ грудь несчастнаго и выпиваютъ изъ леденѣющаго сердца его послѣднюю теплую каплю крови, и когда

страдалецъ утомленный забывается отъ безсилія; то злодѣй мрачно, подобно полуночному привидѣнію, ложится на слабый составъ тѣла, давитъ своею тягостію, и удвояя дневные ужасы, отнимаетъ у нихъ смертоносность. Темиръ прежде не видѣлъ свободѣ своей предѣловъ, не зналъ мѣры богатству своему, не чувствовалъ цѣны удовольствіямъ и наслажденію; теперь въ разлитомъ сосудѣ своего благополучія на днѣ видитъ только надежду и сонъ. Уже послѣдній огонёкъ мелькалъ на угольяхъ изъ-подъ пепла, коимъ они покрывались, и которымъ игралъ порывистый осенній вѣтръ; кажется, онъ не желалъ оставить ни искры жизни въ области холода, и для того безпрестанно срывалъ покровъ съ румянца углей и заставлялъ ихъ горѣть скорѣе. Утомленное стадо отрыгало болѣзненные вздохи, а не пищу, какъ бывало въ странахъ приводьныхъ, и наполняло воздухъ печальнымъ стономъ. Завываніе дикихъ звѣрей наводило на Темира страхъ. Ему казалось, что онъ скоро будетъ принужденъ оспоривать у нихъ добычу ихъ, будетъ уже не защищать товарищей, друзей свободы, но только бояться, чтобъ Гарпіи не исхитили изъ гортани его пищи. Когда сердце его билось только для радости, тогда онъ видѣлъ друзей во всемъ, что только могло дѣлить съ нимъ радости его, и краса стада часто привлекала его удивленіе и даже почтеніе. Горестная нужда отдѣлила его отъ нихъ; какъ святотатецъ, уже онъ воз-

ложилъ на нихъ руку свою; и право давности, безчеловѣчія еще не успокоило юной совѣсти Темира; и какія права могли успокоить обманушаго искателя лучшей доли, нежели какой смертному искать позволено? Скоро сдѣлаются страшными для него и самые люди, съ коими не соединена ни прошедшая жизнь его, ни будущая. Ни воспоминанія, ни надежды не утѣшаютъ на чужбинѣ, и не привязываютъ къ лицамъ, кои мы видимъ только мимоходомъ.

Болѣе утомленный, нежели сномъ объятый, Темиръ сомкнулъ вѣжди свои; тѣ же сомнѣнія, тѣ же горести занимали его и въ семъ безпокойномъ снѣ. Еще видъ и стонъ голоднаго стада пронзалъ сердце его; еще искалъ онъ вдали привольной имъ пищи, но тщетно; думалъ, какъ укрыть отъ пронзительной стужи юныхъ агнцевъ и тельцовъ; готовъ былъ раздѣлить съ ними шатеръ свой и согрѣть у сердца; еще взоры его устремлялись къ странѣ блаженства минувшаго; и впереди онъ ищетъ цѣли своихъ стремленій и видитъ вдали мужа, ни по одеждѣ, ни по виду ему незнакомаго. Простая, но величественная наружность, смѣлыя и важныя движенія, взоръ вдаль устремленный представляли Темиру незнакомца сего врагомъ, соперникомъ въ послѣднемъ остаткѣ его богатства. Сердце его исполнилось недовѣрчивости, опасенія. Кто можетъ жить въ странѣ сей, какъ не хищникъ или алчный соглядатай заблудшихъ странниковъ? Можетъ быть, въ первый разъ,

Темиръ, ты долженъ будешь измѣрить силы свои съ подобнымъ тебѣ; и ты, стадо мое, послѣдняя моя утѣха, будешь пресыщать убійцу прежняго друга твоего. Такъ думалъ Темиръ. Но чудо! пустынныя поля вдругъ покрылись пріятною зеленью, какою никогда не украшаются невоздѣланныя, но плодоносныя поля Востока; древа манили взоръ и вкусъ его прелестными плодами. Темиръ готовъ былъ повергнуться въ признательности и лобызать стопы благодѣтельнаго божества. Но гдѣ оно? кто могъ сдѣлать такую перемѣну на пустынныхъ поляхъ? Только взоръ незнакомца былъ обращенъ на нихъ; но незнакомецъ былъ такъ простъ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. Недовѣрчивый Темиръ можетъ только бояться. Смотритъ; вдругъ за рощами возвышаются зданія великолѣпныя, предъ коими лучшіе шатры его представляютъ видъ жалкой бѣдности; и сіи зданія отверсты для успокоенія усталаго пришельца. Темиръ благоговѣетъ, ищетъ виновника сихъ превращеній, и встрѣчается только со взоромъ незнакомца; но незнакомецъ былъ такъ простъ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. И плодоносныя поля и огромные великолѣпные чертоги не избавляютъ меня отъ подозрѣнія къ сему мрачному привидѣнію. Если онъ силенъ, то всего можетъ лишить меня, или сдѣлаетъ рабомъ своимъ; такъ думаетъ Темиръ, и въ сомнѣніи ждетъ, что будетъ далѣе. Видитъ несмѣтныя богатства; безчислен-

ныя орды стремятся собирать его; каждый употребляет всѣ усилія, и съ каждымъ усиліемъ открываются новые источники изобилія, вдоволь для жадности, вдоволь для роскоши и вдоволь для великодушія. Одинъ предлагаетъ другому избытокъ плодовъ, тотъ сыплетъ золото; иной раздѣляетъ ткани и чудныя орудія затѣйливости. При семъ удивленіе Темира удвоилось, но сердце не искало виновника сего народнаго благоденствія. Если богатства раздѣлены между людьми такъ, что они взаимно другъ у друга могутъ брать столько, сколько нужды ихъ требуютъ, и давать, сколько сами пожелаютъ; то они уже довольны сами собою и не спрашиваютъ объ источникѣ сего изобилія. Темиръ легко могъ забыть незнакомца, который былъ такъ простъ, какъ послѣдній рабъ восточнаго владыки. Вдругъ гармонія небесная поразила душу Темира; сердце его открылось для новой жизни — новый міръ вмѣстился въ воображеніи, въ груди его. Не было въ немъ чувствованія, которое бы не представилось ему снова въ неизъяснимой сладости; не было предмета любезнаго, милаго сердцу Темира, коему бы онъ въ сей гармоніи не видѣлъ вѣчнаго, нетлѣннаго памятника. Въ восторгѣ онъ ищетъ виновника своего священнаго упоенія, видитъ персты незнакомца на струнахъ арфы, слышитъ голосъ его, и не сомнѣвается, что онъ былъ виновникомъ всего райскаго удовольствія, стремится повергнуться къ сто-

шамъ его — но незнакомецъ воспарилъ и сокрылся отъ взоровъ Темира, какъ скрываются всѣ легкокрылыя мечты. Напрасно онъ обращаетъ всюду взоръ свой и еще разъ желаетъ встрѣтить чудеснаго незнакомца; встревоженный напряженіемъ своего вниманія, онъ просыпается. Передъ нимъ восточное небо уже багровѣло густымъ пурпуромъ, который на сѣверѣ предшествуетъ свѣжему, ясному осеннему дню. Еще, занятый своею мечтою, онъ искалъ въ утреннемъ заревѣ своего незнакомца; потомъ бросилъ печальный взоръ на покоющихся спутниковъ; тѣ же горестные предметы представлялись глазамъ его, но онъ уже не чувствовалъ прежняго отчаянія: въ сердцѣ его возродилась крѣпость, дотолѣ ему неизвѣстная, и продолжительный рядъ несчастій, еще вчера наполнявшій душу его уныніемъ, нынѣ открылъ въ немъ новыя силы, силы геройскія, кои заваждаются только въ крайнемъ бѣдствіи и преодолѣніемъ онаго питаются и возрастаютъ. Такъ страдалецъ, объятый тяжкою, изнурительною болѣзнію, какъ скоро бываютъ истощены въ недужномъ тѣлѣ его средства, ее питавшія, вдругъ ощущаетъ въ жилахъ своихъ сильный потокъ жизни, сердце его отдыхаетъ и лучь радости озаряетъ томный взоръ его. Такъ природа, окованная зимними льдами, оцѣпенѣлая, при поворотѣ солнца чувствуетъ пульсъ жизни и начинаетъ дышать въ новыхъ зародышахъ — въ почкахъ, не смотря на холодъ, который тогда при-

мѣтно увеличивается; такъ Мельпомена, поразивъ сердца зрителей всѣмъ, что есть трогательнѣйшаго, вливаетъ въ нихъ неизъяснимое мужество и готовитъ ко всѣмъ пожертвованіямъ великой души; такъ юный герой, оживленный, воспламененный взоромъ боготворимой красоты, хотя онъ ею незамѣченъ, хотя другіе ему предпочтены, мужественно стремится на знаменитые подвиги, ищетъ смерти въ бояхъ, и увѣнчавается славою; — удаленъ отъ любезнаго предмета, видитъ его во всякомъ высокомъ явленіи природы, во всякомъ высокомъ чувствованіи души, во всякомъ благотвореніи ближнимъ своимъ.

Съ такими чувствованіями встрѣтилъ Темиръ новое утро въ жизни своей, утро подъ чуждымъ небомъ, въ землѣ незнакомой. Свѣжесть воздуха заставила его сложить съ себя пышныя одежды, кои не столько грѣютъ, сколько препятствуютъ свободному движенію. Онъ одѣлся въ простое, но теплое и покойное платье. Разсмотрѣвъ свои оружія, выбралъ изъ нихъ самыя необходимыя, возложилъ на плеча лукъ и колчанъ, препоясался родительскимъ мечемъ и съ дротикомъ въ рукѣ онъ уже не походилъ на того роскошнаго Мирзу, коему прислуживаютъ тысячи невольниковъ; но казался простымъ звѣроловомъ, который по горамъ и въ густыхъ лѣсахъ слѣдитъ добычу свою. Измѣривъ силы свои, онъ съ благородною увѣренностію смотрѣлъ на себя, и кажется, уже видѣлъ, что *онъ* и что *не онъ*,

что *его собственное* и что *чужое*; стада его уменьшились, большая часть спутников оставили его; необозримыя пустыни вокругъ всюду простирались; не оставалось болѣе ничего, что прежде расширяло, лелѣяло, нѣжило бытіе его, что дѣлало его Майскимъ цвѣткомъ на долинахъ изобилія, и вѣчнымъ младенцемъ въ роскошной колыбели, и безъ страха смотрѣлъ, какъ кора отдѣляется отъ спѣлаго зерна своего. Уже походъ его принялъ видъ спокойной, правильной жизни. Голодъ, слѣдовавшій послѣ большаго перехода, научилъ его забывать сласти изнѣженнаго вкуса, не презирать пищи простой. И видя, что природа вездѣ щедра на необходимое, онъ болѣе успокоился въ судьбѣ своей.

Однажды, въ часы отдыха, вдругъ шумъ, стонъ и вопли поражаютъ слухъ его. Онъ видитъ толпы несчастныхъ, въ плѣнъ увлекаемыхъ. Безсильные старцы, увѣченные мужи, матери, дѣвы, безпомощныя дѣти, всѣ въ оковахъ, какъ тѣни умершихъ, стремились по мановенію одного изверга; по мановенію его одни плавали въ крови своей, другіе издыхали отъ голода, иные подвергались поруганію; для несчастныхъ уже не было ни надежды, ни страха, ни стыда, ни моленія. Желѣзная воля тирана, кажется, претворяла ихъ въ холодный камень.

Они подобны мнѣ, былъ первый голосъ въ сердцѣ Темира. Они несчастны; ихъ несчастія даютъ имъ право на все, что я имѣю. Горе злодѣю, притѣснителю невин-

ныхъ! Кровь закипѣла въ сердцѣ Темира. Ударъ,—и тиранъ поверженъ, обезоруженъ; ударъ,—и оковы свалились съ несчастныхъ. Уже для нихъ простерты объятія, для нихъ льются слезы человѣколюбія, для нихъ готовъ кровъ гостепріимства.

Для чего мнѣ искать другаго рая? Онъ тамъ, гдѣ можно помогать несчастнымъ. Не здѣсь ли Геній благодатный возродилъ во мнѣ новое чувство человѣчества? Вамъ, братія, отнынѣ посвящено сердце мое; съ вами только оно можетъ наслаждаться блаженствомъ.

Сказалъ, и мрачная пустыня вдругъ огласилась восторгами радости; для людей, другъ другу чуждыхъ и прежде отдаленныхъ, она превратилась въ отечество. Пріятнѣйшія чувства великодушія и признательности были узломъ сего новаго общества; сердце ими одушевляемое есть неизмѣнный спутникъ уму свѣтлому, основательному, глубокому, есть источникъ великихъ силъ и вѣрная порука за успѣхи въ добрыхъ намѣреніяхъ. Несчастнымъ казалось, что они волшебствомъ перенеслись только на время въ свое новое убѣжище. Благодѣянія Темира превосходили ихъ ожиданіе. Суровость времени года, продолжительной сонъ природы во время холодной зимы, все предусмотрѣно, отвращено, или смягчено родительскою попечительностію Темира. Несчастіе и бѣдствіе, подобно смерти, помрачаютъ таланты, скрываютъ силы героя; благородная душа Темира въ новыхъ сво-

ихъ собратіяхъ умѣла открыть таланты и возбудить силы, коими они поддерживали и услаждали жизнь свою въ отечественной землѣ, доколѣ гордый завоеватель не обременилъ ихъ оковами. Они встрѣтили весну со всѣми приготовленіями, чтобы ввѣрить щедрой матери землѣ сѣмена будущаго ихъ благоденствія.

Что могло сравниться со счастіемъ Темира и съ тѣми новыми чувствованіями, кои одушевляли его въ семъ новомъ образѣ? Благороднѣйшія побужденія его сердца приведены въ исполненіе, и сіе исполненіе убѣждало его, что онъ не мечтатель, что добродѣтель не есть одинъ призракъ, что блаженство есть истинный удѣлъ человѣчества. Сначала ему казалось, что онъ самъ тотъ благодѣтельный незнакомецъ, который превратилъ пустыню въ плодоносную обитель. Но скоро благоговѣйная бесѣда съ старцами открыла глазамъ его небесный свѣтъ, — и благородный, великодушный Темиръ не увлекался во второй разъ пылкими чувствованіями гордости, которая завоевателямъ открываетъ гробъ въ собственномъ ихъ ничтожномъ величіи.

Въ скромномъ уединеніи онъ проводилъ жизнь, исполненную благодѣяній, и слава ихъ въ слѣдъ за геніемъ всегда парила къ небесамъ.

Часто въ сокрушенномъ сердцѣ онъ молился: „Непостижимый Творецъ! благодарю Тебя, что Ты не оставилъ меня въ гордыхъ мечтаніяхъ цвѣтущей, пылкой юности. Изъ

тлѣнія сѣмянъ ты производишь новое бытіе, сокрушаешь въ прахъ твердыни, и возводишь изъ праха безсмертіе; благодарю Тебя, что Ты смирилъ мое сердце и даровалъ мнѣ вѣру въ блаженство!"

Оболенскій.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Объ Эпической Поэзіи.

(Окончаніе.)

Эпопея основана на преданіи. Старѣйшій наставникъ всѣхъ народовъ есть преданіе, ибо природа безмолвствуетъ и не разрѣшаетъ никакихъ сомнѣній. Въ первобытной Исторіи народовъ находимъ мы *сказки*, которыя суть ни что иное, какъ произвольныя Эпопеи. Чудесныя силы и призраки природы, все чрезвычайное и неизъяснимое въ человѣческой жизни, наконецъ многоразличныя сплетенія судьбы и случая, составляютъ богатѣйшій источникъ сказокъ. Онѣ, точно какъ сновидѣнія, по видимому не имѣютъ никакой связи; въ нихъ все должно быть оживлено особеннымъ образомъ: свободно, таинственно, мечтательно и чудесно, такъ какъ въ природѣ, въ которой для одного только

мыслящаго явны вѣчные законы вселенной и великая связь всѣхъ вещей. Сказка преимущественно процвѣтала на Востокѣ, гдѣ климатъ, образъ жизни, наклонность къ чудесному и проч. исключительно ей благопріятствовали. Отъ того восточныя сказки большею частію суть истинно геніальныя; поэтически заимствованныя изъ круга дѣятельной жизни, онѣ носятся, въ соразмѣрномъ содержаніи, между небомъ и землею. Поелику сказка имѣетъ ближайшее сродство съ Эпопею, посему господствующій характеръ ея есть — изображеніе дѣтской невинности и простодушія.

Существенная Эпопея временъ новѣйшихъ вообще есть *романъ*, но который, однако же, имѣетъ свой отличительный характеръ, сообразный съ духомъ романтизма. Что касается до отношенія онаго къ Эпопеѣ древней, то, можетъ быть, въ семъ смыслѣ всего приличнѣе былобъ наименовать его цвѣтомъ оной: ибо Эпопея Гомера, сравнительная съ величіемъ природы, развиваетъ предъ нашими взорами безконечный міръ, въ которомъ высокое и низкое мирно пребываютъ одно подлѣ другаго, и гдѣ самый герой, подчиненный общимъ законамъ, есть только членъ въ великой связи цѣлаго; въ романѣ напротивъ того все преимущественно сосредоточивается *въ одномъ отдѣльномъ*, такъ, что въ характерѣ опредѣленнаго лица развивается здѣсь цѣлый міръ, какъ въ человѣкѣ, совокупившемъ въ себѣ всѣ многоразличныя силы при-

роды. Поелику романъ, по свойству своему, повѣствователенъ; посему большая часть сказаннаго объ Эпопеѣ относится и къ нему. Слѣдовательно онъ столько же всеобъемлющъ какъ Эпопея, но, по духу временъ новѣйшихъ, болѣе уклоненъ къ духовности, т. е. болѣе имѣетъ отношенія къ душѣ, и ежели Эпопея въ обрисовкѣ характеровъ допускаетъ только черты легкія, то романъ, напротивъ, по необходимому условію внутренней своей самостоятельности, требуетъ въ семъ отношеніи самыхъ опредѣлительныхъ и рѣзкихъ очертаній.

Романъ ведетъ свое начало отъ одного какого нибудь отдѣльнаго момента дѣйствительной жизни, и начинается самымъ простымъ и обыкновеннымъ происшествіемъ. Сіе происшествіе бываетъ, по видимому, совершенно произвольное, но какъ, по своимъ слѣдствіямъ, оно можетъ сдѣлаться безконечнымъ, то и даетъ право поэту развивать себя до послѣдней возможности. Сверхъ того, романъ тѣмъ еще отличенъ отъ Эпопеи, что не всякій разсказъ его составляетъ самъ по себѣ цѣлое, и соединеніе частей онаго не есть по видимому дѣло случайное, но напротивъ здѣсь все во взаимномъ, неизбѣжномъ совокупленіи и связи, такъ, что каждый новый моментъ, оплодотворенный предыдущимъ, раждаетъ слѣдующій. Такъ постепенно распространяется поприще дѣйствія; твореніе фантазіи, при глубокой, безпрестанно возвышающейся значительности, идетъ далѣе; всѣ со-

отношенія жизни, искуства, науки и религіи принимають участіе въ этомъ простомъ и по началу своему ясномъ повѣствованіи. Вещественное возносится къ божественному, и отъ какой-либо ничтожной точки житейскаго быта, мы, мало по малу и какъ будто по ступенямъ, востекаемъ до великаго, одушевленнаго міроздaнія. — Такъ едва примѣтное вначалѣ зерно производитъ одинъ только зародышъ; но сей въ послѣдствіи раждаетъ многіе отростки, и упоенный живительною силою природы, возникаетъ въ красотѣ величественнаго древа, которое, утвердивъ глубоко корни свои въ нѣдрахъ плодотворной земли, возвышается безпрерывно болѣе и болѣе, распространяя вокругъ себя вѣтви, листья и цвѣты.

Сею только всеобщностію развивается характеръ главнаго лица въ романѣ, потому что съ каждымъ новымъ взоромъ на природу и жизнь, и при каждомъ дѣйствіи одного существа на другое, точнѣе опредѣляется самобытность дѣйствующаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется и кругъ его дѣйствій: только богатство и объемъ дѣятельности доставляетъ собственно характеру твердость и силу. Какъ средоточіе романа, приводящее къ единству многоразличные виды онаго, есть герой, къ которому все относится и который во всемъ принимаетъ участіе: такъ средоточіемъ души героя есть *любовь*, которая посему составляетъ существенную основу въ романѣ. Религія Христіанская ут-

вержденa на любви; сія послѣдняя есть живительное начало всего новаго міра, а потому весьма ясно, почему древніе не могли имѣть истинно совершеннаго романа, такъ какъ и совершенной музыки. Далѣе, поелику сочинитель романа обязанъ опредѣлять характеры своихъ лицъ со всею точностію, и поелику въ твореніи его всѣ виды и намѣренія дѣйствующаго имѣютъ отношеніе къ міру вещественному, съ тѣмъ, дабы, чрезъ посредство любви, согласовать его съ міромъ духовнымъ, и возвысить до идеи; посему очень понятно, отъ чего въ романѣ необходимо изложеніе прозаическое: извѣстная, всегда ограниченная, хотя и богатая мѣра слоговъ, ни въ какомъ случаѣ не могла бы придать характерамъ разнообразіе; но сдѣлавъ ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи другъ на друга похожими, она придала бы имъ отблескъ вещественности древней Эпопеи.

Гердеръ весьма остроумно уподобляетъ романъ сновидѣнію. Романъ также точно, какъ и сновидѣніе, долженъ занимать и обладать нами, ибо состояніе полубодрствующее и полуспящее есть состояніе утомительное: да не вредитъ поэтъ собственному своему произведенію, неосторожно пробуждая насъ въ сладкія минуты очарованія и тѣмъ давая знать, что все видѣнное нами былъ только сонъ. Пусть романъ, подобно сновидѣнію, возноситъ насъ отъ обыкновенныхъ житейскихъ соотношеній къ како-

му-то высшему, свободнѣйшему міру, и чудесное, составляющее единственную прелесть сновидѣнія, да будетъ тѣмъ же и въ романѣ. — Чѣмъ нѣжнѣе сплетеніе и составъ сего чудеснаго, тѣмъ болѣе привлекаетъ насъ цѣлое; надобно только, чтобъ все казалось здѣсь необходимымъ и неизбѣжнымъ, чтобы все имѣло видъ причины, а не слѣдствія. Наконецъ вспомнимъ, что сновидѣніе заставляетъ насъ углубляться въ самихъ себя, пробуждая по временамъ въ душѣ глубокія чувствованія, таинственныя, часто непостижимыя желанія, кои насъ или стращатъ, или ободряютъ: виды сновидѣнія обыкновенно парятъ между небомъ и землею; они сходны и несходны съ дѣйствительными, и хотя весьма намъ знакомы, однакожъ, при всемъ этомъ, имѣютъ для насъ что-то таинственное и чудесное. — Тоже самое да будетъ и въ романѣ.

Такъ называемый романъ историческій есть собственно уклоненіе отъ перваго, и не можетъ сравниться съ нимъ въ изяществѣ, потому что предметъ его всегда противурѣчитъ формѣ. Будетъ ли онъ придерживаться слишкомъ близко Исторіи, тогда ему трудно быть занимательнымъ; а ежели онъ отъ ней удаляется, то оскорбляетъ ея достоинство, не будучи притомъ произведеніемъ чисто поэтическимъ. Изъ числа романистовъ, нѣкоторые съ особеннымъ успѣхомъ употребляли въ твореніяхъ своихъ форму драматическую: симъ хотя и ограничивается значительно сво-

бода въ развитіи повѣствованія, но за то тѣмъ болѣе представляетъ автору способовъ къ рѣзкому очертанію и опредѣлительности своихъ характеровъ. Сущность *комическаго романа* есть смѣшное, проистекающее отъ взаимнаго противоположенія идеи съ внѣшними соотношеніями жизни, т. е. когда благородное усиліе человѣка направлено бываетъ къ обманчивымъ признакамъ, имѣющимъ въ глазахъ его отблескъ дѣйствительности и настоящей жизни. *Повѣсть* есть небольшой прозаическій разсказъ и находится почти въ такомъ же содержаніи къ роману, какъ эпизодъ къ Эпопеѣ. Это анекдотъ, или еще неизвѣстное происшествіе, такъ расказанное, какъ бы мы его въ самомъ дѣлѣ разсказали въ обществѣ.

Такъ какъ всѣ роды Эпической Поэзіи повѣствовательны (сходны съ Исторіею); посему очевидно, что Эпопея и искусство историческое необходимо должны находиться въ тѣсномъ сродствѣ другъ съ другомъ. *Исторія*, въ значеніи высокомъ и благороднѣйшемъ, есть осуществленіе вѣчной идеи человѣчества, и если уже человѣкъ, въ которомъ сосредоточены непостижныя силы и средства, одинъ самъ по себѣ, есть образъ и подобіе вселенной: то не съ большею ли основательностію можно сказать, что Исторія есть раскрытіе духовнаго вселенной. Единый неотразимый и вѣчный законъ господствуетъ надъ природою и областью духа: какъ въ природѣ, такъ и по-

всюду въ Исторіи находимъ мы неизгладимые слѣды высокаго духа міра. Точно такъ, какъ простое описаніе произведеній природы, ихъ наружной формы, образованія и взаимнаго различія, не заслуживаетъ еще названія Исторіи природы, такъ и въ нравственномъ отношеніи одно простое изложеніе событій, представленіе оныхъ въ естественномъ порядкѣ, есть только нѣчто относительное — лѣтопись, но не Исторія; ибо Исторія, въ настоящемъ своемъ видѣ, есть произведеніе художественное, а сіе послѣднее образуется изъ души, по творческому генію художника. Историкъ необходимо обязанъ знать даже въ малѣйшихъ подробностяхъ тѣ происшествія, кои намѣренъ описать въ своемъ твореніи; но таковое знаніе обогащаетъ его одними только матеріалами. Желаетъ ли онъ сіи отдѣльныя части соединить въ одно изящное, органическое цѣлое, то, да обозрѣваетъ свой предметъ взоромъ гражданина вселенной, т. е. всякое Государство да будетъ для него живымъ звеномъ въ великой цѣпи Всемірной Исторіи, да постигнетъ онъ духъ избраннаго времени и событій, и проникнутый оными, пусть описываетъ подробности, не нарушая притомъ ни сколько исторической истины или согласованія съ жизнію.

Симъ объясняется богатство и постоянно увеличивающееся совершенствованіе Исторіи; потому что каждое великое событіе способно принять оттѣнки того

самобытнаго Генія, по высокой идеи коего оно излагается. Характеръ искусства историческаго есть эпическій: подобно поэту эпическому, писатель Исторіи обязанъ хладнокровно обозрѣвать разнообразно движущійся предъ нимъ міръ; онъ долженъ со всею вѣрностію изображать достопамятныя событія, каковыбъ они ни были, разрушительныя и бурныя, или зиждительныя и благія, развивать многоразличные характеры какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, объясняя побудительныя причины, по которымъ они дѣйствовали, и страсти, коими увлекались; но такимъ образомъ, чтобы поэтъ самъ по себѣ казался вовсе безстрастнымъ и былъ бы только представителемъ особливаго міра, утвержденнаго и управляемаго по высшимъ законамъ вселенной. Слѣдовательно одно изъ важнѣйшихъ условій въ отношеніи къ писателю Исторіи есть способность духовно усвоивать себѣ характеръ посторонняго лица, т. е. постигать духъ каждаго вѣка и каждаго историческаго лица, и дѣятельно переноситься въ каждый чуждый ему кругъ мысли, не отказываясь притомъ отъ собственнаго своего образа понятій. Историкъ отнюдь не можетъ то время, въ которое живетъ самъ, выставлять образцомъ для всѣхъ временъ; напротивъ того обязанность его состоитъ представлять событія въ свойственномъ ихъ характерѣ и дѣйствіи, и даже въ ничтожномъ изъ нихъ обнаруживать слѣды идеи. Если предметъ

или изображаемое въ Исторіи долженствуетъ являться намъ въ той же красотѣ и силѣ, какъ въ самой жизни; то посему ясно, что истинно великими писателями Исторіи могутъ быть только тѣ, кои описываютъ свой собственный вѣкъ и народъ. Тому только возможно быть дѣйствительно одушевленнымъ и самобытнымъ представителемъ дѣяній историческихъ, кто родился среди народа, отъ коего твореніе его ведетъ свое начало, кто былъ воспитанъ въ его нравахъ и образѣ жизни, и въ званіи гражданина жилъ въ соприкосновеніи со всѣми классами людей и состояній; кто самъ, своими глазами, обозрѣвалъ мѣста, бывшія поприщемъ великихъ дѣяній, кто лично имѣлъ возможность узнать извѣстнѣйшихъ Министровъ, славнѣйшихъ Героевъ и Царей, кто наконецъ, принимая участіе въ многоразличныхъ событіяхъ, былъ или потрясенъ или возвышенъ обстоятельствами непредвидѣнными и случайными.

Исторія раздѣляется на *всеобщую* и *частную*. Первая безпредѣльна какъ природа, съ которою она, по своей полнотѣ и пространству, скорѣе всего можетъ идти въ сравненіе; вторая, напротивъ, изображающая подвиги и дѣйствія одного отдѣльнаго народа, по своей ограниченности, гораздо болѣе приближается къ драмѣ: потому что исторія одного народа, исторія его развитія, цвѣтущаго состоянія и упадка, есть трагическая борьба съ предопредѣленіемъ, которая будетъ

для него тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ яснѣе въ продолженіе оной обнаружится изящество его характера и героизмъ добродѣтели. Такъ какъ цѣль Исторіи есть существенность и истина, то въ изложеніи своемъ она ограничивается прозою.

Къ Романтической Эпопеѣ ближе всего подходятъ *Романсы.* Романсомъ называлось собственно новѣйшее преданіе народа, образовавшееся постепенно изъ языка Латинскаго или побѣжденныхъ Римлянами народовъ. Слѣдовательно Романсъ, какъ отрасль Поэзіи, въ тѣсномъ смыслѣ есть пѣснь на языкѣ отечественномъ, или Романтическое изложеніе чего-либо сообразно съ духомъ народа. Романсъ первоначально былъ совершенно безискуственъ и сопровождался обыкновенно простѣйшею музыкою. Сіе то самое, а притомъ и свойственная ему краткость, отличаютъ его отъ пространныхъ романовъ, которые вначалѣ были ничто иное, какъ рыцарскія лѣтописи, и уже въ послѣдствіи, будучи излагаемы въ прозѣ, они обратились въ книги народа. Сіи Романсы или пѣсни, въ качествѣ національныхъ вымысловъ, хранили въ себѣ отличительныя черты образа мыслей и чувствованія народа, и отъ того именно пріобрѣтали особенную живость и силу. Характеръ Романса есть спокойное представленіе; но дѣйствіе его на насъ бываетъ тѣмъ еще сильнѣе и тѣмъ невыразимѣе, что всякаго рода событіе, какъ обыкновенное, такъ чудесное и странное, онъ расказы-

ваетъ просто, со всѣмъ добродушіемъ и откровенностію. *Баллада,* собственно стихотвореніе, которое можетъ быть сопровождаемо пляскою, первоначально была то же, что Романсъ. Англичане называли свои Романсы Балладами; но въ послѣдствіи онѣ были раздѣлены, потому что Французы придали романсамъ характеръ преимущественно остроумный.

КРИТИКА.

О характерѣ Русскихъ лѣтописей.

Безъ сомнѣнія Русскія лѣтописи и граматы служатъ первымъ источникомъ для отечественной Исторіи и по всей справедливости должны преимуществовать предъ иностранными; но при разборѣ оныхъ не должно упускать изъ виду Исторической Критики. Она, какъ всеозаряющій факелъ среди историческаго мрака, обязана показывать предметы въ свое время и на своемъ мѣстѣ. Любознательный Историкъ-Критикъ не довольствуется еще тѣмъ, что знаетъ содержаніе лѣтописи, имя лѣтописца и время его жизни; онъ кидаетъ любопытный и проницательный взоръ на существенныя принадлежности оныхъ, то есть, желаетъ знать: 1е) на какомъ языкѣ онѣ написаны; 2е) какимъ письмомъ (шрифтомъ); 3е) на чѣмъ написаны.

1) Разсматривая древнія отечественныя лѣтописи, мы видимъ, что всѣ онѣ писаны языкомъ церковнымъ — богослужебнымъ. Теперь раждается вопросъ: откуда же и въ какое время пришелъ языкъ церковный въ Россію? — Мы наслѣдовали его, нѣкоторымъ образомъ, отъ Грековъ въ то время, когда Великій Князь Владиміръ принялъ Христіанскую Вѣру, — когда изъ Константинополя прислано было нѣсколько ученыхъ служителей Церкви для насажденія ученія Евангельскаго и просвѣщенія народа грубаго, необразованнаго. Но не смотря на то, что Греки были первыми распространителями Христіанской Вѣры, мы не можемъ думать, чтобы всѣ духовныя книги написаны были на языкѣ Греческомъ. Намъ извѣстно, что всѣ онѣ переданы намъ на языкѣ Славянскомъ; ибо онъ господствовалъ въ Россіи еще до принятія Христіанской Вѣры. Первая азбука была изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ, которые принесли ее первоначально къ Моравамъ, отъ чего въ послѣдствіи она называлась *Кирилловскою*, по имени своего изобрѣтателя. Здѣсь, вопреки прочимъ, должно разумѣть подъ Моравами обитателей нынѣшней Сербіи, прозвавшихся такъ отъ рѣки Моравы. Языкъ Сербовъ и по сіе время имѣетъ въ себѣ нѣчто отличное отъ языковъ прочихъ Славянъ, и носитъ какой-то отпечатокъ древняго Славянскаго. Знаменитый Добровскій, особенно занявшійся критикою нарѣчій племенъ Славянскихъ, первый раздѣлилъ

ихъ на двѣ отрасли, на Сѣверовосточную и Югозападную. Къ Сѣверовосточной, по его мнѣнію, принадлежатъ Сербы, Хорваты и нынѣшніе Руссы. Хотя сіи народы совершенно измѣнились, но остатки родства ихъ еще отыскиваются въ языкѣ. Къ юговосточной отрасли принадлежатъ: Богемцы, сами себя назвавшіе Чехами, Моравы, Поляки, Венды или Ванды или Нѣмецкіе Славяне. Въ Грамматикѣ Добровскаго можно найти коренное ихъ различіе между собою, состоящее въ томъ, что одни изъ нихъ принимаютъ нѣкоторыя литтеры, а другіе выпускаютъ, такъ на примѣръ: Сербы, Хорваты и нынѣшніе Руссы послѣ литтеръ ж, м, б выпускаютъ д, л, вмѣсто *тождество* принимаютъ *тожество*, вмѣсто *земля* говорятъ *земя*, вмѣсто *любви* Поляки произносятъ *любе*. Основываясь на сихъ замѣчаніяхъ, Добровскій, какъ сказано выше, раздѣлилъ ихъ на двѣ половины. Такимъ образомъ Славянская азбука, составленная по образцу Греческаго письма, введена была въ употребленіе въ концѣ IX столѣтія. Съ распространеніемъ Христіанскаго ученія при Великомъ Владимірѣ начали переводить на Славянскій языкъ всѣ духовныя книги. Сей переводъ препорученъ былъ преимущественно духовнымъ особамъ, которыя и дома въ часы досуга занимались изученіемъ Славянскаго языка и отправляли на ономъ Божественную литургію. Вотъ отъ чего первыми грамотѣями почитались тогда монашествующіе,

которые въ своихъ уединенныхъ кельяхъ въ праздное время занимались составленіемъ разныхъ лѣтописей. Вотъ причина, отъ чего въ нашихъ лѣтописяхъ находится языкъ церковный — богослужебный; и поелику мы не имѣемъ подлинниковъ ранѣе XIV столѣтія, то отъ сего находимъ при соображеніи одной лѣтописи съ другою чрезвычайно большое различіе, безчисленныя противорѣчія, пропуски и вставки.

2) Сказавши, что первыя наши лѣтописи были написаны языкомъ церковнымъ, перейдемъ къ вопросу: какимъ письмомъ (шрифтомъ) онѣ были написаны? Безъ сомнѣнія церковнымъ. Оно, какъ намъ извѣстно, раздѣляется на α) уставное, β) полууставное и γ) скоропись. Характеръ уставнаго письма преимущественно предъ прочими состоитъ въ томъ, что имѣетъ большое сходство съ печатнымъ. Еще въ концѣ XV столѣтія печатаніе Славянскихъ церковныхъ книгъ получило начало свое въ Краковѣ. Первыя буквы уставнаго письма были толстыя, большія и широкія. За недостаткомъ бумаги, вошедшей въ употребленіе гораздо позже, первоначально онѣ писаны были на пергаминѣ, что доказываетъ намъ Русская Правда, нѣсколько каноновъ и нѣкоторыя другія книги, уцѣлѣвшія отъ XIV столѣтія. Такъ напечатана первая Библія Острожская. Но обратимся къ лѣтописямъ. Онѣ чѣмъ древнѣе были, тѣмъ явственнѣе носили отпечатокъ письма Греческаго, такъ что, по свидѣтельству

Шлецера, Греческое письмо можно было почесть за Славянское, судя по величинѣ буквъ и сходству ихъ между собою. Кромѣ прочихъ рѣдкостей изъ оставшихся древнихъ памятниковъ, мы имѣемъ такого шрифта Евангеліе, написанное на пергаминѣ. Съ одной стороны распространеніе Богослуженія, умноженіе церквей и возраставшая потребность въ духовныхъ книгахъ по числу духовныхъ особъ; съ другой стороны трата времени, чрезвычайная медленность въ почеркѣ уставнаго письма и другія важныя обстоятельства были единственными причинами, побуждавшими переписчиковъ позволять себѣ небрежность. Для избѣжанія сихъ неудобствъ, для прекращенія произвольныхъ выдумокъ явилось полууставное письмо, вошедшее въ употребленіе не ранѣе XIV и XV столѣтій. Оно сократило труды недогадливыхъ и дерзновенныхъ переписчиковъ. Тогда какъ Европейскія Государства отъ безпрестанныхъ между собою сношеній приходили въ соприкосновенность одно съ другимъ, когда послѣ продолжительной тьмы заблужденія и невѣжества возсіяло солнце просвѣщенія на горизонтѣ политическаго міра, Россія, подобно прочимъ Державамъ, начала сближаться болѣе и болѣе съ Европейскими государствами, и съ сего времени у насъ появляется скоропись. Лѣтописи позднихъ временъ, грамоты, разрядные списки и множество другихъ книгъ уже написаны, какъ мы видимъ, скорописно.

3) Всѣ старинныя лѣтописи и грамоты написаны были на пергаминѣ и называются *харатейными*, отъ *харатья* или *хартія*, испорченнаго слова, взятаго съ Греческаго ἡ *χάρτια, писаніе*. Самый пергаминѣ получилъ названіе свое отъ города Пергама. Должно замѣтить, что еще въ древнѣйшія времена въ Греціи и въ Римѣ всѣ важные декументы писались на пергаминѣ или восчаныхъ доскахъ. На сихъ послѣднихъ писали стилемъ (stylo), имѣвшимъ изображеніе трости, на подобіе желѣзнаго орудія, коего нижняя часть была острая, которою начертывали слова, а верхняя тупая и гладкая, коею сглаживали все неправильно или необдуманно написанное. Вотъ отъ чего Горацій говоритъ:

Saepe stylum vertas.

Satir. I. 10. 72.

то есть: saepe delea, quod scripseris ac corrigas. Таковой родъ письма былъ извѣстенъ и Евреямъ. Древніе также писывали на разныхъ камняхъ, на мраморѣ и проч. Это важно и потому, что было время, когда и у насъ писывали также. Кромѣ сего древніе употребляли и папирусъ, растѣніе Египетское. Не смотря на то, что папирусъ уже не существуетъ, его названіе еще находится и понынѣ во Французскомъ (papier) и Нѣмецкомъ (Papier) языкахъ. У насъ бумага есть слово восточное. Въ то время, какъ въ Европѣ почти совершенно изглажены были слѣды просвѣщенія, Аравитяне завладѣли Египтомъ, и не вы-

пускали болѣе папируса, что заставило выдумать средство, которое бы замѣнило недостатокъ онаго. Въ X и XI столѣтіяхъ была изобрѣтена хлопчатая бумага, но совершенно отличная отъ нашей. Первоначально она появилась въ Испаніи, а между тѣмъ все еще продолжали писать на пергаминѣ. Чего же это стоило? Не смотря на то, у насъ есть, какъ выше замѣчено, лѣтописи XIV столѣтія. Вскорѣ за симъ начали писать на бумагѣ, привозимой съ Востока, которая особенно отличалась своею блѣдностію и глянцемъ. Уже въ XIV столѣтіи отыскали способъ дѣлать бумагу изъ тряпицъ. Вскорѣ употребленіе ея распространилось и не мало способствовало распространенію просвѣщенія въ Европѣ. Еще и по сіе время въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ хранится грамота Сумеона Іоанновича Гордаго, напечатанная на хлопчатой бумагѣ.

И. В.

Объ Армянскихъ книгахъ: Словарь, составленный Членами Армянской Венеціанской Академіи; Грамматика Михаила Чамчіана и Риторика Стефана Агонцъ.

Книги, коими Армяне руководствуются въ изученіи отечественной Словесно-

сти, суть: *Словарь, составленный Членами Венеціанской Армянской Академіи; Грамматика Михаила Чамчіана* и *Риторика Стефана Аконцъ*; а посему и любопытно знать *планъ* и *качество* сихъ классическихъ книгъ.

1. *Словарь, составленный Членами Венеціанской Армянской Академіи*, въ двухъ томахъ, in 4. Первый напечатанъ въ 1749 году; а второй спустя 20 ть лѣтъ. Изъ предисловія къ Словарю, заключающаго въ себѣ многія весьма любопытныя свѣдѣнія о Литтературѣ Армянъ, извлеченныя частію изъ Исторіи, частію изъ долговременнаго упражненія языкомъ, явствуетъ, что составленіемъ онаго занимался еще самъ *Мхитаръ* — основатель Армянской Венеціанской Академіи при содѣйствіи успѣвшихъ учениковъ своихъ, которымъ предъ смертію завѣщалъ довершеніе онаго. Первый томъ заключаетъ въ себѣ всѣ слова Армянскаго языка, кромѣ собственныхъ, съ полнымъ объясненіемъ Грамматическихъ перемѣнъ, также начала, произхожденія и разныхъ знаменованій, вездѣ подтверждая объясняемое слово, особенно въ знаменованіяхъ случайныхъ и фигуральныхъ, приведеніемъ примѣровъ изъ двухъ, трехъ и болѣе образцовыхъ писателей. Второй состоитъ изъ трехъ отдѣленій: Словаря съ книжнаго Армянскаго языка на простонародный и обратно, также именъ собственныхъ, съ прибавленіемъ словъ, упущенныхъ въ первомъ томѣ. Къ соста-

вленію втораго тома приступили болѣе потому, что въ изданномъ въ 1749 году Словарѣ помѣщены только нарицательныя имена, а изъ собственныхъ весьма немногія, и притомъ объясненія на оныя предложены на книжномъ Армянскомъ языкѣ, который многимъ изъ Арминъ неудобопонятенъ. Венеціанская Академія, пишутъ, занимается теперь составленіемъ новаго полнѣйшаго Словаря.

2. *Грамматика Михаила Чамчіана*, напечатанная въ Венеціи въ 1779 году (in 8; стр. 600), раздѣлена на три части. Въ первой, послѣ предварительнаго понятія о Грамматикѣ, Авторъ легкимъ и внятнымъ способомъ излагаетъ склоненія, спряженія и четыре неизмѣняемыя части рѣчи. Во второй, ни мало не выходя изъ предѣловъ, свойственныхъ подобнымъ сочиненіямъ, сообщаетъ все, что только относится къ познанію о частяхъ рѣчи измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ. Въ третьей правила о словосочиненіи, послѣ коихъ слѣдуютъ статьи о составленіи рѣчи, о родахъ слова, о грамматическомъ разборѣ сочиненій и о правописаніи.

Повсемѣстное и долговременное употребленіе сей Грамматики, равно и одобреніе Венеціанской Академіи суть главныя и неоспоримыя ручательства преимущества ея предъ другими. Скажутъ, можетъ быть, что у Армянъ еще до Михаила Чамчіана многіе занимались теоретическимъ позна-

ніемъ языка. Правда, были грамматики, какъ на пр. *Давидъ*, прозванный *непобѣдимымъ Философомъ*, Іоаннъ Ерзнкаци, Архимандритъ Осканъ и наконецъ Мхитаръ. Занятія ихъ, должно признаться, безсмертны; но кому неизвѣстно, что мы чѣмъ болѣе занимаемся чтеніемъ и подражаніемъ хорошимъ писателямъ, тѣмъ болѣе находимъ въ нихъ новыхъ красотъ, новыхъ тонкостей и слѣдовательно новыхъ правилъ объ языкѣ, и только одною изъ главнѣйшихъ причинъ изданія *Мхитаромъ* въ 1730 году новой Грамматики; но судя по времени, когда онъ писалъ, по духу и характеру народа столь твердаго, какъ Армяне, при существовавшихъ до Мхитара, хотя часто неправильныхъ законахъ языка, не могъ онъ явно отвергнуть системы предшественниковъ и сдѣлалъ только нѣкоторыя перемѣны, предоставивъ совершеніе общеполезнаго намѣренія своего удобнѣйшему времени и опытнѣйшей рукѣ. *Михаилъ Чамчіанъ* въ своемъ ученомъ предисловіи къ Грамматикѣ упоминаетъ даже, что *Мхитаръ* предварялъ о семъ учениковъ своихъ и будто бы завѣщалъ имъ непремѣнно приступить къ составленію подобной Грамматики, и сія обязанность, сопряженная съ затрудненіями непреодолимыми, возложена была въ 1769 году (эпоха кончины *Мхитара*) на *Михаила Чамчіана*. Онъ *девять лѣтъ потѣлъ* надъ составленіемъ новой Грамматики, и въ 1779 году представилъ ее на судъ Академіи, которая одобрила и ввела ее во

всеобщее употребленіе уже въ пятидесятый годъ. Съ 1808 года цѣна на оную возвысилась дó 70 и болѣе рублей; а сіе самое и возбудило желаніе въ Преосвященномъ Нерессѣ, Архіепископѣ Армянъ, обитающихъ въ Грузіи, пожертвовать немаловажною суммою на новое изданіе оной, которое и печатается теперь въ Тифлисѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ *Протоіерея Артемія Аламдарова* — одного изъ ученѣйшихъ духовныхъ особъ Армянскихъ, вызваннаго Архіепископомъ Нерзесомъ изъ Москвы въ Тифлисъ для занятія каѳедры *Армянской словесности* и *Богословіи* при новоучрежденномъ тамъ учебномъ заведеніи.

Труды *Михаила Чамчіана* послужили наконецъ началами новой Грамматики, которую въ строгомъ смыслѣ не столько можно назвать *новою*, сколько *прибавленіемъ* къ Грамматикѣ *Чамчіана* новыхъ открытій въ языкѣ, сдѣланныхъ *Григоріемъ Константинопольскимъ*, прибѣгавшимъ всегда въ трудныхъ и неудобо́рѣшительныхъ случаяхъ къ Академіи, которая одна можетъ теперь производить рѣшительный судъ надъ новыми открытіями въ языкѣ Армянскомъ. Авторъ старался какъ можно болѣе подражать своему образцу и только (не говоря о новыхъ правилахъ и умныхъ сужденіяхъ о тонкостяхъ языка) сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ Этимологіи и Синтаксисѣ. Благоразумные читатели *Михаила Чамчіана* — отличившагося на обширномъ поприщѣ Словесности — вѣрно пожа-

лѣютъ, услышавъ, что онъ среди новыхъ литтературныхъ занятій недавно похищенъ смертію въ Константинополѣ, оставивъ потомству многіе памятники обширныхъ свѣдѣній въ отечественномъ языкѣ. Онъ заслужилъ громкое титло преобразователя языка....

3) *Риторика Стефана Аконцъ* (in 8, стр. 585), составленная, сколько можно замѣтить, по руководству *Аристотеля*, *Квинтиліана* и *Цицерона*, раздѣлена на пять книгъ, которымъ предшествуютъ: вступленіе въ Риторику и краткая теорія Поэзіи.

Во вступленіи довольно пространно описывается повѣствовательный родъ сочиненій, которыя Авторъ раздѣляетъ на *историческія*, *судебныя* и *вымышленныя*; отъ послѣднихъ онъ весьма удобно переходитъ къ баснѣ, ясно излагая качество и пользу оной. Сіе предварительное вступленіе въ Риторику заключаетъ Авторъ правилами стихосложенія, весьма недостаточными и несовмѣстными (*). Потомъ объясняется самая Риторика, въ которую Авторъ вступаетъ, излагая опредѣленіе, предметъ и четыре части Риторики: ***Изобрѣтеніе***, *расположеніе*, *украшеніе* (*тропы* и *фигуры*) и ***произношеніе*** (declamatio), коему предшествуетъ подробное описаніе рѣ-

---

(*) Желательно бы было, еслибъ кто-либо изъ знатоковъ Армянскаго языка изложилъ особо въ систематическомъ порядкѣ правила Поэзіи.

чей, раздѣленныхъ, слѣдуя древнимъ Риторамъ, на *похвальныя, судебныя* и *политическія*. Въ концѣ книги помѣщено прибавленіе, заключающее краткое понятіе объ Эпиграммахъ, надгробныхъ надписяхъ, гіероглифахъ, эмблемахъ, символахъ и загадкахъ.

Примѣры же, объясняющіе правила, почерпнуты изъ древнихъ образцовыхъ Армянскихъ писателей Моисея Хоренскаго и Егише, жившихъ въ V столѣтіи, Іоанна Каѳоликоса, Григорія Наркенскаго, въ X. столѣтіи, Нерсеса Шноргали, Архимандрита Сергія, Григорія Каѳоликоса, Нерсеса Ламбронскаго, писателей XII вѣка, и нѣкоторыхъ другихъ. Есть также примѣры, переведенные изъ Греческихъ и Римскихъ писателей.

Изъ сего краткаго изложенія плана Риторики Стефана Аконцъ, напечатанной въ Венеціи, легко заключить, что она, при нынѣшнемъ состояніи образованности Армянъ, не можетъ совершенно удовлетворить ожиданію наставниковъ и учащихся. Удивительно, что Члены Академіи Венеціанской, занимающіеся безпрерывно сочиненіями и переводами книгъ, не приступаютъ доселѣ къ сему полезному и необходимому труду.

Посредствомъ вышеупомянутыхъ трехъ книгъ легко можно успѣть въ теоретическомъ познаніи Армянскаго языка, въ отношеніи же практики Армяне богаты мно-

гими образцовыми твореніями, какъ прозаическими, такъ и стихотворными, съ которыми постараемся познакомить любителей Восточной Литтературы яснымъ и систематическимъ изложеніемъ содержанія и плана оныхъ.

А. А.

Москва.
1828 года,
Февраля 23 дня.

АНЕКДОТЫ.

I.

Однажды Петръ Великій влюбился въ прекрасную дочь иностраннаго купца, бывшаго въ Москвѣ. Въ первой разъ онъ увидѣлъ ее въ домѣ отца, у котораго обѣдалъ, и очарованъ былъ ея прелестями. По пылкости характера онъ, нимало не медля, объяснился въ своей страсти и краснорѣчивыми взорами просилъ не лишить его своей довѣренности. Но дѣвушка, воспитанная въ уединеніи, еще неознакомившаяся съ обычаями утонченнаго свѣта, съ застѣнчивою стыдливостію отклонила его просьбу. Страшась его могущества и силы, она рѣшилась обезопасить себя отъ его предложеній; почему тайно убѣжала изъ дома своихъ родителей, нѣсколько верстъ прошла пѣшкомъ и наконецъ достигла де-

ревушки, гдѣ жила ея кормилица съ мужемъ и дочерью. Несчастная и безпріютная прибѣгла къ симъ людямъ, и тотъ же часъ расказала имъ о своемъ намѣреніи скрыться въ лѣсу по близости деревни. Сперва отклоняли ее отъ предпринятаго намѣренія, но какъ она рѣшительно настаивала въ ономъ: то въ ту же ночь кормилица съ своимъ мужемъ выпроводили ее на дорогу. Мужъ кормилицы, знавши очень хорошо положеніе лѣса, привелъ ее на небольшое сухое мѣсто, находившееся среди болота, и какъ онъ былъ изрядный плотникъ, то выстроилъ ей маленькую хижину, въ которой могла размѣститься бѣглянка. На небольшое количество денегъ, взятыхъ ею изъ дома, купили кое-какія нужныя вещи и перенесли ихъ ночью. Сіе малое семейство проводило у ней цѣлыя ночи, а на зарѣ, при восхожденіи солнца возвращалось.

Спустя нѣсколько времени послѣ ея побѣга, Петръ Великій вздумалъ посѣтить ея родителей. Онъ былъ внѣ себя, когда въ ихъ семействѣ не нашелъ милой дѣвушки, воображая, что ее отдалили съ намѣреніемъ; бѣдные родители утопали въ слезахъ. Ни мало не медля онъ разослалъ нарочныхъ во всѣ окружныя стороны и обѣщалъ большую награду тому, кто откроетъ ея убѣжище. Но всѣ усилія были напрасны — родители ея и родственники почитали ее умершею и надѣли траурное платье.

Между тѣмъ дѣвушка прожила цѣлый годъ спокойно въ своемъ уединеніи, а чувство благороднаго поступка и чистая совѣсть облегчали ея тягостную участь. Вскорѣ наступилъ день ея избавленія. Одинъ полковникъ, получивши изъ арміи отпускъ, отправился домой повидаться съ родными. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ своему другу, остановился погостить у него и провождалъ время въ охотѣ. Однажды, преслѣдуя дикаго звѣря, онъ зашелъ глубоко въ лѣсъ, увидѣлъ болото и примѣтилъ хижину. Нимало не медля онъ приблизился къ ней, вошелъ и чрезвычайно удивился, увидѣвши въ ней дѣвушку, украшенную всѣми прелестями юности, которая и въ простомъ сельскомъ нарядѣ не могла сокрыть привлекательной красоты. Пораженный такимъ явленіемъ, онъ убѣдительно просилъ ее расказать ему, какъ она зашла въ сіе необитаемое мѣсто. Милая отшельница сперва противилась его желанію; но когда онъ началъ просить ее убѣдительно, расказала ему обо всемъ подробно. Потомъ на колѣнахъ съ горячими слезами убѣждала его никому не объявлять о мѣстѣ ея пребыванія. Полковникъ увѣрялъ, что со стороны Государя ей нѣчего опасаться; ибо онъ послѣ нѣсколько разъ приносилъ чистосердечное раскаяніе, почитая себя причиною несчастія въ ея семействѣ. Наконецъ она принуждена была явиться къ своимъ родителямъ и требовать

у нихъ совѣта, какія должно будетъ пред-принять мѣры въ послѣдующее время.

Добродушная дѣвушка рѣшилась возвратиться. Полковникъ поспѣшилъ къ ея родителямъ, объявилъ имъ о счастливомъ своемъ открытіи и разсуждалъ съ ними, какимъ бы образомъ донести Государю о происшествіи, ему давно уже извѣстномъ. Рѣшились просить о семъ Екатерину. Полковникъ пришелъ къ ней и расказалъ произшествіе со всѣми подробностями. Она дала ему честное слово ходатайствовать у Государя, и приказала на слѣдующій же день къ себѣ явиться, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предстать предъ Петра Великаго. Онъ пришелъ, представленъ былъ Государю и принужденъ былъ расказать ему, какимъ образомъ нашелъ дѣвушку. Все сіе Полковникъ пересказывалъ съ такою живостію, что Петръ Великій плакалъ отъ радости и обѣщалъ тысячекратно вознаградить ее за несчастіе, причиною котораго была его страсть. Къ чему Екатерина присовокупила: „Самая блистательная на„града, которою Ваше Императорское Ве„личество хотите удостоить его, пусть до„вершится тѣмъ, что эта дѣвушка раздѣлитъ „свой знатный подарокъ съ Полковникомъ, и „отдастъ свою руку тому, кто своимъ откры„тіемъ имѣетъ на нее полное право." Государь одобрилъ ея предложеніе, послалъ одного изъ своихъ любимцевъ въ лѣсъ; отыскалъ онъ дѣвушку и привелъ ее въ объятія родителей, которые отъ глубокой горести пере-

жали къ величайшей радости. Петръ Великій взялъ на свой счетъ издержки, своеручно подвелъ невѣсту къ жениху, одарилъ ихъ поцарски и опредѣлилъ имъ и потомкамъ ихъ ежегодную пенсію.

II.

Прежде нежели Петръ Великій вступилъ на престолъ, ввелъ преобразованіе и порядокъ, — въ Москвѣ толпами шатались разбойники, въ великомъ множествѣ выходившіе ночью изъ потаенныхъ жилищь своихъ. Они безъ разбора нападали, производили грабительства и убійства, и разоряли цѣлые кварталы. Однажды вечеромъ Петру Iму вздумалось посѣтить Шведскаго посланника Книперона. Это было зимою. Онъ ѣхалъ въ саняхъ съ двумя только служителями, изъ коихъ одинъ былъ спереди, а другой сзади. Быстро поравнялись съ нимъ большія, длинныя сани, на которыхъ сидѣло восемь человѣкъ разбойниковъ. Они возили съ собою крючья, и хотѣли, по обыкновенію, сими крючьями притянуть его сани къ своимъ. Но Петръ Великій выпрыгнулъ въ ту же минуту, схватилъ одного изъ разбойниковъ, бросился съ нимъ въ свои сани и погналъ лошадь такъ, что всѣ усилія разбойниковъ — догнать его — остались тщетными. Онъ пріѣхалъ въ домъ Посланника, вышелъ изъ саней, омоченный потомъ, вошелъ въ многолюдную залу, таща за собою злодѣя

за волосы. Всѣ испугались и окаменѣли отъ ужаса. Приказавши запереть двери, чтобы никто не вышелъ изъ находившихся, тотчасъ началъ допрашивать разбойника. Сей послѣднiй, узнавши, что это былъ Петръ, на жизнь котораго онъ покушался вмѣстѣ съ товарищами, оцепѣнѣлъ отъ ужаса, бросился въ ноги, просилъ о милости и увѣрялъ его, что ежели бы онъ и товарищи его знали, что это былъ Петръ, то бы на него не напали. Наконецъ умолялъ его о скорой смерти, желая симъ средствомъ избѣгнуть мученiй. Государь обѣщался исполнить его просьбу съ такимъ впрочемъ условiемъ, чтобы онъ расказалъ о всѣхъ своихъ сообщникахъ. Разбойникъ согласился открыть каждаго изъ нихъ, если за это не только освободятъ его отъ смертной казни, но еще наградятъ, и на сiе рѣшился Петръ Великiй, предпочитавшiй меньшее зло большему. Какъ скоро злодѣй признался, то Государь приказалъ дать ему отрядъ солдатъ, чтобы перехватать всѣхъ его товарищей, коихъ процессъ рѣшился въ нѣсколько дней.

III.

Въ другой разъ Петръ I путешествовалъ изъ Москвы въ Новгородъ; въ это время онъ имѣлъ съ собою четырехъ служителей и былъ окруженъ сильною толпою разбойниковъ. Въ ту же минуту онъ выпрыг-

нулъ изъ саней, имѣя въ одной рукѣ саблю, въ другой заряженный пистолетъ. „Я Царь!“ закричалъ онъ имъ. „Что вамъ нужно?“ — Разбойники окаменѣли отъ ужаса; но опамятовавшись и собравшись съ духомъ, расказали ему, что они чрезвычайно бѣдные люди, и ежели онъ ихъ Государь, то первый можетъ и помочь имъ.

„Но со мною нѣтъ денегъ!“ отвѣчалъ Петръ. — Если бы Ваше Величество и имѣли при себѣ оныя, говорили разбойники, — то мы бы не взяли. Онъ приказалъ намѣстнику Новгорода выдать сумму, которая была бы достаточна на удовлетвореніе ихъ нуждамъ. „Довольно ли тысячи рублей?“ спросилъ Государь. Разбойники увѣряли, что они слишкомъ довольны и благодарили Государя. Сей подарокъ и царская милость сдѣлали ихъ вѣрными и трудолюбивыми подданными.

(Съ Нѣмецкаго.)

СМѢСЬ.

Прибытіе въ Египетъ ученыхъ Французовъ и Флорентинцевъ.

Ученая экспедиція съ первымъ главнымъ изъ своихъ сочленовъ — Г. Шамподьономъ — благополучно прибыла въ Александрію. Г. Рочелини, сопровождающій экспедицію сію со многими изъ своихъ соотечественниковъ, руководствуемыхъ имъ въ изысканіяхъ подъ покровительствомъ Великаго Герцога Тосканскаго, много уже сообщилъ публикѣ касательно новыхъ открытій. Всѣ члены ученой экспедиціи одушевлены благороднымъ соревнованіемъ.

Открытіе неизвѣстнаго языка.

Знаменитый политикъ Каннингъ въ прекрасной рѣчи, произнесенной 1825 года въ присутствіи избирательныхъ членовъ торговаго города Великобританскаго, изъяснялся почти такимъ образомъ: „Въ наше время Англія достигла высочайшей степени благосостоянія; при всемъ томъ не льзя предвидѣть, какъ, года черезъ три или четыре, далеко подастся она впередъ на поприщѣ просвѣщенія; люди съ самымъ пылкимъ воображеніемъ едва ли могутъ составить себѣ точное понятіе объ общемъ благоденствіи, которымъ будетъ наслаждаться тогда отечество наше.“ — Редакторы седьмаго отдѣленія Ферюссакова Бюллетеня оправдываютъ подобныя предсказанія въ глазахъ особъ, принимающихъ живое участіе въ успѣхахъ по части историческихъ свѣдѣній. Сколько Редакторы сего отдѣленія, со времени его существованія, сдѣлали важныхъ открытій, начиная съ того, что Великій Повелитель обязанъ говорить съ прелестными Черкешенками своего гарема пославян-

они (*), иначе они не могушъ понимашь его, — оканчивая бюллетенями великой Арміи Сезостриса. Подобная находка могла бы удовлетворить самолюбію самому неумѣренному; но пламенная ревность ученыхъ сотрудниковъ упомянутаго періодическаго изданія не знаетъ границъ. Они отыскали языкъ, который до сихъ поръ оставался совершенно неизвѣстнымъ, какой бы вы думали? Языкъ *Рюскъ* (Ruske). Вотъ что мы узнали о семъ важномъ нарѣчіи (**): „Большая часть оффиціальныхъ бумагъ въ канцеляріи Ягеллона и Сигизмунда по дѣламъ, касавшимся Чермной Руси и Литвы, писана на языкѣ Русско-Литовскомъ (Rusko-Lituanienne) или Бѣло-Русскомъ (Bialo-Ruske, (Blanche-Ruske) . . . . . При сравненіи языковъ Польскаго, Ново-Русскаго и *Рюска* (le Ruske) открылось, что сей послѣдній языкъ, составляющій средину между двумя первыми діалектами, не претерпѣлъ никакого измѣненія; между тѣмъ, какъ Русскій принялъ, можетъ быть, цѣлую треть выраженій (d'expressions) Татарскихъ, точно такъ, какъ Англинскій заимствовалъ многое отъ Датчанъ и Норманновъ. — Языкъ Рюскъ (Rucke), сдѣлавшійся съ IX столѣтія языкомъ богослужебнымъ для Славянскихъ народовъ, заслуживаетъ того, чтобы ученые изучали его со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ.

Счастіе никогда одно не приходитъ; по случаю открытія языка Ruske, ученый Авторъ упомянутой статьи замѣтилъ цѣлую треть словъ Татарскихъ

(*) „Въ столицѣ Мусульманъ, въ ихъ сераляхъ употребительнѣе всѣхъ прочихъ языкъ Славянскій. Султанъ обязанъ говоришь пославянски, когда захочется ему разговориться съ Черкешенками и съ большею частію красавицъ, живущихъ въ его гаремѣ!!!" Bulletin Historique, Janvier 1826, pag. 31. Такія нелѣпости находятся въ статьѣ, подписанной буквами g — y.

(**) Bulletin des Sciences Historiques, an 1826, pag. 123 et seq.

въ Русскомъ языкѣ; поздравляемъ, искренно поздравляемъ его съ такою находкою, хотя признаемся, что мы въ Русскомъ языкѣ съ трудомъ можемъ отыскать небольшое число Татарскихъ словъ, можетъ быть, словъ триста. Но оставимъ на этотъ разъ сей вопросъ и скажемъ нѣчто о нарѣчіи Ruske. Сотрудникъ Всеобщаго Бюллетена, занявъ статью свою изъ Варшавскаго Журнала, кажется, не зналъ, что Ruski есть Польское прилагательное, означающее Русскій. Языкъ Ruske, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, есть просто діалектъ Русско-Славянскій.

Свадьба обезьянъ.

Двадцать лѣтъ назадъ тому, Ишвара-Чандра Раджахъ Недеянскій, издержалъ сто тысячь рупій на свадьбу двухъ обезьянъ. При этомъ случаѣ выказана вся пышность, какая бываетъ при бракахъ Индусовъ. Въ поѣздѣ были слоны, верблюды и лошади, богато украшенныя, паланкины, лампады и факелы. Обезьяна самецъ привязанная сидѣла въ прекрасномъ паланкинѣ съ короною на головѣ; ее сопровождали пѣшкомъ цѣлыя толпы людей, за которыми тянулось множество пѣвицъ и танцовщицъ въ повозкахъ; окрестность оглашаема была звуками разныхъ музыкальныхъ инструментовъ; потомъ сожженъ богатый фейерверкъ. Предъ чертогами жениха цѣлыхъ восемь дней продолжалась пляска, музыка, пѣсьни и всѣ роды шумныхъ увеселеній. Когда наступилъ день брачной церемоніи — ученые брамины не забыли заняться чтеніемъ формулъ изъ обрядниковъ.

Періодическіе листки Австраліи.

Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ появилось четыре Журнала. Изъ нихъ старѣе всѣхъ Sydney-Gazette, оффиціальный листокъ правительства; онъ одинъ только

выходящію ежедневно, и составляется человѣкомъ умнымъ. Журналъ сей начался въ 1803 году.

Въ 1823 году появился Australian; въ 1828 — Monitor; цѣль его — въ политикѣ оппозиція правительству. Gleaner начался въ прошломъ году.

Въ землѣ Демѣенъ издается три періодическихъ листка: Caloniol Times — съ 1816; Hobarts Toun Gazette съ 1825 и Tasmanian съ 1827 года.

Было объявленіе о Журналѣ, который предположено издавать съ Ноября 1827 и каждые четыре мѣсяца по книжкѣ. Названіе его: Магазинъ Австраліи или четвертный (quarterly) Журналъ Богословія, Литтературы и Наукъ. Изъ сего видно, что въ немъ все помѣщается, кромѣ правовѣдѣнія.

Взглядъ на Турцію.

Въ наше время, когда вся Европа обратила внимательные взоры на Турцію, слѣдующее извѣстіе безъ сомнѣнія можетъ быть занимательнымъ.

Плодородіе Турціи соотвѣтствуетъ благословенному ея климату. Но тамъ земледѣлецъ не можетъ безъ опасности пожинать класовъ, взлелѣянныхъ его рукою. Деспотизмъ, коего ненавистные слѣды уже нѣсколько сглажены въ городахъ и прилежащихъ къ нимъ окрестностяхъ, на мирныхъ нивахъ является со всѣми ужасами, подавляетъ всякое начинаніе, и жители едва едва достаютъ себѣ дневное пропитаніе. Судя по превосходнымъ произведеніямъ, дарованнымъ самою природою сей землѣ, торговля внѣ Турціи удобопроизводима. Берега, почти вездѣ усѣянные бухтами, образующими прекрасныя гавани, превосходное мѣстоположеніе столицы, самою природою назначены для всемірной торговли. Касательно народонаселенія писатели разногласятъ между собою. Отъ того что правительство никогда не занималось народосчисленіемъ, произошли не-

точныя счисленія, очень часто подтверждаемыя ложными и сомнительными доказательствами. Исключивши подданныхъ - невольниковъ, находящихся въ рабствѣ около 400 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, народонаселенность Европейской Турціи простирается до 10 милліоновъ; но вѣроятно такое счисленіе слишкомъ увеличено. Турецкая армія содержитъ въ себѣ до 125,000 человѣкъ, которая можетъ быть увеличена до 200,000. Что касается до Турецкой артиллеріи, то она всегда была недостаточна; напротивъ того, кавалерія, состоящая изъ 12,000, превосходна. Морская сила Турціи, разсматриваемая какъ сила національная, не стоитъ вниманія. Со времени пораженія, въ 1772 году нанесеннаго ей брандеромъ Англичанина Крейга при Гисемійской гавани, она никогда не сберетъ прежнихъ силъ своихъ и бывшаго числа. Было время, когда она имѣла 30 линейныхъ кораблей и множество фрегатовъ; а теперь состоитъ только изъ 15 линейныхъ кораблей, 15 фрегатовъ и 30 малыхъ кораблей. Турки всегда были худыми морскими солдатами, и ихъ военные корабли несравненно хуже купеческихъ, ибо на нихъ ссылаютъ однихъ только преступниковъ, заслуживщихъ всеобщее презрѣніе въ обществѣ.

Многія бухты и гавани — сіи пособія народной промышленности, силы и благоденствія, защищаютъ Турокъ отъ непріятельскихъ нападеній. Дарданельской проливъ только по видимому опасенъ. Западный входъ занимаетъ почти три мили въ ширину, почему крѣпости, построенныя по обѣимъ берегамъ, не смотря на исправное вооруженіе ихъ пушками, очень мало могутъ вредить проплывающимъ кораблямъ, особенно если они держася середины. Послѣ третьей части всей длины, каналъ примѣтно суживается; но здѣсь крѣпости съ твердой земли совершенно не защищены отъ нападеній; и посему морской про-

ливъ не представляешъ никакихъ естественныхъ препятствій, то большіе корабли могутъ удобно проплывать и въ полночь при благопріятномъ вѣтрѣ. Напротивъ того, плаваніе по Мраморному морю соединено съ нѣкоторыми трудностями, происходящими отъ стремительности рѣки, протекающей чрезъ Босфоръ и по которой плаваютъ только при благополучномъ вѣтрѣ. Сіе препятствіе, остановившее предпріятія Адмирала Дукворта, со времени изобрѣтенія паровыхъ кораблей совершенно уничтожено. Таковой корабль не только можетъ провести флотъ чрезъ устье Пропонтиды, но не смотря ни на какую бурю, безопасно останавливается на якорѣ при Константинополѣ. Сей берегъ не опасенъ, такъ что 74-пушечный корабль можетъ подойти очень близко.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XV и XVI.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ОЛЕАРІЕВА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РОССИИ.

О Русскихъ, наружности ихъ и одѣяніи.

Разсмотримъ прежде Московитянъ или Русскихъ въ отношеніи къ ихъ наружности и одѣянію, а потомъ уже приступимъ къ изслѣдованію ихъ свойствъ, нравовъ и способностей.

Мущины вообще рослы, дородны и сильны; цвѣтомъ кожи сходны они со всѣми Европейцами. Длинная борода и толстое брюхо въ великомъ у нихъ уваженіи. Одаренные сими наружными преимуществами, даже и купцы, присутствуютъ обыкновенно при Его Царскомъ Величествѣ во время принятія иноземныхъ пословъ. Усы опущены у нихъ такимъ образомъ, что висятъ ниже губъ.

Только одни попы носятъ длинные, по плечамъ распущенные волосы; другія же

сословія стригутъ ихъ коротко. Большіе бояре почитаютъ даже красивымъ брить головы. — Въ семъ несогласны они съ мнѣніемъ Амвросія: *Ex arboris licet, quae humani sit gratia capitis aestimare; tolle arboris comam, tota arbor ingrata est.* Hexam. Lib. cap. 9.

Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus,
Et sine fronde frutex et sine crine caput. . . .
(Lib. 3 de arte am.)

Провинившіеся передъ Царемъ или находящіеся въ немилости отращиваютъ волосы и не чешутъ ихъ, доколѣ гнѣвъ Царскій продолжается. — Можетъ быть обычай сей заимствованъ отъ Грековъ, которымъ Руские всегда готовы обезьянничать — ибо, какъ говоритъ Плутархъ, Греки въ знакъ горести отращивали длинные волосы, женщины же напротивъ того стригли ихъ. — Quaest. Rom. 14 pag. 267.

Женщины въ Россіи обыкновенно роста средняго, стройны и хороши лицемъ, но въ городахъ всѣ до одной бѣлятся и румянятся такъ замѣтно и грубо, какъ будто бы онѣ были вымазаны мукою и натирали себѣ щеки красною краскою. Онѣ также чернятъ брови и рѣсницы.

Хотя природный ихъ цвѣтъ лица лучше поддѣльнаго, но онѣ должны даже и при другихъ женщинахъ являться набѣленными и нарумяненными, дабы природа не

могла затмить блеска искуственнаго. Подобное случилось въ наше пребываніе. Жена одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, необыкновенно прекрасная лицемъ, не соглашалась въ началѣ замужства своего бѣлиться и румяниться. Другія боярскія жены обвиняли ее гласно въ пренебреженіи обычаевъ отечественныхъ и въ оскорбленіи подругъ своихъ, и наконецъ чрезъ посредство мужей довели до того, что сія прекрасная женщина принуждена была румяниться и бѣлиться, какъ будто бы нужно было зажигать земнымъ огнемъ свѣтлый лучь солнца.

Такъ какъ обычай сей сдѣлался уже повсемѣстнымъ, то каждый женихъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность передъ свадьбой, между прочими подарками, доставить невѣстѣ своей ящичекъ съ бѣлилами и румянами. — О семъ подробнѣе будетъ упомянуто при описаніи свадебныхъ обрядовъ.

Женщины обыкновенно запрятываютъ волосы свои подъ головный уборъ; взрослыя же дѣвицы заплетаютъ ихъ въ косу, висящую на спинѣ и на концѣ завязанную алою шелковою лентою (Quäste).

Дѣтямъ обоихъ половъ моложе 10ти лѣтъ обстригиваютъ волосы, оставляя только по бокамъ локоны. Для отличія же дѣвочкамъ продѣваютъ въ уши серебряныя или олованныя кольцы.

Одежда мущинъ похожа на Греческую. Широкія, но короткія рубахи ихъ едва закрываютъ сидѣніе. Около ворота скла-

докъ не дѣлаютъ, спинку же вверху (подоплека) подкладываютъ и вышиваютъ въ видѣ треугольника краснымъ шелкомъ. — У иныхъ клинья подъ рукавами (ластовицы) (Zwickel) и на бокахъ внизу рубахи сдѣланы изъ алой тафты. — Богатые вышиваютъ воротъ около шеи и на переду, равно какъ и рукава внизу на вершокъ вширину, разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ. — Въ послѣднемъ случаѣ выставляютъ они то и другое изъ подъ кафтана и къ обѣимъ сторонамъ ворота пришиваютъ большія жемчужныя, золотыя или серебряныя запонки. Нижнее ихъ платье дѣлается вверху широкимъ, и завязывается шнуркомъ такъ, что можетъ распускаться и стягиваться по произволу. Поверхъ рубахъ надѣваютъ они узкое до колѣнъ платье наподобіе нашихъ фуфаекъ. — Рукава къ сему платью пришиваются длинные и сбираются на рукахъ складками. — Назади придѣлывается широкій стоячій воротникъ въ $\frac{1}{4}$ вышиною; воротникъ сей подкладываютъ бархатомъ, а знатные даже и парчею. Платье сіе называется кафтаномъ. Поверхъ кафтана многіе носятъ еще другое платье, достающее до пятъ (Waden) и называемое ферязь. Оба сіи платья дѣлаются изъ (Catun) (Andiak) тафты (Dammasch) или атласа, смотря по достатку. — Ферязи обыкновенно подбиваются на ватѣ. — Поверхъ ферязи надѣваютъ еще, когда выходятъ со двора, длинное суконное верхнее платье, до земли достающее, фіолетоваго,

или темнозеленаго цвѣта. — Иногда же платье сіе дѣлаютъ изъ пестраго атласа или даже изъ парчи. —

Множество одѣяній сего послѣдняго рода (т. е. парчевыхъ) хранится въ Царской кладовой и выдается въ торжественныхъ аудіенціяхъ присутствующимъ, равно какъ и другимъ почетнымъ людямъ (standzierenden Maennern).

Къ симъ верхнимъ платьямъ придѣлываются широкіе отложные воротники; спереди и боковъ бываютъ прорѣхи съ золотыми или жемчужными снурками, къ коимъ привѣшиваются длинныя ленты и кисти; рукава почти не короче самаго платья и сбираются складками такъ, что руки едва изъ нихъ бываютъ видны. Многіе даже опускаютъ рукава сіи ниже рукъ; а рабы и повѣсы не рѣдко запрятываютъ въ нихъ палки и каменья, съ коими часто, въ особенности ночью, нападаютъ на проходящихъ.

На головахъ всѣ вообще носятъ шапки. Въ торжественныхъ собраніяхъ Князья и Бояре надѣваютъ шапки въ аршинъ вышиною изъ чернобурой лисицы или изъ соболя. Обыкновенныя же ихъ шапки бархатныя, такъ какъ наши, подбиты и не слишкомъ широко опушены чернобурыми лисицами или соболями. — По обоимъ бокамъ пришиваются къ нимъ золотыя или жемчужныя кисти (Litzen); простолюдины носятъ лѣтомъ шапки бѣлыя поярковыя (Filz), а

зимою суконныя, обложенныя простыми овчинами. Сапоги у Русскихъ, такъ какъ у Поляковъ, кожаные или сафьянные съ острыми носками. —

Женскій полъ, всобенности дѣвицы, носятъ башмаки съ каблуками въ $\frac{1}{4}$ вышиною, обитыми мѣлкими гвоздиками. Таковаго рода каблуки крайне затрудняютъ ихъ въ ходьбѣ, ибо носки едва касаются земли.

Одежда женщинъ ни сколько не разнится отъ одежды мущинъ; верхнее только платье ихъ дѣлается нѣсколько шире. — Богатые обкладываютъ передъ позументомъ и золотыми шнурками и пришиваютъ кисти (Litzen), банты (Quäste); другіе же приставляютъ серебряныя или оловянныя пуговицы. Рукава прорѣзаны у нихъ такимъ образомъ, чтобы продѣвъ внизъ руки, можно было самые рукава закладывать на спину. — Кафтановъ, а еще того менѣе четвероугольныхъ стоячихъ воротниковъ женщины не носятъ. — Рукава на рубахахъ дѣлаютъ онѣ въ 6, 8 и 10 аршинъ длины и даже болѣе изъ прозрачной кисеи (Cartun) и собираютъ ихъ на рукахъ мѣлкими складками. Головной уборъ ихъ состоитъ въ парчевой, атласной или тафтяной (tammasch) шапкѣ съ золотымъ или вышитымъ жемчугомъ и золотымъ бортомъ и съ бобровою опушкою; волосы напереди висятъ у нихъ гладко до половины лба. — Взрослыя дѣвицы носятъ большія лисьи шапки.

Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иноземцы, состоящіе въ службѣ Царской или живущіе въ Россіи по дѣламъ торговли, носили, и даже обязаны были носить Русское платье для избѣжаніе посмѣянія и оскорбленій со стороны негодяевъ. — Сіе измѣнено однако Патріархомъ по слѣдующему обстоятельству. — Во время нѣкоего церковнаго хода, въ коемъ находился и самъ Патріархъ, Нѣмцы, стоявшіе между народомъ, не хотѣли вмѣстѣ съ Русскими пасть ницъ предъ Патріархомъ, когда онъ благословлялъ народъ. — Замѣтивъ сіе и услышавъ, что то были Нѣмцы, Патріархъ сказалъ: не подобаетъ недостойнымъ иноземцамъ вмѣстѣ съ православными принимать благословленія; а для отличія ихъ на будущее время отъ Русскихъ издано было повелѣніе, чтобы иностранцы сняли Руское одѣяніе и каждый бы изъ нихъ одѣвался по обычаю своей страны.

По недостатку матеріаловъ, а еще болѣе портныхъ, и по невозможности многимъ отлучиться отъ Двора, при коемъ они находиться долженствовали, столь же было трудно въ скорости исполнить таковое повелѣніе, сколь опасно ослушаться онаго. — Въ сихъ обстоятельствахъ каждый надѣлъ на себя то, что попало ему подъ руку, и такимъ образомъ многіе появились въ отцовскихъ, дѣдовскихъ и чужихъ платьяхъ и въ тѣхъ одѣяніяхъ, которыя еще во время Грознаго привезены были изъ Лифляндіи, и до сего случая хра-

нились въ сундукахъ. Собраніе сихъ древнихъ и нескладныхъ одѣяній произвело множество смѣшныхъ встрѣчь. — Нынѣ всѣ иностранцы, для отличія отъ Рускихъ, обязаны носить свои національныя платья.

Въ Москвѣ живетъ одинъ Князь, по имени Никита Ивановичь Романовъ. — По Царѣ онъ знатнѣйшій и богатѣйшій Бояринъ въ Россіи и даже находится въ родствѣ съ Царскимъ Домомъ. — Любя иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ и ихъ одѣяніе, онъ часто даритъ ихъ Польскими и Нѣмецкими платьями, и самъ одѣвается по иноземному, въ особенности, когда выѣзжаетъ на охоту, не смотря на всю досаду Патріарха, съ которымъ часто состязается твердо и отрывисто, даже и въ дѣлахъ церковныхъ. — Однако Патріархъ успѣлъ наконецъ хитростію выманить у него иноземную одежду.

О природѣ, свойствахъ, характерѣ и нравахъ Русскихъ.

Русскихъ, въ отношеніи къ ихъ характеру, нравамъ и образу жизни, справедливо можно причислить къ народамъ варварскимъ. Хотя они и хвалятся одинаковымъ происхожденіемъ съ Греками, почитавшимися умнѣйшимъ и утонченнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, и называвшими всѣхъ другихъ варварами, однако отъ соплеменниковъ сво-

ихъ не заимствовали они ни языка ихъ, ни искусствъ; ибо не только не упражняются въ художествахъ и высшихъ наукахъ, но даже и не любятъ ихъ, вопреки изрѣченію: Didicisse fideliter artes, emollit mores, nec sinit esse feros.

Вотъ причины, по которымъ Русскіе до сихъ поръ остаются въ грубомъ невѣжествѣ.

О высшихъ, неизвѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ судятъ почти всѣ весьма грубо и неосновательно. Астрономію и астрологію почитаютъ они рѣшительно колдовствомъ, и никакъ не постигаютъ, чтобы возможно было съ помощію науки предузнать солнечныя и лунныя затмѣнія, равно какъ и вліяніе планетъ. Когда въ Москвѣ провѣдали, что по возвращеніи моемъ изъ Персіи Великій Князь намѣревается взять меня въ службу въ званіи астронома, многіе говорили, что скоро появится въ Москвѣ колдунъ, находящійся при Голстинскомъ послѣ и предсказывающій будущность. Отъ сей нелѣпой сказки по возвращеніи моемъ почти всѣ смотрѣли на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ, что вмѣстѣ съ другими причинами не мало понудило меня отказаться отъ предлагаемаго званія.

Впрочемъ удержать меня въ Россіи хотѣлось Московитянамъ не столько для званія астронома, какъ потому, что они провѣдали, что я срисовалъ и положилъ на географическую карту Волгу и Персидскія области, чрезъ которыя мы проѣзжали.

Во вторичный мой пріѣздъ въ Москву въ 1643 году нарисовалъ я однажды въ камеръ-обскуру чрезъ маленькое отверстіе посредствомъ полированнаго стекла красками все происходившее противъ меня на улицѣ и показалъ вошедшему ко мнѣ въ то время Канцлеру. Сотворивъ крестное знаменіе, онъ сказалъ: это колдовство; какъ можно, чтобы люди и лошади ходили вверхъ ногами.

Хотя лѣкари и Медицина въ большомъ у Русскихъ уваженіи, не менѣе того они отнюдь не допускаютъ средствъ, употребляемыхъ въ Германіи и другихъ земляхъ и служащихъ къ усовершенствованію самихъ врачей, какъ-то: разсѣканіе тѣлъ, собираніе скелетовъ, къ коимъ Русскіе питаютъ большое отвращеніе. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ нѣкто Голландецъ, по имени Квиринусъ, искусный цирюльникъ и большой весельчакъ, находившійся въ Царской службѣ, вздумалъ составить въ комнатѣ своей у стѣны позади стола человѣчій скелетъ. Однажды, по обыкновенію сидя передъ столомъ, игралъ онъ на лютнѣ. Привлеченные звуками стрѣльцы, которые въ то время содержали еще стражу на Нѣмецкомъ подворьѣ, подошли къ дверямъ, заглянули въ щелку, и увидя у стѣны человѣчьи кости, тѣмъ болѣе испугались, что кости сіи двигались. Разбѣжавшись, они разгласили, что Нѣмецкій цирюльникъ повѣсилъ покойника на стѣну, и что только лишь цирюльникъ заиграетъ на лютнѣ, мертвецъ за-

ходитъ по стѣнѣ. Слухъ о семъ дошелъ до Великаго Князя и Патріарха, которые и послали подсматривать за цирюльникомъ, въ особенности, когда онъ будетъ играть на лютнѣ. Посланные не только подтвердили эту сказку, но даже прибавили, что мертвецъ пляшетъ по стѣнѣ подъ музыку.

Удивленные сею новостію, Русскіе заключили, что цирюльникъ былъ просто колдунъ, и что надлежало сжечь его вмѣстѣ съ костями мертвеца. Квиринусъ, провѣдавъ стороной о таковомъ рѣшеніи, отрядилъ одного изъ важнѣйшихъ Нѣмецкихъ купцовъ, любимаго Боярами, извѣстить о томъ Князя Ивана Борисовича Черкаскаго и просить объ уничтоженіи столь несправедливаго приговора. Купецъ изъяснилъ Князю, что человѣчій скелетъ никакъ не долженъ быть причтенъ цирюльнику въ колдовство, и что въ Германіи всѣ искуснѣйшіе врачи и цирюльники имѣли у себя для наблюденій таковыя кости, дабы въ случаѣ перелома ноги или поврежденія какого либо другаго члена, они тѣмъ легче и удобнѣе могли залѣчить оный у живаго человѣка. Что же касается до мнимой пляски мертвеца, то сіе происходило не отъ звуковъ лютни, но отъ сквознаго вѣтра, продувавшаго сквозь открытое окно. Хотя въ слѣдствіе сего объясненія приговоръ и былъ отмѣненъ, не менѣе того цирюльникъ долженъ былъ немедленно выѣхать за границу, а скелетъ былъ сначала брошенъ

въ Москву рѣку, а потомъ сожженъ. Другое подобное сему и едва не трагическое происшествіе случилось почти въ то же время съ однимъ Нѣмецкимъ живописцемъ, по имени Детерсеномъ. Четыре года тому назадъ, во время большаго пожара, бывшаго тогда въ Москвѣ, стрѣльцы, пришедшіе тушить огонь, разламывая сосѣдніе домы и нашедъ въ домѣ живописца мертвую голову, хотѣли немедленно бросить въ огонь какъ голову, такъ и самого художника; къ счастію, нѣкоторые изъ находившихся при семъ людей успѣли убѣдить ихъ, что мертвая голова хранилась у Детерсена, такъ какъ у всѣхъ Нѣмецкихъ живописцевъ, только для срисованія.

Русскіе имѣютъ умъ проницательный и хитрый, но устремляютъ оный не на добрыя и похвальныя дѣла, а на свои выгоды и пользы и на удовлетвореніе желаній своихъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Іаковъ (Iacobus), благородный Датчанинъ (такъ называетъ онъ себя), посолъ Фридриха II, Короля Датскаго, въ своемъ Hodoeporico Ruthenico: Callidi versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam, impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique: virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remiserunt. Т. е. Рускіе хитры, упрямы, неукротимы, непріязненны, развратны, безстыдны, склонны ко всему злому, знаютъ только право сильнаго, простились давно съ добродѣтелью и стерли съ лица всякій

стыдъ (*). Все сіе испыталъ онъ на собственномъ опытѣ.

Ихъ проницательность и хитрость всего виднѣе въ торговлѣ, въ которой они готовы обмануть всякаго. Надобно имѣть слишкомъ много ума, чтобы перехитрить ихъ. Будучи сами лживы и подозрительны, они рѣдко довѣряютъ другимъ, и почитаютъ мастеромъ того, кому удастся обмануть ихъ. Одного Голландца, успѣвшаго обмануть нѣсколько Московскихъ купцевъ на большую сумму, просили они убѣдительно вступить къ нимъ въ товарищи, въ надеждѣ, что человѣкъ, искусный въ плутовскихъ изворотахъ, принесетъ большое счастіе ихъ торговлѣ. Странно впрочемъ, что люди, не только не почитающіе грѣхомъ обманывать ближняго, но даже полагающіе сіе умнымъ ремесломъ, переданныя имъ въ счетахъ лишнія деньги вмѣняютъ себѣ въ обязанность возвращать немедленно. Неисполненіе сего, по словамъ ихъ, есть рѣшительное воровство, ибо таковая передача происходитъ по невѣдѣнію дателя и противъ его воли. Въ покупкѣ же или продажѣ разсудокъ и воля у него не отнимаются, и лучше вовсе не торговать тому, кто не умѣетъ предохранить себя отъ обмана.

Русскіе между другими средствами отомстить лукавствомъ и обманомъ тому, на

(*) Переводъ сей нѣсколько далекъ отъ Латинскаго подлинника, но слово въ слово сдѣланъ съ Нѣмецкаго перевода Олеарія.

кого они сердиты или кого ненавидятъ, употребляютъ слѣдующее. Такъ какъ воровство почитается у нихъ великимъ преступленіемъ, то и выискиваютъ они случай какъ нибудь обвинить въ семъ преступленіи то лице, которому отомстить намѣрены. — Для сего стараются они занять у него деньги подъ закладъ платья, посуды и другихъ вещей, или тихонько подсунуть къ нему въ домъ, или запрятать что-либо въ сапоги, куда они обыкновенно кладутъ письма, деньги, ножикъ и другія мѣлочи, и потомъ обвиняютъ его въ похищеніи сихъ вещей. Ежели вещи сіи найдутся у него и признаны будутъ чужими, то виновнаго подвергаютъ наказанію. — Однако въ 1304мъ году Великій Князь, провѣдавъ о таковаго рода обманахъ, издалъ въ самый новый годъ повелѣніе, чтобы никто изъ его подданныхъ, не только посторонніе между собою люди, но даже отецъ съ сыномъ, не смѣли давать и занимать другъ у друга деньги и класть закладъ безъ росписокъ съ обѣихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ требованія объ отдачѣ не будутъ удовлетворяемы. Самые судьи не рѣдко для поживы подбиваютъ иныхъ къ таковымъ ложнымъ обвиненіямъ, чему бывало много примѣровъ.

Русскіе вообще такъ лукавы и лживы, что у нихъ не только сосѣди и посторонніе, но даже родные братья и супруги должны опасаться другъ друга.

Нарвскій Пасторъ Мартынъ Беэръ разсказывалъ намъ, что въ бытность его въ Москвѣ, въ царствованіе Бориса Годунова, случилось Великому Князю заболѣть сильною подагрою. По всему Царству немедленно объявлено было, что кто возмется вылѣчить Царя, какого бы состоянія или вѣры ни былъ, будетъ богато награжденъ милостію Царскою.

Жена одного Боярина, которую мужъ держалъ нѣсколько строго, услышавъ о таковомъ Царскомъ повелѣніи, почла сей случай удобнымъ для отмщенія мужу своему. Явившись къ Государю, она объявляетъ ему, что мужу ея извѣстно вѣрное средство къ излѣченію Его Царскаго Величества, но что онъ только не хочетъ употребить онаго. Великій Князь, призвавъ Боярина, и не повѣривъ, чтобы онъ былъ совершенно несвѣдущимъ въ Медицинѣ, повелѣлъ высѣчь его нещадно и заключить въ темницу. Когда же сей несчастный, не вытерпя муки, сказалъ, что сею банею обязанъ онъ женѣ своей, и что онъ выищетъ случай отомстить ей, то ему отвѣчали новыми побоями и угрожали даже смертію, ежели онъ не возмется вылѣчить Великаго Князя отъ болѣзни. Бѣдный Бояринъ, не зная, что дѣлать, рѣшился попросить 2 недѣли срока для собранія нѣкоторыхъ травъ. Онъ надѣялся, что въ теченіе этого времени обстоятельства могутъ перемѣниться, или найдутся какія-либо средства къ его спасенію. Получивъ просимое дозволеніе, онъ

немедленно отправилъ на берега Оки, въ Tchitben, отстоящій отъ Москвы на 2 дня разстоянія и обильный тучными лугами, за цѣлымъ возомъ различныхъ травъ и растѣній. Изъ сихъ травъ изготовилъ онъ Царю ванну. Къ счастію боль утихла, вѣроятно болѣе сама собою, нежели отъ лѣкарства. Великій Князь, повелѣвъ высѣчь Боярина еще больнѣе прежняго, наградилъ его потомъ новымъ платьемъ, 200 рублями денегъ и даровалъ ему сверхъ сего 18 душъ крестьянъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ отнюдь не смѣлъ мстить женѣ своей. Говорятъ впрочемъ, что чета сія въ послѣдствіи жила весьма ладно между собою.

Таковаго рода непріязненные и ложные доносы (въ особенности, ежели оные касаются оскорбленія Величества) подвергаютъ обвиняемаго, не смотря на лице и націю, безъ всякихъ допросовъ и доказательствъ строжайшему наказанію, не рѣдко даже смертной казни. Дѣла сего рода между Русскими весьма часты.

В. С.

О СОСТОЯНІИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ НАУКЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Изъ Revue Encyclopedique.)

Польскіе ученые и Литтераторы весьма ревностно занимаются древнею Исторіей своего отечества; бросимъ взглядъ на главные ихъ труды.

Послѣ паденія Польши Чацкій (Czacki), извѣстный какъ патріотъ и ученый публицистъ; *Коллонтай*, хорошій писатель, отличившійся особенно въ политическомъ краснорѣчіи; *Нѣмцевичъ*, поэтъ и историкъ; *Албертранди*, *Оссолинскій*; *Бентковскій*, Авторъ ученой Исторіи Польши, изданной въ 1814; два брата *Бандке*, одинъ юриспрудентъ, другой историкъ; *Солтыковичъ*, *Лелевель* (Іоахимъ), Профессоръ Всемірной Исторіи при Виленскомъ Университетѣ, извѣстный обширностью и основательностью своихъ познаній, и другіе ученые пріобрѣли право на уваженіе и благодарность своихъ соотечественниковъ своими изысканіями относительно къ Исторіи и законодательству.

Исчисленіе древнихъ Историковъ Польши и главнѣйшихъ сочиненій, изданныхъ въ наше время по сему предмету, не будутъ здѣсь лишними.

Исторія Польши была предметомъ занятій многихъ Польскихъ и иностранныхъ писателей, оставившихъ многія сочиненія,

какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ. Послѣ неизвѣстнаго сочинителя жизни Адальберта древнѣйшимъ Историкомъ почитаютъ *Мартина Галла*, изгнаннаго Француза, жившаго около 1110 и 1135 годовъ; послѣ него слѣдуютъ: *Матвѣй Холева*, Епископъ Краковскій; *Викентій*, сынъ *Кадлубка*, другой Епископъ Краковскій, умершій въ 1223; *Богуфалъ*, Епископъ Познанскій, умершій въ 1253; *Годзиславъ Башко, Мартинъ Стрзембскій*, ум. въ (*) Dzierzwa 1279 въ 1420; *Сигизмундъ Родитскій* въ 1470; нѣсколько неизвѣстныхъ, и наконецъ славный *Іоаннъ Длугошъ*, наставникъ сыновей Короля Казимира Ягеллона, род. въ 1415, а ум. въ 1480.

Здѣсь начинается другая эпоха: *Матвій Мѣховита*, медикъ Сигизмунда I, издалъ свое сочиненіе въ 1521; *Мартинъ Кромеръ*, Епископъ Варминскій, умершій въ 1589, былъ прозванъ Польскимъ Титъ-Ливіемъ. — Между писателями, занимавшимися отдѣльными эпохами Польской Исторіи, должно замѣтить *Бернарда Ваповскаго* и *Александра Гваньини*, Итальянца, съ честію служившаго въ войскахъ Польскихъ и получившаго дворянское достоинство. Послѣ того слѣдуютъ: *Матвій Стрійковскій*, Историкъ Литвы и Польской Россіи; *Станиславъ Пьясецкій*, *Piasecki*, жившій во вто-

(*) Это было первое печатное историческое сочиненіе, хотя въ Польшѣ печатали уже прежде 1480 г.

рой половинѣ XVI стол., авторъ многихъ весьма замѣчательныхъ сочиненій, продолжившій Исторію Польскую до смерти Стефана Баторія. *Мартинъ Бѣльскій*, ум. въ 1576, оставилъ Хронику, доведенную имъ до XVI стол. и продолженную сыномъ его Іоахимомъ до временъ Сигизмунда III. Слогъ сей Хроники, весьма уважаемой и въ историческомъ отношеніи, такъ прекрасенъ, что его назвали *золотымъ*. — *Адальбертъ Кояловичъ*, род. 1609, написалъ на Латинскомъ языкѣ весьма хорошую Исторію Литвы. Славный Л. Шлецеръ, который перевелъ сіе сочиненіе на Нѣмецкій языкъ, такъ говоритъ объ немъ: „Кояловичъ есть безспорно одинъ изъ лучшихъ Историковъ XVII стол., какъ по слогу, такъ и по выбору предметовъ, благоразумію видовъ и Исторической Критикѣ.

Другіе писатели, о которыхъ надлежитъ упомянуть, занимались отдѣльными царствованіями различныхъ Королей, каковы на пр. *Третеръ*, *Петрицы*, *Горницкій*, *Лубенскій*, *Пьясецкій*, *Суликовскій*, *Фредро*, *Коберзицкій*, *Гейденштейнъ* и пр. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія *Адамъ Нарушевичъ*, отличный переводчикъ Тацита, хорошій Поэтъ и Историкъ, былъ прозванъ Польскимъ Тацитомъ. Его Исторія Польши начинается со времени введенія вѣры Христіанской Королемъ Мечиславомъ I, въ 965 году, и продолжается до фамиліи Ягеллоновъ или первой

династіи Піастовъ, царствовавшей по праву наслѣдства до 1386. Нарушевичь намѣревался въ послѣдствіи заняться Исторіей Польши до 965 и составить изъ оной 1 томъ своего творенія. Онъ началъ свою Исторію со второй части и отъ 1780 — 1786 издалъ въ свѣтъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 томы. Второе превосходное изданіе сей Исторіи было сдѣлано въ Варшавѣ въ 1803 на иждивеніи Графа Ѳаддея Мостовскаго, извѣстнаго Литтератора и Публициста, нынѣ Министра Внутренних дѣлъ; но никто не осмѣлился взять на себя сочиненіе первой части, недостававшей къ дополненію сего прекраснаго произведенія. Королевское Общество Любителей Наукъ въ Варшавѣ, желая возбудить соревнованіе въ Литтераторахъ, положило: 1) чтобъ нѣкоторые изъ его Членовъ занялись каждый обозрѣніемъ какого нибудь отдѣльнаго царствованія, начиная съ той эпохи, которою Нарушевичь окончилъ свою Исторію; 2) чтобъ по окончаніи своего труда, каждый сочинитель представилъ оный Обществу; 3) чтобъ по отобраніи всѣхъ рукописей былъ учрежденъ Комитетъ для разсмотрѣнія и поправленія оныхъ, въ случаѣ нужды и для изданія въ свѣтъ полнаго Историческаго собранія отъ имени самаго Общества, предоставляя однакоже каждому Члену право печатать особо свое сочиненіе, съ изданія въ свѣтъ полнаго собранія. — Въ силу сего рѣшенія, были сдѣланы обозрѣнія нѣкоторыхъ царствованій и представлены Обществу; два

изъ нихъ изданы, а именно: Panowanie Zygmunta III (царствованіе Сигизмунда III, сочиненіе Юліана Урсина Нѣмцевича, въ Варш. 1819, 3 тома, in 8) и Panowanie Władysława IV (царствов. Владислава IV, изд. Каетаномъ Квяшковскимъ, Варш. 1823, 1 томъ in 8). Сочинители сихъ двухъ твореній, особенно первый, оказали себя достойными продолжателями Нарушевича.

Варшавское Общество Любителей Наукъ, не довольствуясь окончаніемъ Исторіи, доведенной симъ знаменитымъ писателемъ только до 1386 года, пріобрѣло еще новое право на всеобщее уваженіе, издавъ, на своемъ иждивеніи, лѣтъ 30 спустя по смерти Нарушевича, первый томъ его творенія, содержащій Исторію временъ, предшествовавшихъ введенію Христіанства въ Польшу. — Сей первый томъ, котораго Авторъ не могъ окончить, но для изданія котораго были уже собраны и разпредѣлены имъ самимъ матеріалы, вышелъ подъ заглавіемъ: Historya narodu Polskiego przed rokiem 965 (Исторія народа Польскаго до введенія вѣры Христіанской въ 965, соч. Адамомъ Нарушевичемъ, 2 части, Варш. 1824, in 8, съ картами).

Въ томъ же году вышло и другое сочиненіе: Historya Xiazgt i-Krolów Polskich и проч. (Исторія Князей и Королей Польскихъ, соч. Ѳедора Ваги, изд. Іоахимомъ Лелевелемъ, Варш. 1824, 1 томъ in 8°). Съ небольшимъ лѣтъ шестьдесятъ какъ Ѳедоръ

Вага издалъ подъ симъ названіемъ свое сокращеніе Польской Исторіи. — По причинѣ недостатка въ лучшемъ сочиненіи, его употребляли во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и оно было многократно вновь издаваемо. Наконецъ Г. Лелевель, бывшій Професоръ Всемірной Исторіи при Виленскомъ Университетѣ, чувствуя недостатки сего руководства, но желая сохранить заглавіе, сдѣлавшееся отъ долгаго употребленія столь почтеннымъ, совершенно передѣлалъ сіе сочиненіе, дополнилъ его и издалъ подъ именемъ Ваги. Онъ раздѣляетъ Исторію Польскую совершенно новымъ образомъ: на четыре эпохи, исключая времена баснословныя, принадлежащія къ введенію. Первая эпоха начинается отъ Земовита, сына Піастова въ IX стол., и оканчивается Болеславомъ (Kryvwousty) Кривоустымъ, т. е. отъ 965 до 1139. Въ сей эпохѣ онъ представляетъ Польшу завоевательною. Вторая эпоха отъ 1139 до 1333 представляетъ Польшу раздѣленною при наслѣдникахъ Болеслава. Третья оканчивается 1586 годомъ и содержитъ исторію отъ смерти Владислава (Lokietek) до кончины Баторія. — Это Польша процвѣтающая. Четвертая эпоха представляетъ сію страну клонящеюся къ своему паденію, во времена смерти Баторія и начала сорокашестилѣтняго правленія нерадиваго Сигизмуда III, относящагося къ тому времени, когда Іезуиты начали распространять свое вліяніе на духъ народный и овладѣли школами и ти-

пографіями, эпоха „когда, по выраженію Бентковскаго, Солтыковича и Снядецкаго „древнее зданіе, воздвигнутое добродѣтельными гражданами и великими Государями, было ниспровергнуто" — и отъ которой можно было предсказать постепенный упадокъ наукъ, искусствъ и наконецъ самой страны. Въ книгѣ сей, назначенной для употребленія всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній, а преимущественно юношества, Авторъ особенно обращалъ вниманіе на важнѣйшіе предметы. Онъ излагаетъ въ примѣчаніяхъ, исполненныхъ учености и здраваго сужденія, состояніе народа при каждомъ Королѣ, законодательство и образъ правленія. — Онъ доказываетъ, что Польша никогда не была феодальною страною, и сообщаетъ читателямъ достаточныя свѣдѣнія о просвѣщеніи и Статистикѣ Государства.

Dzieie Krolestwa Polskiego, Исторія Королевства Польскаго, соч. Георга Самуила Бандке (Бреслава, 1820, Корн. 2е изд.). Сія книга, будучи пространнѣе Лелевелевой, даетъ полное понятіе объ Исторіи Польши; она отличается здравою критикой и яснымъ и правильнымъ слогомъ. — Ученый Лелевель сказалъ о семъ второмъ изданіи, „что не существуетъ въ семъ родѣ столь совершеннаго творенія." —

Rys Historyi Polskiey и проч., Начертаніе Польской Исторіи, изд. Іосифомъ Миклашевскимъ (Варш. 1818. 1. Т. in 12°). Это ни-

что иное, какъ сокращеніе всеобщей Исторіи Польши, для начинающихъ; приономъ находится нѣсколько Географическихъ картъ, изображающихъ Польшу въ различныхъ періодахъ ея прежняго величія.

Śpiéwy Historyczne и пр., Историческія пѣсни, соч. Юл. Урс. Нѣмцевича, Члена и нынѣшняго Президента Варшавскаго Общества Любителей Наукъ (Варш. 1819, 1 Т. in 8). Общество Любителей Наукъ, желая передать потомству народныя преданія и картину великихъ подвиговъ, коими прославились древніе Короли и граждане Польскіе, препоручило Г. Нѣмцевичу собрать сіи Историческія извѣстія и составить изъ оныхъ пѣсни, которыя могли бы сдѣлаться народными. — Сей ученый сочинилъ 33 таковыхъ пѣсенъ и къ каждой присовокупилъ Историческое объясненіе, которое весьма легко можно удержать въ памяти. Все сочиненіе оканчивается небольшою поэмою о Кн. Іос. Понятовскомъ, умершемъ въ Лейпцигѣ въ 1813. Вначалѣ своей книги Авторъ помѣстилъ пѣснь, сочиненную Св. Адальбертомъ лѣтъ за 800, и прежде употребляемую всегда въ церквахъ; воины имѣли обыкновеніе повторять оную предъ начатіемъ сраженія. Съ нѣкотораго времени ее снова поютъ всякое воскресенье въ одной изъ церквей Варшавскихъ. При каждой Исторической пѣсни находится картинка и ноты, къ ней относящіяся. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что почти всѣ картин-

ки рисованы Польскими дамами, равно какъ и музыка сочинена большею частію ими же.

Pielgrzym w Dobromiliu — Богомолецъ въ Добромилѣ (Варш. 1816. 2 Ч. съ 50 картинками). Княгиня Изабелла Чарторижская, мать Сенатора, Палатина Королевства, есть сочинительница сей книги, въ которой она заставляетъ богомольца ходить по деревнямъ, научать крестьянъ и дѣтей ихъ Исторіи ихъ отечества, разсказанной простымъ и яснымъ слогомъ. —

Panowanié Henryka Walezyusza i Stefana Batorego — Царствованія Королей Польскихъ Генриха Валоа и Стефана Баторія, извлеченныя изъ рукописей Альбертранди, изд. Игнатіемъ Онацевичемъ (Варш. 1824. 2 ч. in 8°). —

Іоаннъ Баптистъ Альбертранди, Епископъ Зенопольскій, умершій въ Варшавѣ въ 1808, былъ Президентомъ Общества Любителей Наукъ. Онъ въ 1782 отправился въ Италію и въ продолженіе трехъ лѣтъ посѣщалъ тамъ разныя библіотеки и дѣлалъ повсюду касательно Польской Исторіи извлеченія и выписки, которыя составили послѣ 110 рукописныхъ томовъ; оттуда поѣхалъ онъ въ Стокгольмъ и Упсалу, гдѣ хранятся драгоцѣнныя рукописи, къ Польшѣ относящіяся. — Одаренный удивительною памятью, онъ каждый вечеръ излагалъ на письмѣ то, что читалъ въ продолженіе дня, и тѣмъ избѣгалъ запрещенія Шведскаго правительства отбирать писанныя

замѣчанія и успѣлъ сдѣлать драгоцѣнное рукописное собраніе Историческихъ выписокъ, изъ 200 томовъ состоящее. — Станиславъ Августъ удостоилъ его медали съ надписью: *merentibus*. Онъ трудился до послѣдняго конца жизни своей и услугами, оказанными Словесности, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. —

Kollektanea z dzieiispisow Tureckich и пр., Извлеченіе изъ Турецкихъ Историковъ, служащія къ объясненію Польской Исторіи, изд. Іосифомъ Сенковскимъ (Варш. 1825. 2 ч. in 8°). Весьма любопытно знать, что Турецкіе Историки могли писать о сношеніяхъ своихъ съ другими народами; о своихъ войнахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ. Такіе матеріалы весьма важны для Исторической Критики. Сочиненіе сіе весьма рѣдко.

Pamientniki o dawney Polscce и проч., Записки о древней Польшѣ, изд. Юл. Урс. Нѣмцевичемъ (Варш. 1820. 4 част. in 8°), что есть собраніе небольшихъ сочиненій, могущихъ служить матеріалами для Польской Исторіи. — Сіе собраніе заключаетъ въ себѣ письма и записки извѣстныхъ Поляковъ и иностранцевъ, писавшихъ о Польшѣ; описанія народныхъ праздниковъ, постовъ; рѣчи; извлеченія изъ древнихъ актовъ и пр. Ни одинъ Полякъ не читаетъ сей книги безъ особеннаго вниманія. — Обстоятельства не позволили Автору окончить оной.

Кромѣ всѣхъ сихъ вышеупомянутыхъ Историческихъ сочиненій, издаваемо было съ 1815 много переводовъ, между прочимъ: Panowanie Henryka Walezyusza — царствованіе Генриха Валуа, соч. Шуазеля, род. въ 1580, перевед. съ Французскаго Адальбертомъ Турскимъ (Вильна 1818. 1 т. in 8°).

Piękności Historyi Polskiey — Красоты Польской Исторіи, соч. Нонарета, перев. съ Французскаго (Бресл. Корн. 1 т. in 12). Упомянемъ еще о множествѣ небольшихъ сочиненій и диссертацій, пространныхъ Историческихъ статей, изданныхъ отдѣльно или напечатанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно же *въ Варшавскихъ запискахъ*, *Ученыхъ запискахъ* и *Литтературныхъ упражненіяхъ*, въ *Варшавскомъ Журналѣ*, *Краковской Пчелѣ*, *Познанскомъ Муравьѣ*, *Виленскомъ Журналѣ*, *Лембергскихъ запискахъ* и т. д. — Замѣтимъ также: 1) Польскую Хронику X стол., соч. Прокоша (Варш. 1825, 1 т. in 12); 2) Ostatnié lata panowania Zygmunta starego и пр. — Послѣдніе годы царствованія Сигизмунда I (стараго) и начало правленія Сигизмунда II (Августа), соч. Іоахима Лелевеля (Варш. 1821. 1 т. in 8); 3) Historya Polski и пр. — Сокращеніе Польской Исторіи, изд. Іосифомъ Фалѣнскимъ (Бресл. 1819. 1 т. in 8).

Первое изъ сихъ сочиненій есть собраніе басень, вымышленныхъ около половины прошедшаго столѣтія и которыя хотѣли выдать за Хронику X вѣка. Сей обманъ

было описано Варшавскимъ Журналомъ. Второе есть извлеченіе изъ одной рукописной Исторіи Польши. Имя Автора, его труды, столь извѣстные уже въ литтературномъ свѣтѣ, служатъ порукою въ достоинствѣ сего небольшаго сочиненія. Послѣднее во многомъ ему уступаетъ. Наконецъ Записки Мих. Огинскаго о Польшѣ и Полякахъ, съ 1788 по 1815 (Парижъ 1827. 4 т. in 8º); сочиненіе совершенно историческое, недавно изданное, коему сдѣланъ былъ тщательный разборъ въ главнѣйшихъ журналахъ Франціи, Германіи, Италіи и даже Южной Америки, есть новѣйшее твореніе о Польшѣ, коей исторія доведена здѣсь до 1815 года.

Н. Пельтъ.

ГЛАВНОЕ РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ НЫНѢШНИМЪ СЛАВЯНСКИМЪ И СЕРБСКИМЪ ЯЗЫКАМИ.

Въ Сербской землѣ нѣтъ никакого нарѣчія, свойственнаго одной черни; по крайней мѣрѣ оное не такъ рѣзко отличается, какъ у другихъ, болѣе образованныхъ народовъ. — Мы не должны удивляться тому, что въ языкѣ Сербскомъ нѣтъ грубаго и низкаго нарѣчія: за тысячу лѣтъ предъ симъ, и позже, то же самое было и въ другихъ земляхъ. — Въ Славянскихъ земляхъ бѣдный крестьянинъ языкомъ своимъ вовсе не отличается отъ человѣка знат-

наго; Герцегованецъ, Ресавецъ, Босникъ, Сирміецъ и проч. въ частности сохраняютъ особенности природнаго своего нарѣчія. — Мало помалу, какъ видимъ изъ Исторіи языковъ другихъ народовъ, болѣе образованныхъ, ограничились образованіемъ нѣкоторыхъ особыхъ нарѣчій: наконецъ составился одинъ языкъ книжный, а нарѣчія народныя, потерявъ равновѣсіе, испортились и лишились своей силы. — Вѣроятно, что и по водвореніи образованія въ Сербіи одно нарѣчіе превозможетъ прочія. — Тогда пройдетъ время эпическихъ стихотвореній: они уже не будутъ жить въ устахъ народа, а останутся въ видѣ драгоцѣннаго завѣта предковъ, предметомъ почтенія и удивленія въ потомствѣ (*).

Если кто знаетъ хотя одинъ изъ главныхъ Славянскихъ языковъ, тотъ не откажется отдать справедливость чистотѣ и благозвучію языка Сербскаго.

Онъ найдетъ въ ономъ множество неизвѣстныхъ или потерянныхъ истинно Славянскихъ словъ, формъ и оборотовъ. — Россіянинъ безъ труда можетъ понимать Серба. — Краинцу это еще легче; но для Поляковъ и Богемцевъ должно быть труднѣе. — У Сербовъ есть болѣе сильныхъ и благозвучныхъ формъ, нежели у другихъ Славянъ.

Большая часть писателей согласны въ томъ, что самый близкій къ Славянскому или нынѣшнему церковному языку есть

(*) См. Сынъ Отечества XXIV, 1825 года.

Сербскій, менѣе другихъ измѣнившійся. — Главнѣйшее различіе между сими двумя языками, какъ полагаютъ, состоитъ: вопервыхъ въ словахъ и во вторыхъ въ словоизмѣненіи (*).

1. *Въ словахъ.*

1. Въ Сербскомъ языкѣ многія слова имѣютъ *е* тамъ, гдѣ Славянскія имѣютъ *я*, *е* (а послѣ ж, ч и ш *а*), — на пр.: *месо* (мясо), *име* (имя), *племе* (племя), *клетва* (клятва), *кнезъ* (князь), *светъ* (свять), *свезати* (связати), *редъ* (рядъ), *езыкъ* (языкъ), *жетва* (жатва), *чедо* (чадо), *начети* (начати); равнымъ образомъ во всѣхъ глаголахъ, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа, прошедшаго времени, напр.: *писаше* (писаша), *твориие* (твориша), *ираше* (играша), и въ глаголахъ третьяго спряженія (по Сербски) въ настоящемъ времени (въ томъ же лицѣ и числѣ), — напр.: *служе* (служатъ), *уче* (учатъ), *суше* (сушатъ), и т. д. — Сіе свойство Сербскаго языка (южно-Славянскаго) безъ сомнѣнія было еще при Кириллѣ и Меѳодіѣ; это можно доказать тѣмъ, что во всѣхъ старинныхъ церковныхъ или Славянскихъ книгахъ, печатныхъ или писанныхъ, не токмо что постоянно въ вышеозначенныхъ словахъ, вмѣсто буквы я, стоитъ е, но и

(*) Мнѣніе извѣстнаго Сербскаго Литтератора Вука Стефановича Карачича. См. Даница, забавникъ за 1826.

въ такихъ слòвахъ, которыхъ окончаніе въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ перемѣнилось, — напр.: по Славянски *пречистыя* родительный падежъ единственнаго числа женскаго рода, а по Сербски *пречисте*, что и согласно съ древнею рукописью Славянскою, которая хранится въ Мюнхенѣ и разсматриваема была въ слѣдующемъ изданіи:

Weiner Jahrbücher der Litteratür 17 ten Band, Wien 1822 года, на 102 страницѣ.

2. Въ старинныхъ Славянскихъ книгахъ, во многихъ словахъ, между согласными буквами находится буквы ъ и ь, — напр.: *отьцъ*, *коньцъ*, *овьнъ*, *овьсъ*, *кашаль*, *песькъ*, *шипькъ*, *кратъкъ*, *кратькъ*, *мръзъкъ*, *съкрати*, *дьсна*, *кръвь*, *кръстъ*, *ерѣло* и т. д. — Въ сихъ и подобныхъ имъ словахъ Руские, въ нынѣшнемъ Славянскомъ языкѣ, приняли по ихъ нарѣчію вмѣсто ъ и ь или *е* или *о*, — напр.: *отецъ*, *конецъ*, *овенъ*, *овесъ*, *кашель*, *песокъ*, *шипокъ*, *кротокъ*, *кратокъ*, *мерзокъ*, и т. д., за исключеніемъ весьма малаго числа слòвъ, въ которыхъ вовсе выбрашены ъ или ъ — напр.: *тма*, *ржа*, а особливо послѣ *р* и *л*, — напр.: *мудръ*, *мудршій*, *храбръ*, *храбршій*, *свѣтлъ*, *свѣтлшій* и т. д. — Въ Сербскомъ языкѣ въ таковыхъ словахъ почти вездѣ вмѣсто ъ принята буква *а*, напр.: *отацъ*, *ованъ* и т. д.; а гдѣ ъ находится послѣ *р*, тамъ нѣтъ никакой гласной буквы, но буква *р* составляетъ сама по себѣ слогъ (какъ

въ старомъ Славянскомъ и Чешскомъ языкахъ), — напр.: *кревъ*, *прстъ*, *кротъ*, *грло*, *рдьа*, и т. д.

3. Въ старинныхъ Сербско-и Руско-Славянскихъ книгахъ, во многихъ словахъ, между согласными буквами встрѣчается *лъ* или *ъл* (*ль* или *ьл*), — напр.; *слънце* (*сълнце*), *длъгъ* (*дългъ*), *плънъ* (*пълнъ*), *влъна* (*вълна*), *слъза* (*сълза*) и т. д. Въ Рускомъ, равно и въ нынѣшнемъ Славянскомъ языкахъ, въ таковыхъ словахъ принято: или *о* передъ *л*, напр. *солнце*, *домъ*, *полнъ*, *волна*, или *е*, напр. *слеза* и т. д. Въ Сербскомъ языкѣ вездѣ принято вмѣсто *лъ* или *ъл* (*ль* или *ьл*) *у*, — напр.: *сунце*, *дугъ*, *пунъ*, *вуна*, *суза*.

4. *Л* въ окончаніи слога, въ Сербскомъ языкѣ, всегда превращается въ *о*, — напр.: *пепео* (пепелъ), *сеоце* (селце), *котао* (котелъ), *писао* (писалъ), *говоріо* (говорилъ) и т. д. Если же, при перемѣнѣ словъ чрезъ падежи и времена, послѣ *л* слѣдуетъ гласная буква, въ такомъ случаѣ *л* остается на своемъ мѣстѣ, — напр.: *пепела*, *котла*, *котлу*, *котловы*, *говорила*, *говорило*, *говориле*, *говорили* и т. д. —

5. Въ Сербскомъ языкѣ нѣтъ существительныхъ именъ, кончащихся на *іе*, за исключеніемъ тѣхъ, которыя приняты изъ церковныхъ книгъ, — напр.: *спасеніе*, *срѣтеніе*, *моленіе*, *введеніе* и т. д.; прочія же имена, кончающіяся въ Славянскомъ языкѣ на *діе*, *жіе*, *зіе*, *ліе*, *ніе*, *ріе*, *тіе*,

сіе, *чіе*, *шіе*, *щіе*, въ Сербскомъ принимаютъ вмѣсто *і* букву ь, — напр. веселье, колье, писанье, ученье, и т. д. — Далѣе имена, кончащіяся въ Славянскомъ языкѣ на *біе*, *віе*, *міе*, *піе*, въ Сербскомъ языкѣ букву *і* перемѣнили на *ль*, — напр.: *гролбье*, *здравлье*, *безумлье*, *коплье*.

6. Букву *щ* Рускіе и другіе народы Славянскаго племени выговариваютъ какъ *шч*; Сербы произносятъ оную двоякимъ образомъ: 1) или какъ *шт*, — напр. *штене*, *штипати*, *пршитъ* и т. д.; 2) или какъ *ть* (ћ) — напр.: *ноть*, *моть*, *петь*, *позлатьенъ* и т. д. Въ сихъ словахъ въ Рускомъ языкѣ *щ* перемѣнилось на *ч*, — напр. *ночь*, *мочь*, *позолоченъ*, *печь*, а въ Польскомъ и Чешскомъ языкахъ вмѣсто *щ* находится *ц*. напр.: *ноцъ*, *моцъ*, *позлаценъ*.

7. Какъ *щ* и *т* во многихъ словахъ, въ Сербскомъ языкѣ, превратилось въ *ть* (ћ), такъ *ж* и *д* въ *дь* (ђ) — напр.: *госпадьа* (господьа), *медьа*, *родьенъ*, *радьати*, *прадьа*, *рдьа* и т. д. —

8. *Х* почти не употребляется въ Сербскомъ языкѣ, исключая немногихъ словъ, — напр.: *лѣбъ* (хлѣбъ), *вала* (хвала) или (*фала*). — (Тамъ, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ *в* слѣдуетъ послѣ *х*, въ Сербіи во многихъ мѣстахъ *х*, особливо въ городахъ, *в* выговариваютъ за *ф*, — напр.: *фалити* (хвалить), *уфатити* (ухватить) и т. д.). — Либо *х* обратилось въ *в*, — напр. *сувъ* (сухъ), *глувъ* (глухъ), *уво* (ухо) и т. д. — Въ Герцеговинѣ, если *х* находит-

ся въ концѣ слова, то выговаривается за *г*, — напр.: *додьогЪ* (дойдохъ), *видьегЪ* (видѣхъ), *надьогЪ* (найдохъ). —

II. ВЪ Грамматикѣ.

Самое большое различіе между Сербскимъ и Славянскимъ языками находится въ глаголахъ:

а. Вообще всѣ глаголы въ Славянскомъ языкѣ кончащіеся на *у* или *ю* въ настоящемъ времени единственнаго числа, въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ *м* (амъ, емъ, имъ), — напр.: *пишемЪ* (пишу), *учимЪ* (учу), *играмЪ* (играю), *творимЪ* (творю). —

б. Тѣ глаголы, которые въ Славянскомъ кончатся на *т* въ третьемъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ настоящаго времени, въ Сербскомъ имѣютъ окончаніе: 1, въ единственномъ числѣ: *а*, *е*, *и*; 2, во множественномъ числѣ: *у*, *ю*, *е*, — напр.: *игра* (играетъ), *пише* (пишетъ), *твори* (творитъ); — *пишу* (пишутъ), *играю* (играютъ) *творе* (творятъ).

в. Всѣ Славянскіе глаголы, кончащіеся на *м* (исключая четыре неправильные глагола: *есмь*, *вѣмЪ*, *ямЪ*, *имамЪ*, которые въ настоящемъ времени множественнаго числа кончатся на *мы*) въ первомъ лицѣ множественнаго числа, въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ окончаніе, безъ изключенія, *мо*, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ временахъ, — напр. въ настоя-

щемъ времени: *играмо* (играемъ), *пишемо* (пишемъ), *творимо* (творимъ), въ прошедшемъ времени: *играемо* (играхомъ) и т. д.

г. Тамъ, гдѣ въ Славянскомъ языкѣ второе лице единственнаго числа настоящаго времени кончится на *ши*, въ Сербскомъ имѣетъ окончанiемъ букву *ш*, — напр. *играшъ* (играеши), *пишешъ* (пишеши) и т. д.

Въ Сербскомъ языкѣ нѣтъ настоящаго причастiя страдательнаго залога. — Глаголы: *есамъ* и *отъу* въ настоящемъ времени имѣютъ двоякое: *есамъ* и *самъ*, *отъу* и *тъу*.

2. *Въ именахъ существительныхъ.*

а. Имена мужескаго рода единственнаго числа, какъ въ Сербскомъ, такъ въ Славянскомъ языкахъ, имѣютъ во всѣхъ падежахъ одинаковыя окончанiя, кромѣ предложнаго, который въ Славянскомъ языкѣ кончится на *ѣ* или на *и*, а въ Сербскомъ на *у*; равнымъ образомъ и дательный (потому что сiи два падежа въ Славянскомъ языкѣ имѣютъ одинакое окончанiе, въ прилагательныхъ именахъ женскаго рода и во многихъ мѣстоименiяхъ). — Во множественномъ нѣтъ одинаковыхъ падежей, кромѣ именительнаго и звательнаго (но и сiи не имѣютъ одинакаго окончанiя въ тѣхъ именахъ, которыя въ Славянскомъ языкѣ имѣютъ окончанiе е, — напр. сынове, Римляне). — Самое большое различiе въ предложномъ падежѣ, имѣющемъ въ Славянскомъ языкѣ окончанiе *ехъ* или *ѣхъ*, а въ Серб-

скомъ *ма* (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ *ма* перемѣнилось на *и* протяжное; это еще осталось отъ Славянскаго окончанія *ѣхъ*; ибо въ Сербскомъ языкѣ *х* почти вышло изъ употребленія).

Родительный падежъ въ Славянскомъ языкѣ бываетъ двоякій; или какъ именительный единственнаго числа, или оканчивается на *овъ* или *евъ* (нѣкоторыя имена имѣютъ *ей* вмѣсто *евъ*); но въ Сербскомъ въ обоихъ случаяхъ родительный падежъ имѣетъ окончаніе *а*. — Сіе можно сказать только о тѣхъ именахъ, которыя оканчиваются на *ова*, или *ева*, имѣя во всѣхъ подежахъ множественнаго числа окончанія овъ или евъ.

Дательный падежъ въ Славянскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе *омъ* или *емъ*, равнымъ образомъ и творительный единственнаго числа въ Сербскомъ на *ма*. — Винительный падежъ въ Славянскомъ имѣетъ окончаніе *и* или *ы*, а въ Сербскомъ языкѣ *е*.

6. Въ именахъ средняго рода почти такое же различіе, какъ и въ предъидущихъ; исключая тѣ имена, которыя въ Сербскомъ языкѣ имѣютъ въ родительномъ и въ прочихъ падежахъ окончаніе *т* или *н* съ предъидущею гласною, тѣ имена оканчиваются: въ родительномъ на *а* въ дательномъ на *у*, творительномъ, *омъ*, — напр. прасе, род. прасета, дат. прасету, твор. прасетомъ. — Им., род. имена, дат. имену, твор. именомъ.

в. Имена женскаго рода, кончащіяся на ь, склоняются, какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Славянскомъ языкахъ, одинаково (съ тою только разницею, что звательный падежъ единственнаго числа въ Славянскомъ языкѣ имѣетъ окончаніе *е*, а въ Сербскомъ *и*, творительный въ Слав. на *ію*, а въ *Серб.* на *у* и на *и*. — Во множественномъ числѣ предложный падежъ въ Славянскомъ языкѣ оканчивается на *охъ*, а въ Сербскомъ дательный, творительный и предложный на *ма*).

Склоненіе именъ женскаго рода, кончащихся на *а*, столь отлично въ сихъ языкахъ, что почитаю нужнымъ написать одно противъ другаго, для того, чтобы удобнѣе усмотрѣть можно различіе между склоненіями упомянутыхъ именъ.

Единственное число.			Множественн. число.		
	Славян.	Сербск.		Славян.	Сербск.
И.	водà	вòда	И.	вòды	вòде
Р.	воды̀	вòде	Р.	вòдъ	вòда
Д.	водѣ̀	вòди	Д.	водàмъ	вòдама
В.	вòду	вòду	В.	вòды	вòде
З.	вòдо	вòдо	З.	вòды	вòде
Т.	водòю	вòдомъ	Т.	водàми	вòдама
П.	водѣ̀	вòди	П.	водàхъ	вóдама.

Имена, кончащіяся въ Славянскомъ языкѣ на *ня*, *ля*, *жа*, *ча*, *ща*, *іа*, *ія*, въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа вмѣсто *ѣ* имѣютъ *и* (а въ Сербскомъ вообще всѣ безъ исключенія);

въ звательномъ *е* вмѣсто о, въ творительномъ *ею* вмѣсто *ою;* имена на *іа* и *ія*, кромѣ упомянутаго, имѣютъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа окончаніе *и* и *ей*, въ Сербскомъ же языкѣ все сіе подвержено одному правилу (кромѣ весьма немногихъ словъ, кончащихся на *ца*, которыя имѣютъ *е* вмѣсто *о* въ звательномъ падежѣ).

3. Въ именахъ прилагательныхъ.

а. Здѣсь должно замѣтить, что прилагательныя имена въ Сербскомъ языкѣ въ женскомъ родѣ не оканчиваются на *ая*, въ среднемъ на *ое* (ее), но на *а* въ женскомъ, на *о* (е) среднемъ родахъ, какъ усѣченныя прилагательныя имена въ Славянскомъ языкѣ.

б. Въ мужескомъ и среднемъ родахъ единственнаго числа родительный падежъ (также и винительный въ одушевленныхъ вещахъ) въ Сербскомъ языкѣ оканчивается на *ога* или *ега* (а сокращенно на *огъ*, или *егъ*), а въ Славянскомъ на *ого* или *его*. — Предложный падежъ въ Сербскомъ языкѣ оканчивается на *омъ*, а въ Славянскомъ языкѣ на *ѣмъ* или *емъ*. — Кромѣ сего, въ Сербскомъ языкѣ многія прилагательныя имена (т. е. всѣ тѣ, которыя въ родительномъ оканчиваются на *ога*) имѣютъ окончаніе въ дательномъ падежѣ на *у* и на *е*, — напр. *светому* и *светоме*. Творительный и предложный падежи какъ въ Сербскомъ, такъ и въ Славянскомъ языкахъ имѣютъ одинаковыя окончанія. — Съ

женскомъ родѣ дательный и предложный падежи въ обоихъ языкахъ имѣютъ одинакія окончанія, съ тою разницею, что въ Славянскомъ языкѣ оканчиваются сіи падежи на *ой*, *ѣй* (рѣдко на *ей*), а въ Сербскомъ только на *ой*; но ежели возмемъ усѣченныя прилагательныя имена въ Славянскомъ языкѣ, тогда именительный, винительный и звательный падежи равны въ обоихъ языкахъ; а въ родительномъ и творительномъ имѣютъ такое же различіе, какъ и въ существительныхъ именахъ.

Все сказанное должно разумѣть въ единственномъ числѣ, а во множественномъ мужескаго рода только именительный и звательный, въ среднемъ (въ усѣченныхъ въ Славянск. языкѣ) именительный, винительный и звательный падежи одинаковы. — Родительный въ Славянскомъ языкѣ оканчивается на *ыхъ* или *ихъ*, а въ Сербскомъ на *и* и на *іе*. — Дательный въ Сербскомъ на *има* и *іемъ* (слѣдовательно — творительный и предложный падежи тѣ же имѣютъ окончанія).

в. Самое большое различіе въ именахъ прилагательныхъ находится въ степеняхъ уравненія. — Сравнительная степень въ Славянскомъ языкѣ бываетъ тогда, когда въ цѣломъ окончаніе *ый* или *ій* перемѣняется на *шій*, — напр. *богатый*, срав. *богатшій*, а въ Сербскомъ на *іи*, — напр. *богатіи*, *ученіи*; или на *ьи*, — напр. младъ, срав. *младьи*, — црнъ, *црньи* — люшъ, *лютьи* и. т. д., или на *и*, напр. благъ,

блажи, — брзъ, *бржи* и т. д, — Превосходная степень въ Славянскомъ языкѣ бываетъ, когда окончаніе *ый* перемѣняется на *айшій*. — напр. благіи, *блажайшіи*, — сладкій *сладчайшій* и т. д, — въ Сербскомъ превосходная степень дѣлается изъ сравнительной, прибавляя къ оной сначала *най*, — напр. срав. богатіи, превосх. *найбогатіи* — младьи, *наймладьи*, — бржи, *найбржи*, — црньи, *найцрньи*.

К. Цвѣтковичъ.

(ИЗЪ ПИСЬМА КЪ С. В. Т.)

Нѣчто о городѣ Бѣжецкѣ.

Первобытный Бѣжецкъ находился въ 11 верстахъ отъ нынѣшняго, на берегу Каменнаго озера. Въ древности сей городъ назывался *Бѣжицы*, а жители его Бѣжане. Самое названіе его даетъ понятіе о населеніи его такими людьми, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ и искать себѣ убѣжища. Изъ Исторіи Россійской видно, что въ древнія времена Новгородъ не рѣдко раздираемъ былъ распрями и ссорами, возникавшими между знатными гражданами онаго города; а изъ преданія вѣроятную догадку сдѣлать можно, что во время таковыхъ мятежей, нѣкоторыя фамиліи, и то нарочитыя, не желая быть въ страхѣ и опасности отъ бунтующихъ своихъ сосѣдей, или лучше, со-

гражданъ, рѣшались оставить отечественный свой городъ и удалиться въ безопасное для себя мѣсто. Упоминаемые здѣсь Бѣжицы по сей причинѣ могли сдѣлаться для оныхъ мѣстомъ тихаго пристанища. Это переселенiе Новогородцевъ вѣроятiе заслуживаетъ еще и потому, что Бѣжецкiй округъ въ древности принадлежалъ Новгороду и составлялъ одну изъ его *пятинъ.* Надобно думать, что основанiе городу Бѣжицамъ положено было Новогородцами-бѣглецами въ девятомъ столѣтiи по Р. Христовомъ, или по крайнѣй мѣрѣ до двѣнадцатаго столѣтiя. Случай перемѣститься Бѣжанямъ съ лѣваго берега Мологи на правый (гдѣ нынѣ стоитъ Бѣжецкъ) былъ слѣдующiй: 1273 года Князь Тверскiй Святославъ Ярославичь, по своимъ неудовольствiямъ на Новгородъ, напалъ съ Тверскимъ и Татарскимъ (приглашеннымъ) войсками на Бѣжицы и раззорилъ сей городъ до основанiя; отъ сего городъ Бѣжицы пришелъ въ упадокъ и запустѣнiе. Новгородцы, сожалѣя о семъ городѣ, старались возобновить его, и избрали новое мѣсто на другомъ берегу Мологи, гдѣ и выстроенъ былъ новый Бѣжецкъ — въ послѣдствiи времени именовавшiйся Городцемъ. Это, кажется, происходило между 1273 и 1320 годами.

Церквей въ нынѣшнемъ Бѣжецкѣ 11 ть и всѣ каменныя; домы по большой части деревянные.

Нарядъ какъ мущинъ, такъ и женщинъ Бѣжецкихъ бываетъ не одинаковъ. Старики носятъ кафтаны съ борами и подпоясываются кушаками, молодые же большею частію одѣваются по Нѣмецки. Что же касается до уборовъ женскихъ, то старушки употребляютъ фаты, кофты и юбки, молодушки же и дѣвушки носятъ платья, подобно Московскимъ щеголихамъ, за исключеніемъ того, что немногія изъ богатыхъ головнымъ уборомъ отличаютъ себя отъ бѣдныхъ, т. е. носятъ на головахъ шляпки.

Бѣжецкія дѣвушки въ церковь ходятъ тогда только, когда говѣютъ или бываютъ имянинницы. У нихъ бываютъ прогулки большею частію во время весны и лѣта, когда стоитъ хорошая погода. Лучшія и торжественныя гулянья бываютъ:

1 е) Въ Пятидесятницу — въ рощѣ Шеломенской.

2 е) Во 2 й день по пятидесятницѣ — въ приселкѣ Княжевѣ.

3 е) Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ на кладбищѣ.

4 е) 4 и 16 Августа на кладбищѣ же. При входѣ въ оное стоятъ купеческіе и мѣщанскіе дѣти щегольски одѣтые, раскланиваются съ знакомыми и высматриваютъ себѣ пригожихъ невѣстъ, кои входятъ на кладбище и на среднемъ валу онаго садятся. Дождавшись звона къ вечернѣ, онѣ встаютъ и прогуливаются вокругъ кладбища; часовъ же въ шесть гуляютъ по улицамъ. По воскресеньямъ, исключая богатыхъ ку-

печескихъ дочерей, хотя бы была и хорошая погода, не прогуливаются. — Дѣвушки имѣютъ также обыкновеніе дѣлать посѣдки, кои начинаются обыкновенно отъ 14 Ноября и продолжаются до мясопустнаго воскресенья, бывающаго предъ масляницею. На оныхъ бесѣдахъ дѣвушки сидятъ безъ дѣла и нажидаютъ къ себѣ молодцовъ, по приходѣ коихъ поютъ пѣсни и пляшутъ съ ними. На посѣдки молодцы приходятъ съ закрытыми лицами, не въ своемъ нарядѣ и стараются скрываться отъ дѣвушекъ, говоря не своимъ голосомъ.

У Бѣжецкихъ торгашей есть какое-то странное нарѣчіе, которое они употребляютъ при торговлѣ, на пр.: *обзинь его*, т. е. обвѣсь его; а молодцы, увидя дѣвушекъ, смотрящихъ на нихъ или идущихъ, говорятъ: *збранюга - зехай - карыши хряютъ* — братъ, смотри, дѣвки идутъ; также иногда спрашиваютъ другъ друга: у тебя *ель ринша* — есть у тебя деньги. Рубль называютъ *тефрь*, полтину *ломиха*, четверть рубля — *уголъ*, гривенникъ — *марошнинъ*, гривну — *марка*, штофъ — *штибель*, полштофъ — *полштибель*, вино — *торнуха и пр.* Вообще же говорятъ не совсѣмъ правильно, напр. пойдемъ за грибамъ; пирогъ съ грибамъ; нами нужно; что вы не ходите къ нами и пр.

Б. . . . . въ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Стихотворенія.

ПОДРАЖАНІЕ

Псальму 46-му.

О Богѣ радуйтесь народы,
Вся тварь Его во вѣкъ хвали;
Ему гремите неба своды
И основанія земли!
Се, отъ языка до языка
Несется Вышнему хвала,
Зане великъ судебъ Владыка
И благостны Его дѣла.

*

Послалъ Онъ бури съ горнихъ сводовъ,
Потрясъ вселенныя стопы
И дышущихъ враждой народовъ
Подъ наши положилъ стопы.
Даровъ небесныхъ достоянье
Сынамъ земли Онъ далъ въ удѣлъ,
И щедрое руки даянье
Любовію запечатлѣлъ.

*

Восходитъ Богъ во гласахъ трубныхъ,
Въ восклицновенія словесъ:
Прославьте въ пѣсняхъ благолюбныхъ
Благаго Зодчаго небесъ.

Одѣянъ молній багряницей,
Онъ шлетъ намъ правду, милость, судъ,
И мощною его десницей
Цари восходятъ и падутъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ,

Инфантъ Гишпаніи.

Драматическая поэма, сочиненіе Шиллера.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карлосъ, Маркизъ Поза.

КАРЛОСЪ.

Идутъ! Что вижу я? о Небеса!
Мой Родерикъ!

МАРКИЗЪ.

Мой Карлъ.

КАРЛОСЪ.

Возможноль? Ты ли?
И это не мечта? Такъ, это ты!
Я чувствую; близъ сердца моего
Одно твое такъ сильно можетъ биться!
Забыто все! въ объятіяхъ твоихъ
Отъ немощи душа освободилась!
Со мною Родерикъ!

МАРКИЗЪ.

Что значитъ это:
Отъ немощи душа освободилась?
Что это *все*, забытое при мнѣ?
Вы слышите: я васъ не понимаю.

К а р л о с ъ.

Что вызвало тебя — и такъ незапно —
Изъ Брисселя? Кому обязанъ я
Нежданной этой радостью? кому?
Какой вопросъ! святое Провидѣнье!
Сія хула восторга упоенье!
Прости ее! Кому, какъ не Тебѣ?
Безъ ангела былъ Карлосъ; Ты послало
Ко мнѣ его, и я — какой вопросъ!

М а р к и з ъ.

Простите, Принцъ, когда на этотъ бурный
Восторгъ души я возражу уныньемъ.
Нѣтъ! не такимъ воображалъ я Карла!
Болѣзненный огонь въ его щекахъ,
Болѣзненный огонь въ устахъ дрожащихъ!
Что долженъ думать я? И тотъ ли это
Левъ-юноша, къ которому послала
Меня страна героевъ угнетенныхъ?
Не Родерикъ предъ вами, не товарищъ
Младенца Карлоса, но представитель
Народовъ, Принцъ, васъ прижимаетъ къ сердцу,
И Фландрія въ лицѣ моемъ рыдаетъ,
Торжественно моля васъ о спасеньи.
Она для васъ погибла, если Альба,
Свирѣпый фанатизма жрецъ, нахлынетъ
Съ Гишпанскими законами подъ Бриссель.
На внукѣ Карла Пятаго лежитъ
Послѣдняя надежда сей земли;
Она обрушилась, коль ваше сердце
Для человѣчества забыло биться.

Карлосъ.

Она обрушилась!

Маркизъ.

Творецъ! что слышу?

Карлосъ.

Ты говоришь о временахъ минувшихъ.
Мнѣ также нѣкогда мечтался Карлосъ,
У коего, при имени: свобода,
Бѣжалъ огонь по жиламъ — онъ погибъ.
Тотъ, коего ты видишь здѣсь, не Карлосъ,
Покинувшій тебя въ стѣнахъ Алкалы,
И въ сладкомъ упоеньи дерзнувшій
Осуществить мечту злата̂го вѣка
Въ Гишпаніи. — Младенческая мысль!
Она была божественно - прекрасна.
Прошли мечты.

Маркизъ.

Мечты, Инфантъ? То были
Однѣ мечты?

Карлосъ.

Какъ сладко, другъ единый,
Мнѣ плакать на груди твоей, и плакать
Горячими слезами! Никого
Я не имѣю въ мірѣ — никого.
Какъ ни пространно это Королевство,
Какъ ни далеко наши флаги вѣютъ,
Но нѣтъ нигдѣ — нигдѣ — нигдѣ приюта;
Въ которомъ бы, какъ здѣсь, на этой груди,
Тоску души я облегчилъ слезами.
О Родерикъ! для райскаго блаженства,

Для райскаго блаженства не отвергни
Меня отъ этой груди!

Маркизъ (склоняется на него въ безмолвномъ умиленіи).

Карлосъ.

Сиротою
Я былъ; но ты меня, изъ состраданья,
На ступеняхъ престола призрѣлъ. Боже!
Мнѣ чуждъ и звукъ: родитель — я Инфантъ,
Сынъ Короля. О если то сбылося,
Что говоритъ мнѣ сердце, если ты
Меня постигъ одинъ изъ тысячь, если
Создательной природой отразились
Другъ въ другѣ Родерикъ и Карлосъ, если
Незримыя сердецъ ихъ арфы сходно
Въ ихъ юности настроены, и если
Моя слеза, бальзамъ души скорбящей,
Тебѣ дороже милостей Филиппа —

Маркизъ.

Дороже всей вселенной.

Карлосъ.

Столь глубоко
Низринутъ я, и столь я бѣденъ сталъ,
Что принужденъ златое наше дѣтство
Тебѣ напомнить, твой давно забытый,
Давно забытый долгъ тебѣ напомнить,
Который ты еще младенцемъ сдѣлалъ.
Тогда, какъ мы, простой природы дѣти,
Въ союзѣ братскомъ вмѣстѣ возрастали,
Одна печаль меня терзала — видѣть
Ничтожество мое передъ тобою;

Но я не могъ быть Родерику равнымъ —
И безпредѣльно полюбилъ его.
Тутъ началъ я скучать тебѣ любовью
И ласками безчисленными брата;
Ты, гордый умъ, отвергъ ихъ равнодушно.
Не рѣдко ты дѣтей, породы низкой,
Сжималъ въ объятіяхъ, меня минуя;
Я тутъ стоялъ — но ты того не видѣлъ!
И жаркіе потоки слезъ бѣжали
Изъ глазъ моихъ! За что же только ихъ?
Я восклицалъ печально: не имѣю ль
И я души для Родерика? ты же,
Ты холодно и важно предо мною
Склонялъ колѣна: вотъ что, говорилъ,
Принадлежитъ достоинству Инфанта!

Маркизъ.

Забудьте, Принцъ, вы эту повѣсть дѣтства;
Я отъ нее теперь еще краснѣю.

Карлосъ.

Я этаго не заслужилъ. Ты могъ
И растерзать и презрѣть сердце Карла,
Но отъ себя отринуть — никогда.
Три раза ты Инфанта удалялъ,
Три раза онъ стоялъ передъ тобою,
Молилъ тебя, какъ нищій, о любви,
Скучалъ тебѣ любовію своею.
Чего не могъ и Принцъ, то жребій сдѣлалъ.
Случилося, однажды, въ нашихъ играхъ,
Что твой воланъ ударилъ какъ-то въ глазъ
Моей роднѣ, Богемской Королевѣ.
Нечаянность за умыселъ принявъ,

Она въ слезахъ нажаловалась брату.
Всѣмъ юношамъ придворнымъ должно было
Къ открытію виновнаго собраться;
Король клялся, за таковой проступокъ,
И своего единственнаго сына
Не пощадить — тутъ-то я увидѣлъ
Тебя вдали трепещущимъ — увидѣлъ —
И бросился къ родительскимъ стопамъ:
Я это сдѣлалъ — я! воскликнулъ Карлосъ;
Излей твой гнѣвъ и мщеніе на сына!

Маркизъ.

Ахъ, Принцъ! за чѣмъ напоминать мнѣ это?

Карлосъ.

Передъ лицомъ всего двора, печально
Стоявшаго въ кругу, они на Карла,
Какъ на невольника, излишны были.
Я на тебя смотрѣлъ безъ слезъ; отъ боли
Я скрежеталъ зубами, и не плакалъ;
Подъ тяжкими ударами, позорно,
Я обливался кровью Королевской,
И на тебя смотрѣлъ безъ слезъ. Ты вышелъ,
Ты бросился къ ногамъ моимъ, рыдая:
Я побѣжденъ! воскликнулъ ты, и долженъ
Воздать тебѣ, какъ моему владыкѣ!

Маркизъ.

Я долженъ, Карлъ! младенческій обѣтъ
Произношу теперь, какъ мужъ: я долженъ
Воздать тебѣ! И мой ударитъ часъ.

Карлосъ.

Теперь! теперь! не медли! онъ пробилъ.
Твой часъ насталъ — ты можешь быть свободенъ!
Одной любви я жажду. Страшной тайной
Томится грудь — она должна излиться —
Должна — должна! Пусть этотъ мрачный взоръ
Произнесетъ мой смертный приговоръ!
Не возражай! узнай — и трепещи!
Сынъ любитъ мать!

Маркизъ.

Творецъ небесный!

Карлосъ.

Нѣтъ!
Я не хочу пощады. Говори,
Что на землѣ нѣтъ бѣдствія, съ которымъ
Моглобъ мое сравниться — говори —
Я знаю все, что ты сказать мнѣ можешь.
Сынъ любитъ мать! Обычаи народа,
И Римскіе законы, и природа
Осудятъ эту страсть; мои права
Въ святой борбѣ съ правами Короля —
Я знаю — и люблю; мой путь ведетъ
Къ безумію, или на эшафотъ;
Моя любовь порочна, безнадежна,
Съ боязнію и бытія и смерти —
Я знаю все — и я люблю.

Маркизъ.

Извѣстналь
Объ этой страсти Королева?

Карлосъ.

Могъ ли
Ее открыть я ей, женѣ Филиппа
И Королевѣ, и въ землѣ Гишпанской?
При ней на стражѣ ревность Короля,
Вокругъ нее придворные, и могъ ли
Я съ нею мигъ наединѣ остаться?
Ужь восемь адскихъ мѣсяцовъ тому,
Какъ Королемъ изъ Университета
Я вызванъ былъ за тѣмъ, чтобъ ежедневно
Съ ней видѣться въ безмолвіи могильномъ.
Такъ, восемь адскихъ мѣсяцовъ таится
Въ груди моей свирѣпый этотъ пламень;
Тысячекратно гибельная тайна
Стремительно изъ устъ моихъ бѣжала,
И въ глубь души скрывалась боязливо.
О Родерикъ! одно мгновенье съ нею
Наединѣ —

Маркизъ.

А вашъ родитель, Принцъ?

Карлосъ.

За чѣмъ его напомнилъ ты, нещастный?
Всѣ муки совѣсти, всѣ казни ада
Исчисли мнѣ — объ немъ одномъ ни слова!

Маркизъ.

Вы ненавидите отца?

Карлосъ.

Ахъ, нѣтъ!
Нѣтъ! я люблю его; но страхъ злодѣя
И робкая боязнь меня объемлютъ

При семъ ужасномъ имени — и я ли
Тому виной, что даже въ юной — въ юной
Душѣ моей раздавленъ былъ отростокъ
Любви къ нему, подъ рабскимъ воспитаньемъ?
Я на седьмомъ году впервые встрѣтилъ
Ужаснаго, который назывался
Моимъ отцомъ — я помню это утро!
Нетрепетно пять смертныхъ приговоровъ
Онъ подписалъ въ минуту — и сокрылся . . . .
Потомъ я былъ за дѣтскій мой проступокъ
Имъ осужденъ на наказанье . . . . Боже!
Здѣсь чувствую вполнѣ мой горькій жребій!
Довольно! ахъ, довольно! кончимъ это!

Маркизъ.

Нѣтъ! вы теперь должны быть откровенны:
Слова бальзамъ души обремененной.

Карлосъ.

Не разъ съ собой боролся я, не разъ
Во время сна моей подкупной стражи,
Полуночью, съ горячими слезами,
Поверженный предъ ликомъ Благодатной,
Испрашивалъ души покорной сына;
Но не было отрады. Разгадай
Мнѣ, Родерикъ, ты тайну Провидѣнья:
За чѣмъ изъ тысячи отцовъ достался
Мнѣ сей отецъ — и этотъ сынъ ему
Изъ тысячи достойнѣйшихъ сыновъ?
Въ своемъ кругу природа не встрѣчала
Двухъ крайностей, противнѣйшихъ другъ другу.
Моглаль она Филиппа и меня —

Послѣдніе предѣлы человѣковъ —
Соединишь священнѣйшею цѣпью?
Ужасный рокъ! за чѣмъ свершилось это?
За чѣмъ двумъ смертнымъ, вѣчно разлученнымъ,
Столь гибельно сойтись въ одномъ желаньи?
Здѣсь, Родерикъ, ты видишь два враждебных
Созвѣздія. Въ теченіе вѣковъ
Единожды пути ихъ пересѣклись,
Они сошлись — другъ друга сокрушили —
И въ безпредѣльность розно полетѣли.

Маркизъ.

Предвижу я несчастный мигъ!

Карлосъ.

Я также.

И грозныя мечты за мною всюду,
Какъ фуріи; сомнительно вступаетъ
Мой добрый духъ въ борьбу съ ужасной думой,
И бѣдный умъ, прокравшись боязливо
Сквозь лабиринтъ надеждъ и заблужденій,
Вдругъ содрогается надъ страшной бездной.
О Родерикъ! когдабъ я могъ забыть
Отца въ Филиппѣ — Родерикъ! я вижу,
Твой смертный взоръ проникъ въ меня глубоко —
Когдабъ я могъ забыть отца въ Филиппѣ,
Что былъ бы мнѣ Король тогда?

Маркизъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*)

Дерзну ли

Я Карлосу принесть мое моленье?
Согласныль вы не начинать безъ друга
Ни одного изъ вашихъ предпріятій?
Согласны ль вы на то?

Карлосъ.

На все, на все,
Чегобъ твоя любовь ни захотѣла!
Я весь въ твоихъ рукахъ.

Маркизъ.

Король намѣренъ,
Какъ говорятъ, Аранжуецъ покинуть.
Намъ времени немного остается.
Нигдѣ, какъ здѣсь, не можно съ Королевой
Вамъ видѣться и тайно говорить;
Спокойство селъ, непринужденность нравовъ
Благопріятны намъ —

Карлосъ.

Я также думалъ;
Но это все напрасно.

Маркизъ.

Не совсѣмъ.
Я сей же мигъ представлюсь Королевѣ.
Когда она въ Гишпаніи все таже,
Какой была и при Дворѣ Французскомъ,
То я найду въ ней ангельскую душу,
Въ ея очахъ прочту надежды Карла,
Склоню ее къ свиданію съ Инфантомъ,
И — только дамъ осталось удалить.

Карлосъ.

Мнѣ предана большая часть изъ нихъ;
За Мондекаръ же сынъ ея порука:
Онъ пажъ при мнѣ.

Маркизъ.

Тѣмъ лучше, Принцъ. И такъ
Вамъ должно быть вблизи, чтобы не медля
Явиться тамъ по знаку моему.

Карлосъ.

Все, все исполню — только поспѣшай.

Маркизъ.

О! я терять не стану ни минуты.
И такъ, Инфантъ, до мѣста нашей встрѣчи.
(*Расходятся въ разныя стороны.*)

Н. Колачевскій.

1827 Года
Іюль.

ГРОБНИЦА БОНАПАРТЕ.

Подражаніе Ла-Мартину.

На дальной, вѣковой скалѣ,
Какъ моря бурнаго граница,
Привѣтствуетъ въ туманной мглѣ
Пловца пустынная гробница!
На берегѣ морскомъ стоитъ
Она въ задумчивости дикой:
Тамъ скиптръ преломленный лежитъ,
Обвитый мхомъ и павиликой.

*

Но чья она? . . . . кто погребенъ
Безъ имени? . . . . весь міръ отвѣтитъ;

Чей прахъ въ забвеніи, кто онъ!
Прошедшее его освѣтитъ:
Онъ вписанъ яркою чертой
Почти во всѣхъ концахъ вселенной;
Онъ не забытъ еще землей,
Его явленьемъ изумленной.

*

И пораженные вѣка
Передадутъ о немъ преданья:
Не прикоснется ихъ рука
Къ дѣламъ его существованья.
Но тотъ, кто думою своей
Въ мечтахъ далеко возносился,
Кто ужасалъ собой людей,
Гроза! . . . . онъ тамъ остановился.

*

Онъ тамъ! . . . . и что же? . . . . въ трехъ шагахъ
Его ребенокъ измѣряетъ,
И доблестный Героя прахъ
Ногами путникъ попираетъ;
Вокругъ гробницы тишина:
Лишь прожужжитъ комаръ порою,
Иль о скалу плеснетъ волна,
И смѣнится другой волною!

*

Но не страшись, Героя тѣнь!
Я не пришелъ для порицанья;
Ты дивной доблестью одѣнь
Свои прошедшія дѣянья!
Поэтъ всесильною мечтой

Тебя для славы вызываетъ,
И только истиной одной
Разсказъ печальный украшаетъ!

*

Какъ будто въ мракѣ черныхъ тучь —
Твой гробъ, твое происхожденье;
Но ты сверкнулъ какъ молній лучь —
И міръ узрѣлъ твое явленье;
Не зноемъ землю разгромилъ:
Такъ, мчась пустынными мѣстами,
Неназванный, но шумный Нилъ,
Ужъ славенъ бурными волнами.

*

Все было свержено во прахъ
И всюду буйная свобода;
Но онъ! онъ не погибъ въ волнахъ
И сдѣлался Царемъ народа.
Сей гибельный, ужасный вѣкъ
Къ кому крыломъ не прикоснулся?
Но ты, о дивный человѣкъ!
Онъ отъ тебя какъ отшатнулся.

*

Ты заблужденье поражалъ
Своей губительной стрѣлою;
Ты никогда не трепеталъ
Предъ многочисленной толпою;
И дряхлость вѣка оживилъ
Ты бодростью своихъ велѣній;
Ты придалъ мужественныхъ силъ
Собой, непостижимый Геній!

*

Когдабъ наслѣдственный вѣнецъ
Ты возвратилъ Царей стяжанье;
Когдабъ на доблестный конецъ
Стремились бы твои дѣянья:
Герой, свершитель добрыхъ дѣлъ,
Какоюбъ славой озарился?
Завидѣнъ былъ бы твой удѣлъ
И ѳиміамъ бы воскурился.

*

Ты презиралъ, что люди чтятъ,
Тебѣ безвѣстны наслажденья!
Твой мечь въ готовности, подъятъ
Для гибели, для сокрушенья!
Свобода, честь — все это сонъ,
Мгновенно, быстро исчезавшій;
Любилъ ты только грозный звонъ,
На шумъ военный призывавшій!

*

Въ твоей груди одна мечта —
Быть въ цѣломъ мірѣ властелиномъ;
Ты шелъ . . . . преграды никогда!
Всѣ падали предъ исполиномъ!
Ты направлялъ свой страшный путь
Пернатой, быстрою стрѣлою,
И ни врага, ни друга грудь —
Всѣ сокрушались предъ тобою.

*

Привѣтный, дружественный шумъ,
Ни пиръ веселыхъ призываній,
Ничто не развлекало думъ

Твоихъ воинственныхъ мечтаній.
Плѣнительной любви черты,
Прелестныя души волненья,
Печаль невинной красоты, —
На все смотрѣлъ безъ сожалѣнья!

*

Любилъ ты только бранный звукъ,
Оружій грозныя бряцанья,
Предвѣстники ужасныхъ мукъ —
Военной бури завыванья.
Тебя плѣнялъ твой вѣрный конь,
Когда, копытомъ землю роя,
Въ его очахъ блисталъ огонь:
Онъ чувствовалъ, что несъ Героя!

*

Ты удовольствія не зналъ,
Людей чуждался взоръ угрюмой;
Но ты безъ ропота упалъ,
Не разставаясь съ гордой думой.
Подобно какъ орлиный взглядъ,
Такъ въ мірѣ мысль твоя летѣла;
Твоею думой міръ объятъ —
И думѣ не было предѣла!

*

Всю землю славой разгромить,
Разрушить силу поколѣній,
Собой міръ цѣлой удивить,
Могуществомъ своихъ велѣній
Народъ заставить трепетать;
Въ борьбѣ съ жестокостью, съ любовью;

Оковы тяжкія ковать,
Ихъ обливать невинной кровью;

*

Для всѣхъ вѣковъ загадкой быть;
Свершить ужасныя дѣянья;
Престолы, Царства истребить;
Заставить говорить преданья;
Какъ бы кровавая звѣзда,
Знаменовать свое теченье! . . .
Какая страшная мечта! —
И вотъ твое опредѣленье.

*

Но ты упалъ! . . . и гдѣ мечты
Властолюбивыхъ покушеній?
Гдѣ дерзостный Герой? гдѣ ты?
Исчезъ какъ призракъ сновидѣній!
Судьба на жертву обрекла,
Ты низпровергнутъ колесницей,
Тебѣ пристанищемъ скала
Между престоломъ и гробницей.

*

Какъ живо представляю я,
Когда ты, въ думу погруженный,
О прошломъ спрашивалъ себя
И озирался удивленный:
Ты самъ себя не узнавалъ,
Какъ бы своей страшился тѣни;
И въ мрачности не довѣрялъ
Воспоминанью заблужденій!

*

Какъ путникъ взорами слѣдитъ
За убѣгающей волною,
Въ которой тѣнь его бѣжитъ
Съ непостоянною струею:
Такъ, ниспровергнутъ съ высоты,
Ты думой прошлыя мгновенья
Ловилъ такъ жадно, какъ мечты,
Какъ мимолетныя видѣнья.

*

И проходили эти дни
Воспоминанія толпами;
Тамъ разливалися они
Какъ будто бурными валами —
И гордо несся каждый валъ
Тебя коснувшійся главою,
И отблескъ славы озарялъ
Тебя съ протекшею волною.

*

Тамъ на мосту вселялъ ты страхъ,
Тобой опасность здѣсь попрана,
Взвился въ святой пустынѣ прахъ,
И ты въ волнахъ ужь Іордана.
Тутъ неприступная скала
Увидѣла твое стремленье;
Коснулась тамъ твоя стрѣла;
А здѣсь . . . . какое вдругъ смятенье!

*

За чѣмъ ты отвращаешь взглядъ,
Какъ бы въ предчувствіи преступномъ?
За чѣмъ глаза твои горятъ
Огнемъ какимъ-то недоступнымъ?

И не ужъ ли прошедшій шумъ
Встревожилъ взоръ твой величавой ?
Ты не страшись прошедшихъ думъ ;
Ты все покрылъ своею славой !

*

Такъ, все ! . . . лишь на тебѣ блеститъ
Пятномъ Героя (*) кровь младая
И предъ вѣками говоритъ,
Какъ бы на судъ ихъ отдавая.
Но казнь тобою свершена ;
Тебя прошедшее смущаетъ
И даже шумная волна
Тебѣ его напоминаетъ.

*

И помрачился грозный взоръ,
Воспоминаньемъ пораженный :
Ничто не отвратитъ позоръ,
Съ симъ злодѣяньемъ сопряженный.
Хотя тебѣ хвалы гремятъ,
Хоть за тебя твои дѣянья ;
Но нѣтъ ! они не заглушатъ
Столь мрачнаго воспоминанья !

*

За тѣмъ останешься, тиранъ !
Загадкою неразрѣшимой ! . . .
И ты, подобно всѣмъ, попранъ
Жезломъ судьбы неумолимой !
Тебѣ какое имя дать —
Вѣка прейдутъ въ недоумѣньи

(*) Принца Конде.

И не престанутъ трепетать
При мысли о твоемъ явленьи!

*

Но жизни ты свершилъ конецъ
Все также, какъ и рабъ свершаетъ;
Подобно такъ усталый жнецъ
Безпечно въ полѣ засыпаетъ.
Въ молчаньи ты извлекъ свой мечь,
Испрашивалъ вознагражденья;
Ты судъ хотѣлъ себѣ изрѣчь. . . .
Но дивны Вышняго велѣнья! . . .

*

Преданье вѣрное гласитъ:
Въ пылу мечтательныхъ мгновеній,
Когда ты всѣми былъ забытъ,
Съ тобой бесѣдовалъ твой Геній, —
Ты взоромъ Небо вопрошалъ,
Парилъ, казалось, думой жадной,
Начать хотѣлъ . . . . но замиралъ
Въ твоихъ устахъ сей звукъ отрадной.

*

Сверши, произнеси мольбы,
Ничто тебя да не удержитъ!
Героевъ доблестныхъ судьбы
Въ рукахъ своихъ Всевышній держитъ!
Онъ только, Онъ тебя пойметъ:
Премудро все въ Его законахъ;
Тиранъ и рабъ дадутъ отчетъ:
Тотъ въ скипетрѣ, а сей въ оковахъ.

*

Свершилось! . . . Богъ его судилъ,
Мыжъ смертные — вовѣкъ молчанье!

Найдешь ли кто довольно силъ
Понять Небесъ предначертанье?
Отецъ! падемъ передъ Тобой,
Предъ благостью Твоихъ велѣній!
Но ты, о доблестный Герой!
Ты былъ непостижимый Геній!

12 Января
1828 года.

РАЛЬФЪ.

Я пасмуренъ, други, ужасенъ мой взглядъ;
Въ очахъ моихъ злобы огнь мрачный пылаетъ;
Ланиты поблекли, колѣна дрожатъ
И гласъ мой охриплый любовь устрашаетъ.
Встрѣчаешь ли дѣву, — взоръ робкій склоня,
Какъ листъ затрепещетъ и прочь убѣгаетъ;
Малюткаль рѣзвяся завидитъ меня, —
Вмигъ радость исчезла, онъ игры бросаетъ
И матери къ груди прижавшись дрожитъ.
Гдѣ я, тамъ улыбкой уста не живятся;
Тамъ стоны стихаютъ, тамъ радость молчитъ
И имени Ральфа какъ язвы страшатся.
Мой слухъ не привыченъ къ привѣтнымъ словамъ;
Языкъ лишь проклятья промолвить умѣетъ;
Улыбка счастливыхъ безвѣстна устамъ,
Лишь ярости хохотъ на нихъ цѣпенѣетъ.
Я проклятъ природой, я проклятъ людьми;
Я съ жизнію связанъ однимъ лишь страданьемъ;
Рукою холодной всѣ узы любви

Давно ужь расторгъ я съ печальнымъ созданьемъ...
И долгъ мой природѣ давно ужь судьбой
За скудный даръ жизни уплаченъ съ лихвою
Утратою счастія и скорби цѣной.

С.

ЭЛЕГІЯ.

Ахъ! гдѣ она, твоя любовь?
Она была — и миновалась!
И слѣдъ пропалъ — и съ сердцемъ вновь
Одна былая грусть осталась!
Ахъ! гдѣ она? гдѣ свѣтлый взоръ,
Любви знакомая примѣта?
Гдѣ твой привѣтный разговоръ?
Напрасно сердце ждетъ отвѣта!
Жестокой другъ! тебѣ меня
Не обмануть твоимъ искусствомъ:
Коль не умомъ постигну я,
Такъ вѣрь, все разгадаю чувствомъ!
Когда ты скученъ, чѣмъ тогда
Мой взоръ заботливый обманешь?
Чѣмъ очаруешь слухъ, когда
Сурово отвѣчать мнѣ станешь?
Ахъ! мнѣ ли не понять тебя?
Я знаю все; — но, другъ мой милый!
За что же ты ведешь меня
Дорогой дальней до могилы?
Чѣмъ ближе путь, тѣмъ я скорѣй
Избавлюсь тяжкаго сомнѣнья;
Чѣмъ ближе путь, тѣмъ я вѣрнѣй

Дойду до пристани забвенья!
Но я молю, — мнѣ слово дай
И сохрани его, жестокой!
Забудь меня, — не посѣщай
Моей могилы одинокой!
Не приходи: ночной порой
Тамъ все преступника пугаетъ;
И въ часъ полуночи глухой
Тамъ страшно буря завываетъ!
Не приходи: тамъ утромъ нѣтъ
Почившимъ въ мирѣ пробужденья;
Тамъ озаряетъ солнца свѣтъ
Одну картину разрушенья!
Не приходи: вблизи, вдали
Тамъ встрѣтишь взоръ лишь видъ унылой;
То мраморъ роскошной въ пыли
Надъ позабытою могилой;
То камень дикой, гробовой,
Вѣками грозно разрушенный;
То мхомъ заростшій крестъ простой,
Убогихъ памятникъ смиренный!
Тамъ къ свѣжей насыпи придешь,
Быть можетъ, спросишь: чья могила?
И въ сердцѣ собственномъ найдешь
Отвѣтъ, кого она сокрыла!

М. Лисицына.

ПРОЗА.

О РОМАНАХЪ.

(Изъ предисловія къ новому роману, въ прошедшемъ году напечатанному подъ заглавіемъ: Cecile ou les Passions и сочиненному извѣстнымъ писателемъ Жуи. Я выбралъ изъ сего предисловія, что показалось мнѣ всего замѣчательнѣе и новѣе въ мысляхъ и мнѣніяхъ автора о романахъ вообще и о Валтерѣ Скоттѣ въ особенности.)

. . . . Послѣднимъ произведеніемъ и, такъ сказать, окончательнымъ слѣдствіемъ гражданскаго образованія былъ Романъ. Съ принятіемъ Христіанской вѣры перемѣнилась судьба женщинъ и возстановилось равенство между ими и другимъ сильнѣйшимъ поломъ, который долго держалъ ихъ въ порабощеніи. Любовная страсть явилась въ полномъ развитіи. На мѣсто древнихъ нравовъ, столь простыхъ и величавыхъ, выступили многосложныя пользы жизни, запутанныя еще феодальною системою. Это была смѣсь тиранской свободы съ гонительнымъ рабствомъ, грубыхъ страстей съ платонизмомъ, набожности съ преступленіями. Это былъ хаосъ, отчасти величавый, но темный или сумрачный, въ которомъ просіяли рѣдкія добродѣтели. Познаніе людей сдѣлалось труднѣе и занимательнѣе, какъ матерія болѣе сложная и разнородная сообщаетъ болѣе за-

манчивости опытамъ Химика. Когда же слилися въ одно цѣлое всѣ разнородныя стихіи, когда установилось общество въ равновѣсіи подъ самовластнымъ правленіемъ Лудовика XIV, тогда съ воспоминаніями и вліяніемъ ихъ измѣнился духъ словесности. Не было уже для подданныхъ ни отечества, ни духа народнаго, ни пользы общей: изъ нѣдръ общежитія возникнулъ истинный Романъ, тотъ, который изображаетъ слабости и страсти человѣческаго сердца.

Уже угасло рыцарство; но воображеніе плѣнялось имъ; сочинители Романовъ старались схватить духъ рыцарства. Сей родъ могъ ожидать себѣ нѣкотораго успѣха въ правленіе Монарха, котораго могущество окружалось тѣнью рыцарскаго величія. Со дня на день возрастало владычество женщинъ; онѣ изобрѣли Романъ страстей. До сочинительницы *Заиды*, никто не отважился разрыть сердце человѣческое, во всѣхъ его тайностяхъ, и основать вымысла единственно на развитіи и бореніи любовной страсти. Въ слѣдъ за нею, другія женщины-романисты того времени показали рѣдкій даръ вѣрнаго наблюденія и тонкихъ соображеній въ родѣ, изобрѣтенномъ Г-жею Лафайетъ. Но мущину ожидала слава вывести въ Романѣ общество новѣйшихъ временъ во всѣхъ его видахъ; ни одно сердечное движеніе ни одно изъ разнообразій любовной страсти не укрылись отъ упомянутыхъ женщинъ: Ле-

сажъ, сочинитель Жилблаза, не проглядѣлъ и не пропустилъ ни одного порока нашихъ нравовъ, ни одной странности нашего общежитія. Его изобрѣтеніемъ былъ Романъ нравовъ. Другой Лафонтенъ между романистами, простодушный въ самой силѣ и откровенности своего Генія, разнообразный подобно жизни человѣческой, назидательный, подобно опыту, онъ скученъ и и забавенъ, какъ дѣйствительные опыты жизни.

У Англичанъ, которымъ удалось соединить патріотизмъ древнихъ и общій духъ народный съ аристократизмомъ, истекшимъ изъ феодальныхъ учрежденій, были нравы общественные и домашніе: смѣшеніе, неизвѣстное древнимъ народамъ. Туманное небо заставляло ихъ чаще сходиться подъ семейственный кровъ; и безпокойная ихъ независимость возстала бы явно на самовольную инквизиціонную управу, которая дерзнула бы нарушить святыню домашней тайны. Однимъ собственнымъ словомъ, ими изобрѣтеннымъ, выразили они все удовольствіе сидѣть дома, у огня, подъ защитою драгоцѣнной собственности, во всей свободѣ поступковъ, которыми такъ дорожитъ ихъ народъ: это слово есть *home*, невѣдомое въ другихъ странахъ Европы и служащее характеристикою сихъ островитянъ. У Англійскаго народа быстро развернулся Романъ, посвященный изображенію домашнихъ нравовъ; и не льзя не признать его мастеромъ дѣла въ томъ родѣ

Романа, которого онъ можетъ почитаться творцомъ, хотя другіе народы подали ему первую мысль и первый примѣръ сего рода.

Такъ явились въ Англіи безчисленныя изображенія частной жизни и домашнихъ ея обычаевъ, столь дорого цѣнимыхъ народомъ; и между тѣмъ какъ Лесажъ вмѣстилъ въ три тома глубокіе и забавные уроки общежительной опытности, рѣзкія начертанія нашихъ пороковъ и нравовъ, Ричардсонъ, въ угодность согражданамъ своимъ, написалъ исторію семейства, какъ пишутъ исторію міра, не упуская ни одной подробности, ни одного случая или обстоятельства; правдивый и мѣлочный, какъ сама природа, болтливый и неправильный, какъ страсти, живущій, такъ сказать, избыткомъ подробностей и отыскавшій способъ быть заманчивымъ для своихъ читателей въ простомъ, но въ осьми томахъ разболтанномъ разсказѣ о любовномъ обольщеніи.

Дидьротъ, котораго пламенный геній загорался, какъ лава, и разливался, подобно ей, огненными потоками, посвятилъ Ричардсону дифирамбъ въ прозѣ, гдѣ справедливая похвала кажется сомнительною отъ излишняго преувеличенія. Если же захотимъ вникнуть въ духъ Англійскихъ нравовъ, и смотрѣть на семейство, какъ на пріятнѣйшее для человѣка зрѣлище, какъ на драму, въ которой каждая малѣйшая сцена имѣетъ свою занимательность, то мы не перестанемъ удивляться въ Ричардсонѣ дальновидности наблюдательнаго ума, об-

ширному и разнообразному взгляду живописца, точности въ подражаніи различнымъ тонамъ, совершенному правдоподобію въ подробностяхъ, мастерскому единству характеровъ, истинѣ во всѣхъ и глубокомыслію во многихъ изображенныхъ лицахъ. Ричардсонъ сообщилъ Роману нравовъ полное, всевозможное совершенство въ смыслѣ строгаго вкуса и величайшую дальновидность и обширность; у него выведены съ великою точностію и разнообразіемъ подробности домашнихъ нравовъ, входящихъ въ составъ романовъ новѣйшихъ временъ.

Почитатели Ричардсона сравниваютъ его съ Гомеромъ: не споря о правильности сего честолюбиваго сравненія, признаемся, что онъ внесъ въ свою Эпопею семейственныхъ нравовъ ту же плодовитость, силу воображенія и безъискуственное красноречіе, которыми отличается пѣвецъ баснословныхъ вѣковъ Греціи. Чудно, что между стихотворнымъ геніемъ древняго отца поэтовъ и наблюдательнымъ, но совершенно прозаическимъ геніемъ творца Клариссы, можно вывести нѣкоторое сравненіе!

Ричардсонъ понялъ выгоду отмѣнить въ романѣ ту форму, въ которой повѣствуетъ самъ писатель. Въ его твореніяхъ скрывается повѣствователь; въ нихъ видны характеры людей, ихъ дѣйствительныя страсти, тайныя пружины мыслей, словомъ, сама природа. Онъ оставилъ свои

дѣйствующія лица говоритъ за самихъ себя. Каждый разсказываетъ свою собственную жизнь, повѣряетъ тайну своихъ ощущеній, изобличаетъ самъ себя во всѣхъ дѣлахъ и помышленіяхъ. Таковъ духъ новѣйшаго Романа, постигнутый Ричардсономъ. Это было, такъ сказать, новое употребленіе драматическаго искусства. Въ каждомъ письмѣ Романа, какъ бы въ нѣкоторомъ монологѣ, открываются читателю всѣ тайны дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ. Ловеласъ повѣдаетъ собственную развратность; тайная любовь Клариссы къ ея обольстителю явно обнаруживается, не взирая на усилія ея добродѣтели; и переписка второстепенныхъ лицъ опредѣляетъ для главныхъ ту степень чести и уваженія, на которую возводитъ ихъ воображеніе автора: обширная машина, которой изобрѣтеніе выказываетъ геній творца ея, а исполненіе достоинство побѣжденныхъ, но великихъ затрудненій.

Едва, въ нѣкоторыхъ изящныхъ твореніяхъ драматическихъ, достигли мастера искусства до того, чтобы слиться совершенно съ духомъ и свойствами немногихъ лицъ, ими выведенныхъ на сцену. Англійскому Романисту предстояло, для описанія, болѣе шестидесяти разныхъ лицъ, отмѣченныхъ противоположными качествами. Надлежало заставить каждаго говорить своимъ собственнымъ языкомъ, не смѣшивая никогда ихъ нравовъ, навыковъ, нарѣчій. Какъ отказать счастливому исполни-

телю такого предпріятія въ правѣ стоять на ряду съ первыми творцами - геніями?

Фильдингъ, вмѣсто того чтобы идти по слѣдамъ Ричардсона, принялъ за образецъ Лесажа, въ отношеніи къ формамъ. Онъ изображалъ массы общества, оттѣнялъ общіе характеры и повѣствовалъ о происшествіяхъ жизни своихъ лицъ съ тою истиною и силою, которыя опредѣляютъ ему первое мѣсто подлѣ сочинителя Жилблаза.

Съ дальнѣйшими успѣхами гражданскихъ обществъ возрастало вліяніе романовъ. Чтеніе ихъ сдѣлалось любимымъ занятіемъ всѣхъ классовъ людей, наравнѣ съ драматическимъ представленіемъ: во всѣхъ возможныхъ видахъ являлся сей родъ сочиненія. Въ немъ Стернъ оттѣнилъ, въ фантастическихъ чертахъ, своенравіе человѣческаго сердца. Вольтеръ обратилъ его въ бичъ пороковъ, нанесенныхъ суевѣріемъ и безнравственностію политическою. Руссо, одаренный разумомъ мужественнымъ и строгимъ, поставилъ его на высоту философическаго творенія.

Въ *Новой Элоизѣ* видно смѣшеніе разнородныхъ соображеній. Плѣненный образцемъ Ричардсонова пера, Жан-Жакъ, подобно ему, вложилъ разсказъ въ уста дѣйствующихъ лицъ своихъ. Для сцены Романа выбралъ онъ пустыню, гдѣ герои его, удаленные отъ предубѣжденій и предразсудковъ городскихъ, столь легко закрадывающихся въ душу, исповѣдуютъ безъ всякой осторожности смѣлую вѣру въ истины

природы и въ парадоксы философіи, можетъ быть простительные людямъ въ уединеніи. Лафайетъ изобразила всѣ утонченія нѣжной страсти въ обществѣ и у людей вышняго класса. Руссо, врагъ общественныхъ отличій, показалъ всѣ бурные порывы, муки, отраду и тоску любовной страсти въ сердцѣ молодыхъ людей, чуждыхъ свѣта и его мнѣній. Наконецъ, какъ Ричардсонъ выказалъ въ точной картинѣ, или лучше сказать въ ясномъ чистомъ зеркалѣ малѣйшія движенія семейственныхъ нравовъ, такъ сочинитель *новой Элоизы*, всегда увлекаемый воображеніемъ въ области мысленнаго міра, хотѣлъ сотворить семейство совершенно счастливое и очаровательнымъ талантомъ своимъ осуществить на землѣ рай, украшенный чистотою безпорочныхъ нравовъ, святостію домашнихъ добродѣтелей, порядкомъ и пріятностію сельской жизни. Если сей великій талантъ не могъ выполнить въ цѣломъ столь благородное предначертаніе, и сообщить ему желаемое совершенство, то надобно думать, что такое предпріятіе превышало человѣческія силы, и что смѣлость философа мѣтила далѣе цѣли, доступной для генія.

Краснорѣчіе языка, красота слога, блескъ парадокса, пылкость страсти, сила умствованія, все истощено было Жан-Жакомъ для того, чтобы скрасить недостатки и погрѣшности общей рамы, въ которую хотѣлось ему вставить всѣ мысли свои, мнѣнія, воспоминанія, мечты, надеж-

ды, сомнѣнія и сожалѣнія, испытанныя въ жизни. Пламенная страстная душа мѣшала ему быть безпристрастнымъ наблюдателемъ; и онъ не представилъ своихъ героевъ, какъ Ричардсонъ, въ дѣйствительной жизни и съ языкомъ собственнымъ. Юлія и Сен-пре, Клеры и Лордъ Эдуардъ говорятъ языкомъ Жан-Жака: языкомъ смѣлымъ, блистательнымъ, исполненнымъ силы и величія, почти неподражаемымъ, но котораго одна витійственная красота есть уже несообразность, противорѣчащая формѣ письменнаго Романа.

Подъ сею формою писемъ Жан-Жакъ выгадалъ для себя право разсуждать о вопросахъ философіи, морали, Религіи и политики. Ему подражала Г-жа Сталь. Дельфина, первое твореніе сей знаменитой женщины, есть, подъ именемъ Романа, распространеніе ложнаго правила, будто бы женщины должны повиноваться мнѣнію, а мущины не слушаться онаго. Въ ея Романѣ видно лучшее знаніе свѣта, нежели въ Новой Элоизѣ; но въ характерахъ есть болѣе искуственнаго и поддѣльнаго, въ страстяхъ менѣе истины, въ слогѣ менѣе совершенства, въ нравоученіи нѣчто двусмысленное. Въ немъ дышетъ теплая вѣра въ неограниченное владычество страстей, и нѣкоторымъ образомъ въ ихъ силу и благородство, что оставляетъ по себѣ опасныя и вредныя слѣдствія. Благоговѣйное поклоненіе Дельфины и Леонса самимъ себѣ и своему энтузіазму, ихъ лю-

бовь, ихъ величавость, ихъ стремительность выходятъ на дѣлѣ эгоизмомъ чувствительности, прикрытой маскою философіи; кажется, будто они стоятъ съ колѣнопреклоненіемъ передъ своими собственными страстями.

Умная и превосходная писательница, о которой говоримъ, не избѣжала пороковъ новой Элоизы; не видно у ней намѣренія пользоваться выгодами Романа въ письмахъ для разнообразія характеровъ; во всей перепискѣ ея героевъ та же монотонія витійственнаго языка страсти. Не смотря на выспренній и лучезарный умъ Ж. Ж. Руссо, не смотря на быструю силу мыслей, знаменующую дарованіе Г-жи Сталь, сіи два романиста уронили, по нашему мнѣнію, славу Романовъ въ письмахъ; ибо въ ихъ Романахъ нѣтъ того драматическаго достоинства, которое проистекаетъ изъ совершенной истины языка, свойственнаго каждому лицу. Другіе романисты, шествуя по слѣдамъ Жан-Жака, заслужили ту же укоризну въ твореніяхъ, ознаменованныхъ талантомъ, но въ которыхъ они не держались правилъ Ричардсоновыхъ, необходимыхъ въ родѣ письменнаго Романа.

Таковъ славный Вертеръ, отринутый подъ старость самимъ Гете, какъ незрѣлый плодъ его пылкой юности. Этотъ Романъ есть, такъ сказать, монологъ въ письмахъ; въ немъ также видна цѣль философическая; тамъ представлена въ жестокой

картинѣ ничтожность вещей человѣческихъ, суетность нашихъ страстей, наконецъ извиненіе самоубійства, внушеннаго отчаяніемъ. Отдавая справедливость превосходному искусству писателя и силѣ его метафизическаго краснорѣчія, согласимся, что Гете не могъ не сожалѣть о семъ злоупотребленіи своего таланта въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ жизни. Для человѣка такъ легко свергнуть узы общежитія подъ видомъ своего превосходства надъ людьми обыкновенными, что не льзя безвредно утверждать, будто превосходный человѣкъ имѣетъ право разорвать всѣ связи, и скорѣе отбросить тягость бытія, нежели дѣлить скуку общественной жизни съ толпою вѣтреною или развратною.

Г-жа Криденеръ, въ Романѣ своемъ: *Валерія*, подражала *страданіямъ Младаго Вертера*; а Г-жа Коттенъ и нѣкоторыя другія Англійскія писательницы слѣдовали примѣру Ричардсона, до сочинителя *Опасныхъ связей*, который, не смотря на дарованіе свое, уступаетъ живописцу Ловеласа какъ въ искусствѣ, такъ и въ нравоученіи.

Владычеству Романа въ письмахъ положенъ былъ наконецъ предѣлъ, и слава обратилась на сочинителей Романовъ другаго рода.

Историческій Романъ не новое дѣло въ литтературѣ: если бы я хотѣлъ изслѣдовать во всѣхъ его отрасляхъ и съ точностію разбирать сей родъ полу-историческій и полу-вымышленный, то могъ бы я дока-

зать, что Гг-да Верто, Сен-Реаль и Сарразенъ, писатели - академики, выдумавшіе украшать дѣйствительные случаи вымышленными, имѣютъ несравненно болѣе права на имя творцевъ историческаго романа, нежели Г-жа Жанлисъ и Валтеръ-Скоттъ.

Но мы, не восходя до колыбели историческаго Романа, разсмотримъ, какія его требованія, какая цѣль и какіе способы въ сочиненіи.

Минувшее плѣняетъ человѣческое воображеніе; въ повѣствованіяхъ о древности есть величіе и движеніе; ихъ простота исполнена красоты. На мысли наши дѣйствуютъ сильно имена историческія. Исторія захватываетъ цѣлыя массы и любопытныя подробности, почерпнутыя въ минувшемъ. Записки и біографіи дополняютъ выпущенное исторіей изъ общаго обозрѣнія народовъ: такое чтеніе заманчиво и наставительно; имъ пользуются Цари и народы, научаются мудрецы; для всѣхъ эта наука, какъ говоритъ Монтань, *полезна и утѣшна*.

Сочинитель историческаго Романа, предоставляя историку все, что есть полезнаго въ его трудахъ, избираетъ для себя все пріятное въ преданіяхъ Исторіи: ему нѣтъ дѣла до нравоученія; довольно для него картинъ, плѣняющихъ воображеніе. Изображать костюмы, описывать воинскіе наряды, представлять физіономіи вымышленныя, приписывать дѣйствительнымъ

лицамъ поступки, рѣчи, движенія и дѣла, которыхъ не льзя доказать достовѣрности, — вотъ его твореніе. Вмѣсто того чтобъ возвысить исторію до себя, онъ унижаетъ ее до вымысла; ея правдивая Муза говоритъ у него ложь; и едва можетъ таланть писателя приближиться къ истинѣ: родъ сочиненія лживый, порочный и который, сколько бы ни украшала его гибкость разнообразнѣйшаго дарованія, пользуется одною только славою, и скоро наскучитъ прихотливому вкусу моды.

Нѣкоторые писатели создали родъ ученаго Романа, въ которомъ выставили общіе и частные нравы минувшихъ вѣковъ. Таковъ Анахарсисъ, сочиненный Аббатомъ Бартелемй. Но въ семъ твореніи ученаго мужа употреблены матеріалы историческіе и книга его есть вѣрное изображеніе обычаевъ и нравовъ древняго народа. Когда напротивъ того Г-жа Жанлисъ, наскучивъ писать сказочки для обученія дѣтей Физикѣ и Химіи, вздумала передавать читателямъ зрѣлаго возраста дѣла и мысли Государей въ историческихъ романахъ, то литтературная критика и здравый смыслъ возстали на догадки, введенныя авторомъ-женщиной въ область исторіи. Отъ нее требовали лучшихъ доказательствъ предположенія, будто бы непостоянный любовникъ дѣвицы Лавальеръ имѣлъ въ любви нѣжную разборчивость; и будто бы Лудовикъ XIII, сей холодный и слабый Монархъ, питалъ въ душѣ романическій пламень. Разсудитель-

ные люди объявили себя противниками сего преображенія историческихъ лицъ, а присоединившаяся къ тому слабость кисти и колорита въ сочинительницѣ обезславила еще болѣе сей родъ сочиненія.

Явился писатель, болѣе отличающійся ученостію, нежели силою мысли; свѣдущій въ древностяхъ Шотландіи, своего отечества; прозаикъ правильный и поетъ щеголеватый; одаренный чудесною памятью и великимъ искусствомъ оживотворять воспоминанія минувшихъ временъ; чуждый за то философіи и никогда не подвергающій дѣла и лица суду нравственности. Выпустивъ въ свѣтъ нѣсколько стихотвореній блистательныхъ, но лишенныхъ глубокомыслія и силы піитической, онъ вздумалъ представить, подъ видомъ повѣсти, сказанія отечественной древности, которая была предметомъ его изученія; живописалъ нравы дикой страны и удивилъ новостію обычаевъ, нарѣчія, мѣстъ, суевѣрія и одежды потомковъ древнихъ Цельтовъ. Давно наскучили намъ чувствительные романы. Какъ рады мы были дышать горнымъ воздухомъ, и смотрѣть, какъ изъ тумана, стелющагося въ долинѣ, выказывались верхи утесистыхъ скалъ пустынной природы. Утомленіе просвѣщенныхъ народовъ обрѣтало въ сихъ простыхъ и дикихъ картинахъ нѣчто отрадное и живительное для ихъ слабости. Чѣмъ болѣе накоплялись въ повѣствованіи автора изображенія невѣдомыхъ до того обычаевъ и мѣстъ, но засвидѣтельствован-

ныхъ путешественниками и сохраненныхъ преданіемъ, тѣмъ болѣе, увлекаясь новостію, плѣнялись умы чтеніемъ многочисленныхъ произведеній Валтера - Скотта. Принимая съ какимъ-то бѣшенствомъ творенія Шотландскаго Баронета, Европа, съ ея нравами изнѣженными, роскошными, вѣтреными, какъ бы воздавала невольно почтеніе радушной величавости нравовъ дикаго народа.

Даръ изобрѣтать идеальныя существа, облачать ихъ въ красоту небесную, сообщать имъ жизнь сверхчеловѣческую (surhumaine) — этотъ творческій даръ, принадлежащій великимъ поэтамъ, не былъ никогда удѣломъ Валтера-Скотта. Онъ писалъ подъ сказаніемъ своей памяти; и роясь безпрестанно въ пыльныхъ архивахъ, извлекалъ изъ нихъ достойное любопытства и удивленія. Онъ избиралъ періоды или эпохи, слегка опирался на Исторію, и выдавалъ томы за томами. Имѣя даръ оживлять для насъ картины минувшихъ вѣковъ, во всѣхъ ихъ подробностяхъ, Валтеръ-Скоттъ не заботится ни о сочиненіи плана, ни о выборѣ героя для своего творенія. Почти всѣ его романы состоятъ въ счастливомъ изложеніи подробностей; но у него на первой линіи стоятъ лица, не возбуждающія участія; за ними, на второй, являются тѣ, которыя рисовалъ онъ и, такъ сказать, ласкалъ преимущественно передъ другими. Въ его картинахъ видны вкусъ и точность Фламанскихъ живопис-

цевъ, и два главные порока: одинъ тотъ, что онѣ называются *историческими*; а другой, что нѣтъ въ нихъ порядка, правильности и философіи, и что онѣ представляютъ вмѣсто полнаго и совершеннаго творенія смѣшеніе набросанныхъ на удачу предметовъ, хотя списанныхъ съ вѣрностію плѣнительною.

Этотъ Романъ новаго рода опредѣляется именемъ Историческаго: опредѣленіе неточное и недостаточное, какъ и многія новыя слова, обличающія скудость языка нашего. Романъ есть вымыселъ; а всякій вымыселъ — ложь. Позволимъ ли себѣ назвать *исторической ложью* книги Англійскаго Романиста? Нѣтъ. Это было бы оскорбительно и несправедливо. Его оригинальныя повѣствованія заслуживаютъ похвалу во многихъ отношеніяхъ; но его не льзя поставить на ряду съ Тацитами, Макіавелями, Вольтерами и Юмами. Всякій собиратель анекдотовъ имѣетъ болѣе права на имя историка, а ему принадлежитъ только слава того искусства и успѣха, съ которыми онъ пользовался сокровищами сухой науки, матеріалами древнихъ рукописей и открытіями изыскателей древностей.

Движеніе, пріятность, жизнь, украшающія повѣствованія Валтера-Скотта, явленія минувшихъ временъ, жесткость, а иногда и неопрятность разсказа, но всегда соотвѣтственнаго избранной имъ эпохѣ,

разнообразіе чудныхъ лицъ, въ которыхъ дышатъ своенравіе природы и дикость глубокой древности, несообразность въ цѣломъ и мѣлкая точность въ подробностяхъ, пріохотили Европу къ чтенію Валтеръ-Скоттовыхъ Романовъ, которые нынѣ сдѣлались народными. Произведенныя ими впечатлѣнія такъ дѣйствовали на умы, что общее ослѣпленіе не замѣчало даже пороковъ. Такъ у насъ воображеніе далеко отъ нынѣшнихъ обществъ гражданскихъ! Творенія Валтера-Скотта нанесли рѣшительный ударъ Ричардсоновымъ Романамъ. Какъ блѣдны казались картины общественныхъ нравовъ передъ нравами горныхъ жителей и новыхъ Сивиллъ, которыя говорятъ и дѣйствуютъ въ повѣствованіяхъ Шотландскаго Романиста! Не такъ ли человѣкъ, притупившій чувства свои употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, отталкиваетъ съ отвращеніемъ другое здоровое питіе, которое нѣкогда утоляло его жажду?

В. Измайловъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Спасная Полисть.

(Станція 5.)

Мы выѣхали изъ Чудова въ 9 часовъ вечера; хотя я былъ въ теплой шинели и въ курт-

кѣ на бѣличьемъ мѣху, но понималъ тогда, что слова фабриканта были справедливы. Къ несчастью моему, ловкій Архитекторъ, помѣщаясь на свое мѣсто, еще въ Чудовѣ разбилъ стекло кареты; вѣтеръ дулъ мнѣ съ лѣвой стороны и я начиналъ уже чувствовать ознобъ въ плечѣ. — Поднимите жалюзи! сказалъ Нѣмецъ: я ей Богу не соберу зубовъ моихъ. — Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ одномъ холодномъ сертукѣ и дрожалъ, какъ осиновый листъ подлѣ вѣтвей непоколебимаго дуба. Архитекторъ завернулся въ енотъ и, казалось, не чувствовалъ ничего земнаго; луна медленно перебѣгала изъ одной тучи въ другую, и наконецъ волны облаковъ залили ее сіяніе. — Я поднялъ полосатое жалюзи; въ каретѣ сдѣлалось еще темнѣе; Нѣмецъ мой успокоился, задремалъ и скоро, какъ иностранецъ и Архитекторъ, вкусилъ сладкій сонъ. — Если труды и безпокойства отяготительны для человѣка, то тихой, крѣпкой сонъ, обновляя силы, исцѣляетъ всѣ его земныя горести; никто лучше поселянъ и путешественниковъ не испытываетъ его благотворнаго вліянія.

Между тѣмъ, какъ я размышлялъ, луна выкатилась изъ облаковъ и ярко освѣтила нашу карету: широкое лице архитектора было сумрачно; казалось, что мысли упомленнаго были погружены въ прошедшее и воспоминанія изображали предметы, горестные для его сердца; можетъ, онъ мечталъ о будущемъ, и оно терзало его душу;

подлѣ него сидѣлъ блѣдный иностранецъ; слабая голова его упадала на грудь при каждомъ толчкѣ кареты, какъ стебель полеваго цвѣтка, когда вѣтеръ преклоняетъ его на всѣ стороны. Нѣмецъ занималъ третіе мѣсто. Онъ склонился на мое плечо; мнѣ жаль было разбудить его; но голова, отягощенная и ромомъ и стихами, была нестерпимо полновѣсна. Позади кареты сидѣлъ историкъ съ коммисіонеромъ; впереди кондукторъ и при немъ фабрикантъ въ бѣлой волчьей шубѣ; извощикъ сидѣлъ ниже ихъ, на козлахъ, и погоняя лошадей, изрѣдка перерывалъ наше безмолвіе.

Такъ, думалъ я, судьба соединяетъ разные народы на земномъ шарѣ, какъ случай соединилъ насъ всѣхъ въ этомъ дилижансѣ: мы всѣ стремимся къ одной цѣли, но у каждаго изъ насъ свои намѣренія, свои надежды: мы ищемъ благополучія, счастія, богатства, но можетъ быть послѣдній изъ насъ пріобрѣтетъ его черезъ низости и пороки, а достойнѣйшій останется въ угнетеніи и бѣдности. Не все дѣлается такъ, какъ надобно; не всегда дарованіе прокладывало путь къ славѣ, и слава не всегда была украшеніемъ душъ истинно высокихъ; часто умъ скрывается отъ глазъ, какъ дальнѣйшія яркія звѣзды отъ обыкновенныхъ телескоповъ Астронома: можетъ быть, этотъ историкъ, которому такъ удивляется Архитекторъ, ничего болѣе, какъ архивъ памяти и, подобно гордому Нѣмцу, обязанъ своимъ умомъ — уму трудо-

любивыхъ писателей. Люди умѣютъ жить на чужой счетъ, но понятія ихъ не простираются далѣе правилъ, предписанныхъ давностію, или предками: такъ дѣти смотрятъ въ калейдоскопъ и думаютъ, что уже не льзя ничего прибавить къ тѣмъ фигурамъ, которыя они видѣли въ стеклахъ законодательной трубки. . . Съ мечтою о Гомерѣ и Мильтонѣ, о Колумбѣ и Бонапартѣ я задремалъ, подобно моимъ товарищамъ, и уже проснулся, когда отворили намъ дверцы кареты на станціи Спаской Полисти. — Здѣсь мы нѣсколько закусили, иные даже выпили водки, и садясь въ дилижансъ, условились не выходить изъ него до Новгорода.

РАХИНО.

(Станція 11.)

Тьфу пропасть! сказалъ Архитекторъ, выходя изъ кареты въ Рахинѣ: эта несносная дорога закачала меня совершенно; я лучше найму почтовыхъ до Зимогорья и тамъ отдохну, ожидая утомительнаго дилижанса. — Да, отвѣчалъ Кондукторъ, если вы поѣдете въ саняхъ, то много выиграете противъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно уснете подлѣ Валдайскихъ баранокъ. Тѣмъ временемъ, какъ проводникъ веселился на счетъ дороднаго Витрувія, мы вошли въ трактиръ; тамъ какой-то проѣзжій старецъ пилъ кофе подлѣ молодой красавицы:

черныя, густыя рѣсницы, какъ облако, прикрывающее яркое сіяніе солнечнаго огня, придавали много пріятности ея красотѣ и невинности; нарядъ простой, но станъ легкій и возвышенный, изображали богиню радости, когда она лилейною рукою наливаетъ сладостный Нектаръ въ фіалъ безсмертнаго Юпитера. Незнакомка подавала чашку кофе своему отцу или дѣду, и онъ, казалось, молодѣлъ при каждомъ ея взглядѣ; это напоминало мнѣ Душеньку, когда она стояла передъ очами дряхлаго Сатурна. Мы также спросили кофе, другіе потребовали чаю, и сидя, почти за общимъ столомъ, начали разговаривать о дорогѣ. Признаюсь, Г. Архитекторъ, сказалъ Нѣмецъ, я самъ не менѣе васъ готовъ жаловаться на дурную дорогу. Но что вы скажете, когда поѣдемъ далѣе — возразилъ Кондукторъ: противъ той, это еще скатерть. Что же дѣлать Г-да., сказалъ фабрикантъ, ничто не пріобрѣтается безъ труда и неудовольствія. — Ваша правда! — подхватилъ Историкъ; Англичане много трудились надъ дорогами и потому ихъ скатерти далеко лучше нашихъ. На все надо время, сказалъ Коммисіонеръ: мы видимъ, что и у насъ отъ обѣихъ столицъ дѣлаютъ прекрасное шоссе. Конечно, сказалъ я, на это надо имѣть большое терпѣніе; со временемъ Государство много выиграетъ отъ устроенныхъ дорогъ. Въ нашъ вѣкъ изобрѣтеній и проектовъ, я готовъ предложить, чтобъ большую часть войска нашего занять от-

дѣлкою дорогъ и мостовъ. — Но кто же будетъ защищать насъ? спросилъ Фабрикантъ: они разучатся воевать. И будутъ войска Петра передъ арміею Карла, съ усмѣшкою прибавилъ Нѣмецъ. И покажутъ свѣту новую Полтаву или Бородино, сказалъ я, переломивъ сухарь на мѣлкія части. Да, возразилъ Историкъ, откровенность чаще бываетъ не у мѣста, и потому, не касаясь личности, я хочу сказать, что Римляне необыкновенно трудились во всякомъ случаѣ. Тогдашнія дороги и водопроводы остались навсегда памятникомъ невѣроятной дѣятельности ихъ ратниковъ; но между тѣмъ ихъ походы и завоеванія не показали нигдѣ, чтобъ они разучились владѣть оружіемъ, когда того требовали польза и слава ихъ безсмертнаго отечества. Нынѣшнія войны, сказалъ Нѣмецъ, основаны болѣе на хитрости, чѣмъ на силѣ. — Согласенъ, отвѣчалъ я; но полководца образуютъ науки и обстоятельства; отъ его умныхъ соображеній зависитъ успѣхъ войны: дѣла Фридерика Великаго, я думаю, вамъ извѣстны болѣе, чѣмъ мнѣ. — Послѣднія слова, кажется, вдвойнѣ понравились самолюбію моего противника. Подавая мнѣ свою руку, Нѣмецъ сказалъ, что, бывши на мѣстѣ Фридерика, онъ бы произвелъ меня въ Генералы; я въ свою очередь, отблагодаривъ его остротою, очень былъ доволенъ, что милая незнакомка удостоила меня тогда нѣжнымъ взглядомъ. Вѣроятно этотъ нѣжный взглядъ происходилъ болѣе отъ при-

вычки, нежели отъ чувства какой нибудь признательности; однако въ то время онъ польстилъ моему самолюбію, и я былъ награжденъ имъ болѣе, чѣмъ принужденною похвалою холоднаго Нѣмца. Незнакомый старецъ, слыша наше разсужденіе, также вмѣшался въ разговоръ. Изъ почтенія къ его сѣдинѣ, я не противорѣчилъ догадкамъ старика, и готовъ былъ согласиться съ нимъ прежде, нежели онъ обнаруживалъ свои мысли: такъ сильно дѣйствуютъ иногда невидимыя впечатлѣнія на сердце человѣка.

Старикъ жаловался на дурную дорогу и говорилъ, что его племянницѣ хочется ночевать въ Яжельбицахъ. Старикъ сожалѣлъ, что поврежденную его карету не скоро привезутъ изъ кузницы, но ѣхать ночью по такой дорогѣ онъ очень опасался. Архитекторъ, слушая маститаго незнакомца, казалось, съ охотою бы предложилъ ему свое мѣсто, но онъ не могъ пригласить туда же и милую его племянницу. — Въ это время я стоялъ съ Нѣмцомъ въ другомъ углу комнаты, и сердечно радуясь нечаянному случаю, просилъ его ѣхать съ Архитекторомъ. — Нѣмецъ тотчасъ подошелъ къ старику и учтиво предложилъ ему занять два мѣста въ дилижансѣ. — Намъ очень пріятно, сказалъ я ему, и если вамъ будетъ угодно посадить кого нибудь изъ вашихъ, я съ охотою уступлю свое мѣсто. — Старикъ, тронутый нашимъ предложеніемъ, согласился ѣхать въ каретѣ, но просилъ меня остаться съ нимъ: слуга и

горничная, прибавилъ онъ, подъѣдутъ къ намъ, а мы ночуемъ и отдохнемъ въ Яжельбицахъ. — Вамъ будетъ покойно, сказалъ услужливый Кондукторъ; я надѣюсь, что мы недолго будемъ въ дорогѣ.

Лиза! ожидала ли ты такого приключенія? прибавилъ старикъ, поцѣловавъ руку своей племянницы. — Нѣтъ, дядюшка, отвѣчала милая незнакомка; но я говорила, что мы ночуемъ въ Яжельбицахъ, и мы сдержимъ наше слово. — Благодаря господъ, отвѣчалъ старикъ, относясь къ Нѣмцу и Архитектору, которые въ этой комедіи играли пресмѣшныя роли. —

Между тѣмъ тройка ждала у подъѣзда; Архитекторъ и Нѣмецъ сѣли въ почтовыя сани; ихъ колокольчикъ зазвенѣлъ до Зимогорья. Карета наша почти была готова и мы скоро послѣдовали ихъ примѣру: старый помѣщикъ взялъ съ собою подушку, иностранецъ несъ ихъ узелки. Я посадилъ миленькую племянницу въ карету; за нею послѣдовалъ дряхлый Сатурнъ; пассажиры, стоя подлѣ кареты, украдкою улыбались нашей сценѣ; иностранецъ захлопнулъ дверцу; скоро Кондукторъ закричалъ: пошелъ! и мы поѣхали скорѣе обыкновеннаго.

ХОТИЛОВО.

(Станція 15.)

Мы вышли изъ кареты и толпа нищихъ, по обыкновенію, обступила пассажировъ.

Г. Офицеръ! пожертвуйте имъ баранками краснаго сарафана, сказалъ мнѣ фабрикантъ улыбаясь. Очень радъ, отвѣчалъ я, и отдалъ связку ребятамъ. Купецъ тотчасъ вынулъ свой кошелекъ, и одѣляя старухъ и стариковъ, приговаривалъ: молитесь, друзья, за прегрѣшенія Г. Офицера. Прекрасно! воскликнулъ я, вотъ истинно по нашему! Руские всегда отличались чувствительностію и добродушіемъ. Не всегда! подхватилъ Коммисіонеръ, неся свои баранки. — Несчастіе перемѣняетъ людей, сказалъ Архитекторъ, и мы видимъ примѣръ этому послѣ приключенія въ Зайцевѣ. Фабрикантъ улыбнулся. Скоро мы вошли въ трактиръ.

Ба! это Мевій Русскаго Парнасса, сказалъ я, увидавъ на стѣнѣ портретъ одного изъ отечественныхъ писателей, который напомнилъ мнѣ басню: Стихотворецъ и чортъ, такъ хорошо написанную А. Измайловымъ. — Нѣмецъ вынулъ карандашъ и на стѣнѣ начертилъ Нѣмецкую эпиграмму; онъ перевелъ ее; пассажиры смѣялись отъ всей души. — Но историку не понравились эти насмѣшки; полноте, Господа! сказалъ онъ, и безъ того довольно ломали его старыя кости; пора, какъ Третьяковскаго, его оставить въ покоѣ. — Почему же вы равняете его съ Третьяковскимъ? Нашъ Пиндаръ ожидаетъ суда потомства, отвѣчалъ я; вы знаете, что Мильтонъ сдѣлался славенъ, сто лѣтъ спустя послѣ своей смерти. — Не знаю, но вѣрю, отвѣчалъ Ис-

торикъ; автору позволительно ожидать безсмертія, и считать себя мудрецомъ въ уединеніи своего кабинета. Я не желаю безсмертія, подхватилъ Коммисіонеръ, но очень желаю закусить чего нибудь: на последней станціи нашъ обѣдъ былъ такъ дуренъ, что я почти ничего не ѣлъ. Правда, что дуренъ, сказалъ Нѣмецъ, притомъ же въ нашемъ путешествіи все дѣлается такъ не во время, что разстроиваетъ здоровье. Не мое по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Кондукторъ; я готовъ ѣсть и пить во всякое время и никогда отъ этаго не буду боленъ. Вотъ что значитъ, подхватилъ Историкъ, не наблюдать правилъ діететики. Правда, сказалъ Архитекторъ, что Доктора часто разслабляютъ насъ болѣе самой болѣзни: я видѣлъ этому множество примѣровъ, а особливо у насъ въ Москвѣ. Мнѣ кажется, что исторія докторовъ, сказалъ я, можетъ служить продолженіемъ исторіи кармановъ. Г. Булгаринъ могъ бы вывести изъ нее прелюбопытное заключеніе о богатствѣ и просвѣщеніи, такъ называемаго у насъ, лучшаго тона людей. — Я поспѣшилъ эту мысль записать въ мою книгу; въ это время нашимъ гастрономамъ подали дорожный полдникъ. — Историкъ, замѣтивъ, что я скоро оставилъ ихъ общество, спросилъ, что я дѣлалъ въ другой комнатѣ?

Записалъ нѣкоторыя мысли, отвѣчалъ я. Вы часто разкрываете дорожную книгу, прибавилъ онъ; не льзя ли видѣть ва-

шихъ замѣчаній? — Вы не найдете въ нихъ ничего любопытнаго для себя: отъѣзжая изъ Петербурга, я далъ слово одной дамѣ описать путешествіе въ дилижансѣ и представить ей маленькой отчетъ, или, вѣрнѣе, каталогъ станцій, завтраковъ и обѣдовъ; она посмѣется надъ лѣнивымъ перомъ моимъ; поклонникъ ея прелестей можетъ быть блеснетъ при етомъ случаѣ остротою Французскаго ума; другой чичисбей замѣтитъ грамматическія ошибки; а всѣ вмѣстѣ проведутъ нѣсколько веселыхъ минутъ на мой счетъ, и какъ обыкновенно: посмѣются надъ отсутствующимъ. — Все это очень забавно, сказалъ дородный Ветрувій. Однако я буду остороженъ, иначе попаду въ такой лабетъ, что Московскаго Архитектора въ Петербургѣ назовутъ Митрофаномъ. — Вы обижаете меня; я ничего не беру въ худую сторону, и, кажется, до сихъ поръ не далъ вамъ повода дѣлать такія догадки. Замѣчанія мои не могутъ быть обидны; но чтобъ доказать вамъ справедливость моихъ писемъ, я прочту то самое, которое окончилъ за нѣсколько минутъ: вы увидите, прибавилъ ли я хоть одно слово. — Между нами не было ни одного medicines professores, я вынулъ книгу и въ слухъ прочиталъ мое письмо: всѣ пассажиры, кромѣ Коммисіонера, были мною довольны. Почему же вы называете меня Историкомъ? спросилъ пассажиръ въ зеленомъ сюртукѣ. Потому, что Г. Архитекторъ еще въ Ижорѣ удостоилъ васъ етимъ названіемъ. Пассажиръ улыбнул-

ся и покачалъ головою. Не отдадите ли вы письма ваши въ печать? спросилъ меня коммисіонеръ. — Почему же, отвѣчалъ Историкъ; если онѣ выдутъ въ свѣтъ — рецензенты вѣрно будутъ вамъ благодарны. — Не понявъ его насмѣшки, я отвѣчалъ, что они хвалятъ только своихъ, а я, слава Богу, не принадлежу ни къ одной сектѣ. — Не боитесь ли вы колкостей и насмѣшекъ? спросилъ меня Архитекторъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я; всѣ дѣльныя замѣчанія приму съ охотою: я люблю научаться отъ опытныхъ и умныхъ людей, но, равнодушный къ похвалѣ и критикѣ журнальной, я хочу, чтобы мои письма лежали на туалетѣ моей красавицы, или, въ папильоткахъ, обнимали бы иногда ея черные локоны. — Историкъ смѣялся надъ моимъ самолюбіемъ, Нѣмецъ радостно потиралъ свои руки, фабрикантъ намѣнялъ нѣсколько грошей, чтобы раздать ихъ бѣднымъ, Архитекторъ былъ осторожнѣе въ разговорахъ, а Кондукторъ учтиво спросилъ у меня: Не пора ли намъ ѣхать? Одинъ Коммисіонеръ, кажется, былъ недоволенъ; однако, скушавъ послѣдній кусокъ сыра, онъ вынесъ бѣлый хлѣбъ и раздѣлилъ его бѣднымъ. Мы весело выѣхали изъ Хотилова и дорогою разговаривали о Русскихъ журналахъ. . .

ЗАВИДОВО.

(Станція 22.)

Знаете ли, сказалъ мнѣ Коммисіонеръ, какую новость услыхалъ я отъ моей сосѣд-

ки? Эта Француженка презабавная и разскажетъ вамъ множество анекдотовъ. На примѣръ, она объявила мнѣ, какъ водится, по секрету, что госпожа, у которой она жила гувернанкою, нанимала въ Москвѣ домъ недалеко отъ нашего фабриканта; между тѣмъ, какъ онъ жилъ по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ, жена его, молодая, прекрасная женщина, влюбилась въ одного уланскаго офицера. Тотъ увезъ купчиху и обвѣнчался; говорятъ, что она не забыла взять съ собою бриллiанты, а милый Ловеласъ помогъ ей вытащить сундукъ, въ которомъ, какъ сказала Француженка, хранился капиталъ ея зажиточнаго мужа. О! это безподобно! — Но скажите, какъ же ей выдти за мужъ отъ живаго мужа? Тотъ же вопросъ и я сдѣлалъ моей разскащицѣ; но она отвѣчала, что въ нашемъ мiрѣ это часто бываетъ; притомъ же, сказала она, фабрикантъ раскольникъ, у нихъ женятся безъ вѣнца, а Г. офицеръ послѣдовалъ правиламъ Греко-Россiйской церкви: и такъ вы видите, что онъ имѣетъ полное право на ея руку. Послѣ этаго она прибавила анекдотъ забавнѣе прежняго. — Между тѣмъ, какъ мы разговаривали въ одномъ углу, прочiе за кофеемъ и чаемъ глотая тобачный дымъ, шумѣли въ другомъ, прозвенѣлъ колокольчикъ и замолкнулъ; коляска остановилась у крыльца трактира . . . Скорѣе запрегайте лошадей, раздалось за дверями; двери отворились: ба! Радинъ!... N!... воскликнули мы почти вмѣстѣ и кинулись обнимать другъ

друга; скажи, какимъ образомъ ты очутился въ етомъ чаду? спросилъ онъ меня, посматривая на пассажировъ. — Вышелъ въ отставку и теперь ѣду къ роднымъ, отвѣчалъ я, пожимая его руку. — Но скажи, какъ кончились твои дѣла? — Какъ не льзя лучше, мой другъ! отвѣчалъ Радинъ: меня ввели во владѣніе имѣніемъ покойной моей матери, а сто тысячь, доставшіяся мнѣ по завѣщанію дяди, почти всѣ ухнули въ бѣлокамѣнной Столицѣ. Я игралъ, веселился: — вотъ тебѣ моя исторія. — Надобно не имѣть ничего, прибавилъ онъ, и потомъ получить груды ассигнацій, чтобы узнать людей! — Повѣришь ли, что въ театрахъ и собраніяхъ многіе аферисты ухаживали за мною какъ обѣднявшіе женихи, а въ домахъ тетушки и матушки мучили меня своими ласками; къ етому прибавь, что изученые вздохи и глазки ихъ блѣдныхъ, красныхъ, желтыхъ дочекъ, какъ будто невольно, отличали меня отъ другихъ; я старался показать, что вниманіе ихъ предпочитаю всему на свѣтѣ, и между тѣмъ за рюмкою вина или за счастливой двойкою смѣялся ихъ манёврамъ. — О деньги! деньги! что вы дѣлаете въ етомъ мірѣ! сказалъ я. — Все! отвѣчалъ Радинъ, а особливо въ наше безденежное время; повѣришь ли, мой другъ, что въ самыхъ лучшихъ обществахъ мнѣ удавалось на самомъ дѣлѣ разыгрывать Донъ-Жуана. Радинъ не хотѣлъ, чтобъ его разумѣли пассажиры, или, подражая общей модѣ, говорилъ со мною по Фран-

цузски; хотя пріятель мой любилъ прихвастнуть, какъ многіе изъ молодыхъ людей, а особливо изъ офицеровъ, но я довольно зналъ его любовныхъ похожденій и ни мало не удивлялся, что молодой, богатый наслѣдникъ, отпущенный на годъ за ремонтомъ, везетъ въ Петербургъ стройный ремонтъ любовныхъ приключеній и карточныхъ проказъ. Онъ былъ недуренъ и богатъ, носилъ шпоры и усы, а вы знаете, что мундиръ и деньги могутъ производить большія чудеса въ маскарадѣ нашей жизни!

Какъ храбрый кавалеристъ нашихъ временъ, онъ любилъ разговаривать о лошадяхъ и подобно Англійскому Лорду, готовъ былъ цѣлый день просидѣть въ своей теплой конюшнѣ; мнѣ даже казалось иногда, что онъ своихъ верховыхъ лошадей (стыжусь сказать) любилъ болѣе женщинъ.

Казалось, что Москва охладила въ Радинѣ эту странную привязанность, или онъ почиталъ меня невѣждою, который не видалъ въ глаза даже конскаго лѣчебника; какъ бы то ни было, но только Радинъ ни слова не говорилъ со мной о ремонтѣ; вмѣсто того разсказывалъ о карточной игрѣ, о любовныхъ приключеніяхъ и между прочимъ упомянулъ, какъ онъ для своего товарища увезъ одну молодую купчиху. Это извѣстіе было очень недалеко отъ того, о которомъ съ полчаса тому назадъ разсказывалъ мнѣ Коммисіонеръ. Знаешь

ли, сказалъ я Радину, что мужъ этой купчихи ѣдетъ со мною въ дилижансѣ и сидитъ теперь позади тебя? — Ты шутишь! И такъ я объясню ему все дѣло! воскликнулъ Радинъ, оборотясь къ фабриканту, которой въ это время покойно выпивалъ десятую чашку чаю. Оставь его въ покоѣ, Радинъ; что тебѣ хочется заводить исторію. — Какую исторію? отвѣчалъ Радинъ: онъ бородачъ и долженъ сносить все терпѣливо; съ этимъ словомъ Радинъ спросилъ у фабриканта, онъ ли купецъ такой-то? — Точно такъ, учтиво отвѣчалъ фабрикантъ, приклонивъ нѣсколько голову, для изъявленія готовности къ его услугамъ. — Г. N, сказалъ Радинъ, указывая на меня, доставилъ мнѣ случай увидѣть такого человѣка, въ которомъ я принимаю живѣйшее участіе. До сихъ поръ фабрикантъ слушалъ Радина, не забывая своего чая; но когда тотъ сказалъ ему; *васъ постигло несчастіе: вы лишились супруги!* бѣдный купецъ вытаращилъ глаза, и помолчавши нѣсколько, спросилъ: что это значитъ? какъ онъ это знаетъ? Я это знаю по слухамъ и, наклонясь къ фабриканту, прошепталъ ему что-то на ухо. — Не можетъ быть! воскликнулъ фабрикантъ торопливо. Г. Офицеръ! вамъ угодно надо мною шутить; но за чѣмъ обижать мою жену? — Совсѣмъ нѣтъ, Г. Фабрикантъ, возразилъ я; въ удостовѣреніе попросите нашу компаніонку, и она подтвердитъ вамъ слова Радина. Тутъ мы убѣдили старую

Француженку повторить все, что она говорила Коммисіонеру, и несчастный фабрикантъ не сомнѣвался болѣе въ своей горестной судьбѣ; онъ ударилъ себя рукою по лбу такъ сильно, какъ будто хотѣлъ разбить въ дребезги всю свою торговую голову: пассажиры смотрѣли на него съ изумленіемъ и участіемъ. Онъ задумался; потомъ вскочилъ и просилъ Кондуктора выхлопотать ему тройку почтовыхъ лошадей хотя бы за пятерные прогоны. — Но васъ не пропустятъ у заставы, сказалъ Коммисіонеръ. — Я пройду пѣшкомъ, а тамъ возьму извощика, или тѣхъ же почтовыхъ . . . — И пріѣдете въ пустой домъ, продолжалъ Радинъ. Фабрикантъ не отвѣчалъ ни слова; онъ пошелъ съ Кондукторомъ къ дилижансу, тамъ взялъ свой чемоданъ и не возвращался къ намъ болѣе. Лошади и намъ и Радину были готовы; мы пожелали другъ другу успѣховъ и поѣхали въ разныя стороны. Ну, думалъ я, Русскіе любятъ подражать: скоро настанетъ вѣкъ похищеній! Добродушныя матушки! берегите богатыхъ дочекъ; престарѣлые мужья! рѣже ѣздите въ Англійскій клубъ, сидите подлѣ молодыхъ женъ вашихъ; и вы, жены и дѣвицы! — но пора ѣхать въ путь отыскивать въ Москвѣ *Амоновы рога.*

З — Р.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ПЕВЕРИЛЯ, ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА СИРА ВАЛТЕРА СКОТТА.

ГЛАВА VI.

(Изъ 4й Части.)

(Молодой Певериль убилъ на поединкѣ одного забіяку: его взяли, допросили и отправили въ тюрьму.)

Карета остановилась предъ страшными вратами Невгата, подобными адскимъ, съ тою разницею, что изъ первыхъ возвращались къ жизни нѣсколько чаще, чѣмъ изъ послѣднихъ, хотя не съ меньшими хлопотами подвиговъ Геркулесовыхъ.

Юліанъ вышелъ, поддерживаемый съ величайшею заботливостію своими провожатыми, къ которымъ, при первомъ звонѣ большаго колокола, висящаго у наружныхъ дверей, прибѣжали на помощь два или три привратника. Такое вниманіе было внушено не учтивостію, но опасеніемъ побѣга, о которомъ Юліанъ и не помышлялъ. Толпа школьниковъ и уличныхъ бродягъ, встрѣчающихъ всегда привозимыхъ въ Невгатъ мнимыхъ заговорщиковъ — Папистовъ, состоящая вся изъ ревностныхъ протестантовъ, привѣтствовала его шумными криками: о! о! Папистъ, еще Папистъ! къ чорту Папу и всѣхъ его сообщниковъ!

При такихъ-то зловѣщихъ восклицаніяхъ вошелъ Певериль подъ мрачные своды, куда вступая, столько людей простились съ честію и жизнію. Темный переходъ вывелъ его на

внутренній, обширный дворъ, гдѣ множество заключенныхъ за долги забавлялись въ мячь, кости и другія игры, для которыхъ заимодавцы давали имъ полную свободу, отнимая всѣ средства честными трудами уплачивать долги и содержать семейства, просящія милостыню и умирающія съ голоду.

Юліана повели, или потащили далѣе. Низкая, крѣпкая дверь, заложенная желѣзными запорами и запертая замками, отворилась для его принятія и въ ту же минуту тщательно заперлась за нимъ. Его снова повлекли по разнымъ темнымъ переходамъ, пересѣкающимъ другъ друга; на всѣхъ перекресткахъ ихъ были двери желѣзныя, или дубовыя, обитыя желѣзными полосами и гвоздями съ широкими головками. Юліану наконецъ позволили остановиться въ круглой комнатѣ съ низкими сводами, куда стекалось множество корридоровъ подобно центру паутины, къ которому сходятся всѣ главныя нити ткани искуснаго насѣкомаго.

Сходство еще увеличивалось тѣмъ, что овальныя стѣны комнаты были убраны тесаками, ружьями, пистолетами и полнымъ собраніемъ, въ порядкѣ разложеннымъ, всѣхъ родовъ цѣпей, оковъ и кандаловъ, посреди которыхъ сидѣло что-то, совершенно похожее на толстаго паука, готоваго броситься на добычу, попавшую въ его сѣти.

Эта важная особа былъ человѣкъ съ природы здоровый и высокой, но отъ излишества пищи и недостатка движенія

онъ растолстѣлъ неимовѣрно и столько же походилъ на прежняго себя какъ раскормленный для бойни волъ походитъ на дикаго поджараго быка. Ничего нѣтъ отвратительнѣе, какъ видѣть на лицѣ здороваго толстяка печать злодѣйскаго ремесла — спокойнаго звѣрства. Видишь съ досадою несправедливость общей пословицы, что злое сердце сушитъ человѣка; и весельчакъ можетъ быть иногда взбѣшенъ, но противно природѣ, чтобъ любитель роскошнаго стола былъ мраченъ и свирѣпъ. — Взглядъ на этаго человѣка, его широкое блѣдное лицо, густыя сросшіяся брови, его нестройные раздутые члены, огромнѣйшее брюхо, все вмѣстѣ раждало мысль, что это чудовище, попавши сюда разъ, уже назадъ никогда выйти не можетъ. Подлѣ него лежали толстыя книги съ желѣзными застежками: списки обитателей этаго царства бѣдствій, котораго онъ былъ первымъ министромъ. Во всякое другое время Певериль содрогнулся бы, помысливъ, какая громада злодѣйства и злосчастій заключается въ сихъ огромныхъ книгахъ; но собственное положеніе заглушало въ немъ мысли о человѣчествѣ вообще.

Констапель, отдавъ главному тюремщику предписаніе о заключеніи Певериля, говорилъ съ нимъ нѣсколько времени потихоньку, не столько словами, какъ взглядами и знаками; эта мрачная таинственность всегда наводитъ новый ужасъ на заключаемаго.

Юліанъ услышалъ только нѣсколько словъ, сказанныхъ тюремщикомъ, или, какъ тогда называли, тюремнымъ начальникомъ. „И другую птичку въ клѣтку!" —

И которая станетъ насвистывать: *о Папа Римскій*, не хуже другихъ скворцовъ вашего птичника, отвѣчалъ Констапель шутливо, но съ должнымъ почтеніемъ.

Звѣрское лице тюремщика искривилось, какъ будто для улыбки; но мгновенно принявъ свой обыкновенный, мрачный видъ, онъ устремилъ глаза на новаго гостя и сказалъ одно слово, негромко, но ужасно выразительно: — *заковать*.

Юліанъ Певериль наслышался довольно о разныхъ тюремныхъ обычаяхъ и рѣшился заранѣе согласоваться съ ними. Онъ могъ удовлетворить корыстолюбію тюремщика, а потому и надѣялся даже увидѣться съ отцемъ.

Я расположенъ, сказалъ онъ, принуждая себя казаться спокойнымъ, во всемъ повиноваться вашимъ обыкновеніямъ. Стоитъ вамъ сказать — я все тотчасъ исполню.

При сихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ полный золота, благодаря судьбу, что могъ сохранить его. Тюремщикъ измѣрилъ глазами величину кошелька во всѣхъ направленіяхъ съ невольною улыбкою; но сія улыбка, подернувъ одну губу его и усъ, тотчасъ исчезла: онъ вспомнилъ

свою должность, которая запрещала ему вцѣпиться, какъ соколу, въ свою добычу и разомъ проглотить ее.

Ета огорчительная мысль заставила его отвѣчать не ласково:

Такса бываетъ разная. У всякаго своя воля: я требую только должнаго; но за угожденіе надобно платить.

И я заплачу, сказалъ Певерилъ; объявите только цѣну.

Въ голосѣ Певериля выражалось презрѣніе, котораго онъ не старался и скрывать, видя, что золото производитъ, хотя косвенное, но сильное дѣйствіе на тюремщика.

Тюремный начальникъ весьма его почувствовалъ; онъ невольно снялъ старый теплый колпакъ, а пальцы его, не привыкшіе къ такой странности, начали чесать затылокъ, покрытый сѣдыми волосами; самъ же онъ ворчалъ подобно собакѣ, которая перестаетъ лаять на чужаго, видя что ее не боятся: „Такса бываетъ разная. Есть мѣста и за казенную цѣну; но тамъ темно, свѣтъ проходитъ снизу, а общество состоитъ изъ воровъ и мошенниковъ. Потомъ есть господское отдѣленіе; цѣна по одной золотой монетѣ: тамъ нѣтъ менѣе смертоубійцы.

Какая самая высокая цѣна? говорите и я заплачу, сказалъ Певерилъ сухо и отрывисто.

Три золотыя монеты за кавалерскую квартиру, отвѣчалъ адскій владыко.

Вотъ вамъ пять и помѣстите меня съ Сиромъ Жеофреемъ, сказалъ Певериль, бросая деньги на столъ.

Съ Сиромъ Жеофреемъ! Хемъ! хемъ! подхватилъ тюремщикъ, какъ будто размышляя, что ему дѣлать . . . Ага! съ Сиромъ Жеофреемъ! . . вы не первый платите за его деньги, хотя вы всѣхъ щедрѣе; но вѣроятно вы послѣдній его увидите . . . ха, ха, ха!

Юліанъ не понялъ этой замысловатой рѣчи, которая кончилась громкимъ смѣхомъ, подобнымъ радостному рыканію тигра, пожирающаго свою добычу, и повторилъ свое требованіе.

Хорошо, хорошо, отвѣчалъ главный тюремщикъ, я сдержу свое слово; притомъ бьюсь объ закладъ, что дѣло ваше должно быть чистое. Какое нибудь нечаянное убійство и больше ничего: это вздоръ. Вотъ если Папизмъ . . . тутъ ни за что не ручаюсь. Гей, Жемъ-Клинкъ! отведи его милость.

Помощникъ тюремщика или приставъ взялъ ключи, желѣзы и молча пошелъ съ Певерилемъ; они опять проходили длинными корридорами, но уже другими, хотя также съ частыми дверями на обѣ стороны, покуда достигли комнаты Сира Жеофрея.

Дорогой, вожатый Юліана, разсуждая, что онъ могъ бы имѣть лучшую комнату за половинную цѣну, а платитъ двойную за конуру, рѣшительно призналъ его су-

маспедшимъ: — Да Сиръ Жеофрей намъ родня, что ли? осмѣлюсь спросить, хе! хе! хе!

Я сынъ его, отвѣчалъ Певериль сердито, надѣясь такимъ отвѣтомъ зажать ротъ болтуну; но приставъ принялся еще болѣе смѣяться!

Вы его сынъ? вскричалъ онъ. Хороша сказка! Вы девяти-вершковой молодчина, сынъ Сира Жеофрея!.... хе, хе, хе!

Удержись отъ дерзостей, отвѣчалъ Юліанъ; мое положеніе не даетъ тебѣ права оскорблять меня.

Я и не думалъ о томъ, продолжалъ приставъ, удерживаясь отъ смѣха, ибо вспомнилъ, что въ кошелькѣ Юліана денегъ осталось довольно; я смѣялся только тому, что вы назвались сыномъ Сира Жеофрея. Впрочемъ это не мое дѣло! Умное дитя, коли знаетъ, кто его отецъ . . . Но вотъ комната Сира Жеофрея; улаживайте родственныя дѣла свои. При сихъ словахъ онъ отперъ дверь и впустилъ Юліана въ небольшую, но довольно опрятную комнату, гдѣ стояли четыре стула, столъ и кровать.

Юліанъ искалъ глазами отца и къ удивленію — не находилъ никого. Онъ оборотился къ провожатому и упрекалъ его съ гнѣвомъ въ обманѣ.

Нѣтъ, милостивый государь, отвѣчалъ Приставъ, я не обманулъ васъ. Батюшка вашъ, какъ вы сами называете, притаился гдѣ нибудь въ уголку: ему надо немного мѣста; но я его подниму. Гей, гей, Сиръ Жеофрей! покажитесь ...., ну, вотъ

онъ! . . , хе, хе, хе! — Сынокъ къ вамъ пришелъ! По крайней мѣрѣ сынъ вашей жены, хоть, можетъ, вы невиноваты ни душой, ни тѣломъ! . . . .

Певериль не зналъ, что подумать о такихъ дерзостяхъ. Изумленіе, досада, опасеніе какой нибудь ошибки оковали его гнѣвъ. Онъ опять сталъ оглядывать комнату и увидѣлъ въ одномъ углу что-то, похожее больше на свертокъ кармазиннаго сукна, нѣжели на существо живое. При возваніи пристава это существо ожило, начало двигаться мало по малу и наконецъ, выпрямясь, принявъ гордую осанку, явилось глазамъ Певериля шестилѣтнимъ дитятею, съ ногъ до головы завернутымъ въ лоскутъ краснаго сукна, еслибъ твердый голосъ этаго уродца, хотя нѣсколько визгливый, не удостовѣрилъ Юліана въ противномъ.

Тюремный приставъ! заговорило чудное творенице, что это значитъ? Кто смѣетъ меня безпокоить? Не изливаетъ ли на главу мою злобствующая фортуна новыхъ оскорбленій? Но душа моя довольно имѣетъ силъ противоборствовать несчастіямъ. Она выше вашего роста.

Сиръ Жеофрей! отвѣчалъ приставъ, вы люди знатные, сами знаете, что надо дѣлать; но если вы такъ принимаете своего сына? . . . .

Моего сына! повторилъ пигмей; кто этотъ дерзновенный? . . . .

Тутъ должна быть ошибка! вскричалъ Певериль. Я хотѣлъ видѣть Сира Жеофрея.

Онъ предъ вами, молодой человѣкъ, подхватилъ карло, сбрасывая мантію и являясь во всемъ величіи полутора-аршиннаго роста. Я былъ любимцемъ трехъ Королей Англіи и теперь — житель этаго погреба, игрушка звѣрскаго тюремщика: я Сиръ Жеофрей Гудзонъ.

Хотя Юліанъ никогда не видывалъ этой чудной особы, но по разсказамъ сей часъ узналъ въ немъ знаменитаго карлу, который, переживъ убіеніе Короля, изгнаніе Королевы и всѣ мятежи и междоусобныя войны, наконецъ попалъ въ тюрьму, по мнимому заговору Папистовъ. Юліанъ привѣтствовалъ несчастнаго старичка и поспѣшилъ объяснить ему и приставу, что онъ желалъ занимать одну комнату съ Сиромъ Жеофреемъ Певерилемъ, изъ Графства Дерби.

Это бы надо сказать прежде, не теряя по пустому золотаго пороху, почтенный господинъ! возразилъ приставъ: тогда бы вы и узнали, что другой Сиръ Жеофрей, сѣдой и высокой, вчера еще вечеромъ отправленъ въ Башню (*). Впрочемъ, этаго видѣть любопытнѣе.

Я прошу тебя, сказалъ Певериль, сходя къ своему главному тюремщику; объ-

(*) Башнею назывался тюремный замокъ государственныхъ преступниковъ.

ясни ему ошибку и скажи, что я желаю — шакже отправиться въ башню.

Въ Башню? вскричалъ приставъ. Е! е! е! Башня для Лордовъ и Кавалеровъ, а не для простыхъ дворянъ. Туда не льзя попасть за какое нибудь уличное убійство; а надобно провиниться въ измѣнѣ, или заговорѣ, да и то сажаютъ по предписанію Государственнаго Секретаря.

По крайней мѣрѣ я не хочу быть въ тягость, сказалъ Юліанъ, этому господину. Мы незнакомы, и намъ не для чего оставаться вмѣстѣ. Поди и скажи главному тюремщику объ этой ошибкѣ.

Я сходилъ бы, если бы не былъ увѣренъ, отвѣчалъ Клинкъ съ лукавою усмѣшкою, что онъ знаетъ это не хуже васъ. Вы заплатили за помѣщеніе васъ вмѣстѣ съ Сиромъ Жеофреемъ, ну вотъ вы и вмѣстѣ. Мой начальникъ внесъ имя ваше въ реэстръ и ни для кого въ свѣтѣ этаго не перемѣнитъ. — Ну, будьте же разсудительны; я закую васъ въ самыя легкія и покойныя желѣзы.

Всякое убѣжденіе и сопротивленія были безполезны. Певериль покорился необходимости; его сковали по ногамъ, но такъ, что желѣзы не мѣшали ему ходить по комнатѣ.

Въ это время онъ успѣлъ размыслить, что главный тюремщикъ воспользовался сходствомъ именъ и что онъ точно зналъ, какъ Клинкъ и замѣтилъ, изъ предписанія

судьи объ имени Певериля: низко и безполезно было вновь говоришь объ этомъ.

Молодость, прекрасная наружность, терпѣніе и покорность Юліана разжалобили пристава.

Вы, славный молодецъ, сказалъ онъ, и я доставлю вамъ столъ и постель лучшія, какія только есть въ Невгатѣ. Вы же Сиръ Жеофрей не любите людей большаго роста, а потому должны принять участіе въ этомъ господинѣ. Онъ прокололь насквозь брюхо на поединкѣ Жану-Женкелю, самому рослому дѣтинѣ изъ всего Лондона, кромѣ однако Г-на Евана, Королевскаго привратника, который, какъ всѣмъ извѣстно, нашивалъ васъ въ карманѣ.

Убирайся негодяй! крикнулъ карликъ; я презираю тебя и слова твои.

Приставъ пошелъ улыбаясь, но не забылъ запереть двери двумя замками.

ГЛАВА VII.

Оставшись, хотя не одинъ, но по крайней мѣрѣ въ покоѣ въ первый разъ въ продолженіи дня, столь обильнаго приключеніями, Юліанъ сѣлъ на дубовый стулъ у камина, въ которомъ догорали еще уголья, и предался размышленіямъ о своемъ бѣдственномъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ грозили ему опасности и несчастія. Любовникъ, сынъ, другъ — все страдали въ немъ. Участь его уподоблялась кораблю во время бури, посреди подводныхъ камней и мѣлей, безъ мачтъ и безъ кормила.

Между тѣмъ, какъ Певериль невольно предавался отчаянію, его товарищь сѣлъ на противоположной стулъ у камина, и поглядывая на него важно и торжественно, обратилъ на себя вниманіе Юліана.

Жеофрей Гудзонъ (мы не станемъ величать его *Сиромъ*; это названіе придавали ему за рыцарское достоинство, въ которое возвелъ его Король для шутки: оно бы спутывало нашу исторію), Жеофрей, хотя былъ самый малорослый *карло*, не имѣлъ однако ни чего въ себѣ противнаго. Огромная голова, длинныя руки, коротКой и широкой станъ, были, правда, весьма не соразмѣрны съ его ростомъ, но вся фигура была забавна, а неотвратительна. Даже теперь, въ старости, черты его лица были живы и значительны и одно уродство тѣла сообщало ему странное и смѣшное выраженіе, чему много способствовали длинные усы, висящіе почти до плечь.

Одежда этаго маленькаго чудака показывала общую причудливость людей безобразныхъ, то есть онъ любилъ щегольство, яркіе цвѣта и покрой платья — какого ни кто не носитъ. Его позументы, шитье кафтана, остатки пышности, были изношены и затасканы долговременнымъ пребываніемъ въ тюрьмѣ за мнимое участіе въ мнимомъ заговорѣ. Это было повѣтріе того времени. Мы скоро увидимъ, что въ мысляхъ и словахъ етаго бѣдняка существовало сходство съ его нарядомъ. Какъ странная смѣсь и безвкусіе дѣлали смѣшными на

немъ и шелкъ бархатъ, также были смѣшны и высокія чувства, и свѣтлыя мысли, надуто сказанныя уродливымъ человѣчкомъ.

Нѣсколько времени товарищи смотрѣли другъ на друга молча; наконецъ нашъ пигмей, будучи старшимъ и хозяиномъ, счелъ за должную учтивость привѣтствовать гостя.

Государь мой! началъ онъ, умягчая свой грубый и рѣзкой голосъ, я вижу теперь, что вы сынъ моего однофамильца и стариннаго друга, храбраго Сира Жеофрея Певериля де Пика. Я видѣлъ вашего отца тамъ, гдѣ онъ раздавалъ болѣе ударовъ, чѣмъ денегъ, и не смотря на порокъ большаго роста, который лишаетъ проворства и ловкости, какъ думаемъ мы, опытные воины, вашъ отецъ дѣйствовалъ славно. Я весьма радъ, что случай познакомилъ насъ.

Юліанъ отблагодарилъ поклономъ; но Жеофрей, развязавъ языкъ, продолжалъ уже разспрашивать безъ околичностей.

Вы служите при дворѣ, я думаю? — Юліанъ отвѣчалъ отрицательно.

Я не повѣрилъ бы этому. Хотя теперь не состою въ дѣйствительной службѣ при Государѣ, но я провелъ свою молодость при дворѣ и занималъ тамъ важное мѣсто, чего желаю и вамъ. Безъ лести скажу, Господинъ Певериль, вы имѣете необыкновенную наружность; жаль, что будете слишкомъ высоки, какъ и батюшка. Увидя однажды, кажется, никогда уже не льзя забыть васъ.

Юліанъ подумалъ, что всего приличнѣе обратить къ нему самому эту учтивость, но отвѣчалъ коротко, что почти не знаетъ Англійскаго двора.

Тѣмъ хуже. Молодому человѣку трудно образоваться, не бывая часто у двора. По крайней мѣрѣ вы служите со шпагою?

Нѣтъ, я не удостоился еще этой чести. Какъ? ни придворный, ни воинъ? Вотъ хорошо. Вашъ батюшка, Господинъ Певериль, очень виноватъ. Да гдѣ же молодой человѣкъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, отличиться, какъ не въ службѣ? Я въ ваши годы былъ уже всѣмъ извѣстенъ моею шпагою. — Гдѣ же вы воспитывались, молодой человѣкъ?

Въ домѣ Графини Дерби.

Препочтенная женщина, ручаюсь моимъ дворянскимъ словомъ. Я зналъ Графиню, когда еще служилъ при Августѣйшей повелительницѣ моей Генріетѣ Маріи. Графиня была образецъ ума, образованности и любезности. Она была одною изъ пятнадцати придворныхъ красавицъ, которымъ я позволялъ называть себя: *пиколомини* (*): это глупая шутка надъ моимъ малымъ ростомъ, коимъ отличался я и въ молодости отъ людей обыкновенныхъ. Женщины всегда любили шутить надо мною; но служить имъ усердно и покоряться ихъ причудамъ, иногда и слишкомъ своеволь-

---

(*) Малютка.

нымъ, было и будетъ свойствомъ благовоспитаннаго дворянина.

Какъ ни былъ огорченъ Певериль, но едва могъ удержаться отъ улыбки, глядя на этого пигмея, который начиналъ добродушно разсказывать свои старинныя похожденія, выдавая себя образцемъ любезности и храбрости, хотя любовь и оружіе всего менѣе шли къ нему. Между тѣмъ Юліанъ, никакъ не желая огорчить новаго своего товарища, весьма учтиво отвѣчалъ ему, что безъ сомнѣнія человѣку, воспитанному при дворахъ и на поляхъ сраженій, какъ на примѣръ Сиру Жеофрею Гудзону, всѣхъ лучше извѣстно, какія вольности можно позволить и какія нѣтъ.

Маленькой рыцарь съ необыкновенною живостію спрыгнулъ со стула и съ большими хлопотами принялся тащить его поближе къ Певерилю, въ знакъ возрастающей дружбы. Окончивъ труды свои, тотчасъ началъ говорить слѣдующее:

Вы правы, Г. Певериль, и я доказалъ это. Да, государь мой, моя Августѣйшая повелительница Генріета Марія всегда находила во мнѣ вѣрнаго исполнителя ея воли: въ войнѣ и мирѣ, на полѣ битвы и на праздникѣ. По особенной просьбѣ Ея Величества, я согласился даже одинъ разъ (вы знаете, государь мой, какъ странны бываютъ женскія прихоти), согласился пробыть нѣсколько времени въ пирогѣ.

Въ пирогѣ! воскликнулъ Юліанъ съ удивленіемъ.

Да, государь мой, я надѣюсь, вы не находите ничего смѣшнаго въ моемъ снисхожденіи?

Нѣтъ, Сиръ Жеофрей; увѣряю васъ, что я теперь совсѣмъ не расположенъ смѣяться.

И я также, когда былъ заключенъ въ пирогѣ, хотя столь огромномъ, что могъ въ немъ протянуться. — Корка его обхватила меня, какъ гробъ, а сверху наложили такую большую сдобную лепешку, что на ней уписалась бы эпитафія какому нибудь Генералу или Архіепископу. Хотя были взяты предосторожности, чтобъ я не задохнулся, но по чести, государь мой, я походилъ на живаго въ могилѣ.

Очень вѣрю.

Надобно прибавить, государь мой, что весьма немногіе знали тайну; эту шутку выдумала Королева для собственнаго удовольствія, а для нее я согласился бы влѣзть въ орѣховую скорлупу, еслибъ могъ только умѣститься. Посудите, какимъ опасностямъ я подвергался: слуги могли уронить меня нечаянно; какой нибудь обжора могъ проткнуть меня ножемъ, и хотя мое оружіе было со мною (замѣтьте, молодой человѣкъ, что я не разставался съ нимъ въ опасныхъ случаяхъ) и я могъ немедленно наказать дерзскаго, но не могъ предупредить такого несчастія.

Вы совершенно правы, отвѣчалъ Юліанъ, начавшій бояться, что маленькой бол-

шунъ надоѣстъ ему ужасно и сдѣлаетъ положеніе его еще тягостнѣйшимъ.

О, о! вскричалъ карликъ, это еще не все. Лорду Букингаму, отцу теперешняго Герцога (онъ былъ въ большой милости при дворѣ) вздумалось весьма не кстати, что горячій пирогъ будетъ вкуснѣе, и онъ предложилъ подогрѣть меня въ печкѣ.

И такое предложеніе не смутило твердой души вашей?

Молодой человѣкъ! я не скрою отъ васъ: натура имѣетъ свои права, и храбрѣйшій изъ смертныхъ долженъ признать ихъ. Мнѣ пришла въ голову огненная пещь Навуходоносора, и казалось, пламя уже начинало палить меня: благодаря Бога, я вспомнилъ Королеву, рыцарскую обязанность и укрѣпился. Лордъ Букингамъ пошелъ самъ въ кухню (если это съ намѣреніемъ, да проститъ ему Небо) и требовалъ, чтобъ поваръ посадилъ пирогъ въ печь, хотя на пять минутъ; но по счастію этотъ славный малой, участвовалъ въ нашей тайнѣ; онъ смѣло и рѣшительно не согласился, и меня поставили снова здравымъ и невредимымъ на столъ Королевской. Наконецъ наступила славная минута моего освобожденія: верхнюю корку взрѣзали, и я, при громѣ трубъ и роговъ возсталъ изъ пирога, подобно герою, призванному на судъ страшный. Тогда, со щитомъ въ рукѣ и съ мечемъ въ другой, я началъ воинственную пляску, въ которой считался первымъ мастеромъ, представляя всѣ виды нападеній и защище-

ній съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что мущины меня оглушили рукоплесканіями, а женщины вымочили, опрыскивая разными благовоніями. Продолжая мой Пиррическій танецъ, я имѣлъ случай отмстить и Лорду Букингаму: я такъ близко махнулъ ему подъ насъ мечемъ, какъ цырюльникъ бритвою, и Лордъ откачнулся назадъ вершка на два. Кромѣ меня, тогда никто не осмѣлился бы съ нимъ этаго сдѣлать. Благосклонные взоры и улыбки красавицъ были моею наградою. Но, увы, государь мой, молодость, забавы, шалости, шумъ и блескъ такъ мгновенны, какъ трескучій огонекъ сухаго хвороста, подогрѣвающій кострюльку. . . .

Боже мой! думалъ Певериль, этотъ человѣкъ желаетъ помолодѣть, чтобъ снова служить начинкою пирога!

Товарищъ его, у котораго языкъ давно скучалъ бездѣйствіемъ, рѣшился вознаградить свою потерю и далъ полную волю своему краснорѣчію.

Между тѣмъ, продолжалъ Жеофрей Гудзонъ, чѣмъ болѣе отличія и славы, тѣмъ болѣе зависти, вѣроломства и гоненій. Сколько вытерпѣлъ я насмѣшекъ надъ моимъ ростомъ даже отъ людей, впрочемъ весьма почтенныхъ, которымъ въ голову не приходило, что одна рука создала и Драфу и Песочника, что кусочекъ Алмаза дороже въ десять тысячь разъ граниттнаго утеса! . . . Хотя большая часть насмѣшекъ происходила изъ одного удо-

вольствія потупить, хотя приличіе и обязанность заставляли меня сносить ихъ; но наконецъ нашлись люди, которыхъ все превосходство предо мною состояло въ высокомъ ростѣ, которые позволяли себѣ тѣ же шутки и которымъ я не могъ, не долженъ былъ спускать. Провидѣнію было угодно, чтобъ самый этотъ праздникъ (я считаю его славнѣйшею эпохою въ моей жизни) былъ причиною плачевнаго происшествія, почитаемаго мною однимъ изъ первыхъ несчастій.

Карликъ замолчалъ на минуту, тяжело вздохнулъ и продолжалъ возвышеннымъ тономъ, приличнымъ предмету печальному.

Вы конечно и не подозрѣваете молодой человѣкъ, чтобъ случай, сей часъ мною разсказанный, этотъ прелестно выдуманный и превосходно исполненный маскерадъ, могъ подать поводъ къ злорѣчію и насмѣшкамъ? Но случилось именно такъ. Весь дворъ сталъ мнѣ завидовать и со всѣхъ сторонъ сыпались плоскія шутки, глупыя сравненія и намѣки. *Пирогъ съ гусемъ и гробъ изъ сдобнаго тѣста* у всѣхъ были на языкѣ. Я рѣшился прекратить сіи пошлыя остроты. Тогда служилъ при дворѣ одинъ молодой человѣкъ, сынъ Кавалера и Баронета, всѣми уважаемый и короткій мнѣ пріятель; отъ него всего менѣе ожидалъ я оскорбительной шутки. Однажды вечеромъ встрѣтились мы въ переднихъ комнатахъ дворца; надобно замѣтить, что пріятель мой выпилъ лишнее; онъ сей часъ началъ язы-

вительно смѣяться надо мною; я съ хладнокровіемъ, но важностію и твердостію просилъ его перемѣнить разговоръ. Ни шутьто было; онъ удвоилъ свои ругательныя шутки, и я вызвалъ его на дуэль. Любя молодаго человѣка и желая только проучить его, я предлагалъ биться на шпагахъ; дѣло бы кончилось двумя или тремя ранами, но онъ выбралъ пистолеты. Въ условленный часъ мы пріѣхали на назначенное мѣсто; но противникъ мой, вмѣсто оружія, вынулъ ребячью игрушку, которою брызжутъ воду . . . Я право забылъ, какъ она называется . . . . это родъ маленькаго ручнаго насоса . . . . Брызгальцо, сказалъ Певериль. Онъ начиналъ припоминать эту исторію, слышанную имъ прежде.

Точно такъ, государь мой. Такое презрѣніе разсердило меня; я наговорилъ ему много оскорбительнаго и принудилъ взять настоящее оружіе. Мы сѣли на лошадей, стали въ назначенномъ разстояніи, по данному знаку начали сближаться, и какъ я не даю никогда промаха, то имѣлъ несчастіе первымъ выстрѣломъ убить почтеннаго Г. Крофта. Не желаю лютому врагу моему испытать половину того мученія, которое я почувствовалъ, увидя, какъ этотъ несчастный молодой человѣкъ зашатался на сѣдлѣ, упалъ и облилъ горячею кровью хладную землю. Небомъ свидѣтельствуюсь, что я желалъ своею жизнію воскресить его! Такъ погибъ юноша храбрый, благородный, съ блиста-

шельными надеждами, погибъ жертвою — язвительнаго остроумія и лехкомыслія. Но, увы! что было мнѣ дѣлать! Честь необходима для жизни какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ, и тотъ не живетъ, кто носитъ на себѣ малѣйшее пятно безславія.

Чувствительность, благородство, которыя одушевляли разсказъ второй половины исторіи Героя - карлика, внушили Юліану лучшее мнѣніе объ его сердцѣ и умѣ. — Онъ истинно того стоилъ. Печальная судьба Крофта и другіе храбрые подвиги нашего пигмея, во время междоусобной войны, въ продолженіе которой онъ командовалъ отрядомъ конницы, заставили и тогда придворныхъ господъ шутить поосторожнѣе.

Въ часъ по полудни приставъ, вѣрный своему обѣщанію, принесъ обоимъ заключеннымъ изрядный обѣдъ и бутылку добраго, но слабаго вина. Старикъ Жеофрей, любившій прежде весело пожить, замѣтилъ, что величина бутылки выбрана по его росту. Когда ее опорожнили и обѣдъ кончился, Гудзонъ прочелъ по латинѣ длинную молитву и разговоръ продолжался о предметахъ важнѣйшихъ.

Маленькой болтунъ сначала распространился о политикѣ и вѣрѣ, потомъ сбился въ Мистицизмъ: онъ говорилъ о тайныхъ вдохновеніяхъ, о предчуствіяхъ и предсказаніяхъ, о явленіи духовъ, о тайнахъ Шотландской ложи, о чернокнижіи и волшебствѣ.

Безумолкное вранье напугало Певериля, и онъ рѣшился улечься спать особо и подалѣе отъ своего товарища. Старикъ не уставалъ. Передъ сномъ прочелъ опять молитву по латинѣ (онъ былъ Католикъ), и раздѣваясь, началъ новую исторію, которая прервалась сномъ, сомкнувшимъ въ одно время его глаза и ротъ. Юліанъ заснулъ прежде.

С. Л.

СМѢСЬ.

Анекдотъ о Байронѣ (отрывокъ изъ путешествія).

Безвѣріе, предполагаемое въ Байронѣ, наиболѣе огорчало истинныхъ друзей его славы. Изо всего, что открыто намъ послѣ его смерти, должно заключить, что душа его чувствовала по крайней мѣрѣ великую нужду въ вѣрѣ. Когда человѣкъ являлся посредникомъ между небомъ и имъ, Байронъ обнаруживалъ одни сомнѣнія, и по странному своенравію гордости показывалъ надмѣнное пренебреженіе къ вѣрѣ во вліяніе свѣтилъ, тогда какъ съ друзьями своими онъ признавался въ этой слабости, такъ называлъ онъ её, и старался оправдываться примѣромъ великихъ людей, бывшихъ столь же суевѣрными, какъ и онъ. — Извѣстно, что онъ всегда носилъ на груди драгоцѣнную вещь, привязанную на ленточкѣ. Капитанъ Медвинъ полагаетъ, что это былъ портретъ той, которая внушила ему первую любовь; а ученый Г. Гаммеръ утверждаетъ, что это былъ восточный талисманъ.

Слѣдующій анекдотъ заставляетъ меня думать, что этотъ талисманъ могъ принадлежать къ числу святынь Христіанской вѣры.

Во время пребыванія своего въ Аѳинахъ въ монастырѣ Францисканскомъ, Лордъ Байронъ возбудилъ живое участіе къ себѣ въ одномъ монахѣ, по имени отцѣ Бернардѣ. Когда Греція, въ отвѣтъ на великодушный вызовъ Байрона, пригласила его къ защитѣ свободы ея, тогда, покидая нѣгу Италіи и готовый въ путь, онъ сказалъ друзьямъ своимъ:

— Странное дѣло . . . . Отецъ Бернардъ, вручая мнѣ распятіе, сказалъ пророческимъ голосомъ: вы будете защитникомъ Христіанъ, вы опять пріѣдете въ Грецію на помощь вѣрнымъ . . . . Но и

литенъ буду удовольствія еще разъ увидѣться съ вами . . . Я боюсь, что вы не доѣдете до Аѳинъ. — Тутъ Лордъ Байронъ впалъ въ глубокое размышленіе, котораго ни кто не смѣлъ нарушить: знали, что онъ не рѣдко душою уединялся, когда мысль важная или печальная поражала его, даже посреди разговора. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ присовокупилъ сіи замѣчательныя слова: съ трудомъ повѣрятъ, что я ни въ какомъ случаѣ не разставался съ этимъ крестомъ. Я ни какъ не хотѣлъ отдать его ни матери моей, ни сестрѣ, не смотря на убѣдительныя прозьбы ихъ по возвращеніи моемъ въ Англію: Францисканской Игуменъ, живущій въ Діогеновой башнѣ въ Аѳинахъ, подарилъ мнѣ его на память. Этотъ почтенный монахъ очень меня любилъ. „Вы не должны забывать меня, сказалъ онъ мнѣ, разставаясь; выберите изъ небольшаго количества вещей, которыми я владѣю, то, что вамъ понравится, и храните въ воспоминаніе отца Бернарда.“ — Я коснулся рукою до распятія, которое висѣло у него на груди, и спросилъ: можетъ ли онъ мнѣ его дать. Добрый Игуменъ такъ обрадовался моему выбору, что слезы навернулись у него на глазахъ. Этотъ человѣкъ былъ искрененъ въ вѣрѣ своей. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ этимъ распятіемъ. Скажу вамъ даже, что однажды я былъ встревоженъ, думая, что потерялъ его . . . . . . Но вотъ, пророчество отца Бернарда должно исполниться: я ѣду въ Грецію. — Послѣ смерти Лорда Байрона распятіе было найдено въ бумажникѣ подлѣ его кровати. Принцъ Маврокордато отослалъ его наслѣдникамъ поэта. Теперь оно въ рукахъ Г. Гобгоуза.

МАТА-МАТА ЧЕ-ЛАУТЪ.

(Извлеч. изъ Anderson's Gesandschaftsreise nach der östlichen Küste von Sumatra. Aus dem englisch.)

На возвратномъ пути присоединилась къ намъ Мата-Мата Че-лаутъ, необыкновенная и странная старуха, которая въ обращеніи своемъ имѣла болѣе мужескаго, нежели женскаго. Она очень понятлива, и разсказывала намъ много любопытнаго о своемъ краѣ и о различныхъ приморскихъ мѣстахъ, по большей части посѣщенныхъ ею. Увидѣвъ у меня Новый Завѣтъ на языкѣ Малайскомъ (котораго я имѣлъ при себѣ достаточное число экземпляровъ для раздачи), стала просить оный, говоря, что будетъ изучать его. Я исполнилъ ея желаніе. Она говоритъ на многихъ языкахъ: на Китайскомъ, Сіамскомъ, Чулія и Бенгальскомъ, и однажды нарочно предприняла путешествіе въ Очинъ (*), чтобы только выучиться языку той страны; впрочемъ она любитъ путешествовать, занимается исторіею и стихотворствомъ; даже тогда, когда она сидѣла у насъ въ лодкѣ, то произносила безъ приготовленія стихи на каждый задаваемый ей предметъ съ такою быстротою, какъ только можно было успѣвать ихъ писать. Она умѣетъ назвать по имени каждую рѣку и почти каждаго владѣльца Палембанга, на восточномъ берегу, до Сузы, что на западномъ берегу Суматры. Память ея чрезвычайно тверда, и она отвѣчаетъ на всѣ вопросы, до чего бы оные ни касались, съ удивительною легкостью. Наружность ея не весьма привлекательна: она высока и худощава, имѣетъ длинныя, отвислыя уши, которыхъ отверстіе величиною съ Испанскій талеръ. Одежда ея обыкновенно состоитъ

(*) На сѣверный берегъ Суматры.

изъ длиннаго, краснаго шелковаго башму (или камзола), длинныхъ, широкихъ шароваръ и шахматнаго саронга (или сюртука), падающаго до колѣнъ; поверхъ него опоясываетъ она салиндангъ (или шарфъ) изъ бумажной матеріи, ей самою окрашенной, и надѣваетъ зеленый корсетъ съ красною бахрамою, которую она накидываетъ на плеча, если намѣрена куда идти.

ФУТТИХЪ АЛИ ХАНЪ.

(Извлечен. изъ I. B. Fraser's Reise nach Khorassan aus dem englisch.)

На другой день посѣтили мы Футтихъ Али Хана, Шаха или Малекъ аль Шара — придворнаго поэта. Сей достопримѣчательный, уже пожилыхъ лѣтъ, человѣкъ, родомъ изъ одной древней фамиліи, которой члены нѣсколько поколѣній сряду были правителями Кашана, одаренъ удивительнымъ геніемъ, имѣетъ весьма живое воображеніе и довольно образованный вкусъ. Онъ сверхъ того пріобрѣлъ много свѣдѣній въ Механикѣ, къ которой онъ пристрастенъ, сдѣлалъ много сложныхъ машинъ своего собственнаго изобрѣтенія и даже по однѣмъ гравированнымъ картинкамъ, приложеннымъ къ Англійской Энциклопедіи, устроилъ книгопечатню. Его нравъ весьма кротокъ и пріятенъ; но онъ имѣетъ духъ, болѣе наклонный къ независимости, и большая часть изъ его сатиръ написаны ѣдко и остро. Бесѣда его очень занимательна, и онъ такъ словоохотенъ, что иногда даже бываетъ отъ того въ тягость. Его мнѣнія вообще свободны отъ предразсудковъ, исключая религіозныхъ предметовъ — о сихъ послѣднихъ думаетъ онъ какъ святоша. Какъ всѣ Персы, онъ гордъ собственнымъ

достоинствомъ; но, подобно имъ, не презираетъ отъ этаго другихъ, — большой почитатель Европы — охотно расположенъ ко всему, что только оттолѣ ни доходитъ, и вообще есть одинъ изъ образованнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ людей всего Двора. Въ Персіи онъ почитается величайшимъ изъ современныхъ знатоковъ своего отечественнаго языка и энциклопедическія его познанія значительны. Соотечественники ставятъ стихи его въ слѣдъ за стихами Фирдусса; нѣкоторые даже считаютъ ихъ и выше; а плодовитость его изобрѣтенія идетъ ровнымъ шагомъ съ его стихотворческимъ даромъ: онъ сочинилъ, кромѣ большаго числа мѣлкихъ стихотвореній, около 160,000 строфъ, по большей части къ прославленію подвиговъ нынѣ царствующаго Шаха. Сверхъ того, онъ же исторіографъ и придворный Поэтъ, и находится въ большой милости у Монарха, равно какъ и у Принцевъ; но при всемъ томъ не принимаетъ даже и малѣйшаго участія въ дѣлахъ общественныхъ и не занимается политикою.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 6 Февраля, 1829.

Ценсоръ Владиміръ Измайловъ.

